Выражаю мою глубокую благодарность тѣмъ изслѣдователямъ, которые, — иногда даже не будучи лично знакомы со мною, — помогли мнѣ доставкою матеріала. Я никогда не забуду ихъ услугъ. Ничто не мѣшаетъ мнѣ, я полагаю, назвать здѣсь по имени Н. А. Рубакина, съ любезностью, поистинѣ безпредѣльной, предоставившаго въ мое полное распоряженіе свою богатѣйшую библіотеку.

Г. Плехановъ.

Оглавленіе I тома.

Стр.

Предисловіе 1

ЧАСТЬ I.

Введеніе: Очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.

ГЛАВА I. Взглядъ Н. П. Павлова-Сильванскаго на этотъ вопросъ 8

ГЛАВА II. Взглядъ В. О. Ключевскаго на роль экономическаго и политическаго моментовъ въ исторіи Руси.—Критика этого взгляда 11

ГЛАВА III. Критика взгляда В. О. Ключевскаго 14

ГЛАВА IV. Критика взгляда В. О. Ключевскаго. (Окончаніе.) 19

ГЛАВА V. Взглядъ С. М. Соловьева на роль завоеванія и на значеніе географической среды въ русской исторіи.—Нѣкоторыя методологическія соображенія этого историка 22

ГЛАВА VI. Критика взгляда С. М. Соловьева на роль дерева въ исторіи Руси и роль камня въ исторіи Западной Европы . . 27

ГЛАВА VII. Правильная сторона взгляда С. М. Соловьева на роль географической среды въ исторіи русскаго общественнаго развитія 32

ГЛАВА VIII. Производительная дѣятельность юго-западной Руси въ теченіе Кіевскаго періода.—Критика взгляда В. А. Кельтуялы 36

ГЛАВА IX. Натискъ кочевниковъ на земледѣльческое населеніе Руси Кіевскаго періода.—Экономическія, соціальныя и политическія послѣдствія этого натиска . 42

ГЛАВА X. Сосѣдство съ кочевниками, какъ источникъ многихъ „европейскихъ недочетовъ въ русской исторической жизни“.—Передвиженіе центра тяжести русской исторіи на сѣверо-востокъ.—Соціальная причина антагонизма между юго-западной и сѣверо-восточной частями русской земли 51

ГЛАВА XI. Хозяйственная дѣятельность сѣверо-восточной Руси 55

ГЛАВА XII. Общественныя условія производства въ этой части русской земли . . 60

ГЛАВА XIII. Чью землю обрабатывали тамъ земледѣльцы? 66

ГЛАВА XIV. Крестьянинъ сѣверо-восточной Руси въ своемъ отношеніи къ государству.—Параллель съ деспотіями Востока 70

Стр.

ГЛАВА XV. Усиленіе центральной власти подъ вліяніемъ условій сельскохозяйственной дѣятельности въ сѣверо-восточной Руси. 72

ГЛАВА XVI. Служилое сословіе, духовенство и центральная власть въ сѣверо-восточной Руси 75

ГЛАВА XVII. Хозяйственныя причины слабости служилаго сословія въ его отношеніи къ центральной власти.—Параллель съ Востокомъ 82

ГЛАВА XVIII. Хозяйственныя условія развитія города въ сѣверо-восточной Руси.—Городъ и центральная власть 86

ГЛАВА XIX. Соціально-политическій бытъ московской Руси и его вліяніе на историческій процессъ собиранія русскихъ земель 92

ГЛАВА XX. Возникновеніе казачества.—Роль казацкихъ движеній въ процессѣ развитія русской общественной жизни . . 98

ГЛАВА XXI. Поворотъ къ Западу.—Петровская реформа, ея ближайшія соціально-политическія причины и ея ближайшія соціально-политическія слѣдствія 104

ГЛАВА XXII. Взаимная борьба сословій въ послѣпетровской Россіи.—Политическое значеніе крестьянскаго аполитизма 109

ГЛАВА XXIII. Европеизація Россіи. — Узкіе предѣлы европеизаціи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы 114

ГЛАВА XXIV. Расширеніе этихъ предѣловъ вслѣдствіе толчка, даннаго реформой экономическому развитію Россіи . . . 120

ГЛАВА XXV. Новыя культурныя явленія и новыя политическія стремленія, какъ слѣдствіе новыхъ общественно-экономическихъ отношеній 126

ЧАСТЬ II.

Движеніе общественной мысли въ допетровской Руси.

ГЛАВА I.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти со свѣтской.

Борьба духовной власти со свѣтской на Западѣ.—Ея вліяніе на развитіе западно-европейской общественной мысли.—Западно-европейскіе „монархомахи“.—Взаимное отношеніе духовной и свѣтской властей въ теченіе Кіевскаго періода русской исторіи.—Положеніе церкви въ Московской Руси.—Споръ о монастырскихъ имѣ-

Стр.

ніяхъ.—Компромиссъ между двумя властями.—Общественно-экономическая причина паденія патріарха Никона.—Соборъ 1667 г.—Греческіе „бродяги“ и русское духовенство.—Русская разновидность теоріи двухъ свѣтильниковъ.—Окончательное подчиненіе церкви государству . . . 133

ГЛАВА II.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ боярствомъ.

Служилый человѣкъ І. С. Пересвѣтовъ.—Его отношеніе къ царской власти.—Турецкій деспотизмъ, какъ идеалъ Пересвѣтова.—Жестокость, какъ одно изъ рекомендуемыхъ Пересвѣтовымъ средствъ управленія.—Отношеніе Пересвѣтова къ боярству.—Его взглядъ на „рабство“, какъ на причину ослабленія военной силы государства.—Его взглядъ на „правду“, на вѣру и на задачи внѣшней политики Московскаго государства.—Пересвѣтовъ и Жанъ Бодэнъ,—идеологъ московскаго дворянства и идеологъ французскаго третьяго сословія 150

ГЛАВА III.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ духовенствомъ.

„Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“.—Взглядъ ея автора на верховную власть.—Его убѣжденіе въ невозможности „самовластія“ простыхъ смертныхъ.—Царь и „бояры“.—Взглядъ валаамскихъ чудотворцевъ на царскую „простоту“.—„Простота“ въ управленіи страною.—Монастырскія имѣнія.—Коварство „неногребенныхъ мертвецовъ“.—Доводъ чудотворцевъ отъ „послѣдняго времени“.—Четыре пункта изъ программы.—Отношеніе автора „Бесѣды“ къ монастырскому крестьянству.—„Иное сказаніе тоежъ бесѣды“.—Убѣжденіе его автора въ томъ, что для управленія страною необходимо сочетаніе всѣхъ общественныхъ силъ 168

ГЛАВА IV.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ.

Оборонительная тактика боярства въ борьбѣ съ верховной властью.—Компромиссъ между представителями различныхъ классовъ Московскаго государства въ эпоху подчиненія Ивана IV вліянію „избранной рады“.—Направленіе внутренней политики Ивана IV послѣ уладка вліянія названной „рады“.—М. А. Курбскій, какъ выразитель политическихъ взглядовъ современнаго ему московскаго боярства.—Его полемика съ Иваномъ.—Аргументація опальнаго боярина, какъ доказательство слабости представляемаго имъ общественнаго слоя.—Взглядъ Курбскаго на право отъѣзда и его отношеніе къ русской землѣ.—„Всенародные человѣки“, какъ желательные, съ его точки зрѣнія, совѣтники царя.—Аргументація Ивана IV, своеобразно сочетающая въ себѣ доводы „валаамскихъ чудотворцевъ“ съ доводами Пересвѣтова.—Иванъ IV, какъ теоретикъ восточнаго деспотизма.—Иванъ IV, какъ полемистъ 180

Стр.

ГЛАВА V.

Движеніе общественной мысли въ эпоху Смуты.

Защита неограниченной царской власти московскими служилыми людьми въ ихъ разговорахъ съ поляками.—Политическое значеніе „подкрестной записи“ царя Василія Шуйскаго.—Шуйскій такой же „государь холоповъ“, какъ и его предшественники на тронѣ московскихъ царей.—Общественныя причины застоя политическихъ понятій въ Московскомъ государствѣ временъ Смуты.—Политическое значеніе договора тушинскихъ депутатовъ съ королемъ Сигизмундомъ.—Договоръ съ Сигизмундомъ, какъ доказательство политической неразвитости московской знати.—Побѣда дворянства надъ боярствомъ. 193

ГЛАВА VI.

Общественный бытъ и общественное настроеніе Московской Руси послѣ Смутнаго времени.

Экономическое состояніе московской Руси послѣ Смутнаго времени.—Воспитательное значеніе этого времени.—Общественно-политическій строй московской Руси семнадцатаго вѣка.—Вопросъ объ ограниченіи власти Михаила Романова при его избраніи въ цари.—Закрѣпощеніе трудящейся массы и его вліяніе на настроеніе правящаго сословія.—Земскіе соборы семнадцатаго вѣка.—Отношеніе народнаго представительства къ центральной власти въ семнадцатомъ вѣкѣ.—Вліяніе закрѣпощенія сословія на судьбу народнаго представительства.—Дворянство и бюрократія.—Боярскій замыселъ 1681 г.—Недовольство торгово-промышленнаго сословія и крестьянства.—„Бунташное время“ 208

ГЛАВА VII.

Поворотъ къ Западу.

Слабость, обнаруженная московскою Русью въ ея столкновеніяхъ съ Западомъ.—Первые проблески сознанія источника этой слабости.—Школы въ Москвѣ.—Обращеніе къ грекамъ и южно-руссамъ 244

ГЛАВА VIII.

Первые западники и просвѣтители.

І. Князь И. А. Хворостининъ 262
ІІ. В. А. Ординъ-Нащокинъ 274

ГЛАВА IX.

Первые западники и просвѣтители.

(Продолженіе.)

І. Г. К. Котошихинъ 278
ІІ. Юрій Крижаничъ 286

Иллюстраціи I тома.

Стр.

1. Н. П. Павловъ-Сильванскій 8
2. В. О. Ключевскій 48
3. С. М. Соловьевъ 96
4. Патріархъ Никонъ 144
5. Иванъ IV 192
6. А. Л. Ординъ-Нащокинъ 276

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи русской общественной мысли, я исходилъ изъ того основного положенія историческаго матеріализма, что не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе. Поэтому, я прежде всего обратился къ обзору объективныхъ условій мѣста и времени, опредѣлявшихъ собою ходъ развитія русской общественной жизни. Этому обзору посвящено мое историческое введеніе. Условіями мѣста я называю географическую, а условіями времени — историческую обстановку названнаго процесса. Изученіе географической обстановки,—другими словами, свойствъ географической среды,—казалось мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что наши историки не всегда посвящали ей должное вниманіе, а когда посвящали, то не всегда смотрѣли на нее съ правильной точки зрѣнія. Примѣромъ не вполнѣ удовлетворительной оцѣнки вліянія географической среды на исторію русскаго народа мнѣ послужили соображенія покойнаго С. М. Соловьева о томъ, какъ должна была вліять эта среда на характеръ нашего народа. Я держусь того убѣжденія, что географическая обстановка вліяетъ на характеръ даннаго народа лишь черезъ посредство общественныхъ отношеній, принимающихъ тотъ или другой видъ, въ зависимости отъ того, замедляетъ или ускоряетъ она ростъ производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи даннаго народа. Анализъ географической обстановки русскаго историческаго процесса привелъ меня къ тому заключенію, что подъ ея вліяніемъ ростъ производительныхъ силъ русскаго народа происходилъ очень медленно сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи народовъ Западной Европы. Уже эта сравнительная медленность роста производительныхъ силъ, а стало быть—и всего хода экономическаго развитія, въ значительной степени объясняетъ нѣкоторыя важныя—хотя, конечно, не абсолютныя, какъ думали славянофилы, а только относительныя—особенности нашего общественнаго быта. Въ свою очередь, анализъ исторической обстановки показалъ мнѣ, что она долго усиливала эти обусловленныя географической

средой особенности, такъ что въ теченіе довольно продолжительной эпохи Русь, по характеру своего соціально-политическаго строя, все болѣе и болѣе удалялась отъ Запада и сближалась съ Востокомъ. Это неизбѣжно должно было наложить глубокій отпечатокъ на то, что называется русскимъ народнымъ духомъ. Но та же историческая обстановка положила, наконецъ, предѣлъ этому сближенію Руси съ Востокомъ и принудила ее искать сближенія съ Западомъ. Петровская реформа составила чрезвычайно важную эпоху въ исторіи русской общественной жизни. Ея неизбѣжнымъ, хотя болѣе или менѣе отдаленнымъ, слѣдствіемъ явилась европеизація нашихъ общественно-политическихъ отношеній, правда, и понынѣ еще не совсѣмъ законченная. Само собой понятно, что европеизація русскаго общественнаго бытія не могла не сопровождаться европеизаціей русскаго общественнаго сознанія, то-есть что послѣ реформы наши идеологи учились у западно-европейскихъ. Теперь очень недурно выяснена исторія «западнаго вліянія» въ русской литературѣ. Но я считалъ необходимымъ остановиться на слѣдующей, до сихъ поръ почти незамѣченной особенности названнаго вліянія. Общественно-политическія отношенія передовыхъ странъ Западной Европы, опредѣлившія собою ходъ развитія западно-европейской общественной мысли, конечно, не оставались неизмѣнными съ тѣхъ поръ, какъ «западное вліяніе» стало замѣтнымъ образомъ проникать въ нашу страну. До 1789 года общественное движеніе происходило на Западѣ подъ знаменемъ буржуазіи, которая вела рѣшительную борьбу съ духовной и свѣтской аристократіей. Идеологи западной буржуазіи были тогда передовыми идеологами всего міра. Но послѣ 1789 года буржуазія, вообще говоря, перестала быть революціоннымъ классомъ. Она обнаруживала съ тѣхъ поръ лишь болѣе или менѣе оппозиціонное настроеніе, вызывавшееся реакціонными стремленіями аристократіи. Наконецъ, послѣ 1848—49 гг. она утратила и это настроеніе, усвоивъ себѣ консервативныя или даже реакціонныя наклонности. Разумѣется, эта перемѣна цѣликомъ отразилась и на дѣятельности ея идеологовъ. До Великой французской революціи они были болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе послѣдовательными революціонерами. Событія 1848 г. сдѣлали ихъ болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе послѣдовательными консерваторами или реакціонерами. Однако, русская интеллигенція только въ лицѣ наиболѣе проницательныхъ своихъ представителей отдавала себѣ ясный отчетъ въ этихъ совершившихся на Западѣ перемѣнахъ. Да и наиболѣе проницательные ея представители не всегда со всѣхъ сторонъ выясняли себѣ тѣсную причинную связь перемѣны, происходившей въ идейной области, съ

перемѣной въ области соціально-политической. Сознавая эту связь въ болѣе знакомыхъ имъ областяхъ мысли, они подчасъ какъ будто вовсе не подозрѣвали ея существованія въ областяхъ имъ менѣе извѣстныхъ. Благодаря этому, у насъ часто выходило такъ: идеологи, заимствовавшіе у западныхъ писателей передовыя общественныя теоріи, своимъ появленіемъ знаменовавшія тотъ до крайности важный историческій фактъ, что роль передового класса переходила на Западѣ отъ буржуазіи къ пролетаріату, придерживались въ то же самое время такихъ философскихъ или литературныхъ понятій, которыя знаменовали собою упадокъ буржуазіи, ея отказъ отъ роли передового застрѣльщика въ освободительной борьбѣ. Возьмемъ примѣръ. Усвоивъ себѣ такія соціальныя теоріи, которыя были самыми передовыми западными соціальными теоріями изо всѣхъ ему извѣстныхъ (наиболѣе передовой между ними теоріи Маркса онъ не зналъ), Чернышевскій былъ вполнѣ послѣдователенъ, держась въ философіи ученія Фейербаха, бывшаго наиболѣе передовымъ изо всѣхъ знакомыхъ ему ученій Запада. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ мы уже не видимъ такихъ послѣдовательныхъ мыслителей между передовыми русскими идеологами. Тогда, рядомъ съ передовыми соціальными ученіями Запада у насъ стали распространяться подъ именемъ критицизма такія философскія ученія, успѣхъ которыхъ на Западѣ вызванъ былъ, именно, указаннымъ выше упадкомъ буржуазныхъ идеологій послѣ 1848 года. И съ этихъ поръ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій міросозерцаніе передовыхъ русскихъ писателей,—идеологовъ самаго передового тогда русскаго общественнаго слоя, слоя разночинцевъ,—неизмѣнно страдало электизмомъ, совмѣщая въ себѣ такія совокупности взглядовъ, которыя по самой природѣ своей были несогласимы между собою, такъ какъ служили выраженіемъ діаметрально противоположныхъ и потому совершенно непримиримыхъ между собою общественныхъ теченій. Конечно, это было большимъ минусомъ въ исторіи нашего умственнаго развитія. Чаадаевъ съ горестью восклицалъ когда-то: «лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ безплодные призраки». Это, очевидно, было огромнымъ преувеличеніемъ. Но не менѣе очевидно и то, что въ нашихъ лучшихъ идеяхъ, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко замѣчается недостатокъ «связи или послѣдовательности». Такой недостатокъ не можетъ не раздражать публициста, избавившагося отъ него благодаря той или другой счастливой случайности. Но историкъ обязанъ «не плакать, не смѣяться, а понимать». Онъ долженъ объяснить, откуда произошелъ недостатокъ «связи или послѣдовательности» въ міросозерцаніи многихъ нашихъ болѣе

или менѣе передовыхъ идеологовъ. Я старался по мѣрѣ силъ добросовѣстно выполнить эту обязанность историка. Анализируя ту историческую обстановку, въ которой совершалось умственное движеніе въ средѣ различныхъ классовъ русскаго населенія, я постарался учесть вліяніе на него кризиса, вызваннаго въ исторіи западно-европейской мысли революціоннымъ движеніемъ 1848 года. Мой анализъ привелъ меня къ тому выводу, что нелогичность, нерѣдко проявляемая русскими идеологами, объясняется въ послѣднемъ счетѣ логикой западно-европейскаго общественнаго развитія. Какъ ни парадоксаленъ на первый взглядъ этотъ выводъ, я считаю его совершенно неоспоримымъ. Тѣхъ, которые были бы непріятно удивлены имъ, я попросилъ бы вспомнить, что явленія, представляющіяся намъ парадоксальными, очень нерѣдко получаются въ результатѣ сложныхъ процессовъ какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи.

Еще два слова. Для меня несомнѣнно, что въ моей работѣ найдутся тѣ или иные частные промахи. Errare humanum est. Но я глубоко убѣжденъ какъ въ непоколебимой правильности своего указаннаго выше исходнаго положенія, такъ и въ томъ, что, усвоивъ его себѣ, я долженъ былъ итти въ своемъ изслѣдованіи, именно, тѣмъ путемъ, который только что указанъ здѣсь мною. Логика обязываетъ.

Часть I.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.

Ходъ развитія общественной мысли опредѣляется ходомъ развитія общественной жизни. Это основное положеніе историческаго матеріализма рѣдко и неохотно оспаривается теперь даже идеалистами. Да и трудно оспаривать его. Научное изслѣдованіе исторіи мысли,—и всѣхъ вообще идеологій,—только потому и дѣлаетъ теперь нѣкоторые успѣхи, что изслѣдователи начинаютъ сознавать причинную связь между «ходомъ вещей», съ одной стороны, и «ходомъ идей»—съ другой. Въ виду этого, читатель не удивится, если очерку исторіи русской общественной мысли я предпошлю нѣсколько соображеній о ходѣ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.

Похожа ли исторія Россіи на исторію Западной Европы? Начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, а пожалуй уже съ конца двадцатыхъ, вопросъ этотъ не переставалъ интересовать всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые не были совершенно безразличны насчетъ судебъ своего отечества. О немъ очень много спорили и писали. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется много заниматься разными отвѣтами на него. Теперь же умѣстно будетъ замѣтить одно: въ наши дни онъ какъ будто отстоитъ дальше отъ своего рѣшенія, чѣмъ былъ, напримѣръ, въ эпоху знаменитаго, столь богатаго теоретическимъ содержаніемъ, спора славянофиловъ съ западниками. Въ самомъ дѣлѣ, тогда спорившія стороны, расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, были, однако, согласны въ томъ, что исторія Россіи совершенно непохожа на исторію Запада. На этотъ счетъ такой крайній западникъ, какимъ былъ В. Г. Бѣлинскій, вполнѣ соглашался съ такимъ крайнимъ славянофиломъ, какимъ сдѣлался И. В. Кирѣевскій [1]). Ко-

[1]) «Одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не имѣющихъ съ нею общаго, европейскихъ народовъ». Такъ писалъ Бѣлинскій въ статьѣ. «Взглядъ на русскую литературу 1846 года». И съ нимъ, разумѣется, вполнѣ согласились бы въ этомъ и Кирѣевскій и Погодинъ.

нечно, признавая, что русская общественная жизнь развивалась совсѣмъ не такъ, какъ западно-европейская, Бѣлинскій и его единомышленники дѣлали отсюда теоретическіе и практическіе выводы, прямо противоположные тѣмъ, къ которымъ приходили славянофилы. Но само это положеніе не оспаривалось ни тѣми, ни другими. В. Г. Бѣлинскій, этотъ «фанатикъ, человѣкъ экстремы», какъ называетъ его въ своемъ дневникѣ Герценъ, именно, за его безграничную враждебность по отношенію къ славянофиламъ, навѣрно, съ удивленіемъ и недовѣріемъ взглянулъ бы на человѣка, который сказалъ бы ему, что общепринятое полное противопоставленіе историческихъ судебъ Россіи историческимъ судьбамъ Западной Европы не имѣетъ подъ собой достаточнаго фактическаго основанія. Онъ, навѣрно, нашелъ бы, что такой человѣкъ заходитъ ужъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи западничествомъ. Не то теперь.

Теперь у насъ нѣтъ единодушія на этотъ счетъ.

Такъ, напримѣръ, г. П. Милюковъ повторилъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» взглядъ «людей сороковыхъ годовъ» на полную историческую самобытность Россіи [1]). А покойный Павловъ-Сильванскій, въ своихъ замѣчательныхъ работахъ о феодализмѣ въ древней Руси, не только отвергалъ этотъ старый взглядъ, но даже обнаружилъ склонность уменьшать значеніе тѣхъ неоспоримыхъ различій между русскимъ и западно-европейскимъ феодализмомъ, которыя онъ самъ же вынужденъ былъ признавать въ своихъ сочиненіяхъ. Разногласіе идетъ, какъ видимъ, очень далеко. Однако, мы не должны смущаться имъ. Какъ бы далеко ни расходились теперь между собою отдѣльные изслѣдователи, спорный вопросъ все-таки ближе къ своему рѣшенію, чѣмъ былъ онъ въ эпоху Бѣлинскаго: исторія и соціологія все-таки очень значительно подвинулись впередъ сравнительно съ той эпохой. Попробуемъ же подвести итогъ даннымъ, находящимся теперь въ нашемъ распоряженіи.

I.

Сравнивая Россію въ западомъ Европы, надо помнить, что и на Западѣ ходъ развитія соціально-политическихъ отношеній со-

[1]) «Изучая культуру любого западно-европейскаго государства, мы должны были бы отъ экономическаго строя перейти сперва къ соціальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи,—говоритъ г. П. Милюковъ,—относительно Россіи удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т. е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ соціальнаго строя». Это потому, что «у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй». «Очерки по исторіи русской культуры». СПБ. 1896, стр. 113—114.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

вершался не всегда одинаково въ различныхъ странахъ. Одно дѣло Франція, а другое дѣло, напримѣръ, Пруссія. Соціально-политическія отношенія Пруссіи развивались подчасъ въ порядкѣ, который можетъ показаться «о б р а т н ы м ъ» сравнительно съ тѣмъ, какой имѣлъ мѣсто во Франціи. Ниже, изучая ожесточенные споры, вызванные вопросомъ—быть или не быть капитализму въ Россіи, мы увидимъ, какъ много путаницы въ понятіяхъ вызывалось слишкомъ отвлеченнымъ представленіемъ о ходѣ экономическаго развитія Запада. Что же касается вопроса о феодализмѣ въ древней Руси, то, конечно, несправедливо было бы обвинять въ неопредѣленности выраженій человѣка, болѣе всѣхъ другихъ сдѣлавшаго для рѣшенія этого вопроса. Онъ всегда совершенно опредѣленно указывалъ, съ какой, именно, страной Запада сравнивалась имъ удѣльная Русь. Для сравненія ему служила средневѣковая Франція, которую онъ справедливо считалъ классической страной феодализма. Но нельзя отрицать, что онъ грѣшилъ другимъ грѣхомъ, обратнымъ вышеуказанному: онъ какъ будто позабылъ, что въ ходѣ общественнаго развитія всѣхъ западныхъ странъ есть черты, значительно отличающія его отъ хода общественнаго развитія Востока, т. е., точнѣе, великихъ восточныхъ деспотій, напримѣръ, древняго Египта или Китая. И это забвеніе помѣшало ему надлежащимъ образомъ использовать свои собственные,—повторяю, весьма цѣнные выводы.

Дѣло вотъ въ чемъ. Павловъ-Сильванскій былъ совершенно правъ, когда возсталъ противъ «утвердившагося въ нашей наукѣ взгляда на полное своеобразіе русскаго историческаго процесса». И ему удалось вполнѣ убѣдительно показать, что не можетъ быть и рѣчи «о коренномъ несходствѣ древне-русскаго строя съ феодальнымъ». Однако, тамъ, гдѣ отсутствуетъ к о р е н н о е н е с х о д с т в о, можетъ быть налицо н е с х о д с т в о в т о р о с т е п е н н о е, придающее все-таки достойное замѣчанія «с в о е о б р а з і е» изучаемому процессу. Поэтому отрицательное,—и, въ общемъ, очень удовлетворительное у Павлова-Сильванскаго,—рѣшеніе стараго вопроса о п о л н о м ъ своеобразіи русскаго историческаго процесса еще отнюдь не исключаетъ вопроса объ его о т н о с и т е л ь н о м ъ своеобразіи.

Мы знаемъ теперь не только то, что Россія,—подобно европейскому Западу,—прошла черезъ фазу феодализма. Мы знаемъ, кромѣ того, что та же фаза была въ свое время пройдена и Египтомъ, и Халдеей, и Ассиріей, и Персіей, и Японіей, и Китаемъ,—словомъ, всѣми или почти всѣми культурными странами Востока. Поэтому, мы уже не имѣемъ никакого права толковать о п о л н о м ъ с в о е о б р а з і и, скажемъ, е г и п е т с к а г о истори-

ческаго процесса сравнительно съ французскимъ. Однако, это еще не значитъ, что мы можемъ объявить тождественными эти два процесса. Вовсе нѣтъ: ходъ общественнаго развитія древняго Египта все-таки въ очень многомъ очень непохожъ на ходъ общественнаго развитія Франціи. То же надо сказать, сравнивая историческое развитіе Франціи съ историческимъ развитіемъ Россіи: о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса не можетъ быть и рѣчи; такого своеобразія вообще не знаетъ соціологія; но, не будучи вполнѣ своеобразнымъ, русскій историческій процессъ все-таки отличается отъ французскаго нѣкоторыми весьма важными чертами. И не только отъ французскаго. Въ немъ есть особенности, очень замѣтно отличающія его отъ историческаго процесса всѣхъ странъ европейскаго Запада и напоминающія процессъ развитія великихъ восточныхъ деспотій. При томъ,—чѣмъ весьма значительно осложняется вопросъ,—особенности эти сами переживаютъ довольно своеобразный процессъ развитія. Онѣ то увеличиваются, то уменьшаются, вслѣдствіе чего Россія какъ бы колеблется между Западомъ и Востокомъ. Въ теченіе московскаго періода ея исторіи онѣ достигаютъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели въ теченіе кіевскаго. А послѣ реформы Петра I онѣ опять уменьшаются, — сначала очень медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе. Эта новая фаза русскаго общественнаго развитія, — фаза сперва медленной и поверхностной, а потомъ все ускоряющейся и углубляющейся европеизаціи Россіи,—далеко еще не закончена и въ наши дни. Все это какъ нельзя болѣе важно для всесторонняго выясненія нашего историческаго процесса. Но Павловъ-Сильванскій какъ будто закрылъ глаза на все это, удовольствовавшись тѣмъ своимъ, — повторяю, совершенно правильнымъ,—утвержденіемъ, что мысль о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса рѣшительно не выдерживаетъ научной критики.

Онъ основательно упрекалъ русскихъ изслѣдователей въ томъ, что они недостаточно пользуются сравнительнымъ методомъ. Но что значитъ пользоваться имъ? Значитъ ли это отмѣчать только черты сходства двухъ или нѣсколькихъ изучаемыхъ процессовъ? Очевидно, нѣтъ. Отмѣчая черты сходства, также необходимо отмѣчать и черты различія. Кто не обращаетъ достаточнаго вниманія на эти послѣднія, тотъ неправильно пользуется сравнительнымъ методомъ.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что Павловъ-Сильванскій писалъ не философію русской исторіи, а изслѣдованіе о феодализмѣ въ удѣльной Руси, и что онъ имѣлъ полное право не выходить изъ предѣловъ своей задачи. Это, разумѣется, такъ. Но, во-первыхъ, выдви-

гая вопросъ о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса въ его цѣломъ, онъ самъ вышелъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія, а, во-вторыхъ, онъ, къ сожалѣнію, показалъ себя одностороннимъ даже и въ этихъ предѣлахъ. Такъ, онъ самъ призналъ извѣстное несходство между русскимъ феодализмомъ, съ одной стороны, и французскимъ—съ другой. Но вмѣсто того, чтобы внимательно разсмотрѣть это несходство, онъ ограничился мимоходнымъ упоминаніемъ о немъ. Онъ не спросилъ себя, какъ должно было повліять относительное своеобразіе русскаго феодализма на дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній въ нашей странѣ (т. е., собственно, въ Московской Руси). Отсюда — недостаточно отчетливое представленіе о всемъ вообще русскомъ историческомъ процессѣ. Этотъ недостатокъ объясняется и извиняется реакціей противъ стараго и совершенно несостоятельнаго ученія о томъ, что русская исторія не имѣетъ ровно ничего общаго съ исторіей Запада. Но объяснить и извинить не значитъ устранить. Недостатокъ все-таки существуетъ и его должны заботливо избѣгать тѣ наши будущіе изслѣдователи, которые захотятъ итти по слѣдамъ Павлова-Сильванскаго.

Какъ бы тамъ, однако, ни обстояло дѣло съ выводами этого талантливаго ученаго, едва ли можно усомниться въ томъ, что историкъ русской общественной мысли, отвергая, какъ совершенно устарѣвшее, ученіе о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса, ни въ какомъ случаѣ не можетъ закрыть глаза на его относительное своеобразіе. Вѣдь ясно, что, именно, здѣсь, именно, въ этомъ относительномъ своеобразіи, въ этихъ второстепенныхъ, но все-таки очень важныхъ особенностяхъ русскаго общественнаго развитія, и надо искать объясненія своеобразныхъ чертъ, наблюдаемыхъ въ ходѣ нашего умственнаго развитія и въ нашемъ такъ называемомъ народномъ духѣ.

II.

Ходъ развитія всякаго даннаго общества, раздѣленнаго на классы, опредѣляется ходомъ развитія этихъ классовъ и ихъ взаимными отношеніями, т. е., во-первыхъ, ихъ взаимной борьбой тамъ, гдѣ дѣло касается внутренняго общественнаго устройства, и, во-вторыхъ, ихъ болѣе или менѣе дружнымъ сотрудничествомъ тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о защитѣ страны отъ внѣшнихъ нападеній. Стало быть, ходомъ развитія и взаимными

отношеніями классовъ, составлявшихъ русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Наша историческая наука давно уже поставила передъ собой, — слѣдуя поучительному примѣру французскихъ историковъ временъ реставраціи,—вопросъ о томъ, каковы были взаимныя классовыя отношенія въ Россіи. Какъ сказано мною выше, было время, когда люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ сходились у насъ въ томъ убѣжденіи, что исторія Россіи совсѣмъ не похожа на исторію Запада. Несходство это объяснялось тогда тѣмъ, будто бы несомнѣннымъ, обстоятельствомъ, что, въ противоположность Западу, Россія не знала взаимной борьбы классовъ. Теперь это обстоятельство никакъ не можетъ считаться несомнѣннымъ. Теперь серьезному изслѣдователю приходится спрашивать себя не о томъ, имѣла ли классовая борьба мѣсто въ нашей странѣ,— теперь уже доказано, что имѣла,—а о томъ, походила ли она и въ какой мѣрѣ походила она на ту, которая совершалась въ другихъ странахъ.

За разрѣшеніемъ этого коренного вопроса мы прежде всего обратимся къ одному изъ самыхъ авторитетныхъ,—если не самому авторитетному,—теперь русскому историку.

«Исторія нашихъ общественныхъ классовъ,—говоритъ покойный проф. В. Ключевскій,—представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъ возникновенія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы. Но условія эти у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы [1]).

Подобно Павлову-Сильванскому, проф. Ключевскій ограничивается одностороннимъ,—завѣщаннымъ эпохой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка,—сравненіемъ Россіи съ Западомъ. Если бы онъ дополнилъ это одностороннее сравненіе, сопоставивъ наше отечество съ Востокомъ, то сейчасъ же замѣтилъ бы, что чѣмъ болѣе своеобразнымъ становился ходъ нашего общественнаго развитія въ сравненіи съ западно-европейскимъ, тѣмъ менѣе своеобразенъ былъ онъ по отношенію къ ходу развитія восточныхъ странъ, — и наоборотъ. Это замѣча-

[1]) «Боярская Дума древней Руси», изданіе четвертое, стр. 7.

ніе очень пригодилось бы ему въ его дальнѣйшихъ соображеніяхъ. Но въ границахъ своего сравненія онъ совершенно правъ: общественное зданіе, сложившееся на русской почвѣ, обнаруживаетъ «своеобразный складъ и новыя формы». Поэтому намъ остается только разсмотрѣть, чѣмъ же собственно отличались тѣ сочетанія условій, благодаря которымъ исторія нашихъ общественныхъ классовъ приняла не такой видъ, какой получила она «въ другихъ странахъ Европы». Что узнаемъ мы на этотъ счетъ отъ проф. В. Ключевскаго?

По его словамъ, въ исторіи всякаго даннаго общественнаго класса нужно различать два момента: экономическій и политическій. Первый изъ нихъ выражается въ раздѣленіи общества согласно съ раздѣленіемъ общественнаго труда. Второй — дополняетъ, — «завершаетъ», — собою дѣйствіе перваго, распредѣляя общественную власть сообразно организаціи народнаго хозяйства, такъ что «экономическіе классы превращаются въ политическія сословія». Иначе сказать: «политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія». Повидимому, проф. В. Ключевскій считалъ такой ходъ дѣла наиболѣе нормальнымъ. Но онъ находилъ, что мѣстами дѣло шло въ обратномъ порядкѣ. И вотъ, почему. Страна, въ которой народное хозяйство сложилось уже довольно прочно, можетъ подвергнуться завоеванію, а завоеваніе введетъ въ нее новый общественный классъ, и тѣмъ измѣнитъ положеніе и взаимныя отношенія прежнихъ. Это вызоветъ многія перемѣны въ ходѣ ея хозяйственной жизни. Очевидно, что онѣ явятся «прямыми послѣдствіями политическаго факта». Проф. В. Ключевскому казалось, что, именно, такъ или, по крайней мѣрѣ, очень близко къ этой схемѣ, согласно которой политическій моментъ предшествуетъ экономическому, создавались многія государства Западной Европы [1]). И онъ приписывалъ огромное значеніе этому способу ихъ возникновенія. Онъ говоритъ, что далеко не все равно, вытекаютъ ли политическіе факты изъ экономическихъ, или же—наоборотъ.

Поясняя эту свою мысль, онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ.

Когда внѣшняя сила вторгается въ общество и вооруженной рукой захватываетъ распоряженіе народнымъ трудомъ, тогда весь создаваемый ею государственный порядокъ приспособляется къ защитѣ пріобрѣтенныхъ ею экономическихъ выгодъ. Этимъ вызывается цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій. «Основанія

---

[1]) Легко замѣтить, что этотъ взглядъ на ходъ общественнаго развитія Запада прямо противоположенъ взгляду П. Н. Милюкова.

государственнаго устройства, отношенія къ верховной власти и къ другимъ сословіямъ при такомъ ходѣ привлекаютъ къ себѣ заботливое вниманіе господствующаго класса; вопросы государственнаго права выступаютъ на первый планъ, составляютъ самыя видныя явленія въ исторіи общества; частныя гражданскія отношенія лицъ, какъ и ихъ экономическое положеніе, устанавливаются подъ прямымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ, въ прямой зависимости отъ того, какъ они разрѣшаются, а не наоборотъ,—и это потому, что господствующій классъ старается такъ опредѣлить свои политическія отношенія, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, пріобрѣтенными завоеваніемъ [1]). Благодаря всему этому, внутренняя исторія общества получаетъ боевой характеръ, всѣ общественныя отношенія обостряются, учрежденія и классы получаютъ рѣзкія очертанія. Наоборотъ, гдѣ завоеваніе не имѣло мѣста, тамъ основы общественнаго порядка обозначались не такъ явственно и не такъ послѣдовательно проводились на практикѣ, вслѣдствіе чего внутренняя исторія общества пріобрѣтала болѣе мирный характеръ.

Покойный профессоръ не рѣшался утверждать, что развитіе русскихъ общественныхъ отношеній шло этимъ послѣднимъ путемъ. Но въ то же время онъ не считалъ возможнымъ уподобить ходъ этого развитія западно-европейскому. Задавая себѣ вопросъ: «который изъ двухъ моментовъ, политическій или экономическій, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ, и всегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ впереди другого?», онъ, въ концѣ концовъ, склонялся къ той мысли, что въ исторіи нашего общества «господствовали смѣшанные процессы», т. е. что у насъ каждый изъ этихъ двухъ моментовъ поочередно игралъ роль то предшествующаго, то послѣдующаго: иногда образованіе сословій н а ч и н а л о с ь политическимъ моментомъ, а иногда оно являлось с л ѣ д с т в і е м ъ экономическаго развитія общества. Вотъ почему, изслѣдователь, хорошо изучившій происхожденіе и развитіе западно-европейскихъ сословій, не встрѣчаетъ у насъ повторенія знакомыхъ ему явленій» [2]).

III.

Итакъ, на Западѣ э к о н о м и ч е с к і й моментъ явился с л ѣ д с т в і е м ъ п о л и т и ч е с к а г о, а у насъ господствовали смѣшанные процессы. Въ этомъ заключается, по мнѣнію проф. В. Ключевскаго, коренная причина относительнаго своеобразія, за-

[1]) «Боярская Дума», стр. 9.

[2]) Названное сочиненіе, стр. 13—14.

мѣчаемаго въ ходѣ русскаго историческаго развитія. Разберемъ это мнѣніе.

Убѣжденіе высоко-талантливаго историка въ томъ, что на Западѣ политическій моментъ предшествовалъ экономическому, основывалось на фактѣ завоеванія, которому онъ приписывалъ роль перваго толчка въ развитіи западно-европейскаго общества. Но позволительно спросить: имѣемъ ли мы сколько-нибудь серьезное основаніе думать, что политическій моментъ предшествовалъ экономическому въ исторіи какого бы то ни было общества?

На этотъ важный соціологическій вопросъ западная наука отвѣтила рѣшительнымъ отрицаніемъ еще въ лицѣ Гизо и другихъ французскихъ историковъ временъ реставраціи. Мнѣ уже не разъ приходилось излагать взгляды этихъ историковъ, поэтому я не вижу никакой надобности входить въ большія подробности по этому предмету. Однако, мнѣ все-таки придется повторить кое-что изъ сказаннаго мною въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ очень интересное и убѣдительное соображеніе Гизо: «Большая часть писателей, ученыхъ или публицистовъ старалась объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи, его политическими учрежденіями. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества, для того, чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ, общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы о состояніи народа судить по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія, отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ, гражданскій бытъ людей,— таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ жили народы, и публициста, желающаго знать, какъ они управлялись [1]).

Я не буду приводить здѣсь выписки изъ сочиненій Огюстэна Тьерри и Минье, вполнѣ раздѣлявшихъ этотъ взглядъ Гизо [2]). Я считаю доказаннымъ мною прежде, что еще въ эпоху реставраціи

---

[1]) „Essais“, dixième édition, pp. 73—74. Можно подумать, что Гизо возражаетъ П. Н. Милюкову.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», изд. четвертое, стр. 13—26, въ предисловіи ко второму изданію моего перевода «Манифеста коммунистической партіи» и въ статьѣ «М. П. Погодинъ и борьба классовъ», «*Современный міръ*», апрѣль и май 1911.

французскіе историки, сами приписывавшіе завоеванію очень большую роль въ развитіи европейскаго общества, отвергали, какъ отжившій научный предразсудокъ, ту мысль, что соціальный строй даннаго народа можетъ быть объясненъ его политическими учрежденіями. Они настойчиво и убѣдительно доказывали, что политическія учрежденія были слѣдствіемъ прежде, нежели стать причиной. И всякій новый успѣхъ въ дѣлѣ научнаго объясненія общественной жизни подтверждалъ и углублялъ это ихъ ученіе. Историческій матеріализмъ Маркса-Энгельса, объясняющій политическія учрежденія соціальнымъ строемъ, а соціальный строй общественной экономикой, окончательно выяснилъ взаимное отношеніе экономическаго и политическаго «моментовъ» общественнаго развитія. Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали огромное историческое значеніе политическаго «момента». Именно, по этой причинѣ они сами дѣятельно занимались политикой. Но они еще яснѣе, нежели Гизо, видѣли, что дѣйствіе названнаго момента всегда представляетъ собою лишь обратное вліяніе слѣдствія на вызвавшую его причину. И легко убѣдиться, что правильность ихъ точки зрѣнія подтверждается, между прочимъ, собственными разсужденіями проф. Ключевскаго.

Онъ такъ изображаетъ ходъ общественнаго развитія въ тѣхъ странахъ, гдѣ политическій «моментъ» шелъ, по его мнѣнію, впереди экономическаго.

«Въ странѣ промышленная культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, трудъ населенія успѣлъ до извѣстной степени овладѣть силами и средствами мѣстной природы, народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванію, которое ввело въ нее новый общественный классъ, измѣнивъ положеніе и отношенія прежнихъ туземныхъ. Пользуясь правомъ побѣды, этотъ классъ беретъ въ свое распоряженіе трудъ побѣжденнаго народа. Перемѣны, которыя происходятъ отъ этого въ теченіи народно-хозяйственной жизни, являются прямыми послѣдствіями политическаго факта, вторженія новаго класса, который начинаетъ править обществомъ въ силу завоеванія» [1]).

Это, безспорно, такъ: перемѣны, происходящія въ экономикѣ страны подъ вліяніемъ политическаго факта завоеванія, представляютъ собою послѣдствія политическаго факта. Но вѣдь это простая тавтологія. Вопросъ заключается вовсе не въ томъ, можно ли считать послѣдствіями политическаго факта перемѣны, этимъ фактомъ вызываемыя: само собою разумѣется, что и можно, и должно. Вопросъ заключается въ томъ, отчего же зависитъ, чѣмъ

[1]) Назван. соч., стр. 7—8.

же опредѣляется характеръ тѣхъ перемѣнъ, которыя вызываются политическимъ фактомъ. Другими словами: почему данный политическій фактъ,—скажемъ, то же завоеваніе,—въ одномъ случаѣ вызываетъ однѣ перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, а въ другомъ—совершенно другія? И на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: потому, что въ разныхъ случаяхъ различна та степень экономическаго развитія, на которой находятся завоеванные; а также еще и потому, что въ разныхъ случаяхъ различна та степень экономическаго развитія, на которой находятся завоеватели. Но это значитъ, что возможныя послѣдствія политическаго факта заранѣе опредѣляются экономическимъ моментомъ. Иначе сказать, возможное дѣйствіе политическаго момента заранѣе опредѣляется моментомъ экономическимъ.

Это до такой степени вѣрно, и до такой степени само собою разумѣется, что самъ проф. Ключевскій молчаливо признаетъ это, рисуя свою схему. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите. Согласно его предположенію, страна подвергается завоеванію уже послѣ того, какъ промышленная культура сдѣлала въ ней нѣкоторые успѣхи, а народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью. Ясно, что политическій фактъ завоеванія не предшествуетъ здѣсь данному строю экономическихъ отношеній, а дѣйствуетъ на него, какъ на уже существующій. И столь же ясно, что его дѣйствіе будетъ измѣняться въ зависимости отъ характера этого, предварительно даннаго, склада экономическихъ отношеній. Это опять молчаливо признается самимъ проф. Ключевскимъ.

«Завоевателямъ для своего матеріальнаго обезпеченія, — разсуждаетъ онъ, — нѣтъ нужды заводить вновь хозяйство въ захваченной странѣ, указывать пріемы и средства для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ. Они насильственно вторглись въ установившійся экономическій порядокъ, стали съ оружіемъ въ рукахъ у готоваго хозяйственнаго механизма; по указанію собственныхъ потребностей имъ только нужно переставить нѣкоторыя его части, задать ему нѣкоторыя новыя работы, направить народный трудъ преимущественно на разработку тѣхъ естественныхъ богатствъ края, обладаніе которыми они нашли наиболѣе сподручнымъ и прибыльнымъ. Послѣ того у нихъ оставалась бы забота не устроять технически этотъ механизмъ, а только обезпечить за собой послушное дѣйствіе приставленныхъ къ нему рабочихъ рукъ» [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 8.

Это «только» какъ нельзя болѣе многозначительно: оно рѣшаетъ весь вопросъ. Если завоевателямъ нѣтъ надобности «устроять технически» хозяйственный механизмъ попавшей въ ихъ распоряженіе страны; если имъ остается «только» обезпечить за собою послушную дѣятельность рабочихъ рукъ, приводящихъ этотъ механизмъ въ движеніе; если,—говоря языкомъ политической экономіи,—ихъ роль и стремленіе сводятся къ тому, чтобы присвоить себѣ прибавочный продуктъ, производимый трудящимся населеніемъ страны при такихъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыя существовали въ ней еще до завоеванія, то не ясно ли, что мы не имѣемъ рѣшительно никакого права считать политическій моментъ предшествующимъ экономическому? Не очевидно ли, что и здѣсь политическій моментъ выступаетъ послѣ экономическаго, и что первый, какъ уже сказано выше, опредѣляется вторымъ въ характерѣ своего дѣйствія? Наконецъ, не очевидно ли, что дѣйствіе это по своему общему характеру ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, котораго мы можемъ и должны ожидать отъ туземнаго господствующаго класса, т. е. класса, возникающаго независимо отъ завоеванія, въ силу экономическаго развитія страны? Развѣ же такой классъ не стремится обезпечить за собой послушную дѣятельность трудящагося населенія? Развѣ же онъ не старается присвоить себѣ прибавочный продуктъ, создаваемый руками народной массы, не испытавшей завоеванія, но все-таки находящейся въ состояніи экономической зависимости?

«Этого обезпеченія, — продолжаетъ проф. Ключевскій, — господствующій классъ будетъ стараться достигнуть политическими средствами, извѣстной системой законодательства, приспособленной къ цѣли организаціей сословій, соотвѣтственнымъ устройствомъ правительственныхъ учрежденій» [1]).

Все это опять, безспорно, такъ. Но если бы мы имѣли дѣло съ господствующимъ классомъ, въ происхожденіи котораго завоеваніе не играло ровно никакой роли, то и тогда мы непремѣнно увидѣли бы, что онъ заботится о созданіи такой системы законодательства, которая позволила бы ему отстаивать выгоды своего экономическаго положенія. И точно также мы убѣдились бы, что этотъ классъ пользуется политическими средствами для достиженія своей цѣли. Вѣдь иначе и быть не можетъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

IV.

Проф. Ключевскій указываетъ на Новгородъ, какъ на такую часть древней Руси, гдѣ общественное развитіе соотвѣтствовало первой схемѣ: расчлененіе общества по роду занятій, которому соотвѣтствуетъ политическое значеніе разныхъ его классовъ. «Рано освободившись отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и служилой аристократіи, этотъ вольный городокъ усвоилъ себѣ формы демократическаго устройства. Но еще раньше успѣхи внѣшней торговли, ставшей главнымъ жизненнымъ нервомъ города, создали въ немъ нѣсколько крупныхъ торговыхъ домовъ, которые были руководителями новгородской торговли, и въ силу этого сдѣлались потомъ руководителями новгородскаго управленія, правительственной аристократіей, господство которой, однако, всегда оставалось простымъ фактомъ, не сопровождалось отмѣной демократическихъ формъ новгородскаго устройства» [1]).

Тутъ мы видимъ то же самое, что уже видѣли выше: неоспоримые факты ложатся въ основу такого заключенія, которое никакъ не можетъ быть признано неоспоримымъ. И это потому, что заключеніе гораздо шире своей фактической основы.

Исторія показываетъ, что м ѣ с т а м и и н о г д а политическое господство высшаго, — по своему экономическому положенію, — класса «остается простымъ фактомъ», а въ другихъ мѣстахъ или въ другое время облекается въ болѣе или менѣе опредѣленныя и прочныя юридическія формы. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Если въ Новгородѣ мы можемъ наблюдать первый случай, то второй представляется намъ, напримѣръ, въ Венеціи. Первоначально и въ этомъ «вольномъ городкѣ» были только классы, отличавшіеся одинъ отъ другого экономическимъ положеніемъ, но не было сословій съ различными политическими правами. А потомъ дѣло рѣзко измѣнилось. Въ концѣ XIII в. произошла такъ называемая s e r r a t a d e l m a g g i o r c o n s i g l i o, положившая прочную основу юридическимъ привилегіямъ венеціанской торговой аристократіи. Что же? Имѣемъ мы право считать эту перемѣну послѣдствіемъ, — хотя бы и очень отдаленнымъ, — завоеванія? Никакого! Адріатическая «царица морей» не знала иностраннаго завоеванія вплоть до вступленія въ нее французскихъ войскъ въ маѣ 1797 г. Мы можемъ сказать словами проф. Ключевскаго, что тамъ экономическій моментъ всегда предшествовалъ политическому. А между тѣмъ, мы наблюдаемъ въ ней то самое явленіе—пріобрѣтеніе политическихъ привилегій

[1]) Тамъ же, стр. 11.

экономически господствующимъ классомъ—которое, по мнѣнію нашего автора, возникаетъ лишь въ такихъ странахъ, гдѣ, наоборотъ, политическій моментъ предшествуетъ экономическому. Съ другой стороны, Флоренція, — подвергавшаяся иностранному завоеванію,—въ теченіе продолжительнаго времени неуклонно измѣняла свое политическое устройство въ направленіи къ демократіи, т. е. въ направленіи прямо-противоположномъ аристократическому направленію политическаго развитія Венеціи. По какой же причинѣ? Потому ли, что отношеніе (во времени) политическаго момента къ экономическому было тамъ прямо-противоположно тому, которое имѣло мѣсто въ Венеціи? Нѣтъ! Во Флоренціи, какъ и въ Венеціи, какъ и во всемъ мірѣ, экономическій моментъ «предшествовалъ» политическому. Но во Флоренціи онъ вызвалъ иное соотношеніе общественныхъ силъ, нежели въ Венеціи, и тѣмъ обусловилъ противоположное направленіе ея политическаго развитія, т. е. совсѣмъ иную природу политическаго момента [1]).

Но хотя въ Венеціи утвердилось аристократическое, а во Флоренціи демократическое устройство, однако, и тутъ и тамъ господствовавшій классъ усердно пользовался политическими средствами для защиты своихъ экономическихъ выгодъ. То же было, разумѣется, и въ Новгородѣ. Только средства эти были различны, въ зависимости отъ различій въ политической конституціи, вызванныхъ экономическими причинами. И то же самое мы видимъ и теперь. Въ Пруссіи господствующій классъ до сихъ поръ имѣетъ политическія привилегіи. Во Франціи онъ уже не имѣетъ ихъ. Однако, французская буржуазія такъ же усердно, какъ прусскіе юнкеры и богатые бюргеры, пользуется политическими средствами въ борьбѣ за свое существованіе. И, конечно, она нисколько не меньше ихъ дорожитъ тѣмъ законодательствомъ, которое охраняетъ ея экономическое господство. Это врядъ ли нуждается въ доказательствахъ.

А Россія? Экономическое, а потому и политическое, развитіе было неодинаково въ различныхъ частяхъ этой обширной страны. Но, въ общемъ, мы все-таки можемъ сказать, что до-монгольская Русь знала классы, но не знала сословій, а въ XIII—XV вв. можно замѣтить постепенное появленіе различій въ юридическихъ

---

[1]) Паскуале Виллари высказалъ нѣсколько очень остроумныхъ догадокъ насчетъ экономическихъ причинъ, обусловившихъ собою разницу въ ходѣ политическаго развитія нѣкоторыхъ большихъ городовъ Италіи. (См. его книгу Nicolo Machiavelli e i suoi tempi, Firenze, 1887, introduzione). Было бы большимъ преувеличеніемъ утверждать, что его догадки рѣшаютъ вопросъ; но онѣ вполнѣ опредѣленно указываютъ, гдѣ надо искать его рѣшенія, а этого здѣсь для насъ вполнѣ достаточно.

правахъ и обязанностяхъ различныхъ классовъ. Эти различія приводятъ,—сначала въ Литовской, а потомъ и въ Московской Руси,—къ образованію болѣе или менѣе рѣзко разграниченныхъ одно отъ другого сословій. Mutatis mutandis, дѣло шло здѣсь такъ же, какъ шло оно въ Венеціи, при чемъ и здѣсь, какъ рѣшительно вездѣ, экономическій моментъ предшествовалъ политическому, давая направленіе его развитію и опредѣляя быстроту его хода и яркость его феноменовъ.

Ошибка проф. Ключевскаго состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ сузилъ понятіе политическаго средства, совершенно произвольно отождествивъ его съ понятіемъ: политическая привилегія.

Устранивъ эту, чреватую ложными выводами, ошибку, мы,—опять на основаніи собственныхъ соображеній нашего автора,—съ ясностью увидимъ, къ чему сводится, въ дѣйствительности, отношеніе между экономикой и политикой.

«Все это съ теченіемъ времени во многомъ измѣнитъ народное хозяйство, вызоветъ въ немъ много новыхъ отношеній,—говоритъ почтенный историкъ, замѣтивъ, что завоеватели воспользуются политическими средствами для защиты своихъ экономическихъ выгодъ,—и всѣ эти новые экономическіе факты будутъ слѣдствіями предшествовавшихъ имъ фактовъ политическихъ» [1]).

Правильно. Но здѣсь мы будемъ имѣть передъ собою, именно, типичный случай обратнаго дѣйствія политическаго «момента» на экономическій, обусловившій собою его возникновеніе и характеръ.

Такіе случаи очень часты въ процессѣ общественнаго развитія; однако, ни одинъ изъ нихъ не подтверждаетъ взгляда проф. Ключевскаго. Всѣ они показываютъ не то, что въ исторіи нѣкоторыхъ странъ политическій моментъ предшествуетъ экономическому, а только то, что политическія отношенія, возникшія на извѣстной хозяйственной подкладкѣ, въ свою очередь, вліяютъ на дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства. Но,—и въ этомъ все дѣло,—такъ бываетъ не только тамъ, гдѣ господствующій классъ пользуется извѣстными юридическими привилегіями; такъ бываетъ рѣшительно всюду, гдѣ находятся налицо извѣстныя политическія отношенія. Такъ было, между прочимъ, и въ новгородской республикѣ, на которую сослался проф. Ключевскій.

Неоспоримо, что завоеваніе можетъ обострить взаимныя отношенія общественныхъ классовъ и придать много драматизма ходу общественнаго развитія. Однако, не всегда придаетъ. Завоеваніе

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

Китая манчжурами не помѣшало внутренней исторіи этой страны оставаться мало драматичной вплоть до самаго послѣдняго времени. Бо́льшая или меньшая степень драматизма въ общественной жизни зависитъ только отъ того, какъ много поводовъ для рѣзкихъ и яркихъ столкновеній между различными общественными силами создается существующимъ общественнымъ порядкомъ. А это опредѣляется не тѣмъ, лежитъ или же не лежитъ въ основѣ этого порядка завоеваніе. Внутренняя исторія Польши полна яркаго драматизма. Потому ли это, что дѣленіе польскаго общества на классы явилось результатомъ завоеванія? Мы еще не имѣемъ права утверждать, что возникновеніе польскаго государства связано съ завоеваніемъ. Это вовсе не доказано.

Проф. Ключевскій не вѣрно и не ясно представлялъ себѣ взаимное отношеніе между экономикой и политикой. Кромѣ того, онъ сильно преувеличивалъ историческую роль завоеваній. Въ этомъ отношеніи онъ еще не вполнѣ освободился отъ вліянія взгляда, господствовавшаго у насъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и заимствованнаго нашими писателями у французскихъ историковъ временъ реставраціи. Гизо, Ог. Тьери, Минье и др., такъ правильно разсуждавшіе о томъ, что политическія учрежденія должны быть слѣдствіемъ, прежде нежели сдѣлаться причиной, не умѣли, однако, выяснить себѣ происхожденіе западноевропейскаго феодализма. Они не умѣли понять его, какъ слѣдствіе внутренняго развитія «гражданскаго быта» Западной Европы, и потому цѣликомъ относили его на счетъ завоеванія, т. е. политическаго дѣйствія. Это было противорѣчіемъ, въ которое они попали вслѣдствіе тогдашняго недостатка въ фактическомъ матеріалѣ. Но теперь съ этимъ противорѣчіемъ давно пора кончить.

V.

Уже С. М. Соловьевъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что завоеваніе далеко не объясняетъ всѣхъ относимыхъ на его счетъ общественныхъ явленій.

«Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи,—писалъ онъ,—полагаютъ главное отличіе исторіи русской отъ исторіи западныхъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ, а у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, односторонень; проводя параллель между западно-европейскими государствами и нашимъ русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію, Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи на-

шего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію» [1]).

Это, въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе ясно. Но теперь, къ приведеннымъ мною соображеніямъ С. М. Соловьева слѣдуетъ прибавить, что и въ тѣхъ странахъ Запада, гдѣ завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто, оно далеко не такъ сильно и быстро повліяло на ходъ общественнаго развитія, какъ это думали прежде. Возьмемъ одно изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ, по выраженію М. П. Погодина, «все произошло отъ завоеваній», — Францію, эту классическую страну феодализма. Каковы были соціальныя послѣдствія испытанныхъ ею завоеваній?

«Перемѣны, внесенныя нашествіемъ варваровъ, — пишетъ Альфредъ Рамбо,—были менѣе значительны, чѣмъ это могло бы показаться сначала. Собственно говоря, не было завоеванія Галліи германцами. Визиготы и бургунды вошли во владѣніе своими провинціями именемъ императора, а Галлія... встрѣтила Хлодвига скорѣе какъ друга, чѣмъ какъ врага. Нашествіе не было ни насильственнымъ, ни кровавымъ. За исключеніемъ сѣверо-востока Галліи, гдѣ оно продолжалось нѣсколько столѣтій, страна сохранила свой прежній видъ. Визиготы были немногочисленны въ бассейнѣ Гаронны (ихъ насчитывалось всего 200.000 при переходѣ черезъ Дунай); еще менѣе многочисленны были бургунды въ бассейнѣ Роны (ихъ было не болѣе 80.000, когда Аэцій водворилъ ихъ въ Савойѣ); франки составляли при Хлодвигѣ горсть воиновъ, а не иммигрирующую массу. Словомъ, германцы не могли измѣнить въ большей части Галліи ни расы, ни языка» [2]).

Нетрудно догадаться, что при такихъ условіяхъ они неспособны были передѣлать экономическій бытъ Галліи.

«Они мало измѣнили положеніе жителей, — продолжаетъ Рамбо,—у крестьянъ нельзя было отнять землю, такъ какъ она имъ не принадлежала, и такъ какъ нужно было сохранить ихъ въ качествѣ колоновъ [3]). Что касается собственниковъ, то для нихъ была мало чувствительна потеря части ихъ земель, такъ какъ не всѣ онѣ подвергались обработкѣ. Да эта часть и не была велика, потому что имѣлось достаточно такой земли, которая принадлежала

---

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». изд. тов. «Общ. Польза», кн. I. стр. 268, примѣчаніе.

[2]) „Histoire de la civilisation française“, tome premier, sixième édition, p. 76.

[3]) Надо замѣтить, что положеніе крестьянъ въ Галліи въ эпоху упадка Римской имперіи было очень тяжелое, и уже въ 285 г. произошло страшное возстаніе ихъ, извѣстное подъ именемъ la bagaude. *Г. П.*

государству и изъ которой можно было надѣлить визиготскихъ, бургундскихъ и франкскихъ воиновъ» [1]).

Не отрицая, что нашествіе варваровъ оказало нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее развитіе общественно-государственныхъ стношеній, Рамбо настаиваетъ, однако, на томъ, что франкская Галлія начала замѣтно отличаться отъ Галліи римской лишь двѣсти или триста лѣтъ послѣ Хлодвига [2]).

Это едва-ли можно оспаривать въ настоящее время. Но въ такомъ случаѣ экономическій «моментъ» имѣлъ вполнѣ достаточно времени для того, чтобы вступить въ свои права и опредѣлить собою весь характеръ всѣхъ возможныхъ послѣдствій германскаго нашествія. Вотъ почему, надо признать основательными взгляды тѣхъ историковъ, которые отказываются теперь смотрѣть на это нашествіе, какъ на причину возникновенія западнаго феодализма [3]).

Все это приводитъ насъ къ слѣдующему окончательному выводу: справедливо то мнѣніе проф. В. Ключевскаго, что въ Россіи ходъ развитія общественныхъ классовъ во многомъ отличался отъ западно-европейскаго. Но онъ очень ошибался, объясняя относительное своеобразіе этого хода тѣмъ, что на Западѣ политическій «моментъ» шелъ будто бы впереди экономическаго, тогда какъ въ Россіи господствовали смѣшанные процессы. Это объясненіе, грѣша значительной неясностью мысли, противорѣчитъ также историческимъ фактамъ. Въ дѣйствительности, политическій «моментъ» никогда и нигдѣ не идетъ впереди экономическаго; онъ всегда обусловливается этимъ послѣднимъ, что нисколько не мѣшаетъ ему, впрочемъ, оказывать на него обратное вліяніе.

С. М. Соловьевъ, совершенно справедливо полагавшій, что завоеваніе совсѣмъ не имѣло того значенія въ исторіи развитія западно-европейскаго общества, какое приписывается ему по устарѣлой привычкѣ, съ своей стороны давалъ историкамъ слѣдующее методическое указаніе:

«Рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ,—различіе ощутительное въ самомъ началѣ,—не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинаковое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность» [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 76—77.

[2]) Тамъ же, стр. 77.

[3]) Къ ихъ числу у насъ принадлежитъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ (см., его «Очерки по исторіи литовско-русскаго права», I, «Помѣстья Литовскаго государства». Кіевъ, 1889, стр. 2—3.

[4]) Названное соч., т. I, стр. 268, примѣчаніе.

По этому поводу приходится сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній

Во-первыхъ, какъ справедливо напоминалъ изслѣдователямъ самъ же С. М. Соловьевъ, и на западѣ Европы завоеваніе имѣло мѣсто далеко не во всѣхъ странахъ, что не мѣшаетъ, однако, всѣмъ западно-европейскимъ странамъ обнаруживать въ своемъ общественномъ развитіи такія черты, которыхъ мы напрасно искали бы въ общественномъ развитіи Россіи.

Во-вторыхъ, даже и въ тѣхъ западныхъ странахъ, гдѣ завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто, какъ, напримѣръ, во Франціи, его вліяніе оказывается несравненно менѣе значительнымъ, чѣмъ это думали прежде. Пусть читатель вспомнитъ, что говоритъ объ этомъ А. Рамбо.

Въ-третьихъ, еще М. П. Погодинъ, основавшій на отсутствіи у насъ завоеванія все свое противопоставленіе Россіи Западу, вынужденъ былъ, въ своей полемикѣ съ П. В. Кирѣевскимъ на страницахъ «Москвитянина», объявить отсутствіе это вовсе не такимъ полнымъ, какимъ онъ самъ же изобразилъ его прежде и продолжалъ изображать впослѣдствіи, явно противорѣча самому себѣ. Если принять разсказъ лѣтописи о добровольномъ призваніи варяговъ нѣкоторыми славянскими и финскими племенами, то все-таки нельзя же отрицать, что многія другія племена были «п р и м у ч е н ы» этими пришельцами къ покорности, и что вообще пришельцы эти, нарубивъ въ своемъ новомъ отечествѣ укрѣпленныхъ стоянокъ, повели себя тамъ, по выраженію В. Ключевскаго, завоевателями. Этимъ и объясняется вдохновившее Княжнина,—тоже попавшее въ лѣтопись,—преданіе о бунтѣ противъ Рюрика новгородцевъ подъ предводительствомъ Вадима [1]).

Въ-четвертыхъ, всякій охотно признаетъ правильность того

---

[1]) Надо помнить и то, что лѣтописный разсказъ о призваніи варяговъ дошелъ до насъ въ томъ видѣ, какой былъ ему приданъ гораздо позже того времени, о которомъ онъ сообщаетъ, а именно—въ XI и въ началѣ—XII в. Тогда отношенія уже измѣнились. «Въ XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками,—говоритъ В. Ключевскій,—но уже не превращались здѣсь въ завоевателей, и насильственный захватъ власти, переставъ повторяться, казался маловѣроятнымъ». (Курсъ русской исторіи, изд. третье, т. I, стр. 169). Кромѣ того, русскимъ книжникамъ XI в. пріятнѣе было изображать пришествіе варяговъ, какъ слѣдствіе добровольнаго призванія ихъ туземцами. Это совершенно естественно. Проф. Ключевскій называетъ разсказъ о призваніи князей не народнымъ преданіемъ, а «схематической притчей о происхожденіи государства, приспособленной къ пониманію дѣтей школьнаго возраста». (Тамъ же, стр. 170). С. Ѳ. Платоновъ дѣлаетъ интересное указаніе на то, что англійскій лѣтописецъ Видукиндъ повѣствуетъ о такомъ же точно призваніи бриттами англосаксовъ, при чемъ и свою землю бритты хвалили тѣми же словами, какъ новгородцы свою terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam. (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-е, стр. 68).

мнѣнія, что историкъ долженъ, во избѣжаніе односторонности «обращать одинаковое вниманіе» на всѣ причины, вызвавшія своеобразный складъ нашихъ общественно-государственныхъ отношеній. Но это правило слишкомъ неопредѣленно. Да и едва ли оно осуществимо въ своемъ буквальномъ смыслѣ. Часто очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно убѣдиться въ томъ, что мы нашли в с ѣ причины, содѣйствовавшія возникновенію даннаго явленія. Но, съ точки зрѣнія метода, главное вовсе не въ томъ, чтобы перечислить эти причины всѣ до одной, а въ томъ, чтобы о п р е д ѣ л и т ь т ѣ п у т и, п о к о т о р ы м ъ н а п р а в л я л о с ь д ѣ й с т в і е с а м ы х ъ в а ж н ы х ъ м е ж д у н и м и. Вотъ примѣръ.

Уже нѣкоторые древніе писатели принимали въ соображеніе в л і я н і е г е о г р а ф и ч е с к о й с р е д ы на общественнаго человѣка. Но они ошибались, когда имъ нужно было опредѣлить, какимъ путемъ географическая среда способствуетъ возникновенію того или другого соціально-политическаго строя. Они считали, что «климатъ», ф и з і о л о г и ч е с к и дѣйствуя на индивидуумовъ, составлявшихъ данное общество, вызываетъ у нихъ тѣ или другія п с и х и ч е с к і я предрасположенія, которыми, въ свою очередь, опредѣляется общественное устройство: такъ, климатъ Греціи будто бы физіологически предрасполагалъ людей къ свободнымъ учрежденіямъ, а климатъ Азіи—къ покорности передъ монархами. Это античное ученіе о томъ, что климатъ опредѣляетъ собою политическій строй, непосредственно воздѣйствуя на отдѣльныхъ членовъ общества, перешло къ писателямъ новаго времени, напримѣръ, къ французскимъ просвѣтителямъ XVIII в. и къ Боклю. Теперь его слѣдуетъ признать совершенно устарѣлымъ, такъ какъ теперь уже ясно, что «климатъ», т. е. г е о г р а ф и ч е с к а я с р е д а вліяетъ на отдѣльныхъ членовъ общества, главнымъ образомъ,—чтобы не сказать: и с к л ю ч и т е л ь н о,—черезъ посредство с р е д ы о б щ е с т в е н н о й: свойствами географической среды опредѣляется болѣе или менѣе быстрое развитіе производительныхъ силъ, а отъ степени развитія производительныхъ силъ зависитъ, въ послѣднемъ счетѣ, весь строй общества, т. е. всѣ свойства общественной среды, обусловливающія собою стремленія, чувства, взгляды, словомъ, всю психику отдѣльныхъ людей. Такимъ образомъ, вліяніе географической среды на этихъ послѣднихъ, считавшееся когда-то н е п о с р е д с т в е н н ы м ъ, на самомъ дѣлѣ оказывается лишь к о с в е н н ы м ъ. И только когда это было понято людьми науки, явилась возможность научнаго опредѣленія роли географическаго «момента» въ ходѣ развитія общественныхъ отношеній. Чтобы понять значеніе географической среды, необходимо было выяснить тотъ путь, по которому напра-

вляется ея дѣйствіе на человѣческія общества. И такъ со всѣми другими «моментами» историческаго развитія: дѣйствіе ихъ продолжаетъ быть непонятнымъ,—точнѣе сказать: понимается ошибочно,—пока не удается правильно опредѣлить путь этого дѣйствія.

VI.

Вопреки своему заботливому стремленію избѣжать односторонности, С. М. Соловьевъ иногда самъ становился одностороннимъ именно потому, что путь дѣйствія различныхъ «факторовъ» историческаго развитія былъ для него неясенъ. Его соображенія,—въ концѣ первой главы перваго тома,—о вліяніи природы на народный характеръ очень поверхностны и на самомъ дѣлѣ ровно ничего не объясняютъ. «Роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ,—говоритъ онъ между прочимъ,—развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ» [1]). Но стремленіе къ поэзіи у скандинавскихъ народовъ или у англичанъ не менѣе сильно, чѣмъ у итальянцевъ или у испанцевъ, а стремленіе къ искусству у эскимосовъ ничуть не слабѣе, нежели у краснокожихъ Бразиліи. Взаимныя отношенія половъ опредѣляются ходомъ развитія семейныхъ отношеній, который зависитъ отъ экономики страны, а не отъ ея географіи. Мы знаемъ, правда, что экономика сама находится въ причинной зависимости отъ географической среды,—такъ какъ эта послѣдняя вліяетъ на быстроту роста производительныхъ силъ. Но тутъ мы имѣемъ передъ собой случай посредственнаго вліянія «природы», между тѣмъ какъ С. М. Соловьевъ говоритъ объ ея непосредственномъ вліяніи. Наконецъ, что касается общественныхъ увеселеній, то всякій народъ любитъ ихъ, пока ему живется хоть сколько-нибудь сносно, и пока онъ не утрачиваетъ привычки къ нимъ вслѣдствіе развитія крайняго индивидуализма, которое вызывается не природой, а опять-таки общественными отношеніями.

С. М. Соловьевъ приложилъ свои общія соображенія о зависимости народнаго характера отъ природы страны «къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси». Послѣ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что относящіеся къ этому предмету выводы нашего историка не могли быть основательными. Полезнѣе остановиться на другой его попыткѣ объясненія историческихъ судебъ русскаго народа свойствами географической среды.

---

[1]) Указанное изданіе, кн. I, стр. 29—30.

Я говорю объ его знаменитомъ противопоставленіи русскаго дерева западно-европейскому камню. Нашъ авторъ говоритъ, что путешественникъ, переѣзжающій изъ западной Европы въ восточную и находящійся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внѣшняго различія, первую назоветъ каменной, а вторую—деревянной. По мнѣнію С. М. Соловьева, такая характеристика будетъ вполнѣ вѣрной по отношенію къ внѣшнему виду этихъ двухъ частей Европы.

«Камень, — продолжаетъ онъ, — такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ Западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню, поднимаются нерукотворныя горы, громадныя, вѣковѣчныя зданія» [1]).

Слово «камень» употребляется здѣсь,—замѣтьте это!—въ двухъ смыслахъ. Оно означаетъ, во-первыхъ, собственно камень, какъ строительный матеріалъ, во-вторыхъ,—горы, всегда болѣе или менѣе разнообразящія поверхность страны. Горы разбили Западную Европу на многія народности и государства, а строительный матеріалъ, ими доставляемый, сообщилъ прочность и опредѣленность внутреннимъ отношеніямъ этихъ государствъ. На востокѣ Европы отсутствіе «камня» вызвало прямо-противоположные результаты.

«На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня,—разсуждаетъ С. М. Соловьевъ,—все ровно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія и дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины—переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться... города состоятъ изъ деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда, впрочемъ, не велика... новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала,—отсюда съ такою легкостью старинный русскій человѣкъ покидалъ свой домъ,

---

[1]) «Исторія Россіи», томъ тринадцатый, глава первая, книга третья, стр. 664.

свой родной городъ или село... Отсюда привычка къ расходкѣ въ народонаселеніи, и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять» [1]).

Въ качествѣ строительнаго матеріала «камень» далъ высшимъ классамъ Запада матеріальную возможность значительно обособиться отъ низшихъ, и тѣмъ самымъ обострилъ классовую борьбу. А въ качествѣ горъ «камень» оказалъ непосредственное вліяніе на характеръ западныхъ народовъ, сообщивъ имъ стремленіе къ усидчивости и опредѣленности. Недостатокъ этого стремленія у русскаго народа объясняется отсутствіемъ у насъ «камня». Гдѣ нѣтъ усидчивости и опредѣленности, тамъ взаимныя отношенія классовъ остаются неопредѣленными и неустойчивыми, вслѣдствіе чего ихъ взаимная борьба не можетъ достигнуть значительной степени напряженности. Такова мысль С. М. Соловьева. Но она не выдерживаетъ критики.

Въ качествѣ строительнаго матеріала камень отнюдь не всегда игралъ на Западѣ ту исключительную роль, которую приписывалъ ему С. М. Соловьевъ. Западная Европа тоже была нѣкогда «деревянной». Не далѣе, какъ въ X в., замки феодальныхъ сеньеровъ представляли собой во Франціи деревянныя башни, окруженныя рвомъ и изгородью—конечно, тоже деревянной. Правда, уже въ IX в. тамъ возникаютъ,—преимущественно на югѣ,—каменныя феодальныя твердыни; но онѣ начинаютъ распространяться по всей странѣ только въ X и въ XI столѣтіяхъ [2]). А вѣдь Франція, въ самомъ дѣлѣ, была классической страной феодализма. Когда же возникли феодальныя отношенія во Франціи? Не пускаясь въ неумѣстныя здѣсь подробности, я скажу, что въ X в. феодальный порядокъ уже сложился тамъ въ своихъ главныхъ чертахъ. Ясно, стало быть, что не «камень» обезпечилъ французскимъ «мужамъ» ихъ торжество надъ «мужиками». Эти «мужи» начали строить себѣ «каменныя гнѣзда» лишь послѣ того, какъ имъ удалось наложить на «мужиковъ» свое иго.

А города? Въ Россіи они, по совершенно справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, состояли изъ деревянныхъ избъ. Но изъ какихъ же построекъ состояли города средневѣковаго Запада? Очень нерѣдко тоже изъ деревянныхъ. И при томъ—какіе города! Одно изъ дошедшихъ до насъ постановленій насчетъ заработной платы средневѣковыхъ ремесленниковъ показываетъ, что не позже, какъ въ началѣ XIII вѣка Лондонъ былъ почти исключительно де-

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) «Histoire de la civilisation au moyen âge et dans temps modernes» par Seignobos. Paris 1887, p. 12—13. Ср. также Alfred Rambaud, «Histoire de la civilisation française», tome premier, p. 426.

ревяннымъ городомъ. И само собою разумѣется, что на Западѣ деревянныя постройки были таѣ же мало огнеупорны, какъ въ Россіи: онѣ и тамъ, какъ у насъ, часто превращались «въ кучи пепла». Только что упомянутое постановленіе насчетъ заработной платы относилось, собственно, къ плотникамъ и было вызвано тѣмъ, что, по мнѣнію остальныхъ гражданъ, они сдѣлались слишкомъ требовательными послѣ пожара, истребившаго въ 1212 г. значительную часть деревяннаго тогда Лондона [1]).

Французскіе и германскіе города тоже состояли по большей части изъ деревянныхъ домовъ. «Въ городахъ, въ противоположность селамъ, находимъ дома на каменномъ фундаментѣ, хотя самое зданіе въ теченіе всего средневѣковья еще строилось изъ дерева; крыша изъ кирпичей распространяется также лишь постепенно. Въ Гамельнѣ, въ Ньюпортѣ, въ Аміенѣ и даже во Фландріи находимъ соломенныя крыши; въ Геттингенѣ магистратъ выдавалъ тому, кто замѣнялъ солому кирпичами, четвертую часть расходовъ» [2]). Итальянскіе города, повидимому, всегда были гораздо болѣе богаты каменными домами. Но это исключеніе изъ общаго правила,—если оно дѣйствительно существовало,—разумѣется, ни мало не подтверждаетъ собою мысли Соловьева: если деревянные города Англіи, Франціи и Германіи шли въ своемъ историческомъ развитіи не тѣми же самыми путями, какими шли тоже деревянные города Россіи, то очевидно, что «дерево» ровно ничего не объясняетъ въ этомъ различіи.

Это не все. Города Литовской Руси тоже были деревянными [3]), а ихъ историческая судьба не похожа ни на судьбу, напримѣръ, французскихъ городовъ, ни на судьбу городовъ Московской Руси: новое доказательство того, что «дерево» или «камень» не при чемъ въ историческихъ особенностяхъ этого рода.

Наконецъ, Соловьевъ позабылъ, что «громадныя, вѣковѣчныя зданія» воздвигаются не только изъ камня. Въ Бельгіи и

[1]) М. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. СПБ., 1899, стр. 71.

[2]) І. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. СПБ. 1913 г., стр. 126.

[3]) «Изъ Бѣльска я отправился въ Брестъ (Briesti), крѣпость съ деревяннымъ городомъ». «Каменецъ, городъ съ каменной башней въ деревянномъ замкѣ» и т. д. (Гербершгейнъ. Записки о Московіи. СПБ. 1866, стр. 212—225). Мысль Соловьева объ историческомъ значеніи камня и дерева пріурочена ко впечатлѣніямъ воображаемаго путешественника. Интересно противопоставить имъ впечатлѣнія, вынесенныя дѣйствительнымъ путешественникомъ изъ гор. Златоуста: «Надъ городомъ нависли гранитныя скалы, камень самъ валится на голову, а городъ весь бревенчатый. Дома-избы, такъ и кажется, сорвались съ картины Рериха «Древняя Русь». Улицы не мощены и проч. (Г. Петровъ. По Золотому дну. «Русское Слово» отъ 14/III 1913 г.). Тутъ вполнѣ очевидно, что дѣло не въ камнѣ.

въ Голландіи ихъ строили изъ кирпича. Но само собою понятно, что ихъ начали строить тамъ только тогда, когда общественное развитіе вызвало потребность въ нихъ и дало экономическую возможность ея удовлетворенія.

Говоря вообще, западно-европейскіе города превращались изъ деревянныхъ въ каменные (или кирпичные) лишь по мѣрѣ того, какъ росли находившіяся въ распоряженіи ихъ жителей производительныя силы, и увеличивалось ихъ экономическое благосостояніе. Поэтому, вполнѣ позволительно думать, что если бы русскіе города богатѣли такъ же быстро, какъ западно-европейскіе, то и въ нихъ дерево постепенно уступило бы мѣсто камню.

Самые богатые города до-монгольской Руси, Кіевъ и Новгородъ, были богаче другихъ каменными постройками. Въ Кіевѣ считалось болѣе 12 каменныхъ церквей [1]). Впослѣдствіи Москва училась каменному дѣлу именно у Новгорода, пока не догадалась обратиться къ западно-европейскимъ мастерамъ. Не въ отсутствіи камня заключалась причина, остановившая развитіе Новгорода, а равно и Кіева.

С. М. Соловьевъ не такъ сильно ошибся въ своемъ взглядѣ на «камень», понимаемый въ смыслѣ горъ. Однако, и тутъ онъ все-таки неправъ.

То правда, что горы разграничиваютъ одно отъ другого первобытныя племена и тѣмъ препятствуютъ сліянію ихъ въ одну народность. Но и это положеніе должно быть принимаемо съ весьма существенными оговорками. «Камень» все-таки не помѣшалъ различнымъ народностямъ Запада вступать въ весьма оживленныя взаимныя сношенія. Развитіе этихъ сношеній тоже опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ ходомъ экономическаго развитія, которое зависитъ отъ географической среды лишь въ той мѣрѣ, въ какой она благопріятствуетъ развитію общественныхъ производительныхъ силъ. С. М. Соловьевъ и здѣсь предполагалъ непосредственное вліяніе географической среды, тогда какъ и здѣсь надо говорить преимущественно объ ея посредственномъ вліяніи. Вотъ почему, его гипотеза и не выдерживаетъ критики фактовъ. На западѣ Европы нѣтъ страны болѣе гористой, чѣмъ Швейцарія. Однако, феодальная зависимость «мужиковъ» отъ «мужей» никогда не пріобрѣтала въ ней такой прочности и такихъ широкихъ размѣровъ, какъ на «остъ-эльбской» равнинѣ. Другой примѣръ. Литовская Русь занимала часть той же восточной равнины, которую С. М. Соловьевъ называетъ деревянной страною. Но если мы сопоставимъ ея внутреннія отношенія съ отношеніями

[1]) Игорь Грабарь. Исторія русскаго искусства, выпускъ I, стр. 146.

Московской Руси, то увидимъ, что они несравненно меньше походятъ на нихъ, скажемъ, въ XVI в., чѣмъ на отношенія западноевропейскихъ странъ. Правда, можно сказать,—а нерѣдко и говорятъ,—что Литовская Русь выработала свои внутреннія отношенія подъ вліяніемъ Польши, т. е. того же Запада. Польское вліяніе въ Литвѣ было, въ самомъ дѣлѣ, очень сильно. Но объясняетъ ли оно весь, безъ остатка, складъ ея внутреннихъ отношеній? Нѣтъ, и это по весьма понятной причинѣ: вліяніе одной страны на складъ внутреннихъ отношеній другой возможно только тогда, когда въ этой послѣдней уже находятся налицо такіе общественные элементы, которымъ выгодно взять на себя роль его проводниковъ. Ниже мы еще увидимъ, почему нѣкоторые классы населенія западной Руси такъ охотно сдѣлались проводниками польскаго вліянія. А теперь мы должны вернуться къ С. М. Соловьеву.

VII.

Его разсужденія о вліяніи климата, «камня» и «дерева» весьма неудачны. Но въ его большомъ трудѣ все-таки встрѣчаются совершенно правильныя мысли о томъ, какъ вліяла географическая среда на общественное развитіе нашего отечества. Намъ необходимо внимательно вдуматься въ эти совершенно правильныя мысли.

Въ первой главѣ своего перваго тома онъ, отмѣтивъ однообразный характеръ восточно-европейской равнины, говоритъ:

«Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно, станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними» [1]).

Съ точки зрѣнія метода, это разсужденіе тоже нельзя признать безукоризненнымъ. Нашъ историкъ повторяетъ тутъ ошибку большинства изслѣдователей, раньше его писавшихъ о значеніи географической среды въ ходѣ народнаго развитія: онъ тоже прежде всего старается опредѣлить, какія психическія расположенія должны были вызываться этой средой. Лишь послѣ этого онъ указываетъ на тѣ занятія и вообще на тотъ образъ жизни, который обусловливался, по его мнѣнію, этими пред-

[1]) Исторія Россіи и т. д., кн. I, стр. 10.

расположеніями. Это—методъ историческаго идеализма: бытіе объясняется сознаніемъ, несмотря на то, что за точку исхода всего разсужденія берутся извѣстныя матеріальныя условія существованія,—въ данномъ случаѣ свойства поверхности восточной половины Европы. Но идеалистическій методъ такъ неудовлетворителенъ самъ по себѣ, что, когда изслѣдователи, къ нему прибѣгающіе, не ограничиваются словами, а въ самомъ дѣлѣ пытаются найти взаимную связь общественныхъ явленій, они покидаютъ его и на время дѣлаются матеріалистами, т. е. объясняютъ сознаніе бытіемъ [1]). Этой методологической непослѣдовательности ученыхъ общественная наука обязана многими очень важными открытіями. С. М. Соловьевъ тоже не вѣренъ здѣсь своему идеалистическому методу; но и у него эта невѣрность даетъ хорошій теоретическій результатъ. Сказавъ нѣсколько словъ о психическихъ предрасположеніяхъ русскаго племени, будто бы непосредственно вызываемыхъ географической средой, онъ немедленно переходитъ отъ нихъ къ соображеніямъ о томъ, какъ должно было повліять однообразіе природныхъ формъ на занятія и образъ жизни этого племени. Иначе сказать: отъ попытки объяснить бытіе сознаніемъ онъ быстро,—хотя, какъ это видно по всему, самъ того не замѣчая,—переходитъ къ объясненію сознанія бытіемъ. И тутъ мы узнаемъ отъ него, что однообразіе природныхъ формъ ведетъ къ однообразію занятій, а однообразіе занятій производитъ однообразіе обычаевъ, нравовъ, потребностей и вѣрованій, при чемъ однообразіе потребностей указываетъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію и т. д. Это—очень цѣнныя мысли, до сихъ поръ слишкомъ мало принимаемыя въ соображеніе тѣми писателями, которые задумывались о причинахъ относительной самобытности русскаго историческаго процесса.

Представимъ себѣ, что данная клѣточка раздѣлилась, какъ это нерѣдко происходитъ, на двѣ клѣточки-дочери, эти послѣднія раздѣлились на четыре клѣточки-внучки, клѣточки-внучки породили каждая по двѣ правнучки и т. д. и т. д. Число клѣточекъ растетъ въ геометрической прогрессіи, при чемъ ни одна изъ нихъ не ведетъ совершенно отдѣльнаго отъ другихъ существованія. Что у насъ получается? Получается извѣстная совокупность клѣточекъ, живая ткань, но не сколько-нибудь сложный организмъ. Чтобы получился такой организмъ, процессъ

---

[1]) Я потому говорю «общественныхъ явленій», что въ своей лабораторіи каждый естествоиспытатель поневолѣ дѣлается матеріалистомъ. Чтобы найти примѣры идеалистическаго объясненія явленій природы, нужно было бы вернуться къ натурфилософіи Шеллинга.

размноженія клѣточекъ долженъ былъ бы сопровождаться процессомъ ихъ дифференціаціи: безъ дифференціаціи нѣтъ развитія въ природѣ.

Теперь предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной земледѣльцевъ, находящейся въ ровной, со всѣхъ сторонъ открытой и ненаселенной мѣстности. Когда наша община почувствуетъ «земельную тѣсноту», вслѣдствіе возрастанія числа ея членовъ, тогда часть ихъ покинетъ свою деревню и образуетъ новый поселокъ. Когда онъ увеличится настолько, что ему уже недостаточно будетъ окружающей его земли при старыхъ пріемахъ сельскаго хозяйства, онъ тоже выселитъ «на новыя мѣста» часть своихъ жителей. «На новыхъ мѣстахъ» повторится та же исторія и т. д. и т. д. Пока не истощится запасъ «порозжихъ земель», каждая деревня будетъ прибѣгать къ выселенію всякій разъ, когда число ея членовъ достигнетъ извѣстнаго предѣла. Что же получится? Получится много деревень, обрабатывающихъ землю съ помощью старыхъ пріемовъ. Заселенная такимъ образомъ мѣстность окажется, можетъ быть, довольно зажиточной, но уровень ея экономическаго развитія будетъ все-таки очень низокъ. Однообразіе естественныхъ условій и связанное съ нимъ однообразіе занятій замедляетъ повышеніе этого уровня, вслѣдствіе чего задерживается также и духовное развитіе жителей. Марксъ говоритъ: «не абсолютное плодородіе почвы, а ея дифференцированіе, разнообразіе ея естественныхъ произведеній составляетъ естественную основу раздѣленія труда и заставляетъ человѣка, въ силу разнообразія окружающихъ его естественныхъ условій, разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы производства [1]). Однообразіе естественныхъ условій, характеризующее собою восточную европейскую равнину, было неблагопріятно прежде всего для успѣховъ ея населенія въ области экономическаго развитія. Но мы знаемъ, что экономическое развитіе опредѣляетъ собою развитіе общественно-политическое и духовное. Поэтому съ указаніемъ С. М. Соловьева на «природныя условія», вызвавшія однообразіе занятій, непремѣнно долженъ считаться всякій, кто желаетъ выяснить себѣ ходъ русскаго общественнаго развитія.

Но это не все. «Великая равнина,—продолжаетъ нашъ историкъ,—открыта на юго-востокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи, толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и занимаютъ привольныя для нихъ

---

[1]) «Das Kapital», t. I. dritte Auflage, ss. 524 525.

страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра... Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба со степными варварами» [1]).

Какъ же повліяла эта продолжительная борьба съ кочевниками на внутреннее развитіе Россіи? С. М. Соловьевъ дѣлаетъ лишь нѣкоторые намеки на рѣшеніе этого важнаго вопроса. Самъ онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ историковъ, которые приписывали борьбѣ съ кочевниками рѣшающее вліяніе на судьбу русскаго племени. Извѣстно его замѣчаніе о татарахъ: «татары (послѣ покоренія Руси. *Г. П.)* остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все, какъ было» [2]). Но другіе кочевые народы,—предшествовавшіе татарамъ въ своихъ столкновеніяхъ съ русскимъ племенемъ,—еще меньше татаръ «вмѣшивались во внутреннія отношенія». Поэтому мы должны понимать С. М. Соловьева въ томъ смыслѣ, что всѣ эти другіе кочевники еще болѣе, чѣмъ татары, «оставляли все, какъ было». А если это такъ, то въ чемъ же сказалось вліяніе борьбы съ кочевниками на внутреннюю исторію Россіи? Соловьевъ признавалъ, какъ видно, что, оставляя «все, какъ было», кочевники, своимъ вліяніемъ, замедляли или ускоряли естественное развитіе внутреннихъ отношеній русскаго общества. «Мало того, что степняки, или Половцы, сами нападали на Русь,—говоритъ онъ,—они отрѣзывали ее отъ черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею. Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить навстрѣчу къ греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та сообщалась съ образованною Европою» [3]). Но если это такъ, то очевидно, что и кочевники повліяли на нашу внутреннюю исторію прежде всего,—и, можетъ быть, главнымъ образомъ,—тѣмъ, что замедлили наше экономическое развитіе. Къ сожалѣнію, С. М. Соловьевъ не останавливается на разсмотрѣніи этого важнаго вопроса.

Говоря о пораженіи Витовта Темиръ-Кутлаемъ и Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы, онъ замѣчаетъ: «татары побѣдили; но какія же были послѣдствія этой побѣды?—опустошеніе нѣкоторой части литовскихъ владѣній, — и только!» [4]) Это замѣчаніе характерно

[1]) Тамъ же, кн. I, стр. 10.

[2]) Тамъ же,

[3]) Тамъ же, стр. 4.

[4]) Тамъ же, стр. 1034.

для его, разбираемаго здѣсь, взгляда. Онъ, подобно Карамзину, имѣлъ въ виду преимущественно исторію государства, и тамъ, гдѣ событія не оказывали замѣтнаго непосредственнаго вліянія на государственное устройство или на отношеніе государства къ сосѣдямъ, — въ только что указанномъ случаѣ на отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Ордѣ,—онъ готовъ былъ умалять ихъ историческое значеніе. Кочевники «т о л ь к о» опустошали Русь или брали съ нея дань. Поэтому С. М. Соловьевъ говоритъ, что они оставляли все, какъ было. Но если опустошенія з а д е р ж и в а л и внутреннее развитіе того, что было, то они тѣмъ самымъ могли придать этому развитію новое направленіе, болѣе или менѣе отличное отъ того, которое оно получило бы при другомъ историческомъ сосѣдствѣ. Конечно, р а з н и ц а в ъ б ы с т р о т ѣ развитія есть лишь к о л и ч е с т в е н н а я разница. Но, постепенно накопляясь, количественныя различія переходятъ, наконецъ, въ качественныя. Кто знаетъ? Можетъ быть, опустошая Русь и, стало быть, замедляя ростъ ея производительныхъ силъ, хищные номады способствовали возникновенію и упроченію извѣстныхъ особенностей и въ ея политическомъ строѣ. Вотъ почему внимательнѣе слѣдовало разсмотрѣть вопросъ объ экономическихъ и общественно-политическихъ послѣдствіяхъ борьбы осѣдлаго населенія восточной равнины со своими кочевыми непріятелями.

VIII.

Чѣмъ больше растутъ производительныя силы, находящіяся въ распоряженіи даннаго общества, тѣмъ выше поднимается оно по лѣстницѣ экономическаго развитія. Чѣмъ выше поднимается оно по лѣстницѣ экономическаго развитія, тѣмъ успѣшнѣе отстаиваетъ оно свое существованіе въ борьбѣ съ сосѣдями. «Побѣда основывается на производствѣ оружія,—говоритъ Энгельсъ, оспаривая Дюрингову «теорію насилія»,—а послѣднее, въ свою очередь, на производствѣ вообще, слѣдовательно на «экономической силѣ», на «экономическомъ положеніи», на м а т е р і а л ь н ы х ъ средствахъ, которыми можетъ располагать сила» [1]). Но если это вѣрно,—а это вполнѣ вѣрно,—то чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что земледѣльцы, населявшіе восточную европейскую равнину, такъ долго не могли справиться съ кочевниками, проникавшими въ нее изъ Азіи черезъ «широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ?» Вѣдь въ экономическомъ отношеніи земледѣльцы выше кочевниковъ.

[1]) Философія.—Политическая экономія.—Соціализмъ.—Анти-Дюрингъ.—Перевод съ нѣмецкаго, 4-е изданіе, стр. 137.

Въ настоящее время вопросъ этотъ, какъ видно, сильно интересуетъ тѣхъ изъ нашихъ изслѣдователей, которые придерживаются матеріалистическаго объясненія исторіи. Но надо сознаться, что они рѣшаютъ его, къ сожалѣнію, не всегда удачно.

Такъ, В. А. Келтуяла недавно высказалъ ту мысль, что до половины XIII в. преобладающимъ у насъ занятіемъ была охота и связанная съ нею торговля, между тѣмъ какъ татары были скотоводами. Скотоводство выше охоты. Оно требуетъ лучшей организаціи общественныхъ силъ. «Поэтому общественно-политическія организаціи, въ основѣ которыхъ лежитъ скотоводство, обыкновенно сильнѣе организацій, основанныхъ на охотѣ». Этимъ и объясняетъ почтенный авторъ тотъ фактъ, что «охотничье-торговое государство, основавшееся на великомъ водномъ пути, потерпѣло окончательное пораженіе отъ скотоводцевъ-кочевниковъ» [1]).

Выходитъ, что С. М. Соловьевъ былъ неправъ, называя печенѣговъ, половцевъ и татаръ азіатскими варварами. А если и правъ; если эти азіаты все-таки могутъ быть названы в а р в а р а м и, то мы должны помнить, что на восточно-европейской равнинѣ имъ противостояли русскіе д и к а р и - охотники, еще болѣе низкіе по своему экономическому и общественному развитію. Въ виду этого, подчиненіе русскихъ монголамъ представляется простымъ и понятнымъ слѣдствіемъ экономическаго превосходства этихъ послѣднихъ: мы уже знаемъ, что побѣда предполагаетъ производство оружія, а производство оружія основывается на производствѣ вообще, на матеріальныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи тѣхъ, которые побѣждаютъ.

Однако, это объясненіе плохо мирится съ общеизвѣстными историческими фактами.

Вспомнимъ разсказъ лѣтописца о переговорахъ Ольги съ древлянами. Она посылаетъ сказать жителямъ Коростеня: «чего хощете досѣдѣти? А вси ваши городи передашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землю свою, а вы хощете голодомъ измерети» и проч. [2]). Можно ли предположить, что этотъ разсказъ возникъ въ «охотничье-торговомъ государствѣ»? Ясно, что нѣтъ. Онъ возникъ въ средѣ земледѣльцевъ, дорожащихъ возможностью «дѣлать нивы своя и землю свою» [3]). А онъ вовсе

[1]) «Курсъ исторіи русской литературы», часть I, книга вторая, С.-Петербургъ 1911, стр. 68—69.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, СПБ. 1871, стр. 37.

[3]) Къ слову сказать, современная этнологія совсѣмъ не знаетъ «охотничье-торговыхъ» г о с у д а р с т в ъ. Охотничьему быту соотвѣтствуетъ общественная организація, основанная на к р о в н о м ъ р о д с т в ѣ. Теперь въ этомъ врядъ ли можно усомниться, особенно имѣя въ виду превосходныя работы сѣверо-американской этнологической школы, возникшей подъ вліяніемъ знаменитаго Моргана.

не представляетъ собою чего-нибудь исключительнаго. Бѣлгородцы, осажденные въ 997 г. печенѣгами и доведенные ими до крайности, уже хотѣли сдаваться, но одинъ старикъ придумалъ хитрость. Онъ посовѣтовалъ своимъ согражданамъ: «сберите по горсти овса, или пшеницѣ, или отробъ». Когда они исполнили его совѣтъ, онъ приказалъ женщинамъ сдѣлать кисель, вылилъ этотъ кисель въ кадку и опустилъ кадку въ колодезь. Въ другой колодезь была спущена кадка съ медовой сытою. Потомъ онъ послалъ за печенѣгами и сказалъ имъ: «почто губите себѣ? Коли можете перестояти насъ? аще сидите 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ земли; аще ли не вѣруете, да видите своими очима». Печенѣги повѣрили тому, что бѣлгородцы «имѣютъ кормлю отъ земли», и сняли осаду [1]). Этотъ разсказъ тоже могъ сложиться лишь въ народѣ, который, по яркому выраженію, вложенному лѣтописцемъ въ уста хитроумнаго бѣлгородскаго Улиса, получалъ свою «кормлю», именно, «отъ земли» [2]). Не менѣе характеренъ и разсказъ о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ уговаривалъ Святополка итти «на поганыхъ» (т. е. на половцевъ). «И начаша глаголати дружина Святополча: «не веремя веснѣ воевати, хочешь погубити смерды, и ролью имъ». И рече Володимеръ: «дивно ми, дружино, оже лошади кто жалуетъ, ею же ореть кто; а сего чему не разсмотрите, оже начнеть смердъ орати, и Половчинъ приѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а въ село въѣхавъ поиметь жену его и дѣти, и все имѣнье его возьметь?» и т. д. Этотъ доводъ произвелъ такое впечатлѣніе, что «не могоша противу его отвѣщати дружина Святополча» [3]): она, какъ видимъ, хорошо понимала, до какой степени полезно дать смерду возможность спокойно пахать свое поле. Охотники плохо понимаютъ это по той простой причинѣ, что они не пашутъ, да и нѣтъ смердовъ между ними.

За десять лѣтъ до этого совѣщанія князей, торки, осажденные половцами, послали сказать Святополку: «аще не пришлеши брашна (т. е. хлѣба. *Г. П.*), предатися имамы» [4]). Это извѣстіе еще не доказываетъ, конечно, что къ тому времени сами торки [5])

---

[1]) Тамъ же, стр. 88—89. Тутъ не мѣшаетъ еще замѣтить, что охотничьи народы не имѣютъ обыкновенія отсиживаться отъ непріятелей въ укрѣпленныхъ городахъ.

[2]) «Вятичи, забивавшіеся въ глухіе лѣса между Десной и верхней Окой, платили хазарамъ дань «отъ рала», съ сохи (Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 67). Это опять явленіе, неслыханное въ охотничьемъ быту.

[3]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 183.

[4]) Тамъ же, стр. 154.

[5]) Народецъ, принадлежащій къ тюркскому племени и еще незадолго до указаннаго событія остававшійся кочевымъ.

уже сдѣлались земледѣльцами. Но ихъ просьба о присылкѣ хлѣба вполнѣ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что они имѣли дѣло съ политическимъ представителемъ мѣстности, населенной преимущественно земледѣльцами. И замѣчательно, что лѣтописецъ, жалуясь на опустошенія, произведенныя тогда половцами, выступаетъ передъ нами идеологомъ, именно, земледѣльческаго племени: онъ на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, что «лукавии сынове Измаилове пожигаху села і гумна»; сожженныя церкви идутъ въ его повѣствованіи лишь послѣ гуменъ и селъ [1]).

Уже въ то отдаленное время главную пищу русскаго народа составляли продукты земледѣлія. «Въ Печерскомъ монастырѣ XI в.,—говоритъ проф. Мих. Грушевскій [2]),—обычной пищей былъ хлѣбъ (главнымъ образомъ, ржаной), сочиво (вареный горохъ и другія стручковыя овощи), либо каша, вареныя и приправленныя растительнымъ масломъ огородныя овощи; въ скоромные дни ѣли сыръ, въ постные—рыбу, но послѣдняя являлась уже лакомствомъ... Хлѣбъ считался болѣе изысканною пищей, чѣмъ сочиво, а на самомъ концѣ, какъ самая послѣдняя ѣда, стояли вареные «городные продукты». По мнѣнію проф. Грушевскаго, это монастырское меню даетъ намъ представленіе о томъ, чѣмъ питались тогда бѣднѣйшіе слои населенія: «хлѣбъ, каша и вареныя овощи (по всей вѣроятности, что-то въ родѣ щей) были въ то время, какъ и въ наше, главной пищей населенія», хотя оно и потребляло больше мяса, нежели теперь [3]).

Къ этому необходимо прибавить, во избѣжаніе недоразумѣній, что земледѣліе, составлявшее главное занятіе русскаго народа въ теченіе кіевскаго періода, далеко не было тѣмъ первобытнымъ ковыряніемъ почвы, какимъ занимаются или занимались, на ряду съ охотой, нѣкоторыя дикія племена Африки и обѣихъ Америкъ. Употреблявшіяся тогда земледѣльческія орудія,—напримѣръ, плугъ и борона,—указываютъ на значительно болѣе высокую технику, предполагающую употребленіе въ работу домашнихъ животныхъ (лошадей или воловъ).

По словамъ В. А. Келтуялы,—трудъ котораго, несмотря на нѣкоторыя частныя заблужденія, все-таки поистинѣ замѣчателенъ,—

---

[1]) Тамъ же, стр. 155.

[2]) Кіевская Русь, т. I, СПБ. 1911, стр. 326—327.

[3]) Грушевскій. Кіевская Русь, т. I, стр. 327. Въ другомъ мѣстѣ того же тома авторъ замѣчаетъ: «Источники, знавшіе славянъ въ нормальныхъ условіяхъ, на насиженныхъ мѣстахъ, указываютъ на широко развитую у нихъ земледѣльческую культуру, наложившую сильный отпечатокъ на весь славянскій бытъ» (стр. 306—307). Источники эти относятся къ IX, X и XI вв. Ср. «Очеркъ исторіи украинскаго народа» того же автора, второе изданіе, стр. 31—32.

охота, въ теченіе многихъ тысячелѣтій господствовавшая среди русскаго населенія, наложила на его психику опредѣленный характеръ [1]). Это такъ: разумѣется, наложила; но земледѣліе наложило, затѣмъ, еще болѣе замѣтный характеръ. Когда? Еще въ языческую эпоху, т. е. очень задолго до монголовъ. Это легко доказать фактами, которые во множествѣ собралъ самъ г. Келтуяла въ первой части своего замѣчательнаго труда.

Возьмемъ такъ называемыя калядскія пѣсни. Въ курсѣ г. Келтуялы онѣ дѣлятся на двѣ группы: къ первой относятся пѣсни, сохранившія на себѣ явные слѣды языческихъ представленій; ко второй—пѣсни, разрабатывающія христіанскіе мотивы. Первая группа, очевидно, болѣе древняя. Что же слышимъ мы о ней отъ г. Келтуялы? Вотъ что.

«Среди калядскихъ пѣсенъ первой группы особенно интересны тѣ, которыя носятъ аграрный характеръ. Въ одной пѣснѣ поющій приглашаетъ хозяина встать и посмотрѣть, какъ Господь ходитъ по двору и приготовляетъ плуги и воловъ; далѣе поется о томъ, что Господь приготовляетъ коней, ходитъ на току, кладетъ снопы въ три ряда, пшеницу—въ четыре, устраиваетъ пчеловодство и готовитъ пиво» [2]).

Это, безъ малѣйшаго сомнѣнія, психика земледѣльческаго народа. Охотничьи племена распѣваютъ другія пѣсни. Вотъ, напримѣръ, австраліецъ поетъ: «Кенгуру былъ жиренъ, а я его съѣлъ». Тутъ дѣло ясное: въ этой пѣснѣ, очевидно, отражается охотничья психика. Самъ г. Келтуяла прибавляетъ, что образъ бога, подготовляющаго земледѣльческую работу, повидимому, представляетъ собою отраженіе языческаго Дажь-бога. Но что такое Дажь-богъ? «У Сварна есть дѣти: Дажь-богъ (Дай-богатство)—это солнце (другое названіе этого бога: Хорсъ); это—богъ, который долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе у той части славянства, которая, по преимуществу, стала заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ» [3]). А каково было значеніе Дажь-бога у русскихъ славянъ? Вотъ каково. Слово о полку Игоревѣ, памятникъ, относящійся, какъ это всѣмъ извѣстно, къ христіанскому періоду, называетъ русскій народъ Дажь-божьимъ внукомъ («Возстала обида въ силахъ Дажь-божья внука» и т. д.). Стало быть—очень велико. А это обстоятельство опять говоритъ вовсе не о психикѣ охотничьяго племени. Не менѣе замѣчательно еще и то обстоятельство, что, жалуясь на опустошенія, производимыя княжескими

---

[1]) Курсъ, ч. II, стр. 68.
[2]) Курсъ, ч. I, СПБ. 1906, стр. 105.
[3]) Тамъ же, стр. 29.

усобицами, слово о полку Игоревѣ говоритъ: «тогда по русской землѣ рѣдко кричали пахари, но зато часто каркали вороны и т. д.». Оба эти обстоятельства отмѣчены самимъ г. Келтуялой [1]).

А другія пѣсни? Послушаемъ того же ученаго.

«За столъ садятся гадающія, которыя кладутъ около блюда свои кольца... Затѣмъ поется рядъ пѣсенъ, получившихъ по имени блюда названіе подблюдныхъ. Первая пѣсня посвящается хлѣбу и соли. По окончаніи ея кладутъ кольца, перстни, хлѣбъ, соль и угольки на блюдо и поютъ слѣдующія пѣсни: «Катилося зерно по бархату», «Идетъ кузнецъ изъ кузницы» и др.». И опять самъ г. Келтуяла прибавляетъ: «Главнымъ предметомъ гаданій въ глубокой древности было, повидимому, богатство въ зависимости отъ развитія силы Дажь-бога», т. е. бога земледѣлія [2]). А вотъ пѣсни, называемыя веснянками. Въ одной изъ нихъ «просятъ весну явиться съ радостью, съ великою милостью, съ высокимъ льномъ, съ глубокимъ корнемъ, съ обильными хлѣбами». Въ другой спрашиваютъ весну, на чемъ она пріѣхала: «на сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу, на ржаномъ колосу?» [3]).

Изъ хороводныхъ пѣсенъ наиболѣе замѣчательна, по мнѣнію г. Келтуялы, пѣсня, изображающая сѣяніе проса въ связи съ выборомъ невѣсты. «Она представляетъ діалогъ между дѣвушками и парнями. Дѣвушки поютъ про то, какъ онѣ просо сѣяли. Парни отвѣчаютъ, что они это просо вытопчутъ» [4]). Подобныя пѣсни часто встрѣчаются и у другихъ земледѣльческихъ народовъ. У нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго архипелага существуютъ довольно сложныя пляски, изображающія сѣяніе проса въ дѣйствіяхъ и въ пѣсняхъ. Все это, конечно, очень ярко иллюстрируетъ ту мысль, что не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Но въ томъ-то и дѣло, что бытіе, отразившееся въ пѣсняхъ этого рода, было бытіемъ земледѣльцевъ, а не охотниковъ. Впрочемъ, здѣсь полезно оговориться. Тотъ, сообщаемый хороводной пѣснью, фактъ, что просо сѣяли дѣвушки, между тѣмъ какъ парни грозятъ его вытоптать, позволяетъ предположить такую эпоху въ жизни русскихъ славянъ, когда земледѣліемъ занимались женщины, между тѣмъ какъ мужчины оставались охотниками. Такое раздѣленіе общественнаго труда до самаго недавняго времени существовало у нѣкоторыхъ племенъ центральной Бразиліи. Въ психологіи такихъ племенъ всегда сильно сказываются черты охотничьяго быта.

---

[1]) Курсъ, ч. I, стр. 591.
[2]) Тамъ же, стр. 107.
[3]) Тамъ же, стр. 109.
[4]) Тамъ же, стр. 110.

Г. Келтуяла указываетъ также на жатвенные праздники. Онъ говоритъ, что во второй половинѣ іюля у славянъ-язычниковъ былъ праздникъ въ честь Перуна, бога грома. «Съ его именемъ связывались благодѣтельныя для плодородія грозы, которыми обыкновенно отличается эта часть іюля, и начало жатвенныхъ работъ» [1]).

Довольно. Прибавлю еще только, что, по свидѣтельству г. Келтуялы, русскія пословицы, касающіяся хозяйственныхъ занятій, «отражаютъ, главнымъ образомъ, земледѣльческій трудъ» [2]). Послѣ всего этого мы можемъ уже не сомнѣваться въ томъ, что, именно, этотъ трудъ наложилъ наиболѣе глубокую печать на психику русскаго народа. Это нужно хорошенько запомнить, такъ какъ ниже намъ еще придется считаться съ вопросомъ о томъ, гдѣ лежала главная пружина хозяйственной жизни русскаго народа въ теченіе кіевскаго періода его исторіи. Съ ошибочнымъ рѣшеніемъ этого вопроса связано много ложныхъ представленій о ходѣ нашего общественно-политическаго развитія.

IX.

Итакъ, историческая истина совсѣмъ не на сторонѣ В. А. Келтуялы, а на сторонѣ С. М. Соловьева: въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ кіевскаго періода, кочевники являлись племенами, стоявшими на менѣе высокой степени экономическаго, а стало быть и вообще культурнаго развитія. И напрасно г. Келтуяла,— да и не онъ одинъ,—смущается тѣмъ, что скотоводы-татары покорили русскихъ земледѣльцевъ. Этотъ фактъ такъ же мало противорѣчитъ матеріалистическому объясненію исторіи, какъ движеніе вверхъ шара, наполненнаго газомъ, болѣе легкимъ, нежели атмосферный воздухъ, опровергаетъ теорію тяготѣнія. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ передъ нами лишь мнимый парадоксъ.

Дѣло въ томъ, что движеніе человѣчества по пути культуры вовсе не есть прямолинейное движеніе. Съ переходомъ на болѣе высокую степень экономическаго развитія данное племя (или государство), разумѣется, дѣлаетъ болѣе или менѣе значительный шагъ впередъ. Но не во всѣхъ отношеніяхъ. Извѣстныя стороны его быта могутъ попятиться назадъ, именно, благодаря тому, что оно сдѣлало шагъ,—говоря вообще,—прогрессивный. Вотъ яркій примѣръ. Какъ извѣстно, охотничьи племена обнаруживаютъ несравненно больше склонности и,—главное,—способности

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Тамъ же, стр. 152.

къ пластическимъ искусствамъ, нежели племена, занимающіяся скотоводствомъ и первобытнымъ земледѣліемъ. И точно также, нынѣшняя буржуазная Европа, обладающая такими могучими производительными силами, очень и очень много уступаетъ античному міру въ эстетическомъ отношеніи. Въ мою задачу никакъ не входитъ здѣсь разсмотрѣніе тѣхъ причинъ, которыми вызываются только что указанныя явленія. Достаточно сказать, что причины эти тоже коренятся въ новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ новыми техническими завоеваніями и связанными съ ними перемѣнами въ образѣ жизни [1]). Но о кочевникахъ умѣстно сказать еще нѣсколько словъ.

Уже въ книгѣ покойнаго Н. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1883 г., встрѣчается интересный анализъ экономическихъ и бытовыхъ условій, породившихъ идею монгольской всемірной имперіи. Излагая взглядъ одного англійскаго писателя, Н. Зиберъ указываетъ на то, что самый образъ жизни кочевыхъ народовъ не располагаетъ ихъ къ миру. «У странствующихъ народовъ, не имѣющихъ никакихъ постоянныхъ границъ,—говоритъ онъ,—не можетъ недоставать поводовъ къ войнѣ, такъ какъ они постоянно вторгаются въ границы пастбищъ одинъ другого. Такимъ образомъ возникаютъ случаи предательской войны» [2]). Затѣмъ онъ отмѣчаетъ ихъ выносливость и ту легкость, съ которой они мобилизуютъ свои военныя силы. «Ихъ суровость и крѣпость даютъ имъ возможность выдерживать усталость отъ продолжительныхъ странствованій, лишеній и изнуреній. Подобная община пастуховъ не нуждается ни въ какомъ коммисаріатѣ. Пища ихъ въ видѣ мяса ихъ быковъ или лошадей, которые привыкли ѣсть одну только траву, можетъ всегда пропитать ихъ на пути. ...Ихъ безразличіе къ жизни дѣлаетъ излишнею всякую предусмотрительность относительно заботы о больныхъ и раненыхъ... Ихъ военная жизнь, включающая продолжительныя странствованія и возвращенія и истощающая въ корень другія войска, мало отличается отъ ихъ обычаевъ во время мира... Побѣда воспламеняла ихъ... пораженіе смиряло на время ихъ духъ, но они всегда имѣли открытое отступленіе въ безконечную пустыню, гдѣ они могли, по меньшей мѣрѣ, спастись отъ мести цивилизованныхъ націй» [3]). Уже эти строки въ значительной степени объясняютъ намъ военные успѣхи кочевниковъ. Но Зиберъ не ограничился ими. Опираясь на того же англійскаго писателя, онъ утверждалъ, что опустошительные на-

[1]) Подробнѣе см. объ этомъ въ моихъ статьяхъ объ искусствѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ: «За двадцать лѣтъ» и «Критика нашихъ критиковъ».

[2]) Очерки первобытной экономической культуры.—Изд. 2-ое, СПБ. 1899, стр. 39.

[3]) Тамъ же, стр. 113.

бѣги, которымъ предавались кочевые народы, были для нихъ своего рода необходимостью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось достигнуть господства. «Когда ихъ первые успѣхи привлекали большое число лицъ къ побѣдному знамени, то удержать въ неподвижномъ положеніи такую громадную массу не было возможности. Прежде всего ихъ пастбища скоро были бы истощены, а, во-вторыхъ, ихъ вожди могли поддерживать свое достоинство и свое высокое положеніе надъ единоплеменниками только при помощи активныхъ операцій. Иностранныя войска, широко входящія въ составъ ихъ армій, были всегда готовы отпасть отъ насильственнаго союза. Всякій признакъ слабости или неспособности вождя сдѣлался бы знакомъ общаго распаденія» [1]).

Къ этому надо прибавить слѣдующее. Если мы сравнимъ вооруженіе осѣдлыхъ русскихъ племенъ, скажемъ, X или XI в. съ вооруженіемъ тѣхъ кочевниковъ, натискъ которыхъ имъ пришлось отражать, то увидимъ, что превосходство перваго надъ вторымъ очень невелико, а, пожалуй, даже сомнительно. Мечу пѣшаго русскаго воина противостоитъ сабля кочевого всадника. Уступаетъ ли сабля мечу, какъ орудіе нападенія или самозащиты? Предположимъ, что—да. Но фактъ тотъ, что и русскіе воины нерѣдко предпочитали саблю мечу, а въ XII в., судя по «Слову о полку Игоревѣ», сабли даже преобладали, такъ какъ «выгнутою саблею удобнѣе рубить, чѣмъ прямымъ мечемъ» [2]). Удобнѣе, конечно, только для всадника, но въ тогдашнемъ русскомъ войскѣ конница уже играла очень важную роль, которая, съ теченіемъ времени, становилась еще болѣе важной. Стало быть, со стороны вооруженія трудно предположить какое-нибудь серьезное превосходство тогдашнихъ (русскихъ) земледѣльцевъ надъ номадами. Достойно замѣчанія, что если русскіе воины заимствовали оружіе у номадовъ, то цивилизованные римляне не разъ дѣлали подобныя заимствованія у тѣхъ варваровъ, съ которыми имъ приходилось вести войны. Вообще, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, разстояніе, отдѣляющее цивилизацію отъ варварства, первоначально совсѣмъ незначительно и растетъ лишь мало-помалу, но съ постоянно и сильно возрастающимъ ускореніемъ [3]).

Наконецъ,—и на это необходимо обратить большое вниманіе,—переходъ къ земледѣлію вызываетъ со временемъ такое раз-

[1]) Тамъ же, стр. 40.

[2]) Проф. Грушевскій. Кіевская Русь, т. I, стр. 339.

[3]) Человѣкъ, очень свѣдущій въ военномъ искусствѣ своего времени, капитанъ Маржерэ,—котораго у насъ почему-то называютъ Маржеретомъ,—говоритъ: «Сотня татаръ всегда разгонитъ двѣсти россіянъ» («Состояніе Россійской державы и великаго княжества московскаго», СПБ. 1830, стр. 55). Какъ видно изъ его дальнѣйшаго изложенія, Маржерэ имѣетъ въ виду русскую конницу. Какъ же объяснить это превосходство

дѣленіе общественнаго труда, которое является источникомъ относительной слабости земледѣльцевъ съ военной стороны. У номадовъ всѣ или почти всѣ взрослые мужчины—воины; у земледѣльцевъ военное дѣло становится занятіемъ лишь нѣкоторой части общества, напримѣръ, въ Кіевской Руси—князя и его дружины. Правда, кромѣ княжеской дружины, по временамъ созывается также и народное ополченіе. Но созывы ополченія все-таки представляютъ собою нѣчто исключительное и, кромѣ того, становятся все рѣже и рѣже [1]). Владиміръ Мономахъ хорошо изобразилъ обычное положеніе дѣлъ: смердъ пашетъ, а князь съ дружиной охраняетъ его отъ непріятельскихъ набѣговъ. При такомъ положеніи дѣлъ есть только одно условіе побѣды земледѣльцевъ надъ кочевниками: объединеніе первыхъ въ одинъ большой политическій союзъ, а въ ожиданіи его—сочетаніе усилій всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ политическихъ союзовъ, на которые распадается земледѣльческое населеніе данной территоріи. Вотъ почему всѣ русскіе идеологи кіевскаго періода такъ рѣшительно и единодушно осуждаютъ княжескія усобицы: «почто вы распрю имата межи собою?—говорятъ Святополку «мужѣ смысленѣи»,—а погании губять землю Рускую; послѣдѣся смирита, а нынѣ поидита противу имъ (т. е. противъ половцевъ. *Г. П.)* любо съ миромъ, любо ратью» (ср. краснорѣчивыя жалобы на княжескія усобицы въ «Словѣ о полку Игоревѣ»). И по той же причинѣ такъ сильно было впослѣдствіи сочувствіе русскаго народа къ объединительной политикѣ московскихъ,—а на западной половинѣ русской территоріи литовскихъ,—великихъ князей. Интересно, что Казань и Астрахань пали только тогда, когда окончательно объединилась восточная Русь.

Все это показываетъ, что мы имѣемъ возможность объяснить побѣду кочевниковъ надъ кіевской Русью, не прибѣгая къ совершенно несостоятельной гипотезѣ «охотничье-торговаго государства».

Теперь посмотримъ, каковы были послѣдствія многовѣковаго натиска скотоводовъ-кочевниковъ на земледѣльцевъ, населявшихъ восточную европейскую равнину.

Во-первыхъ, онъ помѣшалъ русскому населенію придвинуться вплотную къ берегамъ Чернаго моря и даже заставилъ его

татарской конницы надъ московской? Неужели тѣмъ, что въ концѣ XVI вѣка Крымъ стоялъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія, нежели Московская Русь? Не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился утверждать это.

[1]) При томъ, вооруженіе ополченцевъ значительно уступаетъ вооруженію дружинниковъ: «обыкновенные курганы содержатъ въ себѣ копья, ножи, стрѣлы и топоры; таково, вѣроятно, было вооруженіе простого воина недружинника» (проф. Грушевскій, тамъ же, стр. 339).

отступить на сѣверъ и на сѣверо-западъ [1]). Это вынужденное отступленіе отъ морскихъ береговъ должно было замедлить экономическое развитіе Руси. Во-вторыхъ, оттѣснивши Русь отъ береговъ Чернаго моря, кочевники продолжали нападать на ея торговые караваны, затрудняли ея сношенія съ Крымомъ и Византіей, чѣмъ создавали новыя препятствія для ея экономическаго развитія. Въ-третьихъ, періодически опустошая территорію осѣдлаго русскаго племени, они мѣшали его росту благосостоянія. «Непрекращающіеся набѣги на города и селенія, жившіе среди вѣчной тревоги на военномъ положеніи; захватъ плѣнниковъ во время набѣговъ въ громадномъ количествѣ, при чемъ работоспособные продавались въ крымскихъ портахъ въ неволю въ чужія страны, а всѣ непригодные къ работѣ и на продажу безжалостно убивались; уничтоженіе цѣлыхъ селеній, и въ результатѣ—бѣгство населенія и запустѣніе цѣлыхъ областей»,—такъ изображаетъ историкъ тогдашнюю жизнь въ мѣстностяхъ, доступныхъ нападеніямъ кочевниковъ [2]). Нечего и говорить, что такая жизнь мало благопріятствовала накопленію богатства. Правда, верхи тогдашняго русскаго общества какъ-будто располагали довольно большими денежными средствами [3]). Однако, въ его низахъ должно было возникнуть много элементовъ, лишенныхъ всякой возможности вести самостоятельное хозяйство. Эти элементы попадали въ зависимость отъ лицъ, обладавшихъ денежными средствами. Ростовщическій капиталъ подчинилъ своей власти значительную часть тогдашняго трудящагося населенія [4]). Но господство ростовщическаго капитала, въ свою очередь, весьма неблагопріятно для развитія производительныхъ силъ страны, такъ какъ онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуется присвоеніемъ прибавочнаго продукта и совсѣмъ не измѣняетъ способа производства [5]). Въ XII в. Поднѣпровье замѣтно бѣднѣетъ. Въ 1159 г. черниговскій князь Свято-

[1]) Въ VIII в. Русь владѣла устьемъ Днѣпра, а потомъ нижнее теченіе этой рѣки было надолго утрачено ею.

[2]) Проф. М. Грушевскій, тамъ же, стр. 287. Ср. также Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго, ч. I, стр. 334 и слѣд.

[3]) В. Ключевскій, тамъ же, стр. 336—337.

[4]) «Тяжелыя условія, упадокъ торговли и земледѣлія подъ вліяніемъ тюркскихъ опустошеній вели къ уменьшенію свободнаго крестьянства, мелкаго свободнаго промысла и къ увеличенію числа безземельныхъ батраковъ несвободныхъ. Разоренныя крестьянскія хозяйства увеличивали собою имѣнія бояръ, а ихъ хозяева попадали въ безсрочную службу закупничества, съ тѣмъ, чтобы оттуда при первомъ случаѣ быть переведенными въ категорію холопей. Условія кредита были очень тяжелы; 15% считалось очень легкимъ «христіанскимъ» процентомъ, а неоплатный должникъ попадалъ въ закупы или въ неволю» (Грушевскій, тамъ же, стр. 121).

[5]) «Ростовщическій капиталъ въ такой формѣ, когда онъ фактически присваиваетъ весь прибавочный продуктъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа

славъ Ольговичъ даетъ знаменательный отвѣтъ великому князю Изяславу Давидовичу: «Взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да половцы». Проф. Ключевскій истолковываетъ эти слова Святослава въ томъ смыслѣ, что «въ этихъ городахъ остались лишь княжескіе дворовые люди, да мирные половцы, перешедшіе на Русь» [1]). И это происходитъ въ то самое время, когда въ передовыхъ странахъ Западной Европы,—въ Италіи, во Франціи и во Фландріи,—города быстро росли и богатѣли [2]).

Въ концѣ концовъ, кочевники, въ лицѣ татаръ, совсѣмъ остановили самостоятельное развитіе юго-западной Руси и вызвали передвиженіе центра тяжести русской исторической жизни на сѣверо-востокъ, гдѣ географическая среда оказалась еще менѣе благопріятной для быстраго роста производительныхъ силъ населенія.

Чѣмъ быстрѣе растутъ производительныя силы даннаго общества, тѣмъ быстрѣе бьется пульсъ его экономической жизни, и тѣмъ болѣе обостряются противорѣчія, свойственныя господствующему въ немъ способу производства. А обостреніе этихъ противорѣчій обнаруживается, между прочимъ, въ обостреніи классовой борьбы, которая, принимая тотъ или другой видъ, всегда ведется во всякомъ обществѣ, раздѣленномъ на классы. Своимъ обостреніемъ борьба классовъ и придаетъ внутренней исторіи общества тотъ боевой характеръ, который пріурочивается проф. Ключевскимъ къ завоеванію; и она же сообщаетъ общественнымъ учрежденіямъ «рѣзкія очертанія». И не только общественнымъ учрежденіямъ. «Споръ есть отецъ всѣхъ вещей»,—говорилъ глубокій эфес-

производства... Когда, слѣдовательно, капиталъ не подчиняетъ себѣ трудъ непосредственно и потому не противополагается ему въ видѣ промышленнаго капитала, такой ростовщическій капиталъ приводитъ этотъ способъ производства въ бѣдственное состояніе, ослабляетъ производительныя силы вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое плачевное состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы не развиваются на счетъ самого рабочаго, какъ въ капиталистическомъ производствѣ» (К. Марксъ. Капиталъ, т. III, стр. 490—491).

[1]) Курсъ рус. исторіи, ч. I стр. 348—349. «Съ половины XII в. стало замѣтно, съ конца еще замѣтнѣе обѣднѣніе Руси» («Боярская Дума древней Руси», стр. 96). Надо добавить, впрочемъ, что совсѣмъ не убѣдительна и даже странна ссылка проф. Ключевскаго на возрастающую легковѣсность *гривны кунъ*, какъ на одно изъ доказательствъ этого обѣднѣнія. На Западѣ денежныя единицы тоже становились все легковѣснѣе. «In der Geschichte aller modernen Völker derselbe Geldname verblib einem sich stets vermindernden Metallgehalt». K. Marx. Zur Kritik der politischer Oekonomie. Berlin, 1859, I, 89.

[2]) Развитіе въ нихъ и въ окружающихъ ихъ мѣстностяхъ товарнаго производства вызывало,—какъ это мы съ особенной ясностью видимъ въ Италіи,—паденіе несвободнаго земледѣльческаго труда и замѣнъ его трудомъ свободныхъ арендаторовъ. Стало быть, несвободный сельскохозяйственный трудъ исчезаетъ въ передовыхъ итальянскихъ республикахъ въ то самое время, когда онъ упрочивается и распространяется въ Кіевской Руси.

скій мыслитель.Обострившаяся борьба классовъ углубляетъ ходъ идей и учащаетъ ихъ взаимныя столкновенія. Такимъ образомъ, если географическая среда оказалась неблагопріятной для экономическаго развитія Руси уже въ Приднѣпровьи, то мы можемъ ожидать, что въ теченіе кіевскаго періода ея исторіи замѣтна будетъ нѣкоторая неопредѣленность ея общественныхъ отношеній и нѣкоторая вялость ея общественной мысли.

Разсмотримъ общественныя отношенія.

Историкъ такъ описываетъ роль вѣча въ главномъ княжествѣ того времени.

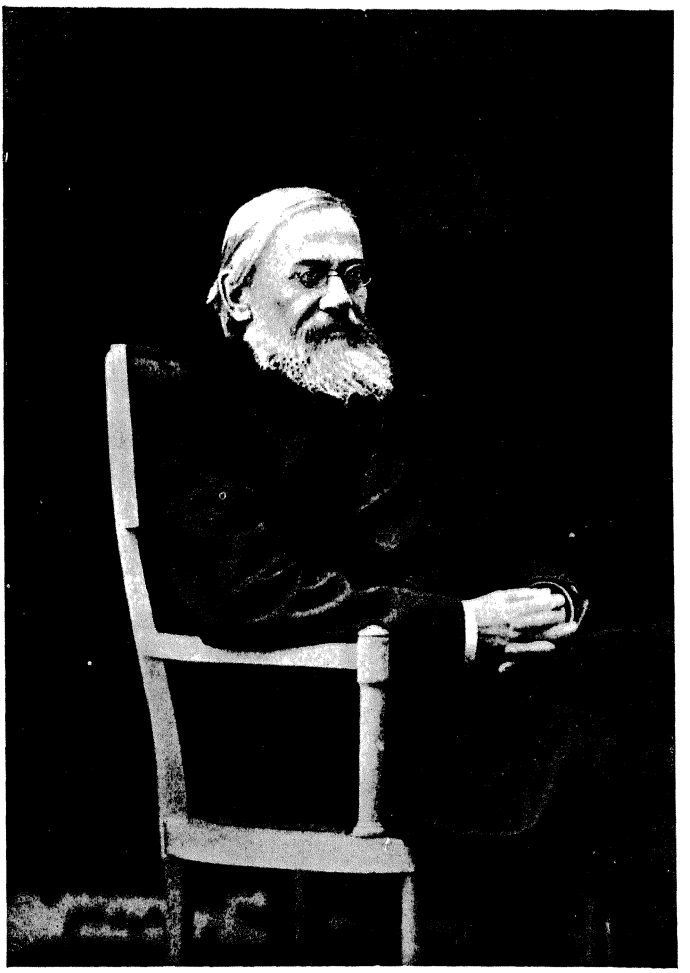
«Несомнѣнно, что въ силу исключительныхъ, тревожныхъ условій, въ какихъ находилась кіевская земля, вѣчевая дѣятельность здѣсь отличалась и наибольшею энергіею». Однако, «и здѣсь вѣче не пріобрѣло никакихъ опредѣленныхъ формъ, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функцій, а осталось явленіемъ экстраординарнымъ. ...Не существовало ни опредѣленныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни опредѣленной иниціативы созванія вѣча, ни какихъ-либо формъ представительства» [1]). Такъ и всегда бываетъ тамъ, гдѣ при неразвитости общественныхъ отношеній еще не чувствуется потребность въ опредѣленной юридической нормѣ. Богатыя городскія общины Западной Европы хорошо знали цѣну юридической нормы. Но тамъ они узнали ее въ борьбѣ съ феодалами, которой не вели города Кіевской Руси [2]). Такой же неопредѣленностью отличались и отношенія князя къ своей дружинѣ. «Боярскій совѣтъ, какъ и вѣче, не выработалъ для себя ни опредѣленныхъ формъ, ни спеціальной компетенціи,—продолжаетъ проф. Грушевскій.—Князь совѣтовался съ тѣми боярами, которые были подъ рукою, или которыхъ онъ желалъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта въ виду этого могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ» [3]). Взаимныя отношенія между государемъ и его совѣтниками становятся болѣе опредѣленными лишь тогда и лишь тамъ, когда и гдѣ дружинникъ («антрустіонъ») превращается въ держателя земли. Стремленіе расширить свое право на землю,—главнымъ образомъ, сдѣлать его наслѣдственнымъ,—и побуждаетъ держателя предъявлять государю извѣстныя требованія, находящія свое выраженіе въ извѣстныхъ юридическихъ нормахъ. Но процессъ превращенія дру-

---

[1]) Проф. Грушевскій. Очерки исторіи украинскаго народа, стр. 111—112.

[2]) Конституціи итальянскихъ городовъ отличаются очень большою опредѣленностью и даже излишней сложностью, которая свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о непрерывномъ стремленіи найти точныя нормы для быстро развивающихся и рѣзко обозначающихся общественныхъ отношеній.

[3]) Тамъ же, стр. 114, ср. Ключевскаго, «Боярская Дума», стр. 53.



Василій Осиповичъ Ключевскій.

жинника въ держателя земли совершается съ большей или меньшей быстротой и приводитъ къ тѣмъ или другимъ политическимъ результатамъ, смотря по тому, какъ подвигается впередъ экономическое развитіе данной страны. Онъ замедляется тамъ, гдѣ замедляется это послѣднее. Такъ, напр., въ Польшѣ уже въ XI в., послѣ Болеслава Храбраго (992—1025), дружина исчезла, уступивъ свое мѣсто «воямъ»,—по-латыни «miles»,—получившимъ отъ князя землю на условіи службы, а также выполненія цѣлаго ряда повинностей (stróz'a, podwody, przesieka и т. д.). Эти «вои» постепенно дѣлаютъ свои земли наслѣдственными и увеличиваютъ свои права какъ относительно князя, такъ и относительно другихъ слоевъ населенія [1]). Но въ Кіевской Руси процессъ превращенія дружинника въ «воя», который держалъ бы землю на извѣстныхъ условіяхъ, замедлился вслѣдствіе значительно меньшей скорости экономическаго развитія [2]). Дружина содержалась преимущественно на счетъ даней и прочихъ доходовъ князя. «Слѣдовъ помѣстной практики—вознагражденія за службу землями—мы въ эту эпоху еще не встрѣчаемъ [3]). Дружинники отнюдь не считаютъ себя холопами князя. Они крѣпко держатся за свое право свободнаго перехода. Но переходъ недовольныхъ дружинниковъ отъ одного князя къ другому служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что они еще не имѣли прочнаго положенія въ странѣ. Тамъ, гдѣ у нихъ было такое положеніе, они, въ случаѣ недовольства княземъ, не уходили отъ него, а вступали въ борьбу съ нимъ [4]). Такъ было, вѣроятно, въ княжествѣ Волынскомъ, гдѣ боярство пользуется въ XIII в. большимъ вліяніемъ, и, навѣрно, въ Галицкой землѣ. Но въ Галицкой землѣ такъ было, именно, потому, что обстоятельства благопріятствовали ея экономическому развитію. «Внутреннія войны были здѣсь почти неизвѣстны... Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію земли, и особенно повліяло на сформированіе богатаго, могущественнаго и тѣсно-сплоченнаго боярства. Во второй половинѣ XII в. боярство чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что откровенно стремится къ тому, чтобы держать князя подъ своимъ вліяніемъ, и не оста-

---

[1]) Ср. «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши» д-ра Ст. Кутшебы, переводъ съ польскаго Н. В. Ястребова, С.-Петербургъ 1907, стр. 9—11.

[2]) Болеславъ Храбрый былъ современникомъ Владиміра Святого. Если, какъ мы только что видѣли, въ Польшѣ дружина исчезаетъ послѣ Болеслава Храбраго, то на Руси послѣ смерти Владиміра еще долго процвѣтаетъ дружинный бытъ, такъ ярко выразившійся въ былинахъ.

[3]) Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 117—118.

[4]) В. О. Ключевскій, указавъ на то, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія «пріучалъ дружину къ подвижности», замѣчаетъ: «благодаря этой подвижности, старшіе

навливается передъ дворцовыми революціями и иными рѣзкими дѣйствіями для достиженія своихъ плановъ [1]).

Въ началѣ XIII вѣка борьба между галицкими боярами и князьями Игоревичами, которыхъ призвали въ Галицію тѣ же бояре, до того обострилась, что князья составили противъ бояръ настоящій заговоръ и перебили изъ нихъ цѣлыхъ 500 человѣкъ, а бояре, въ свою очередь, побѣдивъ князей съ помощью венгровъ, повѣсили Романа, Святослава и Ростислава «мьсти ради»,—какъ говоритъ лѣтописецъ [2]). Отсюда видно, между прочимъ, что указаніе проф. М. Грушевскаго на отсутствіе внутреннихъ войнъ въ Галицкой землѣ можетъ быть принято лишь съ извѣстной оговоркой: внутреннія войны были и тамъ, какъ видимъ, хорошо извѣстны. Но это не были войны, вызывавшіяся взаимнымъ соперничествомъ князей изъ-за той или другой части территоріи,—хотя случались и такія: это были войны, порожденныя взаимнымъ столкновеніемъ различныхъ политическихъ силъ, выросшихъ на относительно благопріятной экономической почвѣ. Между тѣмъ какъ войны перваго рода ведутъ только къ обѣдненію страны и даже къ ея одичанію, вторыя — способствуютъ ея общественно-политическому развитію. Если въ теченіе кіевскаго періода своей исторіи Русь хотя и отставала отъ Западной Европы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ условій своего развитія, все-таки, — по складу своихъ внутреннихъ отношеній, — была гораздо ближе къ ней, нежели въ московскую эпоху, то Га-

---

дружинники... занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ, и черезъ это пріобрѣтать прочное мѣстное политическое значеніе въ извѣстной области, тѣмъ менѣе могли превращать свои должности въ наслѣдственныя, какъ это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ». (Курсъ, ч. I, стр. 239). Тутъ слѣдствіе ставится на мѣсто причины. При свободномъ переходѣ дружинниковъ ничто не мѣшало имъ оставаться въ данной волости при перемѣнѣ въ ней князя. Если бы они пріобрѣли тамъ прочное политическое значеніе, то новый князь не имѣлъ бы возможности устранить ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей, особенно, если бы онѣ уже сдѣлались наслѣдственными. Стало быть, весь вопросъ въ томъ, почему онѣ не сдѣлались таковыми. А на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, не подозрѣвая этого, самъ проф. Ключевскій. «Но легко замѣтить,—говоритъ онъ,—что боярское землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса для служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованье» (Тамъ же, та же стр.). Теперь все понятно. Если бы главнымъ источникомъ дохода дружинниковъ являлось независимое отъ князя землевладѣніе, то имъ не надо было бы переходить за княземъ съ мѣста на мѣсто. Но такъ какъ главный доходъ ихъ шелъ отъ князя, то они и «пріучались къ подвижности». Что же касается ихъ торговыхъ оборотовъ, то о нихъ рѣчь будетъ ниже.

[1]) Грушевскій, тамъ же, стр. 98—99.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 486.

лицкая земля показала себя особенно доступной западному вліянію. Въ XIV в. галицкіе князья употребляютъ печати западнаго образца, а ихъ грамоты пишутся по-латыни [1]). Характерно, что, обращаясь къ магистрамъ нѣмецкаго ордена, послѣдній галицко-волынскій князь, Юрій, называетъ своихъ бояръ л ю б е з н ы м и и в ѣ р н ы м и б а р о н а м и своими [2]). Сходство общественныхъ о т н о ш е н і й облегчало усвоеніе свойственныхъ западу политическихъ представленій и выраженій.

Примѣръ Галиціи еще разъ подтверждаетъ ту, высказанную мною выше, мысль, что и независимо отъ завоеванія внутренняя исторія данной страны можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получить весьма «боевой, драматическій характеръ».

X.

Мы видѣли, что многовѣковый натискъ кочевниковъ замедлялъ ростъ тѣхъ производительныхъ силъ, которыми располагало осѣдлое населеніе Руси, и что замедленіе ихъ роста, въ свою очередь, задерживало процессъ возникновенія въ ней вліятельнаго класса держателей земли и опредѣленныхъ нормъ политической жизни. Теперь слѣдуетъ прибавить, что тотъ же натискъ, экономическія послѣдствія котораго ослабляли силу боярства, и тѣмъ способствовали относительному увеличенію княжеской власти, долженъ былъ содѣйствовать росту этой власти еще и съ другой стороны.

Энгельсъ какъ нельзя болѣе справедливо замѣтилъ, что въ основѣ политическаго господства всюду лежало отправленіе общественной службы, и что политическое господство лишь въ томъ случаѣ сохранялось надолго, когда оно выполняло важную для общественной жизни функцію [3]). Какую же общественную функцію выполнялъ князь со своей дружиной? Функцію защиты княжества отъ непріятельскихъ нападеній. Князь былъ в о е н н ы м ъ с т о р о ж е м ъ земли, по выраженію проф. Ключевскаго. Это вовсе не значитъ, что онъ всегда заботливо и удачно выполнялъ эту свою функцію, и что онъ не приносилъ интересовъ страны въ жертву своимъ собственнымъ интересамъ. Далеко не всѣ князья обладали умомъ и энергіей Владиміра Мономаха и, къ тому же, всѣ они руко-

---

[1]) М. Г р у ш е в с к і й, стр. 131. Онъ же говоритъ о слѣдахъ западнаго вліянія въ галицкой архитектурѣ и литературѣ (стр. 130).

[2]) К л ю ч е в с к і й. Боярская Дума, стр. 59.

[3]) Анти-Дюрингъ, стр. 149 рус. перевода (въ изд. В. И. Яковенко).

водствовались правиломъ: своя рубашка ближе къ тѣлу [1]). Но въ глазахъ населенія князь прежде всего былъ, именно, военнымъ сторожемъ земли, и чѣмъ нужнѣе былъ такой сторожъ, тѣмъ больше увеличивалось его значеніе, тѣмъ больше росла его власть. Мы уже знаемъ, какъ много сдѣлали кочевники для того, чтобы русская земля почувствовала большую нужду въ «военныхъ сторожахъ». Повидимому, уже печенѣги вынудили Русь защитить отъ нихъ свою границу длиннымъ рядомъ непрерывныхъ укрѣпленій [2]). Неудивительно, поэтому, что, какъ отмѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—«княжеско-дружинный укладъ въ періодъ своего развитія вообще сильно придавилъ политическую, самоуправляющуюся силу земли, общины» [3]). Правда, въ Новгородѣ, Псковѣ и отчасти Полоцкѣ вѣче оттѣснило князя на второй планъ; но главное теченіе русской политической жизни шло въ прямо противоположномъ направленіи, и потому вольности болѣе свободныхъ городовъ пали со временемъ подъ ударами княжескаго деспотизма [4]).

«Борьба со степнымъ кочевникомъ, половчиномъ, злымъ татариномъ, длившаяся съ VIII почти до конца XVII в.»,—говоритъ проф. Ключевскій,—«самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзіи. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ—это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни» [5]). Это справедливо, можетъ быть, болѣе, чѣмъ предполагалъ самъ проф. Ключевскій. Даже тѣ «европейскіе недочеты», которые, на первый взглядъ, не

---

[1]) Когда этого требовали ихъ интересы, князья сами приводили кочевниковъ въ русскую землю, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что «поганые» убивали и разоряли христіанъ.

[2]) См. проф. Ключевскаго, Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 193.

[3]) Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 110.

[4]) А. С. Пушкинъ, вполнѣ раздѣлявшій мысль о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса, говоритъ въ своемъ разборѣ «Исторіи русскаго народа» Н. Полевого: «Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes) удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ слабости враждующихъ князей». (Полное собр. сочиненій подъ редакціей П. О. Морозова, изд. второе, т. VI, стр. 47). Это чрезвычайно важная мысль. Свободолюбивое населеніе сѣверно-русскихъ республикъ не являлось элементомъ *внутренняго развитія* въ той части страны,—Кіевъ, Москва,—которая въ данный періодъ опредѣляла своимъ вліяніемъ направленіе политической жизни Россіи. По отношенію къ этой части оно являлось, наоборотъ, внѣшней силой, столкновенія съ которой объединяли ея населеніе съ княземъ. Мы скоро увидимъ, что подобное же замѣчаніе приходится сдѣлать и по поводу другихъ представителей свободолюбивыхъ стремленій—казаковъ.

[5]) Курсъ русской исторіи, ч. I (изд. 3-е), стр. 73.

имѣютъ прямого отношенія къ тысячелѣтнему сосѣдству съ кочевниками, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказываются слѣдствіями замедленнаго борьбой съ кочевниками экономическаго развитія Россіи. Это едва ли нуждается въ новыхъ доказательствахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о кіевскомъ историческомъ періодѣ. Посмотримъ теперь, подтверждается ли это фактами, относящимися къ позднѣйшему времени.

Признаки паденія Кіевской Руси сильно замѣтны уже во второй половинѣ XII в. Татарское нашествіе наноситъ ей тяжелый ударъ, отъ котораго она долго не можетъ оправиться. Съ этихъ поръ центръ тяжести русской жизни переносится на сѣверо-востокъ, въ бассейнъ Оки и верхней Волги. Правда, въ теченіе нѣкотораго времени рядомъ съ этимъ центромъ существуетъ другой. Галицкіе князья именуютъ себя «самодержцами всея Руси» и пытаются взять въ свои руки гегемонію, потерянную Кіевомъ. Мы видѣли, что Галицкая земля болѣе всѣхъ другихъ русскихъ земель подвергалась западному вліянію, и что ея боярство сложилось въ сильный и вліятельный классъ. Если бы галицкіе князья, въ самомъ дѣлѣ, стали «самодержцами всея Руси», т. е. значительной части русскихъ земель, то центръ тяжести русской жизни остался бы на юго-западѣ, и въ теченіе слѣдующаго періода русской исторіи мы присутствовали бы при развитіи государства, очень близкаго по своему строю къ сосѣднимъ западнымъ государствамъ, напр., къ Польшѣ и Венгріи. Галицкимъ «самодержцамъ всея Руси» пришлось бы уступать все болѣе и болѣе значительную часть своей власти галицкому боярству. Но обстоятельства сложились иначе. Галиція сама вошла въ составъ польскаго государства, и главный центръ русской жизни перенесся на далекій сѣверо-востокъ, гдѣ условія были очень неблагопріятны для упроченія и роста боярскаго вліянія.

Уже въ половинѣ XII в. довольно сильно сказывается антагонизмъ между юго-западной Русью и Русью сѣверо-восточной. Первое и, повидимому, самое естественное объясненіе этого антагонизма заключается въ томъ, что юго-западная Русь была населена малороссами, а сѣверо-восточная—великороссами. Но сѣверо-восточная Русь населилась выходцами изъ юго-западной [1]). И если

---

[1]) «Надобно вслушаться въ названіе новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ,—все это южно-русскія названія, которыя мелькаютъ чуть не на каждой страницѣ старой кіевской лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ въ южной Руси; однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Извѣстна рѣчка Ирпень въ Кіевской землѣ, притокъ Днѣпра... Ирпенью называется и притокъ Клязьмы во Владимірскомъ уѣздѣ.

южно-руссы кіевскаго періода были малороссами, то процессъ возникновенія великорусской вѣтви русскаго народа есть не болѣе, какъ процессъ измѣненія малорусскихъ выходцевъ изъ южной Руси подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни на сѣверо-востокѣ великой Европейской равнины.

Есть другое объясненіе антагонизма между двумя частями Руси—гораздо болѣе глубокое. Его подсказываетъ намъ профессоръ Ключевскій: «Самая нелюбовь южанъ къ сѣверянамъ, такъ рѣзко проявившаяся уже въ XII в., первоначально имѣла, повидимому, не племенную или областную, а соціальную основу: она развилась изъ досады южно-русскихъ горожанъ и дружинниковъ на смердовъ и холоповъ, вырывавшихся изъ рукъ и уходившихъ на сѣверъ; тѣ платили, разумѣется, соотвѣтственными чувствами боярамъ и «лѣпшимъ» людямъ, какъ южнымъ, такъ и своимъ, залѣсскимъ» [1]).

Соображеніе это очень важно. Антагонизмъ между южной и сѣверной Русью выразился также въ антагонизмѣ между Мстиславомъ Храбрымъ и Андреемъ Боголюбскимъ. Извѣстно, что въ отвѣтъ на одно грозное требованіе Андрея Мстиславъ прогналъ съ безчестьемъ его посла, приказавъ остричь ему бороду и голову [2]). Но онъ поступилъ такъ не по племенной враждѣ, а по весьма опредѣленной политической причинѣ: «Мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви,—велѣлъ онъ передать Андрею,—но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Андрей, дѣйствительно, вздумалъ третировать южныхъ князей, какъ своихъ подручниковъ. Но онъ третировалъ такъ не однихъ южно-

---

Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI столѣтія въ Московскомъ уѣздѣ; Кіевка—притокъ Оки въ Калужскомъ уѣздѣ, село Кіевцы—близъ Алексина въ Тульской губ.». В. Ключевскій. Курсъ русской ист., ч. I, стр. 357—358. По совершенно справедливому замѣчанію Ключевскаго, это перенесеніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальскій сѣверъ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго юга. Тотъ же ученый съ неменьшимъ основаніемъ говоритъ, что по городамъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки можно репетировать географію доброй доли Стараго Свѣта. Къ этому надо прибавить, однако, что въ Соед. Штатахъ чаще всего встрѣчаются названья *англійскихъ* городовъ, такъ какъ въ теченіе долгаго времени туда переселялись, главнымъ образомъ, англичане, и процессъ возникновенія народа, называемаго иногда *«янки»*, былъ лишь процессомъ возникновенія нѣкоторыхъ особенностей въ той части англійскаго племени, которая переселилась въ Сѣв. Америку.

[1]) Тамъ же, стр. 407—408.

[2]) Замѣчу мимоходомъ: это показываетъ, что великорусскій обычай ношенія бороды, впослѣдствіи совершенно чуждый малороссамъ, господствовалъ тогда и въ южной Руси, такъ что великоруссы остались хранителями стараго южно-русскаго обычая.

русскихъ князей. Не лучше обращался онъ въ Ростовской землѣ со своими братьями и племянниками. Кромѣ того, онъ очень тѣснилъ «переднихъ мужей» своего отца, т. е. вліятельныхъ бояръ. Лѣтописецъ находитъ у него намѣреніе сдѣлаться «самовластцемъ» всей Суздальской земли. Это—опять чисто политическое намѣреніе. Поэтому не вполнѣ точно выражается проф. Ключевскій говоря: «Въ лицѣ князя Андрея великороссъ впервые выступилъ на историческую сцену» [1]). Дѣло тутъ не въ томъ, что Андрей былъ великороссомъ, а въ томъ, что новыя условія, въ которыя поставлена была княжеская власть на сѣверо-востокѣ, дали ей возможность обнаружить нѣкоторыя свои стремленія съ такой силой, какой мы еще не видимъ у князей на югѣ.

Мы уже знаемъ, что борьба съ кочевниками, увеличивая власть князя, какъ военнаго сторожа русской земли, вмѣстѣ съ тѣмъ замедляла экономическое развитіе Руси, чѣмъ мѣшала возникновенію въ ней,—за исключеніемъ Волыни и Галиціи,—вліятельнаго боярства, способнаго выставить опредѣленныя политическія требованія и, въ случаѣ надобности, поддержать ихъ силой. Тѣ условія, въ которыхъ очутилось русское населеніе, перебравшееся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, еще болѣе усиливали эти «европейскіе недочеты въ русской исторической жизни», и тѣмъ содѣйствовали постепенному сближенію русскаго общественнаго быта и строя съ бытомъ и строемъ великихъ восточныхъ деспотій.

XI.

Какія же это условія? Начнемъ съ экономики сѣверо-восточной Руси.

По мнѣнію проф. Ключевскаго, принятому значительнымъ числомъ современныхъ изслѣдователей, внѣшняя торговля была главной пружиной народнаго хозяйства въ Кіевской Руси, между тѣмъ какъ сѣверо-восточная Русь занялась преимущественно земледѣліемъ [2]). Но чѣмъ же торговала Кіевская Русь?

Она торговала сырьемъ. Какъ добывалось это сырье, и какова была его природа? «Это была дань натурой собранная княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда, произведенія лѣсныхъ промысловъ: мѣха, медъ, воскъ. Къ этимъ товарамъ присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины» [3]). Это до-

---

[1]) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 403.
[2]) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 382—383.
[3]) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 184.

статочно характерно. Необходимость торговли опредѣлилась общественной функціей князя при данныхъ экономическихъ условіяхъ: «зимою онъ правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собиралъ въ продолженіе зимы» [1]). Значитъ ли это, что торговля была главной пружиной хозяйственной дѣятельности русскаго населенія? Нѣтъ. Это значитъ лишь то, что торговля доставляла средства существованія для князя и его дружины. Да и эти средства она доставляла путемъ обращенія въ товаръ продуктовъ лѣсныхъ промысловъ и охоты. Потому-то В. А. Келтуяла и называетъ русское государство того времени «охотничье-торговымъ». Но для того, чтобы мы имѣли право называть его такъ, нужно было бы, во-первыхъ, чтобы охота и лѣсные промыслы составляли преобладающую отрасль народнаго хозяйства; во-вторыхъ, чтобы большая часть продуктовъ, доставляемыхъ охотой и лѣсными промыслами, обращалась въ товары. Но ни того, ни другого условія не было тогда налицо.

Что касается перваго условія, то мы уже видѣли, какъ сильно ошибся В. А. Келтуяла,—вѣрнѣе будетъ, пожалуй, сказать: какъ сильно ошиблись тѣ авторы, взглядъ которыхъ, преувеличивъ его, усвоилъ онъ себѣ,—объявивъ охоту главной отраслью народнохозяйственной дѣятельности въ Кіевской Руси. А на счетъ второго условія замѣтимъ, что едва ли возможно такое общество, которое тратило бы большую часть ежегоднаго продукта своего труда на свое управленіе и самозащиту. Конечно, ходя «по людямъ», князья старались отобрать у нихъ все, что только можно было отобрать. Церемонностью въ этомъ отношеніи они не отличались, какъ показываетъ примѣръ Игоря, котораго древляне не безъ основанія сравнивали съ волкомъ. Но какъ ни жадны были эти военные сторожа русской земли, на ихъ долю шла только часть того ежегоднаго продукта, который народъ создавалъ своимъ трудомъ. И, какъ сказано, не наибольшая часть. Это видно изъ того, что князьямъ доставались, преимущественно, продукты лѣсныхъ промысловъ и охоты, между тѣмъ какъ главнымъ народнымъ занятіемъ было,—это доказано выше,—земледѣліе [2]). Вспомнимъ еще разъ ссору Ольги съ древлянами. Убѣждая жителей Коростеня покориться, она говоритъ имъ: «Вси ваши городи передашася мнѣ... и дѣлаютъ нива своя и землю свою». Она обращалась, какъ уже отмѣчено выше, къ земледѣльцамъ. Но когда эти земледѣльцы рѣшились покориться, они сказали ей: «Что хочеши у

---

[1]) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 185.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 37.

насъ? Ради даемъ и медомъ и скорою» [1]). Это значитъ, что, занимаясь главнымъ образомъ земледѣліемъ, русскія племена того времени уплачивали дань продуктами своихъ подсобныхъ промысловъ. Вотъ эти-то продукты и вывозились князьями на продажу [2]). Ихъ превращеніе въ товары точно такъ же не дѣлало торговли главной пружиной русскаго народнаго хозяйства, какъ затрата на ихъ добываніе извѣстной части народнаго труда не дѣлала охоты другой главной пружиной этого хозяйства. Можно спросить, разумѣется: почему же князья брали дань «скорою», а не хлѣбомъ? Отвѣтъ заключается въ томъ самомъ обстоятельствѣ, что князьямъ нужно было продавать собираемую ими дань или обмѣнивать ее на другіе товары. Продать можно было только то, что спрашивалось на рынкѣ. Въ «Грѣкахъ» легко можно было продать мѣха и другіе подобные продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, служившіе предметами роскоши; но въ привозномъ хлѣбѣ врядъ ли нуждались «Грѣкы»: жители Балканскаго полуострова сами занимались тогда, какъ занимаются до сихъ поръ, главнымъ образомъ, земледѣліемъ [3]). Вообще, наши изслѣдователи какъ-будто забыли, что только капитализмъ сдѣлалъ предметами всемірной торговли продукты, служащіе для массового потребленія, тогда какъ до него въ торговлѣ обращались преимущественно предметы роскоши [4]). И когда Ключевскій говоритъ, что большинство нашихъ древнихъ крупныхъ городовъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по линіи, «образовавшей операціонный базисъ русской промышленности» [5]),—т. е. по пути «Изъ Варягъ въ Грѣкы»,—то онъ

---

[1]) Къ тому же, при господствѣ натуральнаго хозяйства крайне трудно, а, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ невозможно обобрать производителя такъ «чисто», какъ удается сдѣлать это на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія. Въ Кіевской Русси экономически немыслимы были бы финансовые кудесники нашихъ дней. Всякому овощу свое время. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, «законъ экономическаго развитія» заключается въ томъ, что все болѣе и болѣе возрастаетъ та доля которую берутъ у народа его «сторожа» и эксплуататоры.

[2]) «Дань, шедшая кіевскому князю съ дружиной, питала внѣшнюю торговлю Руси». Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 186.

[3]) Завоеваніе арабами Египта и Сиріи, откуда доставлялся хлѣбъ на константинопольскій рынокъ, даже содѣйствовало развитію земледѣлія на Балканскомъ полуостровѣ (см. Pierre Grenier, L'empire Byzantin, son évolution sociale et politique, t. I стр. 160). Вѣрнѣе, пожалуй, предположить, что завоеваніе арабами Египта и Сиріи усилило не земледѣліе на Балканскомъ полуостровѣ, а только вывозъ его продуктовъ на рынокъ, прежде удовлетворявшійся сирійскими и египетскими продуктами.

[4]) Впрочемъ, понятія нашихъ изслѣдователей о капитализмѣ довольно своеобразны. В. О. Ключевскій отождествлялъ капиталъ со «средствами для работы» (см. «Боярская Дума древней Руси», стр. 10).

[5]) «Боярская Дума», стр. 22.

смѣшиваетъ понятіе промышленности съ понятіемъ торговли, для чего вовсе нѣтъ, однако, достаточнаго основанія. По указанной линіи направлялись только предметы, которые были обращаемы въ товары и на добываніе которыхъ затрачивалась совсѣмъ не бо̀льшая, а лишь меньшая часть народнаго труда. Направлялось сырье, доставляемое охотой и лѣсными промыслами. И если мы сравнимъ направлявшуюся по этой линіи торговлю указанными предметами съ тою торговлей, которую вели торговые города тогдашняго Запада, то немедленно и ясно увидимъ, въ чемъ заключался «европейскій недочетъ въ русской исторической жизни»: «промышленность» крупныхъ городовъ Западной Европы отнюдь не ограничивалась торговлей тѣми продуктами, которые доставлялись охотой и лѣсными промыслами; она была промышленностью въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. ремесленной, а потомъ мануфактурной промышленностью. Наличность такой промышленности вводила новый и чрезвычайно важный элементъ въ общественную жизнь Запада [1]).

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ та,—сильно смахивающая на разбойничью,—торговля «скорою», которую вели наши князья и ихъ «подвижные» дружинники, могла вызвать къ жизни крупные городскіе центры? Этотъ вопросъ навсегда остался бы неразрѣшимымъ, если бы въ сочиненіяхъ нашихъ историковъ не находилось данныхъ, совершенно достаточныхъ для его рѣшенія въ смыслѣ, прямо противоположномъ мнѣнію тѣхъ же самыхъ историковъ. Возьмемъ опять покойнаго Ключевскаго, какъ наиболѣе талантливаго между ними. Отъ него мы слышимъ, что рѣкою Волховомъ Новгородъ дѣлился на двѣ стороны: правая называлась Торговой, а лѣвая—Софійской. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: Плотницкаго и Славенскаго; Софійская—дѣлилась на три конца: Неревскій, Загородскій и Гончарскій. Это, конечно, не ново, но вотъ что важно. «Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго указываютъ, по мнѣнію В. Ключевскаго, на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Недаромъ кіевляне въ XI в. бранили новгородцевъ презри-

---

[1]) Вернеръ Зомбартъ опредѣляетъ разбойничью торговлю (Raubhandel), какъ торговлю, при которой продавцы не производятъ сами своихъ продуктовъ и не покупаютъ ихъ, а берутъ ихъ силой (Der Moderne Kapitalismus, erster Band, S. 163). Нельзя не признать, что торговля, которую вели русскіе князья и ихъ дружинники кіевскаго періода, имѣла очень много общаго съ такой разбойничьей торговлей. О промышленности итальянскихъ средневѣковыхъ городовъ даетъ понятіе интересная работа Ромолло д'Айано, «Der Venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters», Stuttgart 1893.

тельной кличкой плотниковъ» [1]). Полезно прибавить, что Гончарскій конецъ назывался также Людинымъ: это позволяетъ предположить, что названія другихъ концовъ: «Неревскій», «Славенскій» и «Загородскій» отнюдь не исключали ремесленнаго характера ихъ населенія. Такъ, напримѣръ, Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ вошедшей въ составъ Новгорода древней слободы Славна. Возможно, что жители этой слободы тоже занимались тѣмъ или другимъ ремесломъ, хотя, вѣроятно, и не въ такой степени, какъ жители поселка Людина, который стали предпочтительно называть Гончарскимъ концомъ, и того поселка, который стали предпочтительно называть Плотницкимъ. Какъ бы тамъ ни было, мы съ удивленіемъ видимъ, что въ «охотничье-торговомъ» быту, сложившемся на восточно-европейской равнинѣ въ теченіе кіевскаго періода, была болѣе или менѣе распространена ремесленная дѣятельность. А разъ тамъ была распространена такая дѣятельность, то ясно, что и торговали тамъ не только «медомъ и скорой», т. е. не только продуктами охоты и лѣсныхъ промысловъ, а также продуктами ремесленнаго труда. Наличностью такого труда уже въ значительной степени объясняется наличность крупныхъ городскихъ центровъ. Далѣе. Чѣмъ больше развивался такой трудъ, тѣмъ больше росла та общественная сила, которая могла ограничить власть князя. И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что эта власть была слабѣе всего, именно, въ «торговыхъ» городахъ кіевскаго періода. Наконецъ, если эти города торговали не только «медомъ и скорой»; если въ нихъ создавались продукты ремесленнаго труда, то спрашивается: куда же они сбывались? Если бы они вывозились за границу, въ Византію или въ западныя страны, то это значило бы, что русскіе ремесленники опередили византійскихъ и западно-европейскихъ. Но въ томъ-то и дѣло, что за границу вывозились «медъ и скора», т. е. уже знакомые намъ продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, между тѣмъ какъ оттуда ввозились въ русскую землю ремесленные и мануфактурные продукты [2]). А это значитъ, что русскіе ремесленники уступали заграничнымъ. Въ этомъ заключался

[1]) Курсъ, ч. II, стр. 66.

[2]) Такъ и понимали это люди того періода. Лѣтописецъ вкладываетъ въ уста Святослава слѣдующія разсужденія о преимуществахъ Переяславца на Дунаѣ: «Яко ту вся благая сходяться: отъ грѣкъ паволоки, золото, вино и овощи разноличныя (т.-е., вѣроятно, южные плоды. *Г. П.*.), и изъ Чеховъ, и изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 44). Главными предметами русскаго вывоза были невольники, мѣха, воскъ и медъ,—не только въ Византію, но и вообще во всѣхъ направленіяхъ русской торговли. «Мѣха, воскъ и медъ были самымъ цѣннымъ изъ того, что производили земли кіевскаго государства». (М. Грушевскій. Кіевская Русь, т. I, стр. 335). Вотъ это послѣднее обстоятельство и убѣдило нѣкоторыхъ изслѣдователей, что охота была главной отраслью русской «про-

одинъ изъ важнѣйшихъ «европейскихъ недочетовъ» тогдашней русской жизни.

Но насъ интересуетъ здѣсь другой вопросъ. Если издѣлія русскихъ ремесленниковъ не вывозились за границу, то ясно, что они сбывались на внутреннемъ рынкѣ. Господство натуральнаго хозяйства не устраняло нужды русскаго земледѣльческаго населенія въ нѣкоторыхъ издѣліяхъ «ремесленныхъ слободъ». Такимъ образомъ открывался путь для развитія на Руси средняго сословія. Впрочемъ я уже отмѣтилъ выше то неблагопріятное для этого развитія обстоятельство, что торгово-ремесленные элементы соединялись въ крупные городскіе центры не въ предѣлахъ тѣхъ русскихъ земель, которымъ принадлежала гегемонія въ процессѣ русскаго политическаго развитія, а за этими предѣлами. Благодаря этому, какъ ясно видѣлъ еще Пушкинъ, указанные торгово-ремесленные элементы не выступали на исторической аренѣ въ видѣ силы, которая непосредственно вліяла бы на общественно-политическій строй княжествъ-гегемоновъ. Не играя роли во внутренней исторіи этихъ княжествъ, они не ограничивали власти князя и его дружины. Напротивъ, они даже увеличивали ее, поскольку ихъ борьба съ княжествами-гегемонами увеличивала потребность этихъ послѣднихъ въ военной силѣ. Общественно-политическій строй княжествъ-гегемоновъ складывался, такимъ образомъ, подъ вліяніями менѣе благопріятными, чѣмъ это было на Западѣ, для «третьяго сословія». Усиленіе Москвы привело, наконецъ, къ тому, что великіе князья совершенно подчинили себѣ наши сѣверо-западные торговые города и положили предѣлъ ихъ торгово-промышленному развитію. Это не устранило, конечно, нужды земледѣльческаго населенія въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ ремесленнаго труда. Но, какъ увидимъ ниже, значительная часть производителей, удовлетворявшихъ этой потребности, должна была жить и дѣйствовать въ совершенно иной соціально-политической обстановкѣ.

XII.

А какъ складывалась эта новая обстановка? Съ ея экономической стороны наши изслѣдователи чаще всего характеризуютъ

мышленности» кіевскаго періода. Однако, повторяю, оно показываетъ только то, что при тогдашнемъ господствѣ натуральнаго хозяйства продукты главной отрасли народнаго труда, земледѣлія, еще не входили или мало входили въ торговый оборотъ, главными же предметами котораго являлись продукты подсобныхъ промысловъ: охоты, пчеловодства и т. п.

ее упадкомъ торговли, которая прежде составляла будто бы главную пружину русской хозяйственной жизни. «Въ верхне-волжской Руси, слишкомъ удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной движущей силой народнаго хозяйства,—говоритъ Ключевскій.—Вотъ почему здѣсь видимъ въ XV—XVI вв. сравнительно незначительное количество городовъ, да и въ тѣхъ значительная часть населенія занималась хлѣбопашествомъ» [1]). Это утвержденіе талантливаго историка опять требуетъ критическаго анализа. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ разницу княжескаго хозяйства въ днѣпровской Руси, съ одной стороны, и въ верхне-волжской—съ другой. «Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлины. Въ лѣтописяхъ XII и XIII вв. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли... Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ—хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхне-волжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцово-хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его» [2]).

Тутъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Если свой дворъ, свою дружину князь содержалъ не доходами съ недвижимыхъ дворцовыхъ имуществъ, а тѣмъ, что получалъ, какъ правитель и военный сторожъ земли, и если, въ качествѣ такого правителя, онъ бралъ у населенія, какъ мы знаемъ, главнымъ образомъ, продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, то выходитъ, что этими продуктами и покрывались, въ своей главной части, расходы, вызываемые такой важной общественно-политической функціей, какъ управленіе и защита страны отъ внѣшнихъ нападеній. Съ перенесеніемъ же центра тяжести русской политической жизни на верхнюю Волгу, расходы по выполненію этой функціи стали покрываться земледѣліемъ. Прогрессъ это, или регрессъ? Вообще говоря, это—несомнѣннѣйшій шагъ впередъ. Земледѣльческій трудъ много производительнѣе охотничьяго. А чѣмъ производительнѣе та отрасль народнаго труда, продуктами которой покрывается извѣстная общественная функція, тѣмъ, конечно, выгоднѣе

---

[1]) Курсъ, ч. I, стр. 382—383.

[2]) «Боярская Дума», стр. 59.

это, при прочихъ равныхъ условіяхъ, для народа. Надо замѣтить, однако, что, при переселеніи на сѣверо-востокъ, далеко не всѣ прочія условія остались равными.

Начнемъ съ почвы. На сѣверо-востокѣ она была далеко не такъ плодородна, какъ на юго-западѣ. Проф. Ключевскій очень хорошо говоритъ, что переселившіеся на сѣверо-востокъ южноруссы въ теченіе цѣлыхъ поколѣній должны были «подсѣкать и жечь лѣсъ, работать сохою и возить навозъ, чтобы создать на верхневолжскомъ суглинкѣ пригодную почву для прочнаго осѣдлаго земледѣлія» [1]). Стало быть, новыя географическія условія сдѣлали земледѣльческій трудъ,—ставшій теперь главною основой княжескаго хозяйства,—менѣе производительнымъ, нежели онъ былъ прежде. А этотъ менѣе производительный земледѣльческій трудъ долженъ былъ покрывать, между прочимъ, и расходы по выполненію той общественной функціи, которая прежде покрывалась побочными, второстепенными отраслями народнаго труда. Другими словами: бо́льшая, чѣмъ прежде, часть прибавочнаго труда земледѣльца должна была отбираться отъ него для покрытія государственныхъ расходовъ [2]). Или еще иначе: новыя географическія услоія вынудили государство предъявлять земледѣльцу требованія болѣе тяжелыя, нежели тѣ, которыя оно предъявляло ему въ южной Руси. А чтобы обезпечить себѣ исполненіе этихъ требованій, ему нужно было увеличить размѣры своей непосредственной власти надъ сельскимъ населеніемъ. Исторія этого населенія въ бассейнѣ Волги есть процессъ постепеннаго закрѣпощенія его государствомъ.

Правда, процессъ этотъ на первыхъ порахъ почти не замѣтенъ [3]). Въ Суздальской Руси первоначально положеніе крестьянина было, вообще говоря, лучше, нежели въ кіевской. «По актамъ XV вѣка»,—говоритъ проф. Ключевскій,—видно, что здѣсь крестьянинъ-должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и послѣ

---

[1]) Боярская Дума, стр. 98.

[2]) Не слѣдуетъ думать, что князья и княжескія дружины кіевскаго періода питались «скорой и медомъ». Они тоже ѣли хлѣбъ и, вѣроятно, въ немаломъ количествѣ, если судить по ихъ аппетиту, воспѣтому былинами. Этотъ хлѣбъ доставлялся, конечно, земледѣльцами того періода.

[3]) Хотя въ этомъ направленіи принимаютъ нѣкоторыя, весьма недвусмысленныя, мѣры уже князья удѣльной эпохи. «Въ ихъ договорныхъ грамотахъ, постоянно встрѣчаемъ условіе не перезывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые потянли къ соцкому, тяглыхъ или письменныхъ. Точно такъ же князья стали препятствовать и уходу своихъ тяглыхъ людей въ боярскія и монастырскія вотчины». Проф. М. Любавскій. Начало закрѣпощенія крестьянъ (въ юбилейномъ изданіи «Великая Реформа», т. I, стр. 9).

ухода уплачивалъ свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ, вмѣстѣ съ невозможностью удержать ихъ насильственными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовала такой льготной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ» [1]). Оно и неудивительно. Мы уже видѣли, что антагонизмъ между сѣверо-восточною и юго-западной Русью, обнаружившійся еще задолго до татарскаго нашествія, вызывался, преимущественно, экономической причиной: южно-русскіе бояре и всѣ общественные слои, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ, недоброжелательно смотрѣли на представителей тѣхъ мѣстностей, въ которыя уходили отъ нихъ рабочія силы, между тѣмъ какъ эти послѣднія уносили съ собою не весьма отрадныя воспоминанія о своемъ старомъ мѣстожительствѣ. Почему же уходили онѣ на сѣверо-востокъ? Потому что смерды искали безопасности «отъ поганыхъ». Но также, а, можетъ быть, и главнымъ образомъ, еще и по другой причинѣ. Смерды искали «на новыхъ мѣстахъ» избавленія отъ той кабальной зависимости по отношенію къ верхнему классу, въ которую они все болѣе и болѣе попадали у себя на родинѣ. На первыхъ порахъ они, какъ сказано, дѣйствительно, нашли такую независимость.

Прибавлю мимоходомъ, что первымъ политическимъ слѣдствіемъ экономическаго положенія, созданнаго на сѣверо-востокѣ тѣмъ классовымъ антагонизмомъ, который первоначально возникъ на плодородной почвѣ юго-западной Руси, должно было явиться усиленіе княжеской власти. Смерды, бѣжавшіе на верхнюю Волгу отъ боярской эксплуатаціи, конечно, не были расположены становиться на сторону суздальскихъ, владимірскихъ и московскихъ бояръ въ ихъ столкновеніяхъ съ сѣверо-восточными «самовластцами». Напротивъ. Они должны были поддерживать самовластцевъ, надѣясь найти у нихъ помощь въ своей собственной борьбѣ съ крупными землевладѣльцами. И самовластцы очень хорошо умѣли использовать эту надежду, всегда оставаясь готовыми безстыдно обмануть ее при первой практической надобности.

А практическая надобность представилась очень скоро. Земледѣльческій трудъ сдѣлался теперь главной основной «княжескаго хозяйства». Однако, это хозяйство, какъ и все хозяйство тогдашней Руси, было натуральнымъ. Князья частью сами хозяйничали на своихъ земляхъ, а частью раздавали ихъ своимъ служилымъ людямъ. Но дать землю служилому человѣку чаще всего значило дать ему извѣстное, болѣе или менѣе широкое, право распоряжаться трудомъ сидѣвшихъ на ней земледѣльцевъ: вѣдь

---

[1]) Боярская Дума, стр. 307.

служилый человѣкъ не самъ обрабатывалъ тѣ земельные участки, доходы съ которыхъ, обезпечивая его существованіе, давали ему возможность служить своему «государю» [1]). Опредѣленіе размѣровъ этого права на трудъ земледѣльца, сидѣвшаго на землѣ, пожалованной служилому человѣку, имѣло огромное практическое значеніе для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Служилый человѣкъ стремился раздвинуть эти предѣлы какъ можно шире, а земледѣлецъ, наоборотъ, пытался сузить ихъ до послѣдней степени возможности. Каждая сторона апеллировала къ князю. А для князя выгоднѣе всего было рѣшить спорный вопросъ такъ, чтобы, обезпечивъ себѣ всю полноту политической власти надъ служилымъ человѣкомъ, предоставить этому послѣднему всю широту возможной экономической эксплуатаціи земледѣльца. Въ этомъ смыслѣ вопросъ мало-по-малу и былъ рѣшенъ внутренней исторіей сѣверо-восточной Руси. Крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ явилась, между прочимъ, юридическимъ выраженіемъ этого, найденнаго исторіей, рѣшенія.

Однако, не будемъ забѣгать впередъ. На первыхъ порахъ до крѣпостной зависимости было еще далеко. На первыхъ порахъ землевладѣльцамъ и служилымъ людямъ Суздальской Руси можно было только мечтать,—если хватало дальновидности,—о томъ счастливомъ времени, когда крестьянину такъ же будетъ некуда податься на верхней Волгѣ, какъ некуда было податься на Днѣпрѣ. Это счастливое время не такъ уже долго заставило себя ждать. Въ междурѣчьѣ Оки и Волги, куда прежде всего направились выходцы изъ юго-западной Руси, населеніе все болѣе и болѣе сгущалось, такъ какъ ему было крайне затруднительно передвигаться дальше на востокъ и на сѣверъ. Это явленіе, сильно способствовавшее экономическому прогрессу мѣстности, не менѣе сильно упрочивало позицію землевладѣльцевъ и правительства по отношенію къ земледѣльцамъ. «Пока продолжалось насильственное скученіе населенія въ этомъ краю, тяглый людъ поневолѣ дѣлался болѣе усидчивымъ, облегчая устроительную работу мѣстныхъ правительствъ и землевладѣльцевъ» [2]). Но уже съ половины XV вѣка землевладѣльцы стараются добиться законодательнаго регулированія крестьянскихъ переходовъ. Отвѣтомъ на ихъ домогательства явился знаменитый, вошедшій даже въ посло-

---

[1]) Были, правда, и такіе служилые люди, которые сами работали на своихъ участкахъ. Такихъ служилыхъ людей мы встрѣчаемъ также и въ Литовской Руси. Но они вездѣ стояли на самой низшей ступени служебной лѣстницы и впослѣдствіи слились съ крестьянствомъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ.

[2]) Проф. Ключевскій, тамъ же, стр. 308.

вицу, Юрьевъ день. Проф. Ключевскій замѣчаетъ, что извѣстіе Герберштейна о шестидневной крестьянской барщинѣ преувеличено, «но самимъ преувеличеніемъ тягости ихъ положенія оно свидѣтельствуетъ, какую самоувѣренность пріобрѣлъ сѣверно-русскій землевладѣлецъ, и до какихъ значительныхъ размѣровъ достигла къ началу XVI вѣка его вотчинная власть надъ крестьянами, благодаря привилегіи. Это подтверждается и русскими свидѣтельствами того же времени» [1]).

При всемъ томъ, Юрьевъ день только ограничилъ право крестьянскаго перехода, а не упразднилъ его. Да въ его упраздненіи и не было крайней надобности до тѣхъ поръ, пока продолжали существовать условія, препятствовавшія крестьянамъ покидать междурѣчье Оки и верхней Волги. Эти препятствія окончательно исчезли въ половинѣ XVI в. И тогда населеніе широкимъ потокомъ хлынуло изъ центральнаго междурѣчья на юго-востокъ, по Волгѣ, и на югъ, по Дону. Пустѣли не только деревни, но цѣлые города. По сильному выраженію проф. Ключевскаго, ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси «представлялъ, можно сказать, геометрическую прогрессію запустѣнія». Необходимо было остановить запустѣніе. И вотъ, уже въ серединѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ грамоты, которыя представляютъ посадскимъ волостнымъ людямъ «на пустыя мѣста дворовыя, на посадѣ и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ, въ пустыя деревни и на пустоши, и на старыя селища хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того». Такъ предписывала поступать уставная Важская грамота въ 1552 году, т.-е. за 40 лѣтъ до того пока еще не найденнаго указа, который, по извѣстному предположенію, уничтожилъ свободу крестьянскаго перехода. Въ жалованныхъ грамотахъ Строганова, 1564—68 гг., запрещается принимать къ себѣ «тяглыхъ людей письменныхъ» и предписывается отсылать такихъ людей на прежнее мѣстожительство по требованію мѣстныхъ властей [2]). Приказывая возвращать «хрестьянъ изъ-за монастырей на старыя мѣста въ посадѣхъ и въ станѣхъ», государство охраняло свой собственный интересъ, но не слѣдуетъ думать, что оно забывало интересъ землевладѣльцевъ. Мы узнаемъ отъ И. Энгельмана, что «еще за 150 лѣтъ до общаго запрещенія крестьянскихъ переходовъ знаменитый Троицко-Сергіевъ монастырь получилъ при-

---

[1]) Боярская Дума, стр. 308.

[2]) М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московск. государствѣ (XVI—XVII вв.), стр. 6—7, въ XII вып. «Лѣтописей занятій археограф. комиссіи».

вилегію не отпускать своихъ крестьянъ» [1]). Безполезно разсказывать дальше исторію крестьянскаго закрѣпощенія. Достаточно повторить, во избѣжаніе недоразумѣній, что она была очень продолжительна: ея окончаніе относится къ петербургскому періоду. Екатерина Вторая распространила крѣпостное право на Малороссію, а Павелъ Первый на Новую Россію, «дабы единожды навсегда водворить въ помянутыхъ мѣстахъ по сей части порядокъ и утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца» [2]).

XIII.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другой стороны того же процесса. Кому принадлежала та земля, къ которой прикрѣпляли крестьянъ?

Проф. Ключевскій утверждаетъ, что крестьяне XVI вѣка «по отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли — государевой, церковной или служилой» [3]). Такъ какъ никто не арендуетъ своей собственной земли, то арендовать вообще можно т о л ь к о ч у ж у ю землю. Но не въ томъ дѣло. Всегда ли крестьяне были арендаторами? Другой изслѣдователь, проф. Любавскій, полагаетъ, что «въ центральномъ Ростовско-Суздальскомъ районѣ Сѣверо-Восточной Руси» они являются въ качествѣ арендаторовъ уже въ XIV вѣкѣ [4]). Но и это еще не рѣшаетъ вопроса. Врядъ ли можно предположить, что уже съ самаго появленія своего въ этой мѣстности они обрабатывали чужую землю. Мы видѣли, что они переселялись сюда изъ юго-западной Руси, спасаясь отъ кабалы, въ которую загоняли ихъ тамъ неблагопріятныя условія жизни. Появленіе «смердовъ» предшествовало на сѣверо-востокѣ появленію тамъ болѣе или менѣе крупныхъ земледѣльцевъ. А если это такъ, то мы можемъ сказать, что земля, на которую они здѣсь садились, была «ч у ж о ю» развѣ только въ томъ смыслѣ, что они, можетъ быть, и тогда уже называли ее «б о ж ь е й». Но «божью» землю никто и никогда не стѣснялся присваивать себѣ, когда это было нужно и возможно. Значитъ, сѣверо-восточные крестьяне обрабатывали свою собственную «божью» землю прежде, чѣмъ увидѣли себя вынужденными взяться за обработку чужой земли. А отсюда слѣдуетъ, что со временемъ у нихъ было отнято право собственности на ихъ земли. Какъ произошла эта экспропріація земледѣльцевъ?

---

[1]) Э н г е л ь м а н ъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи, Москва, 1900, стр. 55. Благочестивые старцы не забывали, какъ видимъ, своихъ земныхъ интересовъ.

[2]) Э н г е л ь м а н ъ, назв. соч., стр. 179.

[3]) Курсъ, ч. II, стр. 372.

[4]) Назв. статья въ сборникѣ «Великая реформа», т. I, стр. 7.

Двумя путями: во-первыхъ, «смердъ» въ Суздальской Руси нерѣдко, хотя на первыхъ порахъ и много рѣже, чѣмъ въ Кіевской,— попадалъ въ такія неблагопріятныя условія, которыя лишали его возможности вести самостоятельное хозяйство. Тогда онъ долженъ былъ искать помощи на сторонѣ. И если онъ находилъ ее у болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца, онъ становился «арендаторомъ чужой земли». Во-вторыхъ, удѣльные князья сѣверо-восточной Руси уже рано стали разсматривать земли, занятыя «смердами», какъ свою собственность. Пока въ ихъ княжествахъ оставалось много пустыхъ, никѣмъ незанятыхъ земель, этотъ взглядъ на крестьянскую землю, какъ на княжескую собственность, не имѣлъ тяжелыхъ для крестьянъ практическихъ послѣдствій. Но ростъ народонаселенія и захватъ земель служилыми людьми и духовенствомъ привели къ тому, что князья стали на дѣлѣ обращаться съ крестьянами, сидѣвшими на своей землѣ, какъ съ «арендаторами» земли государственной. Объединившая сѣверо-восточную Русь Москва дѣйствовала въ томъ же самомъ направленіи, со все болѣе возраставшей послѣдовательностью и со все болѣе входившею въ административные нравы жестокостью. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича выразило въ видѣ весьма опредѣленной юридической нормы то, что давно уже упрочилось практикой московскаго государства. Оно запретило тяглымъ людямъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ продавать и закладывать свою землю: «А кто черныя люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ». Проф. Ключевскій говоритъ: «Даже сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI вѣка говорилъ: «Та земля великаго князя, а моего владѣнія»; «та земля Божья да государева, распаши и ржи наши». Итакъ, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю отъ права пользованія ею [1]). Это логичный выводъ. Остается неизслѣдованнымъ лишь вопросъ о томъ, сколько батоговъ поломали на спинѣ крестьянина великокняжескіе слуги для того, чтобы поднять его на высоту такого «яснаго» отличенія.

Петербургъ не только не отказался отъ этой политики Москвы, но довелъ ее до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Москва стремилась къ тому, чтобы з е м л я не выходила изъ «т я г л а». Этого ей удалось достигнуть. Но это не помѣшало существованію въ Московской Руси довольно значительнаго числа «гулящихъ людей», ухитрившихся избѣгать весьма и весьма сомнительнаго удо-

[1]) Тамъ же, стр. 369.

вольствія числиться въ спискахъ «тяглецовъ», на которыхъ лежало все бремя государственныхъ повинностей и платежей. Петръ I поставилъ себѣ цѣлью добиться того, «чтобы никто не былъ въ избылыхъ». Эта цѣль была достигнута указомъ 1722 г. о введеніи подушной подати. «Если, какъ справедливо и давно уже замѣтила г-жа Ефименко, государство есть настоящій собственникъ тяглой земли, а не крестьянство,—естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждой душой возможность платить путемъ надѣленія ея землей» [1]). Въ теченіе всего XVIII вѣка петербургское правительство и стремилось обезпечить такую возможность за каждой душой. Знаменитыя межевыя инструкціи 1754 и 1766 гг. произвели, можно сказать, цѣлую революцію въ землевладѣніи крестьянъ и однодворцевъ, т. е. низшаго разряда служилыхъ людей, охранявшихъ нѣкогда московскія «украйны», но постепенно слившихся съ крестьянами. Мѣстами крестьяне ходатайствовали о «неотъемѣ отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли»; ихъ просьбы были оставляемы безъ послѣдствій. Мѣстами они, не ограничиваясь просьбами, сопротивлялись «отъему» у нихъ земли «многолюдственно, съ дубьемъ и дрекольемъ»; но ихъ сопротивленіе побѣждалось вооруженной силой солдатъ; бунтовщикамъ «чинилось нещадное батожьемъ наказаніе», и, въ концѣ концовъ, земля все-таки передѣлялась согласно видамъ петербургскаго правительства [2]). Такъ сложились мало-по-малу, путемъ медленнаго процесса обезземеленія крестьянина и длиннаго ряда жестокихъ нарушеній его правъ, знаменитые въ исторіи нашей общественной мысли аграрные «устои»

[1]) «Изслѣдованія народной жизни», вып. I, Москва 1884 г., стр. 362. Ср. также Кейслера «Zur Geschichte und Kritik des Gemeinde—Besitzes in Russland» I., стр. 106—107, п. III, стр. 33 и слѣд.

[2]) Одинъ изъ многихъ примѣровъ. «Іюня-де 14-го сего 774-го года при указѣ изъ Государственной Коллегіи Экономіи прислано для поселенія вѣдомства Экономическаго Воронежскаго уѣзда при селѣ Лѣвой Розсошѣ на оставшую за удовольствіемъ того села крестьянъ положенной пропорціи землю изъ Оболенскаго уѣзда крестьянъ 150 душъ, и велѣно онымъ крестьянамъ земли для пашни и другихъ угодій отвесть противъ тамошнихъ крестьянъ безъ всякаго недостатка». Крестьяне села Лѣвой Розсоши, «собравшись многолюдственно... кричали упорно, что они оныхъ Оболенскихъ крестьянъ къ поселенію не допустятъ, чего ради ..... посланъ былъ ..... капралъ Силуянъ Хрипуновъ, который того іюня 16-го репортомъ ..... объявилъ, что-де по пріѣздѣ его оные жъ села Лѣвой Розсоши экономическіе крестьяне, собрався съ дубьемъ и съ дрекольемъ, какъ онаго капрала Хрипунова, такъ и показанныхъ Оболенскихъ крестьянъ намѣрялись бить и къ поселенію не допускаютъ». Подлежащее начальство постановило: «просить отъ Воронежскаго господина губернатора и кавалера пристойной команды и при ней повелѣнное правленіемъ исполненіе учинить, а пущихъ ослушниковъ, дабы имъ впредь того чинить было неповадно, въ страхъ другимъ при вотчинѣ наказать батожьемъ». В. І. Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политики XVIII и XIX вв., приложеніе, стр. 101—106).

русской народной жизни. Представленіе о нихъ связывается обыкновенно съ представленіемъ о нашей сельской общинѣ. Но передѣлы земли между государственными крестьянами выходили далеко за границы отдѣльныхъ общинъ и, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, распространялись на все государство. «Постановка вопроса о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ на широкой государственной основѣ,—говоритъ В. І. Якушкинъ,—приводила къ тому, что за всякимъ крестьяниномъ, всякимъ лицомъ, состоящимъ въ крестьянствѣ, признавалось неотъемлемое право на поземельный надѣлъ: если выдавался случай, что кто-либо, состоя въ крестьянскомъ званіи, не имѣлъ «отведенныхъ имъ земель», то по этому поводу возбуждалось дѣло, наводились справки, дѣлались запросы.—Поземельный надѣлъ сталъ такимъ неотъемлемымъ правомъ казеннаго крестьянина, что въ одномъ именномъ указѣ прямо высказано: «каждому поселянину на каждую душу надлежащее число десятинъ годной пашенной земли, луговъ, лѣсовъ—полагается по государственнымъ учрежденіямъ» [1]).

Закрѣпощеніе крестьянъ государствомъ было дополнено системой земельныхъ передѣловъ, а система земельныхъ передѣловъ, въ свою очередь, завершила собою закрѣпощеніе крестьянъ государствомъ. «Смердъ», бѣжавшій съ юго-запада на сѣверо-востокъ и первоначально нашедшій тамъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое улучшеніе своей участи, мало-по-малу окончательно утратилъ тамъ и свою собственность на землю, и свою свободу. Наша пресловутая сельская община съ передѣлками означала не то, что земля принадлежала обществу крестьянъ, а то, что и земля, и крестьяне составляли собственность государства или помѣщика. Земельные передѣлы дополнялись круговой порукой и паспортной системой. По указу 19 мая 1769 г., старостъ и выборныхъ забирали, въ случаѣ неуплаты крестьянами подушной недоимки, подъ караулъ и употребляли въ тяжелыя работы «безъ платежа заработныхъ денегъ», вплоть до полной уплаты подати. А. П. Заблоцкій-Десятовскій справедливо назвалъ этотъ указъ жестокимъ и не менѣе справедливо опредѣлилъ его бытовое значеніе: «онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы, а податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи» [2]).

[1]) «Очерки», стр. 168—169. Подробнѣе объ исторіи происхожденія нашихъ «устоевъ» см. въ моей, изданной подъ псевдонимомъ А. Волгина, книгѣ: «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.)». С.-Петербургъ, 1896, стр. 101—121.

[2]) «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». Т. II, Спб. 1882, стр. 30. Послѣ всего сказаннаго выше ясно, однако, что и до указа 1769 г. общины государственныхъ крестьянъ могли быть названы «свободными» лишь cum grano salis.

Словомъ, это было полное торжество крѣпостничества въ отношеніяхъ между государствомъ и его главной рабочей силой—крестьяниномъ.

Но и на этомъ дѣло не остановилось. Система шла дальше, стремясь къ своему логическому концу. Наибольшей степени развитія достигла она, благодаря административному усердію и, если хотите, организаторскому таланту пресловутаго министра государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселева.

«Вообразите крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца. Этотъ рабовладѣлецъ не кто иной, какъ само государство; графъ Киселевъ—это главный управляющій, министерство государственныхъ имуществъ—его вотчинная контора, а окружные начальники—бурмистры, дѣйствующіе на мѣстахъ. Ихъ дѣйствія подкрѣплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и, сверхъ того, взиманіемъ «денежной молитвы» [1]).

XIV.

Подневольный бытъ русскаго крестьянина сталъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на бытъ земледѣльца великихъ восточныхъ деспотій. Напрасно думалъ Н. А. Благовѣщенскій, что «ничего подобнаго никогда и нигдѣ не было и не могло быть, кромѣ Россіи». Нѣчто совершенно подобное существовало вездѣ, гдѣ крестьянинъ былъ закрѣпощенъ государствомъ: въ древнемъ Египтѣ, въ Халдеѣ, въ Китаѣ, въ Персіи, въ Индіи. Конечно, не вездѣ эти отношенія достигали одинаковой степени развитія. Больше всего они были, повидимому, развиты въ Китаѣ и въ Египтѣ. «Въ принципѣ, весь Египетъ составлялъ,—говоритъ А. Бушэ-Леклеркъ,—одно государево имѣніе, населенное крѣпостными, работавшими на государя и поддерживавшими свое существованіе тою частью его доходовъ, которую онъ представлялъ въ ихъ распоряженіе» [2]). Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ смыслѣ это положеніе представляется Бушэ-Леклерку только принципіальнымъ. Но и теперь уже умѣстно будетъ замѣтить, что въ Египтѣ отнятіе у земледѣльцевъ права собственности на землю подвинулось впередъ значительно дальше, нежели, напримѣръ, въ Халдеѣ. Въ этой послѣдней земля въ значительной степени продолжала оставаться собственностью кровныхъ союзовъ, и нерѣдко случалось, что когда государь хотѣлъ по своему распоряжаться частью земли, принадле-

---

[1]) Н. А. Благовѣщенскій. Четвертное право. М. 1899, стр. 134.

[2]) Histoire des Lagides, Tome troisième, Paris 1906, стр. 179.

жавшей тому или другому изъ этихъ союзовъ, то онъ п о к у п а л ъ ее у нихъ [1]). Въ древнемъ Египтѣ и въ Московской Руси государь совсѣмъ не считалъ себя обязаннымъ вознаграждать экспропріируемыхъ [2]). Въ Московскомъ государствѣ такъ было, по крайней мѣрѣ, со временъ Грознаго. Что касается Китая, то тамъ, какъ это показываетъ изслѣдованіе Захарова, установилась приблизительно за тысячу лѣтъ до Рождества Христова такая система: тяглый крестьянинъ сидѣлъ на землѣ, которая принадлежала государству и отчасти непосредственно воздѣлывалась имъ для того же государства, а всѣ служилые люди получали вознагражденіе землею. Въ продолженіе болѣе, чѣмъ тысяча лѣтъ, вся внутренняя исторія Китая совпадала, по выраженію Элизэ Реклю, съ исторіей землевладѣнія, а эта послѣдняя, въ свою очередь, сводилась къ борьбѣ за землю между различными классами китайскаго общества. Служилые люди стремились обратить въ наслѣдственную собственность тѣ участки, которые отводились въ ихъ пользованіе, государство же, опираясь на нуждавшуюся въ землѣ и жадно стремившуюся къ ней крестьянскую массу, противодѣйствовало этому стремленію съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Когда китайское правительство вновь получало практическую возможность распоряжаться въ интересахъ государства тѣми землями, которыя были на болѣе или менѣе продолжительное время присвоены себѣ служилыми людьми, совершался настоящій «черный передѣлъ», могущій, при недостаточной освѣдомленности, представиться чѣмъ-то похожимъ на соціалистическую революцію [1]). Но на самомъ дѣлѣ, такіе перевороты прямо противоположны соціализму по своей природѣ: соціализмъ означаетъ господство производителя надъ средствами производства. А здѣсь самъ произво-

---

1) См. La propriété foncière en Chaldée d'après les pierres limites (Kandourrous) du Musée du Louvre par Edouard Cuq, professeur à la faculté de droit de l'université de Paris. Paris 1907, стр. 720, 728 и др.

2) Одинъ изъ такихъ переворотовъ, совершившійся въ 1069 г. нашей эры, Элизэ Реклю наивно описалъ, какъ попытку «китайскихъ соціалистовъ» осуществить свои идеи. «Достаточно было перемѣны царствованія,—назидательно прибавляетъ Реклю,—чтобы низвергнуть новый режимъ, который такъ же мало соотвѣтствовалъ желаніямъ народа, какъ и стремленіямъ высокопоставленныхъ лицъ, и который къ тому же создалъ цѣлый классъ инквизиторовъ, сдѣлавшихся настоящими землевладѣльцами» (Nouvelle géographie, tome VII, p. 77). Это, не лишенное нѣкотораго злорадства назидательное замѣчаніе объясняется тѣмъ, что Реклю въ качествѣ анархиста (правда, совершенно платоническаго) терпѣть не могъ «государственныхъ соціалистовъ», къ которымъ онъ совсѣмъ неосновательно приравнялъ китайскаго министра Ванъ-Ганъ-Че, совершившаго въ Китаѣ „черный передѣлъ“ 1069 г. На самомъ дѣлѣ, скорое крушеніе въ Китаѣ мнимаго государственнаго соціализма означало не болѣе, какъ новое и скорое торжество служилыхъ людей, стремившихся вернуть себѣ отобранную у нихъ государствомъ землю.

дитель представляетъ собою собственность государства, его говорящее орудіе производства (instrumentum vocale). Ниже мы подробно разсмотримъ, какую вредную роль сыграло въ исторіи русской общественной мысли неправильное представленіе о родствѣ аграрной политики восточныхъ деспотій съ соціализмомъ Западной Европы.

XV.

Когда самъ крестьянинъ является принадлежащимъ государству средствомъ производства, тогда его нельзя наказать, лишивъ его части имущества или свободы: у него нѣтъ ни того, ни другой. Поэтому за свои проступки онъ расплачивается своею спиною. Если, какъ мы видѣли выше, система земельныхъ передѣловъ дополнялась у насъ паспортной системой и круговой порукой, то круговая порука, уничтожившая личную отвѣтственность плательщика передъ государствомъ, имѣла своимъ естественнымъ дополненіемъ «выколачиваніе податей». Государство выколачивало ихъ изъ общины въ лицѣ ея отвѣтственныхъ передъ нимъ представителей, а община—изъ своихъ неплательщиковъ. Основаніе этому было положено еще въ московскій періодъ.

«Взиманіе недоимокъ большею частью не ограничивалось однимъ сборомъ, а сопровождалось правежомъ, — говоритъ г. А. Лаппо-Данилевскій.—Правежъ производился двумя способами: или воевода посылалъ въ уѣздъ своихъ подчиненныхъ и поручалъ имъ доправить недоимки и взыскать съ плательщиковъ прогоны (иногда въ двойномъ количествѣ), «ѣздъ и кормъ», или крестьяне высылались для правежа въ городъ къ воеводѣ, который допрашивалъ съ нихъ прогоны вдвое, иногда конфисковалъ ихъ «животы», лавки, заводы и промыслы, а ихъ владѣльцевъ билъ батогами нещадно, чтобы «инымъ сошнымъ людямъ впредь воровать было неповадно», правилъ съ нихъ подати весь день до вечера, а на ночь «металъ» ихъ въ тюрьму» [1]).

На почвѣ такихъ отношеній возникали своеобразные нравы, главная отличительная черта которыхъ заключалась въ томъ, что порабощенный государствомъ крестьянинъ иногда избѣгалъ платить подати, даже и въ томъ случаѣ, если не вполнѣ былъ лишенъ матеріальной возможности сдѣлать это, предпочитая расплату спиною расплатѣ трудомъ, продуктами или деньгами. Некрасовскій «свято-русскій богатырь» Савелій («Кому на Руси жить хо-

[1]) А. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Спб. 1890, стр. 341—342.

рошо») — типичный представитель такихъ нравовъ. Читателю, который захотѣлъ бы лишній разъ убѣдиться въ томъ, что одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія, можно указать для сравненія на изслѣдованіе Уилькинсона «Manners and Customs of ancient Egyptians», во второмъ томѣ котораго есть поучительная глава: «The bastinado», т. е., наказаніе палками, «батожьемъ». Вся разница тутъ лишь въ томъ, что у древнихъ египтянъ на батоги употреблялось дерево другой породы, преимущественно—пальма [1]).

Соловьевъ былъ совершенно правъ, говоря, что исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Но дѣло не только въ томъ, что Россія была колонизующейся страной. Дѣло еще, во-первыхъ, въ томъ, что колонизація совершалась,—какъ на это указалъ, впрочемъ, и Соловьевъ,—при постоянномъ и сильномъ натискѣ со стороны кочевниковъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что хозяйство русскаго племени, колонизовавшаго восточную равнину Европы, было натуральнымъ хозяйствомъ. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ тоже была исторіей колонизующейся страны. Но тамъ колонизація совершалась при совсѣмъ другихъ экономическихъ условіяхъ и при совсѣмъ другихъ международныхъ отношеніяхъ. Поэтому тамъ она дала совершенно другіе соціально-политическіе результаты.

Я уже предупреждалъ читателя на счетъ того, что не слѣдуетъ преувеличивать роль торговли въ экономической жизни кіевскаго періода. Въ товары и тогда обращалась лишь небольшая часть ежегоднаго продукта народнаго труда, при чемъ часть эта доставлялась не столько земледѣліемъ, сколько второстепенными, подсобными промыслами. Но съ перенесеніемъ центра тяжести исторической жизни въ междурѣчье Оки и Волги, торговля,—по крайней мѣрѣ внѣшняя,—стала играть еще меньшую роль. Тогда расходы, вызываемые управленіемъ страны и ея защитой, стали покрываться, какъ мы уже знаемъ, преимущественно земледѣльческимъ, а не охотничьимъ трудомъ населенія. Причина этого коренится въ новыхъ географическихъ условіяхъ. Посылка продуктовъ охоты и лѣсныхъ промысловъ изъ Суздальской Руси «въ Грѣкы» и на европейскій Западъ была очень затруднительна. Сбывать же «скору и воскъ» инородцамъ, между которыми водворялись на новыхъ мѣстахъ переселенцы изъ юго-западной Руси, было совершенно невозможно уже по одному тому, что у

1) Ср. также интересную брошюру Маспэро: «Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique», Paris 1872, гдѣ описывается выбиваніе недоимокъ съ помощью пальмовыхъ розогъ. Палачами при этой фискальной операціи служили обыкновенно негры.

нихъ и скоры, и воску, и меду было, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ у самихъ переселенцевъ. Но если расходы по управленію страною и по ея самооборонѣ больше не могли покрываться продажей продуктовъ охоты и лѣсныхъ промысловъ; если эти важныя функціи общественной жизни должны были почти исключительно опереться на земледѣліе; если, стремясь обезпечить ихъ исполненіе, государство, какъ мы видѣли, вынуждено было постепенно ограничивать свободу земледѣльца, а въ концѣ концовъ, и совершенно закрѣпостить его, и если этотъ постепенный процессъ утраты крестьяниномъ своей свободы открывалъ все больше и больше простора для эксплуатаціи и угнетенія его служилыми людьми, то, съ другой стороны, тѣ же географическія условія, при которыхъ совершалась колонизація сѣверо-восточной Руси, были неблагопріятны для роста силы его сопротивленія угнетателямъ и эксплуататорамъ.

«На сѣверѣ поселенецъ посреди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскиваетъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторою безопасностью и удобствомъ поставить ногу, выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки, являлись рѣдкими островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островкѣ можно было поставить одинъ, два, много три крестьянскихъ двора. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующей формой разселенія въ сѣверной Россіи чуть не до конца XVII в.» [1]). Вполнѣ понятно, что сила сопротивленія подобной деревни очень невелика. Чтобы обезопасить себя отъ внѣшнихъ нападеній,—напримѣръ, отъ набѣговъ тѣхъ же кочевниковъ, которые и на сѣверо-востокѣ не оставляли въ покоѣ русскаго земледѣльца,—обитатели подобной деревни будутъ расположены поддерживать всѣми зависящими отъ нихъ средствами усиленіе центральной власти, сосредоточивающей въ своихъ рукахъ оборону страны, и расширеніе подчиненной ей территоріи: чѣмъ больше такая территорія, тѣмъ больше людей можетъ быть привлечено къ дѣлу ея обороны. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что сѣверо-восточные русскіе крестьяне охотно способствуютъ увеличенію княжеской власти и расширенію государственной территоріи. Знаменитое «собираніе Руси» великими московскими князьями могло итти такъ успѣшно только потому, что «собирательная» политика пользовалась горячимъ сочувствіемъ со стороны народа. Но въ то же самое время сѣверо-восточные русскіе земледѣльцы, разсѣянные въ лѣсной глуши и разбитые на крошечные поселки, были безсильны противъ притязаній и злоупотребленій этой, ихъ же

[1]) «Курсъ русской исторіи», проф. В. Ключевскаго, ч. I, Москва 1908, стр. 383.

нуждами и ихъ же сочувствіемъ укрѣплявшейся, центральной власти: крошечная деревенька въ два-три двора могла оказывать только пассивное сопротивленіе московскимъ посягательствамъ на ея свободу, а всѣ остальныя деревеньки были слишкомъ разобщены съ нею, чтобы поддержать ее въ роковую для нея минуту; напротивъ, онѣ же и дали бы Москвѣ средства для борьбы съ «воровствомъ» непокорныхъ поселковъ. Если, по замѣчанію Энгельса, деревенскія общины всюду, отъ Индіи до Россіи, служили экономической основой деспотизма, то одна изъ самыхъ главныхъ причинъ этого явленія лежитъ въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, исключающихъ экономическое раздѣленіе труда и разбивающихъ все земледѣльческое населеніе обширнаго государства на небольшія группы, не нуждающіяся одна въ другой, а потому и равнодушныя другъ къ другу, именно, въ силу полнаго тождества ихъ экономическаго и общественнаго положенія [1]). Конечно, въ каждой изъ восточныхъ деспотій были свои особыя условія, ослаблявшія или усиливавшія дѣйствіе указанной причины. Къ числу причинъ, чрезвычайно усиливавшихъ ея дѣйствіе въ восточныхъ деспотіяхъ, надо отнести необходимость орошенія. «Каждая изъ многочисленныхъ восточныхъ деспотій знала очень хорошо, что она, прежде всего, является представительницей народа въ дѣлѣ орошенія рѣчныхъ долинъ, безъ чего тамъ было немыслимо и самое земледѣліе» [2]). Однако, не будемъ удаляться отъ Россіи.

XVI.

Мы знаемъ: положеніе русскаго крестьянина мало-по-малу сдѣлалось очень похожимъ на положеніе крестьянина любой изъ великихъ восточныхъ деспотій. Съ этой стороны Россія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій все болѣе и болѣе удалялась отъ европейскаго

---

[1]) Къ этому надо прибавить уже хорошо знакомое намъ вліяніе кочевниковъ, которое теперь выражалось, между прочимъ, въ слѣдующемъ: «со времени татарскаго господства князья усилили владычество на землѣ и на живущихъ на ней, потому что должны были отвѣчать за исправность платежей, слѣдовавшихъ ханамъ съ земли и ея обитателей». «Промышленность древней Руси», Н. Аристова. Спб. 1866, стр. 49.

[2]) «Анти Дюрингъ», стр. 140. Орошеніе нужно было для всѣхъ, но ни одна группа жителей не принимала во вниманіе нуждъ другихъ группъ. Каждая считалась только со своимъ собственнымъ интересомъ. «Отсюда,—по словамъ Ж. Маспэро,—происходили постоянныя ссоры и драки. Чтобы заставить уважать права слабыхъ и чтобы организовать систему распредѣленія воды, необходимо было положить въ странѣ, по крайней мѣрѣ, начало той соціальной организаціи, которую она имѣла впослѣдствіи: Нилъ подсказалъ Египту его политическую конституцію точно такъ же, какъ онъ подсказалъ физическую конституцію его». Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique,—Tome I, Paris 1895; p. 70.

Запада и сближалась съ Востокомъ. Но такъ какъ все общественно-политическое зданіе держалось въ земледѣльческой Россіи на широкой спинѣ крестьянства, то и положеніе служилаго класса не могло не пріобрѣсти въ ней очень замѣтнаго восточнаго оттѣнка.

Выше было указано, что отношенія между главою государства и служилымъ классомъ становятся болѣе опредѣленными лишь тогда и лишь тамъ, когда и гдѣ дружинники превращаются въ держателей земли. Процессъ этого превращенія сопровождается борьбою держателей земли съ государемъ. Держатели стремятся сдѣлать свои земли наслѣдственными; государь противится этому стремленію. Тамъ, гдѣ болѣе сильными оказываются держатели, они обезпечиваютъ себѣ наслѣдственность леновъ, и на этой соціальной основѣ расцвѣтаютъ политическія «учрежденія независимости». Такъ было, напримѣръ, во Франціи [1]); такъ было и въ Польшѣ, на которую я уже ссылался, говоря о Кіевской Руси.

Польское служилое сословіе быстро превращается въ привилегированное, заботливо ограждающее свою независимость отъ короля уже въ 1373 г. Кошицкая привилегія сдѣлала наслѣдственными всѣ имѣнія «милитовъ», гарантируя князю только два гроша съ лана въ годъ, въ видѣ подати съ такихъ имѣній, и военную службу, сообразно съ количествомъ находившейся въ нихъ земли. Червиньская привилегія 1422 г. установила, что король не имѣетъ права безъ суда конфисковать имущество шляхты, а привилегіи 1425, 1430 и 1433 гг. опредѣлили тѣ шесть случаевъ, за исключеніемъ которыхъ шляхтичъ, безъ суда, не можетъ быть лишенъ свободы. Нешавскіе статуты 1454 г. освободили шляхту отъ суда королевскихъ чиновниковъ и открыли ей доступъ къ законодательной власти: въ силу этихъ статутовъ, всякая мѣра, налагающая какое-нибудь обязательство на шляхту, должна была подлежать ея предварительному обсужденію. Наконецъ, конституція, извѣстная подъ именемъ конституціи «Nihil novi», провозгласила, что безъ согласія сейма король не можетъ ограничить личныя права шляхтичей. Съ этихъ поръ вся внутрен-

---

1) Le courant d'idées qui imposait à toute propriété, à toute fonction, à toute délégation d'autorité la forme féodale, la condition de fief héréditaire, finit par tout emporter. De l'ancien pouvoir exercé par le suzerain sur sa terre concédée, sur son bénéfice, il ne resta plus à l'époque capétienne, que certaines prérogatives et certains droits fixés par la coutume: une apparence de consentement à la transmission héréditaire, le droit plus ou moins contesté de reprendre le fief dans quelques cas déterminés; certains profits matériels; bref, une ombre de propriété». (Manuel des Institutions Françaises, periode des capétiens directs, par Achille Luchaire, Paris 1892), p. 154. Напомню еще разъ, что Франція сдѣлалась классической страной западно-европейскаго феодализма.

няя исторія Польши была исторіей страны, въ которой безраздѣльно господствовало привилегированное сословіе земледѣльцевъ, оставившее королю одну только тѣнь политической власти.

Не то мы видимъ въ сѣверо-восточной Руси. Здѣшніе «милиты» выступаютъ сначала, какъ «вольные слуги» удѣльныхъ князей, а кончаютъ тѣмъ, что становятся «холопями» московскихъ великихъ князей и, подобно крестьянамъ, утрачиваютъ право свободнаго перехода. Уже въ половинѣ XVI-го столѣтія служилое сословіе оказывается совершенно закрѣпощеннымъ государству, и это его закрѣпощеніе,—можетъ быть еще больше, нежели закрѣпощеніе крестьянства, — уподобляетъ общественно-политическій строй московской Руси строю великихъ восточныхъ деспотій. Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ 1517 г., т. е. при Василіи Ивановичѣ, былъ пораженъ безпредѣльностью княжеской власти.

«Онъ имѣетъ власть, какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей; потому они даже называютъ его Божьимъ ключникомъ и постельникомъ, и, наконецъ, вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли Божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,—обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана-государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ» [1]).

Надо думать, что если бы ожила мумія какого-нибудь «холопа» или дьяка,—scribe, какъ выражаются французскіе египто-

---

[1]) «Записки о Московіи». Спб. 1866, стр. 28. Ср. Флетчера: «Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать... Правленіе у нихъ чисто тиранническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ». Затѣмъ Флетчеръ указываетъ, что порабощены не только крестьяне, но и дворяне, и отмѣчаетъ полную необезпеченность имущественныхъ правъ обоихъ классовъ. По его словамъ, и дворяне, и простолюдины въ отношеніи къ своему имуществу суть не что иное, какъ хранители царскихъ доходовъ, потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки». («О государствѣ русскомъ» и т. д., въ изданіи популярно-научной библіотеки. Спб. 1906, стр. 33 и 33—34).

логи,—одного изъ египетскихъ фараоновъ, скажемъ, XII-ой династіи, и совершила путешествіе въ Московію, то, въ противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительнаго для себя въ общественно-политическомъ быту этой страны. Она рѣшила бы, что отношенія москвитянъ къ верховной власти, весьма близкія къ тому, что существовало на ея далекой родинѣ, именно, таковы, какими они должны быть въ благоустроенной странѣ.

Мѣстности, въ которыхъ сложились великія восточныя деспотіи, тоже прошли черезъ фазу феодализма. Но въ нихъ держателямъ земли, несмотря на ихъ усилія, не удалось обратить лены въ свою наслѣдственную собственность. Государи не только въ принципѣ сохранили верховное право на землю, но и на практикѣ постоянно пользовались имъ. Такъ, въ Халдеѣ, согласно своду законовъ, извѣстному подъ именемъ кодекса Гаммураби, служилый человѣкъ получалъ отъ казны домъ съ садомъ, участокъ пахотной земли и быковъ для его обработки. Это имущество составляло нѣчто въ родѣ его помѣстья, остававшагося за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ исполнялъ свою службу. Статья тридцатая названнаго Свода говоритъ, что держатель лишается земли, если не исполняетъ службы въ теченіе 3-хъ лѣтъ; статьи 35-ая и 36-ая объявляютъ эту землю неотчуждаемой; наконецъ, статьи 32-ая и 38-ая предупреждаютъ, что никакихъ исключеній тутъ не допускается [1]). Передъ нами тутъ помѣстное землевладѣніе, въ родѣ московскаго, вполнѣ сложившееся за 2.000 лѣтъ до начала нашей эры.

Въ Персіи земля до недавняго времени составляла собственность шаха. «Феодальнымъ сеньорамъ, частнымъ лицамъ, даже религіознымъ корпораціямъ доступно,—говоритъ Э. Лорини,—только пользованіе, физическое распоряженіе; но ихъ право владѣнія всегда зависитъ отъ произвола монарха, который можетъ упразднить его когда бы то ни было» [2]). Точно такъ же въ Московской Руси имѣніе служилаго человѣка всегда могло быть «отписано на государя». Вообще, вотчинное землевладѣніе все больше и больше отступало тамъ передъ помѣстнымъ. И чѣмъ больше оно отступало передъ нимъ, тѣмъ больше возрастала зависимость служилаго сословія отъ князя, тѣмъ болѣе прежніе вольные люди превращались въ «холопей». Теперь уже хорошо извѣстно, какими мѣрами боролся Грозный со своими «измѣнниками» изъ боярской среды. Его опричнина служила ему не только для того, чтобы казнить «измѣнниковъ»; она нанесла страшный ударъ боярскому

---

1) «La propriété foncière en Chald ée» par Eduard Cuq, page 72-8.

2) «La Persia economica contemporanea», Roma 1900, стр. 217 и слѣд.

землевладѣнію. «Ликвидируя въ опричнинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою» [1]). Чѣмъ крѣпче связывалось землевладѣніе съ обязательной службой, тѣмъ больше крѣпла зависимость служилаго человѣка отъ верховной власти, и тѣмъ полнѣе становилась сама эта власть. Но не Грозный выдумалъ помѣстную систему. Она возникла и окрѣпла задолго до него. Уже его дѣдъ, Иванъ III, какъ нельзя лучше понималъ великое значеніе помѣстной системы въ государственномъ хозяйствѣ Москвы. Въ декабрѣ 1477 г. его бояре говорили новгородскимъ посламъ: «великій князь велѣлъ вамъ сказать, что Великій Новгородъ долженъ отписать на насъ волости и села; ибо намъ, великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ безъ того нельзя держать». А 4-го января слѣдующаго года Иванъ предъявилъ новгородцамъ точно опредѣленныя требованія отписать на его имя «половину волостей владычныхъ и монастырскихъ и половину волостей Новоторжскихъ, чьи бы ни были» [2]). Такимъ образомъ, уже въ концѣ XV-го вѣка земли, подлежавшія раздачѣ въ помѣстья, сдѣлались въ рукахъ московскаго правительства главнымъ средствомъ выполненія важнѣйшихъ государственныхъ функцій: управленія и обороны страны.

Иванъ III такъ дорожилъ своимъ помѣстнымъ фондомъ и такъ заботился объ его увеличеніи, что не прочь былъ наложить руку и на земли, принадлежавшія церкви. Его терпимое и даже какъ бы сочувственное отношеніе къ ереси «жидовствующихъ» объясняется тѣмъ, что «жидовствующіе» были противниками монашества. Экспропріація монастырей передала бы въ руки московскаго правительства ихъ огромныя недвижимыя имущества. Соблазнъ былъ такъ великъ, что за «жидовствующихъ» стояла очень сильная партія при дворѣ Ивана. Секуляризація церковныхъ имѣній была въ интересахъ всего служилаго класса. Но церковь сумѣла отклонить грозившую ей опасность. Она не безъ основанія указала на то, что «мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ священныхъ мѣстъ ничтоже имаху, и недвижныхъ вещей не смѣли двигнути, и судити, или поколебати... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не токмо въ

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Изд. третье. С.-Петербургъ 1910, стр. 148.

[2]) Бѣляевъ. Исторія Новгорода Великаго. Москва 1864 г., стр. 608 и 609. Ср. также «Исторію Россіи» Соловьева, кн. I, стр. 1375.

своихъ странахъ, но и въ Руссійскомъ вашемъ царствіи, и ярлыки давали». Упоминаніе объ ярлыкахъ показываетъ, что краснорѣчивые защитники неприкосновенности церковныхъ имуществъ подъ «невѣрными и нечестивыми царями» понимали собственно татарскихъ хановъ. Русская православная церковь, въ самомъ дѣлѣ, жила нѣкогда въ трогательномъ согласіи съ «невѣрными и нечестивыми» татарскими ханами. Митрополитъ Кириллъ,—первый русскій митрополитъ, поставленный послѣ разоренія Кіева,—учредилъ православную епископію въ ханской столицѣ и получилъ отъ Менгу-Темира жалованную грамоту, ограждавшую на вѣчныя времена права духовенства. Оно освобождалось отъ всякихъ даней и повинностей. Его земли и люди были объявлены неприкосновенными. Хула противъ православной вѣры и,—что было еще важнѣе,—всякое нарушеніе предоставленныхъ духовенству привилегій наказывалось смертной казнью. Такимъ образомъ, князья не имѣли права ни облагать его повинностями, ни посягать на его имущества. Великое народное несчастіе,—татарское нашествіе,—принесло, такимъ образомъ, большую пользу «богомольцамъ» русской земли, которые, съ своей стороны, умѣли цѣнить любезность «невѣрныхъ и нечестивыхъ царей». Это согласіе между «нечестивыми царями» кочевыхъ хищниковъ и благочестивыми «богомольцами» осѣдлаго русскаго населенія на время сдѣлало нашу духовную власть почти независимой отъ свѣтской [1]). Наши митрополиты опирались на татаръ, какъ римскіе папы опирались когда-то на франковъ. Разница,—и весьма существенная,—была тутъ лишь въ томъ, что поддержка со стороны франковъ оказалась надежнѣй татарской поддержки. При Иванѣ III совершенно прекратилось подчиненіе Московскаго княжества татарамъ. Тогда московскому духовенству пришлось разсчитывать только на свои собственныя силы, которыя были несравненно слабѣе силъ римско-католическаго духовенства. Дальнѣйшее усиленіе власти московскихъ государей все болѣе и болѣе ставило «богомольцевъ» въ подчиненное отношеніе къ нимъ. «Богомольцы» сдѣлались de facto такими же царскими «холопями», какъ и служилые люди. Монастырскія имѣнія были секуляризованы въ XVIII вѣкѣ,—что было облегчено развитіемъ денежнаго хозяйства, — а всѣ важныя церковныя дѣла стали рѣшаться, въ концѣ концовъ, оберъ-прокуроромъ, въ роли котораго выступали подчасъ даже военные люди. Это не могло нравиться «богомольцамъ». Однако, они до такой степени были вѣрны преданіямъ, вынесеннымъ ими, по выраженію Чаадаева, изъ растлѣн-

---

[1]) См. В. Сергѣевича, «Русскія юридическія древности», т. II, выпускъ 2-й, Спб. 1896, стр. 617—618.

ной Византіи, что духовенство, какъ сословіе, было и остается враждебнымъ всякому освободительному движенію. Это дѣлаетъ его одной изъ самыхъ надежныхъ опоръ реакціи. Оно всегда смотрѣло на Востокъ, и ни о какой европеизаціи его не могло быть и рѣчи.

Мнѣ, конечно, прекрасно извѣстно, что и на Западѣ верховная власть въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ побѣдила центробѣжныя стремленія феодаловъ. Людовикъ XIV съ полнымъ основаніемъ говорилъ: «L'état, c'est moi!» Но было бы крайне ошибочно отрицать на этомъ основаніи относительное,—однако, с о всѣмъ немаловажное,—своеобразіе русскаго историческаго процесса. Подчиняя себѣ феодальное дворянство, французскіе короли не ограничивали его правъ на землю и не принуждали его къ службѣ [1]). Поэтому возвышеніе монарха во Франціи не означало закрѣпощенія государству дворянскаго сословія [2]). Это происходило, разумѣется, не потому, чтобы французскіе короли больше дорожили человѣческой или хотя бы только дворянской свободой. Они дорожили ею не больше, чѣмъ московскіе великіе князья или восточные деспоты. Но они дѣйствовали при другихъ общественно-политическихъ условіяхъ, и потому ихъ дѣйствія привели къ другимъ результатамъ. Экономическое развитіе Франціи шло несравненно быстрѣе, нежели экономическое развитіе Россіи; натуральное хозяйство гораздо быстрѣе, чѣмъ на Руси, замѣнялось въ ней денежнымъ, а это уже рано дало французскимъ королямъ возможность учредить постоянную армію, расходы на содержаніе которой покрывались ихъ денежными доходами. Уже Филиппъ Красивый имѣлъ у себя на службѣ немалое число наемниковъ; съ появленіемъ же наемника измѣнялся и самый характеръ военной службы: изъ обязательной она превращалась въ добровольную. Другими словами, служилый человѣкъ уступалъ мѣсто сол-

---

1) ...«On ne peut considérer comme un devoir légal l'obligation morale, l'usage invétéré de porter les armes. Les nobles servaient à l' armée en grande majorité, mais, non pas sans exception, tandis que tous sans exception étaient exempts de la taille. Et s'ils étaient dispensés de la taille, ce n'étais pas parce qu'ils servaient, mais parce qu'ils étaient nobles. Le privilège n'était pas la récompense du service rendu, mais le droit de la naissance». La noblesse française sous Richelieu par le vicomte G. d'Avenel. Paris, стр. 40—41.

2) Французское дворянство любило повторять, что короли—не болѣе, какъ первые дворяне. «Les rois, plus d'une fois, mirent quelque affectation à dire: Nous ne sommes pas davantage. Cette parité originelle était ce qui tenait le plus au coeur de la noblesse. Le souverain ne l'ignorait pas, et le Roi—Soleil lui—même n'aurait pas cru pouvoir battre un gentilhomme sans le faire tort». D'Avenel, тамъ же, стр. 13. Московскіе князья и цари смотрѣли на этотъ вопросъ иначе, да иначе же смотрѣли на него и ихъ служилые «холопи», тѣ за тычкомъ не гнались.

дату по профессіи («Soldat par métier») [1]). Опираясь на своихъ солдатъ по профессіи, французскіе короли мало-по-малу уничтожили старыя политическія права феодаловъ, но должны были оставить неприкосновенными ихъ права на землю. Ни о какомъ превращеніи дворянскихъ земель въ государственный фондъ, составляющій экономическую основу системы народной обороны, во Франціи не могло быть и рѣчи: при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ этой страны такое превращеніе просто-напросто никому не приходило въ голову. Наоборотъ, экономическія условія Московской Руси настоятельно его требовали. Поэтому вотчинное землевладѣніе и отступило у насъ такъ далеко передъ помѣстнымъ. Поэтому отношеніе служилаго человѣка къ князю вышло у насъ такъ мало похожимъ на отношеніе французскаго дворянина къ своему королю. Поэтому же,—вѣрнѣе: м е ж д у п р о ч и м ъ, поэтому же,—московскій великій князь произвелъ на западнаго барона Герберштейна впечатлѣніе монарха, полнотою и объемомъ своей власти превосходившаго всѣхъ монарховъ всего цивилизованнаго міра.

XVII.

Исторія Россіи была исторіей страны, колонизовавшейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Колонизація означала,—какъ это замѣтилъ еще Соловьевъ,—однообразіе занятій и постоянную подвижность населенія, мѣшавшія,—какъ я прибавилъ бы отъ себя,—углубленію тѣхъ классовыхъ различій, которыя возникаютъ вслѣдствіе общественнаго раздѣленія труда. А это значитъ, что, благодаря указаннымъ условіямъ, внутренняя исторія Россіи не могла отличиться интенсивною взаимною борьбою общественныхъ классовъ. Источникъ политической силы высшаго класса—его экономическое господство надъ значительною частью населенія—не могъ быть обильнымъ и притомъ постоянно грозилъ изсякнуть благодаря непрерывному переходу этого населенія на «новыя мѣста». Только въ теченіе того, не очень продолжительнаго, времени, когда земледѣльческое населеніе Великороссіи отличалось довольно большой густотой, вслѣдствіе постояннаго притока переселенцевъ изъ юго-западной Руси въ бассейнъ верхней Волги и невозможности дальнѣйшаго переселенія на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ,

---

[1]) Ср. А. Р а м б о, «Histoire de la civilisation Française», т. I, pp. 228. «Legalement, les nobles n'etaient tenus à combattre qu'en cas d'appel du ban et de l'arrière—ban. On y eut recours deux fois sous Louis XIII, chaque fois sous une forme différrente et chaque fois, cet appel donna des résultats tellement désastreux ou tellement insignifiants, qu'il démontra l'impossibilité de fonder sur lui la défense de l'Etat pour l'avenir». D'A v e n e l, тамъ же стр. 54.

высшему классу удалось расширить и упрочить свое непосредственное экономическое господство надъ низшимъ. Тогда сложилось тамъ довольно крупное и вліятельное боярское землевладѣніе. Но когда ростъ Московскаго государства устранилъ препятствія, временно пріостановившія колонизацію, тогда земледѣльцы опять во множествѣ устремились на «новыя мѣста», и тогда опять затрещало и зашаталось экономическое господство землевладѣльцевъ. Какъ извѣстно, крупное землевладѣніе пережило тогда настоящій кризисъ. Чтобы найти выходъ изъ тяжелаго положенія, землевладѣльцы должны были добиваться окончательнаго прикрѣпленія крестьянина къ землѣ, на что охотно согласилась центральная власть, сама бывшая, какъ мы знаемъ, крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ и сама не менѣе бояръ страдавшая отъ крестьянскихъ переходовъ. Но чѣмъ нужнѣе былъ для крупныхъ землевладѣльцевъ союзъ съ центральною властью ради прикрѣпленія къ землѣ крестьянина, тѣмъ слабѣе должна была становиться ихъ политическая оппозиція великому князю. На это съ поразительною мѣткостью указалъ еще Ключевскій.

«Положеніе дѣлъ въ селѣ давало тонъ политическому настроенію боярства, направленіе его правительственной дѣятельности, роняло цѣну однихъ его интересовъ въ пользу другихъ, ставило, напримѣръ, мысль объ отношеніяхъ къ селу впереди мысли объ отношеніяхъ къ дворцу, заставляло въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ искать опоры для обезпеченія первыхъ, а не наоборотъ: словомъ, землевладѣльческіе тревоги и опасности, не дѣлая боярина опытнымъ и предусмотрительнымъ сельскимъ хозяиномъ, дѣлали его робкимъ или равнодушнымъ политикомъ» [1]).

По мнѣнію проф. Ключевскаго, село XVI-го вѣка и надобно признать одной изъ главныхъ причинъ того, что политическій строй Московскаго государства не сдѣлался аристократическимъ. Но положеніе села того времени было, именно, положеніемъ села въ странѣ, колонизующейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Стало быть, эта важная причина сама является однимъ изъ слѣдствій подобной колонизаціи.

Другой, не менѣе важной, причиной, тоже составляющей слѣдствіе колонизаціи, надо признать обиліе тѣхъ свободныхъ земель, на которыя могло наложить свою руку московское правительство въ открывшихся передъ нимъ во второй половинѣ XVI-го вѣка новыхъ лѣсныхъ и степныхъ мѣстностяхъ. Надѣляя этими землями низшіе и средніе слои служилаго класса, оно создавало себѣ въ лицѣ этихъ слоевъ прочную опору для борьбы съ

[1]) «Боярская Дума древней Руси», изд. 4-е, Москва 1909, стр. 313.

высшимъ, аристократическимъ слоемъ того же класса съ «княжатами»—боярами. Тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVI-го вѣка вотчинное землевладѣніе далеко отступило назадъ передъ помѣстнымъ, въ переводѣ на политическій языкъ означалъ, что дворянинъ заставилъ очень сильно попятиться боярина и помогъ главѣ государства безпощадно раздавить всѣ политическія претензіи «княжатъ». Во Франціи королевская власть тоже не избѣгаетъ союза съ низшимъ дворянствомъ. Въ лицѣ Карла VII она даже ищетъ такого союза. Но во Франціи развитіе денежнаго хозяйства рано даетъ королямъ возможность создать постоянную армію, составленную, какъ сказано выше, не изъ служилаго дворянства, а изъ профессіональныхъ солдатъ разночиннаго происхожденія. Весьма характерно, что тотъ же самый Карлъ VII, королевскій совѣтъ котораго состоялъ изъ представителей низшаго дворянства и третьяго сословія, очень много сдѣлалъ для реорганизаціи военной силы въ указанномъ смыслѣ [1]). А реорганизація арміи въ этомъ смыслѣ все болѣе и болѣе побуждала французскую королевскую власть и давала ей все большую и большую возможность опираться въ своей борьбѣ съ аристократіей не столько на мелкое и среднее дворянство, на которое опирались московскіе «самовластцы», сколько на третье сословіе. Вообще, одна изъ главныхъ отличительныхъ чертъ французскаго феодализма, сравнительно съ русскимъ, заключается въ томъ, что въ нѣдрахъ французскаго феодальнаго общества возникло гораздо болѣе многочисленное, богатое и сильное третье сословіе, нежели въ удѣльной Руси. Эта особенность французскаго феодализма не могла не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ развитія французскаго общества и французской королевской власти. Представительство на московскихъ земскихъ соборахъ XVI вѣка является представительствомъ почти исключительно служилыхъ людей [2]), между тѣмъ какъ во Франціи третье сословіе уже въ половинѣ XIV вѣка играетъ въ собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ очень яркую роль, а въ слѣдующемъ столѣтіи его представители на этихъ собраніяхъ сознательно оказываютъ королю весьма существенную поддержку въ борьбѣ съ дворянствомъ [3]). Сообразно съ этимъ, неодинаково и отношеніе представительныхъ собраній къ центральной власти. «Земскій соборъ XVI вѣка былъ,—говоритъ проф. Ключевскій,—въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами [4]). Неудивительно, что «агенты»,

[1]) Ср. Histoire de France, par Victor Duruy, Paris, 1893, т. I, стр. 545—546.
[2]) См. Ключевскаго. Курсъ, ч. II, стр. 488 и слѣд.
[3]) См. I томъ извѣстнаго сочиненія Ж. Пико. Histoire des Etats Généraux.
[4]) Курсъ, ч. II, стр. 486.

въ отвѣтъ на правительственные вопросы, высказывались въ томъ духѣ, что они готовы за государя головы свои класть, а впрочемъ, во всемъ воля божья да государева [1]). Въ Москвѣ XVI вѣка думали, что «народъ не можетъ имѣть своей воли, а обязанъ хотѣть волею власти, его представляющей» [2]). Между тѣмъ, въ Парижѣ, во второй половинѣ XIV вѣка, канцлеръ де-Дорманъ,—тоже въ своемъ родѣ «агентъ» верховной власти,—чтобы успокоить волнующихся горожанъ, нашелъ нужнымъ польстить имъ рѣчью, въ которой провозглашалъ, что «короли властвуютъ лишь волею народовъ, и что только сила народовъ дѣлаетъ ихъ страшными» [3]).

Служилые люди Московскаго государства недаромъ называли себя великокняжескими, а потомъ царскими «холопями». Они были закрѣпощены государству такъ же, какъ были закрѣпощены ему крестьяне. На каждомъ изъ этихъ двухъ сословій лежалъ гнетъ, къ концу XVI в. становившійся все болѣе и болѣе тяжелымъ. Возрастаніе тяжести этого гнета находитъ свое объясненіе въ томъ, уже не разъ упомянутомъ обстоятельствѣ, что Россія была страной, колонизовавшейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. С. В. Рождественскій вполнѣ правильно говоритъ, что недостатокъ денежныхъ средствъ былъ одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономическаго положенія служилаго класса въ XVI в. «Самый же этотъ недостатокъ,—прибавляетъ онъ,—объясняется несоотвѣтствіемъ между постоянно развивающимися и прогрессирующими потребностями государства и общества, съ одной стороны, и слабымъ развитіемъ, инертностью народнаго хозяйства—съ другой, преобладаніемъ хозяйства натуральнаго надъ денежнымъ, котораго требовали новыя обстоятельства» [4]).

На Востокѣ населеніе тоже закрѣпощено было государству. Но, не говоря уже о бо̀льшемъ плодородіи почвы, восточныя деспотіи не имѣли такихъ сосѣдей, которые превосходили бы ихъ по своему культурному развитію. Напротивъ, каждое изъ этихъ цивилизованныхъ государствъ имѣло сосѣдями, главнымъ образомъ, варваровъ, значительно уступавшихъ имъ въ смыслѣ культуры. Правда, кочевые варвары нерѣдко заставляли сильно страдать земледѣльческое населеніе восточныхъ деспотій или даже покоряли его на болѣе или менѣе продолжительное время своей власти. Для примѣра можно указать на завоеваніе Египта «пастухами», о которыхъ Манеѳонъ говоритъ почти въ такихъ же

---

[1]) Ср. у. Ключевскаго, тамъ же, стр. 492.

[2]) Ключевскій, тамъ же, стр. 487.

[3]) Ж. Пико, назв. соч., т. I, стр. 228.

[4]) «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка», С.-Петербургъ, 1897, стр. 83.

выраженіяхъ, какъ наши лѣтописи о монголахъ. Но пока тотъ же Египетъ не сдѣлалъ завоеваній въ Азіи, у него совсѣмъ не было цивилизованныхъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо счастливѣе Московскаго государства, которому на своей западной границѣ приходилось имѣть дѣло съ сосѣдями, гораздо дальше его ушедшими по пути цивилизаціи. Борьба съ этими сосѣдями была еще несравненно тяжелѣе, нежели такъ дорого стоившая русскому народу борьба съ кочевниками. Покорившая Казань и Астрахань Москва XVI в. потерпѣла жестокую неудачу въ рѣшительномъ столкновеніи со своими западными сосѣдями. Чтобы отстоять свое существованіе въ борьбѣ съ противниками, далеко опередившими ее въ экономическомъ отношеніи, ей пришлось посвятить на дѣло самообороны,—посредственно и непосредственно,—такую долю своихъ силъ, которая, навѣрно, была гораздо больше, нежели доля, употреблявшаяся съ тою же цѣлью населеніемъ восточныхъ деспотій.

Въ этомъ заключается, весьма достойная нашего вниманія, относительная особенность нашего историческаго процесса, сравнительно съ такимъ же процессомъ восточныхъ деспотій. При сопоставленіи этой особенности съ тою, которую мы отмѣтили, сравнивая общественно-политическій строй Московскаго государства со строемъ западно-европейскихъ странъ, у насъ получается слѣдующій итогъ: государство это отличалось отъ западнымъ тѣмъ, что закрѣпостило себѣ не только низшій земледѣльческій, но и высшій, служилый классъ, а отъ восточныхъ, на которыя оно очень походило съ этой стороны,—тѣмъ, что вынуждено было наложить гораздо болѣе тяжелое иго на свое закрѣпощенное населеніе.

XVIII.

Пока у насъ господствовало убѣжденіе въ абсолютномъ своеобразіи нашего историческаго процесса, общественная роль городского населенія сѣверо-восточной Руси считалась близкой къ нулю. «Зачѣмъ намъ города?—спрашивалъ другъ и единомышленникъ А. И. Герцена Н. П. Огаревъ.—Наши города только правительственная фантазія, а въ дѣйствительности они не имѣютъ ни значенія, ни силы» [1]). (Само собою разумѣется, что во всѣхъ разсужденіяхъ этого рода дѣлалось молчаливое исключеніе для вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова). Это была большая ошибка.

[1]) «Колоколъ», № 51.

Даже на «верхне-волжскомъ суглинкѣ» наша городская жизнь никогда не была совершенно ничтожной. Теперь уже можно признать безспорнымъ, что города сѣверо-восточной Руси вовсе не были тѣми болѣе или менѣе обширными деревнями, за которыя ихъ такъ охотно принимали теоретики русской самобытности. Этой Руси тоже нечуждо было экономическое раздѣленіе труда между городомъ и деревней. «Если тутъ и была, главнымъ образомъ, разница не качественная, а количественная,—говоритъ Н. Д. Чечулинъ,—т. е., если мы и находимъ въ городахъ, какъ въ селахъ, жителей съ одними и тѣми же правами и особенностями, а частью даже и занимавшихся одинаково земледѣліемъ и ремеслами, такъ что только размѣры поселеній и большее или меньшее развитіе того или другого рода занятій жителей отличало городъ отъ деревни, то, во всякомъ случаѣ, и такая количественная разница была тутъ настолько значительна, что даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія положенія селъ и деревень» [1]).

Хотя ремесленники, населявшіе города сѣверо-восточной Руси, подобно ремесленникамъ средневѣковыхъ городовъ Западной Европы, занимались также и земледѣліемъ, однако, главнымъ источникомъ ихъ дохода былъ, надо думать, ремесленный, а не земледѣльческій трудъ. Г. Чечулинъ даетъ длинный списокъ названій тѣхъ ремеслъ, какія встрѣчались въ русскихъ городахъ. Тутъ мы видимъ 34 названія ремеслъ, относящихся къ производству и обработкѣ съѣстныхъ припасовъ; 32 ремесла, посвященныхъ производству одежды; 25 ремеслъ, относящихся къ строительному дѣлу и производству домашней утвари; и, наконецъ, 119 названій разнаго рода другихъ ремеслъ, въ родѣ булавочниковъ, гребенниковъ, мечниковъ, сабельниковъ, лучниковъ, стрѣльниковъ, зольниковъ, извозчиковъ, огородниковъ, колокольниковъ, садовниковъ, струнниковъ, стекольниковъ, стригольниковъ, угольниковъ, фонарниковъ и т. д., и т. д. [2]). Г. Чечулинъ прибавляетъ: «въ данныхъ о ремесленникахъ, отнесенныхъ нами ко второй группѣ, большое число сапожниковъ... невольно заставляетъ думать, что тогда очень многіе носили сапоги» (стр. 340). Короче, признавая, что бо̀льшая часть ремеслъ посвящалась въ XVI в. производству предметовъ первой необходимости, г. Чечулинъ рѣшительно отвергаетъ то мнѣніе, что «тогдашняя Русь едва умѣла обрабатывать самыя грубыя ткани, и что, вообще, ремесленной дѣятельности тогда почти не существовало» [3]). Мы

[1]) Города московскаго государства, СПБ. 1889, стр. 309—310.

[2]) Тамъ же, стр. 339, примѣчаніе.

[3]) Тамъ же, стр. 316.

находимъ въ его интересномъ изслѣдованіи еще болѣе важное для насъ указаніе на то, что тогда въ городахъ встрѣчалось много,—по его словамъ, даже очень много,—книгъ [1]). И хотя книги эти были, какъ видно, духовнаго содержанія, но все-таки наличность значительнаго числа ихъ въ городахъ показываетъ, что въ Московской Руси, какъ и вездѣ, городская жизнь вызывала у населенія болѣе или менѣе разнообразные и настоятельные умственные запросы.

Словомъ, полнаго своеобразія отнюдь не было и въ этой области; но и въ ней наблюдается очень важное относительное своеобразіе.

Всѣ тѣ, указанныя выше, разнообразныя причины, которыя замедляли развитіе производительныхъ силъ русскаго населенія, ослабляли значеніе городовъ въ исторической жизни сѣверо-восточной Руси. То, что С. В. Рождественскій назвалъ «инертностью народнаго хозяйства», неизбѣжно вело за собою политическую инертность городского населенія. Пушкинъ былъ правъ. Наши города не были тѣмъ, чѣмъ были западно-европейскія городскія общины. Если къ началу XVI в. въ подмосковныхъ городахъ замѣчается довольно оживленная и разнообразная ремесленная дѣятельность, то къ концу вѣка они сильно пустѣютъ. «Прогрессированіе этого запустѣнія,—говоритъ г. Чечулинъ,—видно, какъ изъ того, что всего менѣе пустоты въ Серпуховѣ, описаніе котораго (въ писцовыхъ книгахъ. *Г. П.)* относится къ серединѣ вѣка, а болѣе всего въ Коломнѣ и Можайскѣ, описаніе которыхъ относится къ концу вѣка, такъ и изъ данныхъ о Муромѣ по двумъ описямъ и, наконецъ, еще изъ указаній, находящихся въ можайской книгѣ, когда и какъ, именно, запустѣлъ тотъ или другой дворъ». Фактъ запустѣнія подмосковныхъ городовъ подтверждается, по словамъ того же изслѣдователя, скопленіемъ населенія въ пограничныхъ городахъ, въ которые устремлялись выходцы изъ центральныхъ мѣстностей [2]).

Чѣмъ болѣе пустѣли подмосковные города, тѣмъ болѣе падало ихъ значеніе въ общественной жизни Московскаго государства. Исторія Россіи была исторіей страны, въ которой на много столѣтій затянулся процессъ колонизаціи. Колонизація совершалась въ ней при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Развитіе городовъ нарушало однообразіе этихъ условій, выражая собою прогрессъ экономическаго раздѣленія труда и успѣхи товарнаго производства. Но, какъ мы только что видѣли, колонизація вызвала

---

[1]) Тамъ же, стр. 311—312.

[2]) См. тамъ же, стр. 173—175.

въ XVI в. запустѣніе подмосковныхъ городовъ, а это значитъ, что она замедлила развитіе денежнаго хозяйства и тѣмъ поддержала или даже увеличила «инертность» народно-хозяйственной жизни. Чтобы положить предѣлъ запустѣнію городовъ центральныхъ мѣстностей, московское правительство обратилось къ тѣмъ же мѣрамъ, съ помощью которыхъ оно боролось противъ запустѣнія «села»: посадскій человѣкъ былъ такъ же прикрѣпленъ къ мѣсту своего жительства, какъ и крестьянинъ. Горожанинъ очутился въ такомъ же подневольномъ положеніи, какъ «государевъ сирота»—крестьянинъ и «государевъ холопъ»—служилый человѣкъ [1]). Закрѣпощеніе распространилось на всѣ стороны общественной жизни Московскаго государства. Что положеніе въ немъ «торговаго мужика» было менѣе благопріятно для экономической дѣятельности этого послѣдняго, нежели положеніе новгородского или псковскаго купца, который пользовался выгодами вольной общественной жизни, это не нуждается въ доказательствахъ. Но сила была не на сторонѣ нашихъ вольныхъ городскихъ республикъ. Московскіе «самовластцы» наложили на нихъ свою тяжелую руку, а какъ отразилось это на характерѣ ихъ населенія, показываютъ слѣдующіе отзывы Герберштейна. О Новгородѣ: «народъ былъ здѣсь весьма образованный (humanissima) и честный, а теперь сталъ самый испорченный, заразившись, безъ сомнѣнія, московскою

---

[1]) „По смыслу постановленій Уложенія, посадъ является торгово-промышленной тяглой общиной. На этомъ основаніи торговый промыселъ на посадѣ для лицъ, къ посадской общинѣ не принадлежащихъ, запрещается закономъ: торговыхъ крестьянъ, не принадлежащихъ къ посадскому состоянію, 9 ст. XIX главы Уложенія предписываетъ отдавать на крѣпкія поруки въ томъ, что имъ впредь въ лавкахъ и погребахъ не сидѣть и не торговать и варницъ и кабаковъ не откупать, а самыя ихъ торговыя и промышленныя заведенія продать тяглымъ людямъ,.. Тяглая торгово-промышленная посадская община скрѣплялась принципомъ безвыходности посадскаго состоянія... Принципъ безвыходности посадскаго состоянія соединялся съ обязательнымъ прикрѣпленіемъ посадскихъ тяглецовъ къ опредѣленной общинѣ безъ права переходить въ другіе посады... Императорская Россія XVIII ст. унаслѣдовала отъ Московскаго царства эту общину. Въ теченіе всего XVIII ст., вплоть до городового положенія Екатерины II, посадъ остается общиной торгово-промышленныхъ тяглецовъ стараго типа, несмотря на всѣ коснувшіяся его преобразованія отъ Петра I до Екатерины II“. (А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва 1903, стр. 1—4). Какъ сильно старалось правительство утвердить стѣну, отдѣлявшую крестьянъ отъ посадскихъ людей, видно изъ того, что за женитьбу посадскаго человѣка на крестьянкѣ безъ отпускной и за выходъ замужъ дѣвушки изъ посада за крестьянина правительство грозило въ половинѣ XVII в. смертною казнью (см. изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 172, примѣчаніе). По замѣчанію г. Лаппо-Данилевскаго, строгость наказанія показываетъ, что запрещеніе это часто нарушалось. Это такъ. Но она же показываетъ, какъ упорно боролось правительство со свободой передвиженія.

порчею, которую принесли съ собою приходящіе сюда московиты»[1]). О Псковѣ: «образованность и мягкіе нравы псковитянъ замѣнились московскими нравами, которые почти во всемъ хуже. Ибо въ своихъ купеческихъ сдѣлкахъ псковитяне показывали такую честность, чистосердечіе и простоту, что цѣна товару у нихъ показывалась безъ запросу и безъ всякаго многословія ради обмана покупателя» [2]). Торжество восточныхъ порядковъ обусловило собою распространеніе восточныхъ нравовъ. Иначе и быть не могло.

На Западѣ городское населеніе пополнялось выходцами изъ деревень. По мѣрѣ того, какъ развивались и укрѣплялись московскіе порядки, такой ростъ города на счетъ деревни все болѣе и болѣе затруднялся на Руси тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что все прочнѣе и короче становилась цѣпь, привязывавшая крестьянина къ землѣ, все равно къ помѣщичьей или къ государственной. Закрѣпощеніе населенія явилось весьма сильнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія товарнаго производства. Однако, оно не могло совсѣмъ остановить его. Потребность населенія въ нѣкоторыхъ продуктахъ ремесленнаго труда не могла быть ни удовлетворена, ни устранена наложеніемъ на русскихъ обывателей крѣпостного ига. Неблагопріятныя условія, сильно замедлявшія ростъ городовъ Московскаго государства и развитіе въ нихъ ремесленной дѣятельности, вызвали распространеніе кустарной промышленности въ селахъ и деревняхъ. Вслѣдствіе этого экономическая жизнь крѣпостной Россіи пріобрѣла своеобразный характеръ, парадоксальности котораго не видѣли писатели, любившіе ссылаться на низкій процентъ русскаго городского населенія, какъ на лучшее доказательство того, что «Россія—не Западъ», и что русскій человѣкъ будто бы знать не хочетъ промышленнаго труда, исключительно посвящая себя земледѣльческому. Въ 1861 г., А. Корсакъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, относившихся къ 1856 г., показалъ, что въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ пропорція городского населенія была меньше средней для цѣлой Россіи: въ Орловской губерніи городское населеніе равнялось 9,77%, въ Харьковской—10,72%, въ Кіевской—10,88%, въ Таврической—18,38%, а въ Херсонской даже—21,35%; между тѣмъ, въ Ярославской губерніи оно не превышало 8,2%, въ Московской (за исключеніемъ Московскаго уѣзда)—6,37%, а во Владимірской—5,87% [3]). Выходило, что

---

[1]) «Записки о Московіи», стр. 115.

[2]) Тамъ же, стр. 116.

[3]) «О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ Западной Европѣ и Россіи», Москва 1861 г., стр. 210—211.

если наши города были по своему экономическому значенію похожи на деревни,—какъ въ этомъ увѣряли идеологи русской самобытности,—то деревни нашихъ центральныхъ губерній въ значительной степени приняли на себя экономическую роль городовъ, взявшись за промышленную дѣятельность [1]). Что же это значило? Только вотъ что.

Неблагопріятныя условія историческаго развитія сильно замедляли, еще начиная съ кіевскаго періода, ростъ производительныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи русскаго народа. Однако, хотя и медленно, силы эти все-таки росли, какъ въ Поднѣпровьи, такъ и, впослѣдствіи, на «верхневолжскомъ суглинкѣ». При ростѣ производительныхъ силъ неизбѣженъ процессъ отдѣленія промышленнаго труда отъ земледѣльческаго. Этотъ процессъ наблюдается и въ Кіевской, и въ Московской Руси. Но обстоятельства, обусловившія собою закрѣпощеніе жителей Московскаго государства, привели къ тому, что процессъ этотъ былъ, въ свою очередь, хотя и не вполнѣ остановленъ, однако, значительно задержанъ. Промышленная дѣятельность не сосредоточивалась въ городахъ, а распространялась въ деревенскомъ населеніи. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было замедленіе техническаго прогресса. Извѣстно, что наши кустари трудились съ помощью самыхъ элементарныхъ орудій. Съ экономической стороны, распространеніе кустарной промышленности означало внѣдреніе въ деревню тѣхъ противорѣчій, которыя вездѣ порождаются экономическимъ прогрессомъ, и на мнимомъ отсутствіи которыхъ въ Россіи основывались упованія теоретиковъ нашей полной экономической самобытности. Но такъ какъ при указанныхъ условіяхъ экономическій прогрессъ совершался у насъ очень медленно, то и противорѣчія, порождавшіяся имъ въ экономическомъ быту деревни, долго оставались въ зачаточномъ состояніи. Производитель, отдававшій значительную часть своего рабочаго времени промышленному труду, продолжалъ оставаться крестьяниномъ. И хотя ему самому нерѣдко приходилось прибѣгать къ покупкѣ рабочей силы другихъ, подобныхъ ему, производителей, онъ былъ всецѣло во власти ростовщическаго капитала, представителемъ котораго выступалъ въ деревнѣ кулакъ-скупщикъ. Ростовщическій капиталъ, жестоко эксплуатируя производителя, не улучшаетъ при этомъ способовъ производства. Поэтому, его господство надъ промышленнымъ трудомъ производителя, крѣпко привязаннаго госу-

[1]) Болѣе подробныя указанія на это находятся въ моей книгѣ противъ г. В. Воронцова, стр. 215—241. Проф. Ключевскій указываетъ на то, что помѣстное землевладѣніе «подорвало развитіе русскихъ городовъ и городской промышленности». «Курсъ», ч. II, стр, 302—303).

дарствомъ къ «верхне-волжскому суглинку», составляло новое препятствіе для техническаго и экономическаго прогресса. Въ то же время жизнь въ деревнѣ лишала производителей возможности того объединенія своихъ силъ для борьбы съ эксплуататорами, которое такъ облегчается жизнью въ крупныхъ городскихъ центрахъ, и чрезвычайно затрудняла развитіе ихъ сознанія. Производитель, который нерѣдко извлекалъ изъ промышленнаго труда значительно бо̀льшую долю своего годового дохода, продолжалъ хранить всѣ суевѣрія и всѣ политическіе предразсудки земледѣльца. Нечего и говорить, что его умственная отсталость была чрезвычайно полезна для того общественно-политическаго порядка, который посадилъ его на цѣпь крѣпостного права. Она ручалась за его прочность.

XIX.

Прежде, чѣмъ итти дальше, полезно подвести итогъ всему тому, что узнали мы о московскихъ порядкахъ. Не менѣе полезно выразить этотъ итогъ словами того изслѣдователя, который своей работой о феодализмѣ въ древней Руси нанесъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ ударовъ славянофильской теоріи нашей абсолютной самобытности.

«Основнымъ началомъ русскаго общественнаго строя московскаго времени было полное подчиненіе личности интересамъ государства. Внѣшнія обстоятельства жизни Московской Руси, ея упорная борьба за существованіе съ восточными и западными сосѣдями требовали крайняго напряженія народныхъ силъ. Въ обществѣ развито было сознаніе о первѣйшей обязанности каждаго подданнаго служить государству по мѣрѣ силъ и жертвовать собою для защиты русской земли и православной христіанской вѣры. Служилый человѣкъ обязанъ нести ратную службу въ теченіе всей своей жизни и «биться до смерти съ ногайскими или нѣмецкими людьми, не щадя живота». Посадскіе люди и волостные крестьяне должны жертвовать своимъ достояніемъ для помощи ратнымъ людямъ. Всѣ классы населенія прикрѣплены къ службѣ или тяглу, чтобы «каждый въ своемъ крѣпостномъ уставѣ и въ царскомъ повелѣніи стоялъ твердо и непоколебимо» [1]).

Полное подчиненіе личности интересамъ государства не было вызвано какими-нибудь особыми свойствами русскаго «народнаго духа». Оно явилось вынужденнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, при

[1]) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди, люди кабальные и закладные. 2-ое изд., Спб. 1909, стр. 223.

которыхъ пришлось вести борьбу за свое историческое существованіе русскимъ людямъ, поселившимся въ верховьяхъ Волги и мало-по-малу объединеннымъ Москвою. Разъ возникнувъ, слѣдствіе это само сдѣлалось причиной, сильно замедлявшей дальнѣйшій экономическій и культурный прогрессъ Великороссіи. Но это не все. Оно затрудняло, кромѣ того, ту историческую работу собиранія русскихъ земель, за которую уже рано принялась Москва, и которая до конца первой трети XVI в., вообще говоря, подвигалась впередъ очень быстро.

Собирая русскія земли, Московское государство столкнулось съ Литвою, которая тоже собирала Русь, и,—послѣ того, какъ пала независимость Галиціи,—собирала такъ успѣшно, что скоро въ Литовскомъ государствѣ стало преобладать русское,—хотя и не великорусское,—населеніе [1]). «Объединеніе западно-русскихъ земель вокругъ Литвы было, въ сущности, возстановленіемъ разрушеннаго политическаго единства кіевской эпохи,—говоритъ профессоръ М. К. Любавскій,—нахожденіемъ утраченнаго политическаго средоточія» [2]). По мнѣнію профессора Любавскаго, разница была только въ томъ, что это средоточіе помѣщалось теперь не на рѣкѣ Днѣпрѣ, а на рѣкѣ Виліи. Однако,—что хорошо видно, между прочимъ, и изъ его собственнаго изложенія,—разница была не только въ этомъ. Въ теченіе кіевскаго періода попытка объединенія русскихъ земель дѣлалась исключительно силами русскаго населенія. Попытка эта кончилась неудачей, главнымъ образомъ, благодаря напору кочевниковъ. Послѣ того возникло два средоточія: одно въ бассейнѣ верхней Волги, другое—сначала въ Галиціи, а потомъ «на р. Виліи». Средоточіе «на рѣкѣ Виліи» отличалось отъ верхневолжскаго тѣмъ, что объединяло въ себѣ не однѣ только русскія силы. Силы эти сочетались въ немъ съ литовскими, которымъ, какъ извѣстно, принадлежалъ даже починъ объединенія. Это сочетаніе силъ двухъ различныхъ племенъ не обходилось безъ столкновеній между ними, особенно участившихся послѣ уніи Литвы съ Польшею въ концѣ XIV в. Литовскіе аристократы, опираясь на поддержку со стороны польскихъ, не безъ успѣха старались ослабить въ своихъ интересахъ государственное значеніе аристократіи бѣлорусской и малорусской. Москва воспользовалась этими столкновеніями для того,

---

[1]) Литовскіе князья считали себя законными наслѣдниками всѣхъ земель Кіевской Руси. Ольгердъ говорилъ прусскимъ рыцарямъ: Omnis Russia ad Letwinos devet simpliciter pertinere». (Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 155, примѣчаніе).

[2]) «Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно», Москва 1910, стр. 33.

чтобы усилиться на счетъ Литвы. Тяготѣніемъ къ ней западно-русскихъ аристократовъ объясняются поразительные успѣхи Ивана III въ борьбѣ съ великими князьями литовскими, Казиміромъ и Александромъ. Тяготѣніе продолжалось и при сынѣ Ивана III. Но замѣчательно, что уже въ 1514 г. смоленская аристократія склоняется на сторону литовскаго короля. Не менѣе достойно замѣчанія и то, что сильнѣйшее пораженіе, испытанное тогда Москвою, было нанесено ей литовскимъ войскомъ подъ предводительствомъ православнаго западно-русскаго князя Константина Острожскаго. Карамзинъ чувствительно замѣчаетъ по этому поводу: «на другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе россіянъ». Но радость Константина по случаю истребленія имъ единовѣрныхъ ему «россіянъ», какъ и вся настойчивость этого князя въ борьбѣ съ Москвою, показываетъ, что уже тогда многіе западно-русскіе аристократы предпочитали литовскіе порядки московскимъ. Это нисколько не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, что, именно, въ эту эпоху московскіе служилые люди все больше и больше становились безправными «холопями» великаго князя, между тѣмъ, какъ служилое сословіе литовско-русскаго государства пріобрѣтало одну вольность за другою. Огромная разница общественно-политическаго положенія служилаго класса въ Москвѣ, съ одной стороны, и въ Литвѣ—съ другой едва ли не съ наибольшею яркостью обнаружилась во второй половинѣ XVI столѣтія, когда въ Москвѣ Иванъ Грозный своей опричниной разбилъ боярское замлевладѣніе и окончательто превратилъ служилыхъ людей въ царскихъ холоповъ, между тѣмъ какъ въ Литвѣ Берестейскій сеймъ 1566 г. далъ шляхтѣ право безусловнаго распоряженія своимъ имуществомъ. И. И. Лаппо превосходно оттѣняетъ историческій смыслъ провозглашенія этого права. «Оно было,—говоритъ онъ,—знакомъ превращенія подданныхъ, владѣльцевъ земли, верховнымъ собственникомъ которой былъ великій князь, въ свободный народъ—въ собственника своей земли, своихъ «осѣдлостей». Изъ подданныхъ великаго князя, какъ лица, шляхта литовская, въ признаніи закона, обратилась въ подданныхъ государства и государя, какъ его главы» [1]). При этомъ отношеніе шляхты къ великому князю, какъ къ главѣ государства, опредѣлялось тѣмъ, что въ первомъ ряду ея полити-

[1]) «Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586)», томъ первый, Спб. 1901, стр. 518.—Какъ видимъ, въ приведенныхъ строкахъ выраженіе н а р о д ъ употребляется И. И. Лаппо, согласно старинному долго господствовавшему польско-литовскому обычаю, въ смыслѣ шляхетскаго с о с л о в і я.

ческихъ правъ стояло право выбора себѣ государя. Само собою понятно, что западно-русская шляхта не могла не видѣть огромной выгоды своего положенія въ Литвѣ.

Дѣло было вовсе не въ томъ, что тотъ или другой московскій великій князь или царь склонялся къ тираніи: это могло быть сочтено за простую случайность. Дѣло было въ томъ, что при тогдашнихъ московскихъ порядкахъ служилый человѣкъ не могъ не быть рабомъ даже при государѣ, лично вовсе не склонномъ къ тираніи (въ родѣ того, какимъ былъ впослѣдствіи «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ). Вотъ это и оттолкнуло отъ Москвы высшій классъ литовской Руси. Изслѣдователи, жалующіеся на то, что классъ этотъ ополячился, забываютъ одно: прежнее тяготѣніе этого класса къ Москвѣ уступило мѣсто его отвращенію отъ нея значительно раньше, чѣмъ совершилось его ополяченіе. Въ XVI в. только немногіе представители западно-русской шляхты усвоили себѣ польскій языкъ. Третій Литовскій Статутъ, составленный въ царствованіе Стефана Баторія, требовалъ, подобно второму Статуту, чтобы земскій писарь «всѣ листы, выписы и позвы» писалъ «по руску, литерами и словы рускими». По замѣчанію И. И. Лаппо, «польскій языкъ и польскіе обычаи могли считаться принятыми литовской шляхтой лишь во второй половинѣ и въ концѣ XVII столѣтіи, что выразилось и въ coaequatio jurium конца этого вѣка» [1]). Отворачиваясь отъ Москвы, западно-русская шляхта отвернулась въ то же время и отъ православія. Она стала увлекаться реформаціей. И нетрудно понять, что въ этомъ ея увлеченіи выражалась та же любовь къ «золотой вольности»: для нея, какъ и для польской шляхты, кальвинизмъ былъ средствомъ борьбы съ духовенствомъ [2]).

Короче, общественно-политическіе порядки, восторжествовавшіе въ Москвѣ, убили всякое сочувствіе къ ней со стороны высшаго сословія единоплеменной литовской Руси, и тѣмъ толкнули это сословіе въ объятія Польши, которая была классической страной шляхетскихъ вольностей. Въ низшемъ сословіи литовско-русскаго населенія сочувствіе къ московскимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ сохранилось на гораздо болѣе продолжительное время. Оно поддерживалось въ немъ борьбою съ ополя-

---

[1]) Назв. соч., стр. 227; ср. также стр. 81 и 231.

[2]) Ср. И. И. Лаппо, назв. соч., стр. 232. До чего доходило увлеченіе кальвинизмомъ, показываетъ такой примѣръ: «въ новгородскомъ воеводствѣ изъ болѣе чѣмъ 600 шляхетскихъ домовъ греческой вѣры остались неувлеченными реформаціей лишь 16 мая еще менѣе». (И. И. Лаппо, тамъ же, стр. 235). Замѣчу отъ себя, что это увлеченіе подготовляло будущее торжество католицизма надъ православіемъ.

ченной и окатоличенной западно-русской шляхтой. Но и въ немъ это сочувствіе подвергалось жестокому испытанію въ случаяхъ близкаго соприкосновенія съ представителями московской администраціи, т. е. знаменитой «московской волокиты». Когда началась, въ XVII в., война съ Польшею изъ-за Малороссіи, «бѣлоруссы сами призывали великоруссовъ, сносились съ ними, измѣняли полякамъ, но какъ только они почувствовали на себѣ тяжесть московскаго управленія, они очутились въ безвыходномъ положеніи и начали мало-по-малу снова тянуть къ Польшѣ» [1]). Мѣстами отношенія между бѣлоруссами и великоруссами обострялись до того, что, напримѣръ, могилевцы перебили московскій гарнизонъ. Это объясняетъ намъ, почему война, первоначально веденная въ Бѣлоруссіи съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, потомъ привела къ неудачѣ; и почему,—какъ замѣчаетъ г. Довнаръ-Запольскій,—соединеніе Великой Россіи съ Бѣлоруссіей не могло произойти при Алексѣѣ Михайловичѣ [2]).

Совершенно то же видимъ и въ Малороссіи. Казацкая старшина сначала охотно идетъ «подъ высокую руку» московскаго царя, а потомъ, отвѣдавъ московскихъ порядковъ, опять начинаетъ тянуть къ Польшѣ. Благодаря этому, правобережная Украина оказывается надолго потерянной для русскаго государства.

Петровская реформа дала этому государству матеріальную силу, необходимую для продолженія московской политики собиранія русскихъ земель. Петербургъ почти додѣлалъ то, чего не могла додѣлать Москва. Онъ объединилъ всѣ русскія земли, за исключеніемъ Галичины и Угорской Руси. Но ополяченная часть населенія западной Россіи сохранила, а, можетъ быть, даже усилила свои польскія симпатіи. Она не принимала никакого участія въ духовной жизни Руси петербургскаго періода, болѣе или менѣе дѣятельно стремясь къ возстановленію старой «Рѣчи Посполитой» или хотя бы только мечтая о такомъ возстановленіи. Настроенная временами очень революціонно, она не принимала, однако, никакого участія ни въ литературныхъ, ни въ политическихъ движеніяхъ русскаго «общества», опять сдѣлавшагося болѣе доступнымъ для западно-европейскаго вліянія со времени реформы Петра, а особенно съ конца XVШ вѣка. Это не могло не уменьшать быстроты культурнаго движенія въ теченіе петербургскаго періода. Получалось вотъ что.

Присоединивъ къ своему государству западно-русскія земли, петербургское правительство не только увеличило этимъ силу

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Изслѣдованіе и статьи, т. I. Кіевъ 1909, стр. 335.

[2]) См. тамъ же, стр. 336.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

своего сопротивленія возможному внѣшнему непріятелю. Оно, кромѣ того, упрочило свою позицію въ борьбѣ съ тѣми мыслящими элементами, которые понемногу начинали такъ или иначе выступать противъ господствовашаго въ Россіи всесторонняго крѣпостничества. Между тѣмъ, почва, на которой выростали эти оппозиціонные элементы, ограничивалась лишь частью русскаго государства, такъ какъ другая его часть жила не русскими, а польскими духовными интересами. Русское государство оказывалось относительно болѣе бѣднымъ культурными и оппозиціонными силами, чѣмъ оно было бы при другихъ условіяхъ своего развитія. Такимъ образомъ, почти доконченное Петербургомъ, собираніе русскихъ земель измѣнило соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи не въ пользу прогресса, а въ пользу застоя. Эта, неблагопріятная для прогресса, перемѣна въ соотношеніи общественныхъ силъ явилась какъ бы историческимъ наказаніемъ всего русскаго народа за то, чѣмъ погрѣшила собственно только великорусская его часть: за продолжительное господство въ Москвѣ общественно-политическаго строя, свойственнаго восточнымъ деспотіямъ. Разумѣется, такъ было только до тѣхъ поръ, пока центръ тяжести русской культурной жизни оставался въ предѣлахъ высшаго общественнаго сословія, потому что только это сословіе тяготѣло въ западной Россіи, къ Польшѣ. Но русская культура очень долго оставалась почти исключительно дворянской культурой.

Ниже, разсматривая различныя направленія русской общественной мысли, мы увидимъ, какъ мучительно сознавалось наиболѣе выдающимися ея представителями неблагопріятное для прогресса соотношеніе русскихъ общественныхъ силъ. Я считалъ поэтому нелишнимъ отмѣтить здѣсь то обстоятельство, которое, несомнѣнно, укрѣпляло неблагопріятный характеръ этого соотношенія, а въ то же время совершенно упускалось изъ виду историками нашего общественнаго развитія.

Кромѣ того, ополяченіе наиболѣе образованныхъ элементовъ западно-русскаго населенія было фактомъ, значительно осложнившимъ вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ въ Россіи. Такъ какъ намъ, конечно, надо будетъ говорить, между прочимъ, и объ этомъ вопросѣ,—съ которымъ пришлось считаться уже декабристамъ,—то нельзя было оставить безъ анализа соціально-полититическія причины, породившія названный фактъ ополяченія. Послѣ сказаннаго ясно, что у насъ нѣтъ никакого основанія сваливать на поляковъ отвѣтственность за этотъ фактъ.

XX.

Предыдущее изложеніе, надѣюсь, достаточно показало читателю, въ какой мѣрѣ можетъ быть признана правильной та мысль Соловьева, что ходъ событій постоянно подчинялся у насъ, какъ и вездѣ, природнымъ условіямъ. Относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса, въ самомъ дѣлѣ, объясняется относительнымъ своеобразіемъ той географической среды, въ которой пришлось жить и дѣйствовать русскому народу. Ея вліяніе было чрезвычайно велико. Однако, оно было чрезвычайно велико единственно потому, что относительное своеобразіе природныхъ условій опредѣлило собою относительно своеобразный ходъ русскаго экономическаго развитія, въ результатѣ котораго явился не менѣе своеобразный соціально-политическій строй Московскаго государства. При этомъ Соловьевъ недостаточно оцѣнилъ относительное своеобразіе московскаго общественно-политическаго быта. Описывая борьбу русскихъ племенъ съ азіатскими кочевниками, онъ говоритъ, между прочимъ: «отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы въ лицѣ монголовъ; съ конца же XVI вѣка пересиливаетъ Европа, въ лицѣ Россіи» [1]). Но мы видѣли, что когда осѣдлая русская Европа получила возможность справиться съ кочевой Азіей, то ея собственныя общественно-политическія отношенія оказались очень похожими на тѣ, которыя господствовали въ азіатскихъ деспотіяхъ. Стало быть, Европа побѣдила «азіатцевъ» лишь потому, что сама сдѣлалась Азіей. Въ дѣйствительности, та побѣда надъ «азіатцами», которую отмѣчаетъ здѣсь Соловьевъ, совсѣмъ не безпримѣрна и въ исторіи Востока. Земледѣльческое населеніе и тамъ оказывалось сильнѣе кочевниковъ, послѣ того, какъ ему удавалось объединить свои силы въ большихъ деспотическихъ государствахъ. Особенность русскаго историческаго процесса,—на этотъ разъ в ы г о д н а я для прогресса особенность,— заключается здѣсь въ томъ, что послѣ того, какъ осѣдлая русская Европа весьма значительно уподобилась осѣдлой Азіи, ея общественное развитіе стало очень медленно, но неизмѣнно поворачиваться въ сторону европейскаго Запада. Собственно азіатскія государства только съ половины XIX вѣка стали давать намъ, хотя бы въ лицѣ Японіи, примѣры подобнаго поворота въ сторону европеизаціи.

Но Соловьевъ не ограничивается изученіемъ вліянія кочевниковъ на ходъ событій въ русской исторіи. Попутно онъ выдвигаетъ еще другой вопросъ, не менѣе интересный. Онъ пишетъ:

---

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга первая, стр. 10.

«Природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ и не съ моремъ, но соприкасается со степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность—свободная, разгульная жизнь въ степи. Вслѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись казацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, нерѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ казаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности» [1]).

Спора нѣтъ: только благодаря указаннымъ здѣсь особенностямъ географической среды и возможно было возникновеніе казачества. Правъ Соловьевъ и въ томъ, что казаки были для русскаго государства подчасъ опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Однако, этими указаніями еще не исчерпывается вопросъ о роли казацкихъ удальцовъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія. А такъ какъ онъ сильно интересовалъ когда-то нашихъ народниковъ, то намъ приходится досказать то, чего не досказалъ покойный историкъ.

По его словамъ, казачество составилось изъ такихъ людей, которые по разнымъ причинамъ не хотѣли оставаться въ обществѣ или должны были уйти изъ него. Но между этими разными причинами легко замѣтить одну, самую важную: тяжелое, а иногда и прямо невыносимое положеніе низшаго класса, изъ котораго, главнымъ образомъ, и вербовалось казачество. Мы видѣли, что возраставшее запустѣніе государственнаго центра вынудило московское правительство прикрѣпить крестьянъ и посадскихъ людей къ мѣсту ихъ жительства. Человѣкъ, которому становилась невыносимой его жизнь на крѣпостной цѣпи, имѣлъ передъ собой только одинъ выходъ: побѣгъ. А такъ какъ московское правительство ловило бѣглыхъ и, учинивъ имъ надлежащее наказаніе, снова сажало ихъ на цѣпь, то имъ нужно было скрываться «за предѣлы досягаемости», иначе сказать—за границу Московскаго государства. Вотъ тутъ-то и выручали ихъ «южныя степныя страны

[1]) Тамъ же, стр. 10—11.

Россіи по теченію большихъ рѣкъ». Чѣмъ больше возрасталъ гнетъ, лежавшій на низшемъ классѣ Московскаго государства, тѣмъ больше являлось побужденій для побѣга, и тѣмъ многочисленнѣе становилось населеніе по берегамъ казачьихъ рѣкъ, т.-е. Дона и Яика, Волги и Терека. А чѣмъ многочисленнѣе становилось населеніе этихъ мѣстностей, тѣмъ болѣе сильный отпоръ могло оно давать Москвѣ, когда та показывала намѣреніе поставить его подъ свою «высокую руку». Мало того. Предпріимчивые, подвижные, по необходимости воинственные, казаки временами переходили въ наступленіе, и тогда они дѣйствительно становились для Москвы опаснѣе, чѣмъ «кочевыя орды», которыя, впрочемъ, нерѣдко выступали ихъ союзниками въ борьбѣ съ нею. Они много причинили ей хлопотъ въ Смутное время, хорошо «тряхнули ею» въ царствованіе Алексѣя Михайловича (Ст. Разинъ), а потомъ не на шутку перепугали и Петербургъ въ царствованіе Екатерины II (Е. Пугачевъ). Ихъ сила заключалась въ недовольствѣ закрѣпощеннаго населенія. Крестьянскіе и посадскіе люди видѣли въ нихъ мстителей за народное горе. Описывая движеніе сторонниковъ Разина, самъ Соловьевъ такъ характеризуетъ отношеніе къ нему народа: «Заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ въ городахъ, чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ казаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила казацкое устройство» [1]). А это значитъ, что казачество, даже когда оно шло противъ русскаго государства, не могло быть отнесено къ одному разряду съ его внѣшними врагами. Вражда казачества направлялась преимущественно противъ угнетателей народа. По этой причинѣ народныя пѣсни и величали казаковъ «удалыми, добрыми молодцами», и по той же причинѣ казацкія движенія были такъ сильно идеализированы впослѣдствіи нашими народниками. Теоретики народничества видѣли въ Разинѣ, Булавинѣ и Пугачевѣ воплощеніе народнаго протеста и народныхъ революціонныхъ стремленій. Но они, въ свою очередь, ошибались. Казаки жестоко мстили московскимъ бюрократамъ за народное угнетеніе. Однако, возставая противъ него, они, въ лучшемъ случаѣ, могли бы только разрушить существовавшій общественно-политическій порядокъ. Они неспособны были замѣнить его новымъ.

Чтобы замѣнить его новымъ, они должны были бы нести съ собою новый способъ производства, а въ томъ быту, который они создали въ своихъ привольныхъ степяхъ, на новый способъ производства не было даже и намека. И разрушенный ими общественно-политическій порядокъ постепенно возстановлялся бы по мѣрѣ

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга третья, стр. 314.

того, какъ населеніе убѣждалось бы въ невозможности оставлять неудовлетворенными тѣ общественно-политическія нужды, которыми былъ нѣкогда вызванъ къ жизни этотъ порядокъ. Можно съ увѣренностью прибавить, что поскольку казаки продолжали бы стоять во главѣ народа, они сами должны были бы взяться за возстановленіе того, что имъ удалось бы разрушить. Не мѣшаетъ напомнить, какъ излагаетъ патріархъ Гермогенъ содержаніе тѣхъ «воровскихъ листовъ», съ которыми обращались въ Смутное время казаки Болотникова къ закрѣпощенному классу населенія. По его словамъ, они внушали этому классу «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Какая же была цѣль этихъ злыхъ дѣлъ? Патріархъ говоритъ, что авторы листовъ «велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины, и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безымянникомъ—воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество» [1]). Очень легко понять, что нельзя было бы наградить возставшихъ боярскихъ холоповъ вотчинами и помѣстьями, не возстановивъ подневольнаго земледѣльческаго труда, которымъ, главнымъ образомъ, и вызывалось крестьянское недовольство. Весьма вѣроятно, что патріархъ Гермогенъ мало заботился о дословной точности въ передачѣ содержанія «воровскихъ листовъ». Но врядъ ли можно усомниться въ томъ, что онъ точно уловилъ ихъ общій духъ. Въ доказательство можно сослаться на малороссійское казачество, судьба котораго отличается отъ судьбы великорусскаго только тѣмъ, что ему удалось то, чего никогда не удавалось этому послѣднему: добиться хотя бы частичной побѣды. «Кто козакъ—будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать»,—такъ говорилъ Богданъ Хмельницкій въ одной изъ договорныхъ статей, предложенныхъ имъ московскому правительству въ 1654 году. А послы «козацкаго батька» выпрашивали у московскаго правительства для себя грамотъ на имѣнія «и домогались, чтобы въ нихъ было спеціально упомянуто о неограниченныхъ правахъ ихъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ, или будутъ ими наново поселены» [2]). Получалось нѣчто, отчасти похожее на то, что имѣло иногда мѣсто въ античномъ мірѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ античныхъ городахъ-государствахъ возставшимъ рабамъ удалось побѣдить своихъ бывшихъ господъ. Но, оказавшись побѣдителями, бывшіе рабы сами обращались къ

---

[1]) Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 305.

[2]) Проф. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 281.

рабскому труду и сами становились рабовладѣльцами. Проф. Грушевскій говоритъ о малороссійскомъ казачествѣ: «оно смотрѣло на себя, какъ на высшее, привилегированное сословіе. Хотя оно боролось противъ польскаго шляхетскаго режима, но въ его представленіи общественныя отношенія укладывались не иначе, какъ по типу того же сословнаго государства, Польши прежде всего, въ порядкахъ которой они выросли» [1]). Но не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Для того, чтобы въ представленіи казаковъ общественныя отношенія сложились не по типу сословнаго государства, нужна была наличность совсѣмъ другого способа производства. А это необходимое условіе тогда совершенно отсутствовало. И потому,— говоря словами того же проф. Грушевскаго,—«начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ (конца XVII в.), украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина спеціально не представляла себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ, и ихъ чувство оскорблялось только тѣмъ, что господами были поляки, люди чужой народности и вѣры, или тѣмъ, что претендовали на панство люди худородные, незаслуженные» [2]). Между тѣмъ малорусское казачество было значительно культурнѣе великорусскаго, потому что западная Русь была тогда развитѣе въ экономическомъ отношеніи. Принявъ во вниманіе все это, мы увидимъ, какъ естественно было то, что, напр., въ 1611 г. московскіе люди, шедшіе на выручку Москвы, предлагали тѣмъ казакамъ, которые давно служатъ Московскому государству, «верстаться помѣстными и денежными оклады и служить съ городы» [3]). Великорусскихъ казаковъ отнюдь не могло удивить такое предложеніе, такъ какъ и въ ихъ головахъ служба государству связывалась съ тою же мыслью о неизбѣжности подчиненія крестьянства служилому классу, какая сидѣла въ головахъ малороссійской казацкой старшины. Но, именно, потому надо признать, что, какъ бы ни было велико потрясеніе государственнаго организма, вызывавшееся тѣмъ или другимъ крупнымъ казацкимъ возстаніемъ, революціоннаго въ такомъ возстаніи было всегда очень мало. Не говорю: не было совсѣмъ. Поднимая противъ государства угнетенный классъ, казачество тѣмъ самымъ будило его сознаніе и дѣлало его болѣе готовымъ и болѣе способнымъ постоять за себя противъ своихъ угнетателей. Вслѣдствіе этого, въ процессѣ возстановленія имъ же раз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 280.

[2]) Тамъ же, стр. 280—281.

[3]) С. Ѳ. Платоновъ, назв. соч., стр. 481, сравни также стр. 483.

рушеннаго общественно-политическаго порядка, казачеству пришлось бы до извѣстной степени считаться съ народною массой и сдѣлать ей нѣкоторыя уступки. Недаромъ послы Хмельницкаго, вернувшись на Украину, держали до поры до времени въ секретѣ тѣ грамоты, которыя были имъ выданы въ Москвѣ, и которыми закрѣпощались ихъ крестьяне [1]). Но какъ бы тамъ ни было, существенныхъ перемѣнъ казачество рѣшительно не могло принести въ случаѣ своего торжества по той очевидной причинѣ, что оно своими движеніями отнюдь не подготовляло торжества новаго способа производства.

Если мы сравнимъ казацкія возстанія съ освободительнымъ движеніемъ городскихъ общинъ и третьяго сословія въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада, то замѣтимъ новый,—и опять очень значительный,—«европейскій недочетъ» въ русской исторіи. Городскія общины и третье сословіе западныхъ странъ, борясь съ феодализмомъ и съ пережитками феодальныхъ отношеній, дѣлали какъ разъ то историческое дѣло, выполненіе котораго не могло выпасть на долю казаковъ: они подготовляли торжество новаго способа производства, новыхъ производственныхъ отношеній, а потому и новаго общественно-политическаго порядка. Въ этомъ смыслѣ и была,—въ отличіе отъ казацкой,—революціонна ихъ освободительная борьба съ государствомъ.

Объясненіе этого «европейскаго недочета» въ нашей исторіи опять находится въ томъ, что исторія Россіи была исторіей страны, колонизовавшейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Въ передовыхъ странахъ Запада недовольные элементы, уходившіе изъ деревень, скоплялись въ городахъ, такъ какъ больше имъ податься было некуда. Въ городахъ возникали новыя экономическія отношенія, изъ нихъ, какъ изъ центра, распространялось въ странѣ денежное хозяйство. Наши недовольные элементы бѣжали въ степь, гдѣ хозяйственная жизнь по необходимости являлась еще гораздо болѣе отсталой, нежели въ центральныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, на Западѣ эти элементы были незамѣнимыми элементами прогресса, а у насъ казачество явилось чѣмъ-то въ родѣ клапана, предохранявшаго старый порядокъ отъ взрыва. Протестъ казаковъ былъ исторически безплоденъ, и, въ концѣ концовъ, они превратились въ орудіе угнетенія той самой народной массы, изъ которой они когда-то вышли, и которая величала ихъ «добрыми молодцами», любуясь ихъ удалыми подвигами, какъ выраженіемъ своего собственнаго протеста... Проф. С. Ѳ. Платоновъ нашелъ интересную отмѣтку о донскихъ казакахъ

---

[1]) Проф. Грушевскій, назв. соч., стр. 281.

отъ 22 декабря 1613 г., т.-е. отъ того времени, когда, несмотря на избраніе Михаила Ѳедоровича, Смута далеко еще не была окончена. Отмѣтка гласитъ, что «они-де во всемъ царскому величеству послушны и на всякихъ государевыхъ недруговъ стоять готовы» [1]). Конечно, отмѣтка слишкомъ сгущала краски. Донскіе удальцы еще не одинъ разъ сами превращались потомъ въ «государевыхъ недруговъ». Но, какъ сказано, ихъ общественный протестъ вышелъ исторически безплоднымъ. А ихъ служба государству, въ концѣ концовъ, сдѣлала ихъ однимъ изъ удобнѣйшихъ орудій борьбы реакціи съ истинно-освободительнымъ движеніемъ народа. Такъ что въ послѣднемъ счетѣ исторія вполнѣ оправдала отмѣтку.

Западная Европа не имѣла ничего подобнаго казачеству. Даже австрійская Военная Граница была совсѣмъ непохожа на него по своему происхожденію и по своему общественному значенію. Потому-то западному европейцу до сихъ поръ такъ трудно составить себѣ сколько-нибудь правильное представленіе о казакахъ. Но въ другихъ частяхъ свѣта существовало свое казачество.

«Подобно бѣглымъ неграмъ Суринама, нѣкогда столь опаснымъ для голландцевъ, бѣглые рабы Занзибара образовали что-то въ родѣ Либеріи между горою Іомбо и Шимбалійскою частью береговой горной цѣпи. Они нападаютъ на караваны, идущіе прямымъ путемъ изъ Момбаса въ Узумбару, и успѣшно сопротивляются нападеніямъ Муазаньомбе,—такъ называется одно изъ подраздѣленій племени Вуадиго,—султанъ которыхъ смотритъ на нихъ какъ на своихъ подданныхъ. Судя по разсказамъ арабовъ, есть еще маленькая республика того же происхожденія въ окрестностяхъ Гулуана... путешественники съ ужасомъ говорятъ о насиліяхъ и жестокости населяющихъ ее бѣглецовъ» [2]).

Африканскіе и южно-американскіе (суринамскіе) бѣглецы, это—черные казаки, протестовавшіе противъ бѣлыхъ рабовладѣльцевъ и черныхъ «самовластцевъ». Но ихъ протестъ былъ такъ же непроизводителенъ въ смыслѣ прогресса общественныхъ отношеній, какъ и протестъ бѣлыхъ казаковъ русскаго происхожденія.

XXI.

Закрѣпощеніе государствомъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія было, какъ мы видѣли, результатомъ «инертности народнаго хозяйства», въ свою очередь, вызванной причинами, возвращаться къ которымъ здѣсь было бы совершенно излишне. Разъ возникнувъ,

---

[1]) Назв. соч., стр. 601, примѣч. 252.

[2]) Voyage aux grands Lacs d'Afrique orientale, par le capitaine Burton, Paris, 1862, p. 672.

закрѣпощеніе это само стало причиной, замедлявшей экономическое развитіе Россіи. Однако, оно не остановило, да и не могло остановить его. Денежное хозяйство развивалось въ странѣ медленно, но неуклонно. Прежде натуральный характеръ русскаго народнаго хозяйства велъ къ тому, что даже посадскіе люди, промышлявшіе «торжишкомъ», уплачивали хлѣбомъ нѣкоторые, причитавшіеся съ нихъ, сборы. Во второй половинѣ XVII в. развитіе «торжишка» привело къ тому, что такой способъ уплаты становился для нихъ затруднительнымъ. Въ 1673 г. приказано было взимать съ посадскихъ людей деньги взамѣнъ, такъ называемаго, стрѣлецкаго хлѣба [1]). Эти успѣхи денежнаго хозяйства создавали экономическую основу для будущей реформы Петра, программа которой, по превосходнѣйшему замѣчанію Ключевскаго, «была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя», а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шла «даже дальше того, что онъ сдѣлалъ» [2]). Такъ, уже въ XVII в. московское правительство начало преобразовывать свою армію, все болѣе и болѣе дополняя старую дворянскую конницу полками «иноземнаго строя». Но по мѣрѣ того, какъ возрастало число такихъ полковъ,—а оно и тогда уже возрастало довольно быстро,—росли денежные расходы правительства на армію. При Петрѣ дѣло дошло до того, что прекратилась раздача помѣстій, такъ какъ основнымъ вознагражденіемъ за службу стало при немъ д е н е ж н о е жалованье, а не помѣстное. «При Петрѣ и въ послѣдующія царствованія служащіе нерѣдко получали земли, населенныя имѣнія, но уже не для обезпеченія службы, какъ прежде раздавались помѣстья, а въ видѣ особой награды за службу и не въ условное владѣніе, а въ собственность на томъ же основаніи, какъ ранѣе раздавались выслуженныя, жалованныя вотчины» [3]).

Вопреки тому, что говорили о немъ славянофилы, Петръ своей преобразовательною дѣятельностью вовсе не шелъ противъ общаго теченія русской исторической жизни. Но его царствованіе было одной изъ тѣхъ, совершенно неизбѣжныхъ въ процессѣ соціальнаго развитія, эпохъ, когда постепенно накопляющіяся к о л и ч е с т в е н н ы я измѣненія превращаются въ к а ч е с т в е н н ы я. Такое превращеніе всегда совершается посредствомъ скачковъ, которые при недостаткѣ освѣдомленности или вдумчивости кажутся внезапными, т.-е. совершенно лишенными надлежащей органической подготовки. Подобнымъ оптическимъ обманомъ и объясняются обильно сыплющіеся на главныхъ дѣятелей такихъ эпохъ упреки

---

[1]) См. назв. соч. г. А. Лаппо-Данилевскаго, стр. 169.

[2]) «Курсъ», ч. III, стр. 473.

[3]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Государевы служилые люди», стр. 235.

въ невниманіи къ предшествовавшему ходу общественнаго развитія. «Первоочередное преобразовательное дѣло Петра» (выраженіе проф. Ключевскаго),—реформа арміи—издавна подготовлялась умноженіемъ полковъ «иноземнаго строя». Однако, и это дѣло совершилось при Петрѣ посредствомъ скачка, потому что постепенныя измѣненія въ организаціи военной силы привели къ тому, что количество могло и должно было перейти въ качество. Своей реформой арміи Петръ сдѣлалъ то самое дѣло, которое очень задолго до него выполнили въ своей странѣ французскіе короли. И совершенно такъ же, какъ во Франціи, реформа арміи внесла у насъ новый смыслъ въ отношеніе высшаго класса къ землѣ. Прежде смыслъ заключался въ томъ, что землевладѣніе давало высшему классу возможность нести военную службу. Теперь, когда классъ этотъ сталъ получать за свою службу денежное, а не земельное «жалованье», онъ долженъ былъ или перестать владѣть землею или владѣть ею уже на какомъ-то новомъ основаніи. Перестать владѣть ею было очень невыгодно для него, и онъ избѣжалъ такого невыгоднаго оборота дѣла, воспользовавшись своимъ положеніемъ высшаго класса, съ интересами котораго не могло не считаться даже деспотическое правительство. Къ тому же экономическое разореніе этого класса, изъ котораго продолжали вербоваться главные служилые элементы, было не въ интересахъ государства. Поэтому Петровская реформа и тутъ совершила лишь то, что было подготовлено предшествовавшимъ ходомъ русскаго общественнаго развитія. Уже въ XVII в. помѣстья постепенно сливались съ вотчинами. Закономъ 1714 г. о единонаслѣдіи Петръ довершилъ это сліяніе, сравнявъ помѣстья съ вотчинами подъ общимъ именемъ недвижимыхъ имуществъ. Законъ о единонаслѣдіи не понравился русскому дворянству, и оно добилось его отмѣны при Аннѣ Ивановнѣ. Но тотъ же самый указъ, который отмѣнялъ его, предписывалъ «впредь какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать одно недвижимое имѣніе, вотчина». Отъ этого пріобрѣтенія ни за что не захотѣло бы отказаться русское дворянство. Характерно, что оно подтверждено было, именно, той императрицей, которой дворянство помогло удержать въ своихъ рукахъ самодержавную власть вопреки замысламъ «верховниковъ». И та же императрица, указомъ 31 декабря 1736 г., ограничила срокъ обязательной службы дворянъ 25-ю годами, предоставивъ, кромѣ того, отцамъ право удерживать одного изъ своихъ сыновей дома для хозяйства. Этимъ положено было начало раскрѣпощенію русскаго служилаго класса, который именовался тогда шляхетствомъ. Указъ 1736 г. такъ обрадовалъ дворянъ, что тѣ изъ нихъ, которые выслужили срокъ, стали во множествѣ выходить въ отставку, вслѣдствіе чего правитель-

ство вынуждено было дать указу ограничительное толкованіе. Но этимъ процессъ раскрѣпощенія былъ только пріостановленъ, да и то не надолго. Ограничительное толкованіе было отмѣнено Елизаветой, а Петръ III манифестомъ 18 февраля 1762 г. далъ «всему россійскому благородному дворянству вольность и свободу». Вольность и свобода были, 23 года спустя, подтверждены Екатериной II: ея жалованная грамота дала дворянамъ права внутренняго сословнаго самоуправленія и позволила имъ дѣлать черезъ своихъ депутатовъ представленія Сенату и верховной власти. Все это дополнялось весьма пріятными для дворянства постановленіями: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго», и «да не судится благородный окромѣ своими равными». Дворянство недаромъ любило матушку Екатерину: матушка привела процессъ дворянскаго раскрѣпощенія къ благополучному концу. О настоящихъ политическихъ правахъ дворянство не мечтало, да, какъ увидимъ, и не могло мечтать.

Общественно-политическій бытъ русскаго государства представлялъ собою какъ бы двухъярусное зданіе, въ которомъ закрѣпощеніе обитателей нижняго яруса оправдывалось закрѣпощеніемъ обитателей верхняго: крестьянинъ и посадскій человѣкъ были закрѣпощены для того, чтобы дать дворянину экономическую возможность нести свою крѣпостную службу государству. Но классъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается выполненіе важнѣйшихъ общественныхъ функцій, не преминетъ воспользоваться этимъ, во-первыхъ, для того, чтобы увеличить свою власть надъ низшимъ классомъ, а, во-вторыхъ, для того, чтобы облегчить себѣ исполненіе своихъ общественныхъ обязанностей. Такъ и поступило русское дворянство. Оно постепенно увеличило свою власть надъ крестьянствомъ и постепенно раскрѣпостило самого себя. Ему тѣмъ легче было сдѣлать и то и другое, что военная сила государства была въ его рукахъ.

Реформируя свою армію, Петръ для заполненія офицерскихъ мѣстъ, разсчитывалъ преимущественно на дворянство. Но онъ хотѣлъ, чтобы производимые въ офицеры дворяне знали «съ фундамента солдатское дѣло». Указы 1714 и 1719 гг. требовали, «чтобы изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь въ офицеры не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи» [1]). Благодаря этому, наши первые гвардейскіе полки были наполнены рядовыми изъ дворянъ, исполнявшими всѣ обязанности нижнихъ чиновъ. Но по той же причинѣ петербургскіе «самовластцы» оказались въ полной зависимости отъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры дворянъ.

---

[1]) Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 240.

Биронъ былъ по своему вполнѣ правъ, не любя дворянской гвардіи и величая гвардейскихъ дворянъ янычарами: «Почти всѣ правительства, смѣнявшіяся со смерти Петра I до воцаренія Екатерины II, были дѣломъ гвардіи; съ ея участіемъ въ 37 лѣтъ при дворѣ произошло пять-шесть переворотовъ. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта, преемницей московскаго Земскаго Собора» [1]). Можно сказать даже больше: въ теченіе нѣкотораго времени петербургское самодержавіе было de facto ограничено саблей гвардейскаго офицера и штыкомъ гвардейскаго солдата. Но ограниченіе не могло быть прочнымъ. Достаточно было передать гвардейскій штыкъ въ крестьянскія руки, чтобы и на дѣлѣ возстановить самодержавіе во всей его полнотѣ. Классовыя отношенія въ тогдашней Россіи были таковы, что она рѣшительно не могла сдѣлаться дворянски-республиканской страной, какою была Польша, а должна была оставаться страной абсолютной монархіи.

Современникъ Петра, Иванъ Посошковъ, самъ происходившій изъ крестьянскаго званія, выразилъ общее крестьянское убѣжденіе, сказавъ въ своей «Книгѣ о скудости и о богатствѣ»: «крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Посошковъ совѣтовалъ царскимъ указомъ предписать, «чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное» [2]). Такъ думало крестьянство еще при Петрѣ, т.-е. тогда, когда обязательная служба дворянъ еще не была отмѣнена. Въ этой службѣ они видѣли единственное оправданіе своего временнаго закрѣпощенія помѣщикамъ. Когда дворяне были раскрѣпощены, крестьяне рѣшили, что теперь очередь за ними, такъ какъ теперь ихъ временно-подневольный трудъ лишился всякаго смысла. Либеральная Екатерина вынуждена была разувѣрять ихъ въ этомъ. Тотчасъ же по своемъ вступленіи на престолъ она объявила, что намѣрена „помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“. Но это не разбѣдило крестьянъ, они не переставали ждать воли, и почти каждый новый государь долженъ былъ повторять, что уничтоженіе крѣпостного права не входитъ въ программу его царствованія. Крестьяне заносили эти повторенія въ счетъ помѣщиковъ. Они хорошо понимали, что помѣщики всѣми мѣрами противятся и должны

---

[1]) Ключевскій, «Курсъ», ч. 4-я, стр. 352.

[2]) «Книга о скудости и о богатствѣ», съ предисловіемъ А. А. Кизеветтера. Москва 1911, стр. 78—79.

противиться ихъ освобожденію. Чѣмъ больше они стремились къ нему, тѣмъ больше ненавидѣли помѣщиковъ. А ихъ ненависть къ помѣщикамъ упрочивала петербургское самодержавіе. Всякая попытка дворянства явно и формально ограничить самодержавную власть быстро и жестоко разбилась бы объ единодушное сопротивленіе низшаго класса. Совершенно неразвитое въ политическомъ смыслѣ крестьянство, въ средѣ котораго постоянно вспыхивали то здѣсь, то тамъ «бунты» противъ помѣщиковъ, неизмѣнно пріурочивало къ предполагаемой имъ доброй волѣ русскихъ государей всѣ свои упованія на лучшее будущее: извѣстно, что Пугачевъ счелъ нужнымъ выдать себя за Петра III. Осуществленіе этихъ упованій представлялось крестьянству тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ полнѣе была монархическая власть. Естественно было поэтому, что оно смотрѣло, какъ на самыхъ злыхъ недруговъ народа, на всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ оно подозрѣвало намѣреніе возстать противъ царя. Это его настроеніе не разъ дало почувствовать себя въ XIX в. при разнаго рода оппозиціонныхъ и революціонныхъ выступленіяхъ разночинцевъ. Мы увидимъ, что оно имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ революціонныхъ программъ и нѣкоторыхъ тактическихъ пріемовъ революціонной борьбы. Одной изъ главныхъ причинъ смѣны народничества «народовольствомъ» послужило недовѣрчивое отношеніе народа къ тѣмъ, пытавшимся сблизиться съ нимъ, революціоннымъ разночинцамъ, которые не раздѣляли его главнаго политическаго вѣрованія.

XXII.

Помѣщики хорошо понимали, что крестьянскій аполитизмъ имѣлъ свой политическій смыслъ. Они не могли не чувствовать, что въ борьбѣ съ ними у самодержавія былъ бы въ лицѣ крестьянъ страшный для нихъ союзникъ. Уже по одному этому они не могли быть расположенными добиваться формальнаго ограниченія центральной власти. Съ другой стороны, союзъ съ самодержавіемъ былъ нуженъ имъ самимъ для того, чтобы держать въ уздѣ свою, всегда недовольную и, казалось, всегда готовую перейти въ наступленіе, «крещеную собственность». Это дѣлало ихъ еще менѣе расположенными выдвигать какія-нибудь опредѣленныя политическія требованія. Послѣ того, какъ гвардейскій штыкъ изъ рукъ дворянина перешелъ въ руки крестьянина, благородное сословіе могло противопоставить волѣ самодержавныхъ монарховъ только одну силу: силу пассивнаго сопротивленія, да развѣ еще чисто офицерскіе заговоры, въ родѣ того, который закончился ка-

тастрофой 11 марта 1801 г. Сила дворянскаго пассивнаго сопротивленія была при случаѣ очень велика и имѣла въ исторіи нашего внутренняго развитія несравненно большее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Съ нею приходилось считаться даже такому настойчивому, убѣжденному и ревнивому представителю самодержавной власти, какимъ былъ Николай [1]). Но сила пассивнаго сопротивленія была вполнѣ консервативной силой, а событія, въ родѣ катастрофы 11 марта 1801 г., могли быть очень опасны для отдѣльныхъ представителей власти, но для политической системы въ ея цѣломъ они были еще менѣе опасны, чѣмъ «лейбъ-кампанскіе» подвиги XVIII в.

Такимъ образомъ, нашъ монархическій строй былъ прочень совсѣмъ не отсутствіемъ у насъ борьбы классовъ,—какъ это утверждали Погодинъ и славянофилы, собственно такъ называемые,—а именно ея наличностью. Но одной изъ замѣчательныхъ особенностей русскаго историческаго процесса явился тотъ фактъ, что наша борьба классовъ, чаще всего остававшаяся въ скрытомъ состояніи, въ теченіе очень долгаго времени не только не колебала существовавшаго у насъ политическаго порядка, а, напротивъ, чрезвычайно упрочивала его.

Далѣе. Помѣстное землевладѣніе въ теченіе долгаго времени было экономически необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія службы дворянами. Это ясно сознавали какъ сами «всепокорнѣйшіе рабы» русскихъ государей, такъ и ихъ собственные рабы—крестьяне. Но съ развитіемъ денежнаго хозяйства дѣло существенно измѣнилось. Армія была преобразована, и раздача земель уступила мѣсто денежному жалованью. Это тоже не ускользнуло отъ вниманія народа. Дворянское землевладѣніе лишилось смысла въ его глазахъ. Если крѣпостные крестьяне были убѣждены, что за отмѣной обязательной службы помѣщиковъ должно послѣдовать ихъ собственное освобожденіе, то они представляли его себѣ не иначе, какъ въ видѣ свобожденія с ъ з е м л е ю. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не чувствовалось земельной «тѣсноты», крестьяне, на-

---

[1]) См. чрезвычайно интересный фельетонъ Е. В. Т а р л е «Императоръ Николай I и дворянство (1842—1847)», напечатанный въ «Рѣчи» отъ 17 октября 1911 г. Авторъ разсказываетъ, на основаніи неизданныхъ донесеній французскаго посланника, какъ настойчиво и успѣшно противилось русское дворянство намѣреніямъ Николая I внести нѣкоторыя ограниченія въ крѣпостное право помѣщиковъ. Перье писалъ министру Гизо въ одномъ изъ своихъ донесеній (отъ $^{8}/_{20}$ апрѣля 1842 г.), что Николай «отступилъ, не желая признаваться въ этомъ, предъ затрудненіями, которыхъ не предвидѣлъ, предъ недовольствомъ дворянства, которое взволновалось, когда увидѣло посягательство на свои богатства и старинныя права».

вѣрно, ничего не имѣли противъ того, чтобы извѣстная часть земли осталась за помѣщиками. Но зато тамъ, гдѣ такая «тѣснота» уже ощущалась, они нисколько не сомнѣвались, что слѣдуетъ произвести «черный передѣлъ», т.-е. отобрать всѣ помѣщичьи земли въ казну и распредѣлить ихъ поровну между земледѣльцами. Дворянское землевладѣніе не имѣло теперь въ ихъ глазахъ никакого оправданія, а кромѣ того, съ ними самими такъ мало церемонились, когда заходила рѣчь объ удовлетвореніи той или другой государственной потребности, что они рѣшительно не понимали, почему правительство церемонится съ помѣщиками. Чѣмъ болѣе росла крестьянская нужда въ землѣ, тѣмъ нетерпѣливѣе становилось крестьянское ожиданіе «чернаго передѣла», или «слушнаго часа». Не дождавшись отъ высшей власти призыва къ передѣлу, они сами взялись за него. Такъ начались аграрныя волненія 1902—5 гг.

Волненія эти обыкновенно приписывались вліянію революціонной пропаганды. Но ея вліяніе на крестьянъ никогда не было велико, и потому она далеко не объясняетъ всѣхъ случаевъ аграрныхъ волненій. Дѣло тутъ было не въ революціонной пропагандѣ, а въ той психологіи крестьянина, которая въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ создавалась аграрной политикой россійскаго государства. Когда крестьянинъ требовалъ отобранія земли у помѣщиковъ, и даже когда онъ самъ принимался отбирать ее, онъ велъ себя не какъ революціонеръ, а, напротивъ, какъ самый убѣжденный охранитель: онъ охранялъ ту аграрную основу, на которой такъ долго держался весь общественно-политическій строй Россіи. Противившіеся «черному передѣлу», помѣщики возставали противъ этой основы, и потому являлись въ глазахъ крестьянъ самыми опасными бунтовщиками. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что, выдвигая такое радикальное экономическое требованіе, какъ требованіе земельнаго передѣла, наши земледѣльцы въ то же самое время оставались совершенно чуждыми всякаго политическаго радикализма. Даже тамъ, гдѣ, утративъ свои старыя политическія вѣрованія, крестьяне не выступали защитниками неограниченной монархической власти, они все-таки были равнодушны къ политикѣ. Ихъ поле зрѣнія ограничивалось вопросомъ о земельномъ передѣлѣ. Потому и выходило такъ, что въ крупныхъ центрахъ рабочихъ и «интеллигенцію» разстрѣливали одѣтыя въ солдатскіе мундиры дѣти тѣхъ самыхъ «государевыхъ сиротъ», которые въ деревняхъ разоряли «дворянскія гнѣзда» и дѣлили между собою помѣщичью землю. Правда, бывало нерѣдко такъ, что на митингахъ, созывавшихся въ большихъ селахъ, крестьяне одобряли резолюціи, требовавшія, между прочимъ, созыва учредительнаго собранія.

Но для огромнаго большинства участниковъ такихъ митинговъ со словами: «учредительное собраніе», не связывалось никакого опредѣленнаго политическаго представленія. Резолюціи, написанныя людьми совсѣмъ другого образа мыслей, одобрялись собиравшимися на митинги крестьянами не потому, что онѣ содержали въ себѣ требованіе учредительнаго собранія, а потому, что, кромѣ этого, непонятнаго и неинтереснаго для нихъ требованія, въ резолюціяхъ заключалось вполнѣ понятное для земледѣльца и чрезвычайно важное въ его глазахъ требованіе земельнаго передѣла. Въ смутное время православные обитатели Казани, собираясь отстаивать Московское государство и «домъ Пресвятой Богородицы» противъ «казаковъ и литовскихъ людей», вошли на этотъ предметъ въ соглашеніе «съ горными и луговыми татарами и Луговою Черемисою». Татарамъ, а также, я думаю, и «Луговой Черемисѣ», которая, навѣрно, не очень дорожила христіанствомъ, было, конечно, рѣшительно все равно, какъ обернется дѣло съ «домомъ Пресвятой Богородицы». Но и татары, и «Луговая Черемиса», какъ видно, страдали отъ господствовавшаго въ смутное время безпорядка, и потому готовы были итти съ тѣми, которые, собираясь возстановить порядокъ, вспоминали, между прочимъ, и о названномъ «домѣ». Въ грамотахъ, на которыя сочувственно откликались татары и черемисы, ихъ трогало не то, что говорилось о «домѣ Пресвятой Богородицы», а именно и только то, что указывало на необходимость возстановленія порядка. Точно также и въ резолюціяхъ, принимавшихся на митингахъ, крестьянъ въ большинствѣ случаевъ трогали вовсе не тѣ строки, которыя требовали созыва учредительнаго собранія, а именно и только тѣ, въ которыхъ говорилось о «землицѣ». Крестьяне жадно ловили всѣ слухи о дѣятельности первой и второй Государственной Думы. Но и эти слухи интересовали ихъ лишь примѣнительно къ той же «землицѣ». Совершенно недоступной осталась для нихъ политическая сторона вопроса о народномъ представительствѣ. Они не понимали его природы: вмѣсто того, чтобы видѣть въ себѣ источникъ силы Государственной Думы, они смотрѣли на Думу какъ на такое учрежденіе, которое дастъ народу силу, нужную ему для борьбы съ противниками «земельнаго равненія». Поэтому имъ и въ голову не приходило, что народъ можетъ и долженъ отстаивать своихъ представителей въ борьбѣ съ реакціей.

Въ этой психологіи русскаго крестьянства, сложившейся на основѣ нашего стараго общественно-политическаго быта, такъ сильно напоминающаго собою бытъ восточныхъ деспотій, заключается разгадка той загадки, которую недавно одинъ изъ органовъ нашей періодической печати назвалъ «міровой загадкой движенія,

начавшагося такимъ высокимъ подъемомъ и окончившагося столь неудачно» [1]), т.-е., проще говоря, того, что революціонный взрывъ 1905—6 гг. оказался гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ это показалось сначала и нашимъ революціонерамъ, и нашимъ охранителямъ. Указанный взрывъ явился результатомъ сочетанія двухъ силъ, совершенно различныхъ по своей природѣ. Одна изъ нихъ создана была начавшимся еще въ концѣ XVII в. процессомъ европеизаціи Россіи, другую—породилъ нашъ старый восточный бытъ. Одна была революціонна по своему существу даже тогда, когда она избѣгала всякихъ насильственныхъ дѣйствій; другая сохраняла свой консервативный характеръ даже тогда, когда проявляла себя самыми рѣзкими насиліями. Въ теченіе нѣкотораго времени дѣйствіе первой силы подкрѣплялось дѣйствіемъ второй, что и придало взрыву 1905—6 гг. очень значительный видъ. Но скоро вторая сила оказалась неспособной къ дальнѣйшей поддержкѣ первой силы, и тогда стало выясняться, что взрывъ вовсе не такъ значителенъ на самомъ дѣлѣ, какъ это подумали сначала. Переставъ поддерживать силу революціонную, консервативная сила тѣмъ самымъ чрезвычайно укрѣпила позиціи защитниковъ стараго порядка и содѣйствовала его возстановленію. Вотъ почему «движеніе, начавшееся такимъ высокимъ подъемомъ», окончилось,—е с л и окончилось,—«столь неудачно». Взрывъ 1905—6 гг. былъ слѣдствіемъ европеизаціи Россіи. А его «неудача» была причинена тѣмъ, что процессъ европеизаціи переработалъ пока еще далеко не в с ю Россію. Послѣдствія «неудачи» будутъ ослабляться сообразно дальнѣйшему ходу названнаго процесса.

А пока что, приходится опять вспоминать, что исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Потерявъ надежду на «черный передѣлъ» въ Россіи, крестьянство огромной массой устремилось въ наши азіатскія владѣнія. Правительство, которое очень долго старалось затруднять переселенія, такъ какъ боялось, что они лишатъ помѣщиковъ дешевой рабочей силы, на этотъ разъ широко открыло предохранительный клапанъ колонизаціи. Оно разсчитывало, что колонизація удалитъ изъ европейской Россіи безпокойные элементы крестьянства. Будущее покажетъ, былъ ли этотъ расчетъ правиленъ, и если да, то—въ какой мѣрѣ. Теперь же для всѣхъ очевидно одно: въ послѣдніе годы притокъ переселенцевъ въ азіатскую Россію быстро уменьшается. Такъ «Освѣдомительное Бюро» сообщало, что въ 1909 г. въ наши азіатскія владѣнія прошло ходоковъ и переселенцевъ 707.400 душъ, въ 1910 г.—353.000 д., а въ 1911 г.—226.000 д. Такимъ образомъ, дѣйствіе предохранительнаго клапана значительно и быстро сокращается.

---

[1]) «Рѣчь», № 127, 11 мая 1912 г.

Съ другой стороны, ростъ населенія въ азіатской Россіи увеличиваетъ емкость внутренняго рынка Имперіи и тѣмъ способствуетъ росту ея промышленнаго развитія, т.-е. ускоряетъ процессъ европеизаціи ея передовыхъ мѣстностей, вслѣдствіе чего уменьшаются шансы новой побѣды реакціи.

XXIII.

Мы знаемъ, что сближеніе общественно-политическаго строя сѣверо-восточной Руси со строемъ восточныхъ деспотій объясняется въ послѣднемъ счетѣ обстоятельствами, замедлившими ростъ ея производительныхъ силъ и тѣмъ самымъ причинившими «инертность» ея хозяйства. Но эта страна, такъ похожая по своему быту на азіатскія страны, должна была отстаивать свое существованіе не только отъ нападенія со стороны азіатовъ. На Западѣ она граничила съ Европой, и уже съ XVI в. каждое враждебное столкновеніе съ европейскими странами давало ей болѣзненно почувствовать превосходство европейской цивилизаціи. Волей-неволей надо было подумать о томъ, чтобы кое-чему поучиться у Европы. При этомъ, какъ мы уже видѣли, начато было съ того, въ чемъ чувствовалась наиболѣе острая нужда: съ усвоенія западно-европейскаго военнаго искусства. Къ концу XVII в. полки иноземнаго строя значительно превосходили своею численностью помѣстную дворянскую конницу. Правда, первоначально войско иноземнаго строя было немногимъ лучше дворянскихъ ополченій. Но и тогда уже становилось ясно, что для преобразованія арміи нужно много денегъ, а для того, чтобы имѣть деньги, нужно заимствовать у тѣхъ же западныхъ еретиковъ, у «латинцевъ» и у «люторы», ихъ умѣнье пользоваться природными богатствами своей страны. Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ принимается рядъ мѣръ для умноженія производительныхъ силъ страны. Но мѣры эти были слишкомъ недостаточны для того, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное вліяніе на развитіе народнаго хозяйства. Что же касается понятій и привычекъ населенія, то при Алексѣѣ Михайловичѣ европеизація распространилась только на горсть отдѣльныхъ лицъ, да и къ нимъ почти цѣликомъ примѣнимо то замѣчаніе, которое В. О. Ключевскій дѣлаетъ о Ртищевѣ и Ординѣ-Нащокинѣ: «западные образцы и научныя знанія они направляли не противъ отечественной старины, а на охрану ея жизненныхъ основъ отъ нея самой, отъ узкаго и черствaго ея пониманія, воспитаннаго въ народной массѣ дурнымъ государственнымъ и церковнымъ руководительствомъ, отъ рутины, которая ихъ мертвила» [1]). Интересно, что

[1]) «Курсъ», ч. III, стр. 455.

воспитанный иностранными учителями сынъ Ордина-Нащокина, Воинъ, не ужился въ тогдашней Москвѣ, гдѣ «стошнило ему окончательно», и бѣжалъ за границу, сначала къ Польскому королю, а потомъ во Францію [1]). И хотя при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ уже стали при царскомъ дворѣ заводить «политессъ съ манеру польскаго», но дѣйствительная европеизація Россіи начинается только съ Петра. Вотъ почему вопросъ о значеніи петровской реформы и сдѣлался у насъ кореннымъ вопросомъ публицистики. Онъ былъ равнозначителенъ вопросу о томъ, въ какомъ направленіи должна развиваться Россія: въ сторону Запада, или же въ сторону Востока.

Петру приписываютъ слова: «намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ». Трудно рѣшить, въ самомъ ли дѣлѣ онъ произнесъ ихъ. Вѣрнѣе, что—нѣтъ. И все-таки они имѣютъ глубокій историческій смыслъ. Какъ ни сильно увлекала Петра западно-европейская цивилизація, въ своей преобразовательной дѣятельности онъ былъ и могъ быть западникомъ только отчасти. Этимъ и объясняется тотъ разрывъ между верхнимъ, болѣе или менѣе глубоко европеизованнымъ классомъ, съ одной стороны, и народомъ—съ другой, который былъ результатомъ петровской реформы, и который такъ горько оплакивали впослѣдствіи славянофилы.

Если главной отличительной чертой, сближавшей русскій бытъ съ бытомъ восточныхъ деспотій, являлось полное закрѣпощеніе всѣхъ классовъ народа государству, то совершенно неоспоримо, что реформа Петра не могла, да и не имѣла въ виду европеизовать крестьянство. Напротивъ. Петербургскій періодъ довелъ, какъ мы уже видѣли, закрѣпощеніе крестьянина государству и землевладѣльцамъ до его крайнихъ логическихъ выводовъ. Въ длинный промежутокъ времени отъ Петра до генерала Киселева положеніе русскаго крестьянина все болѣе и болѣе приближалось къ положенію низшаго, порабощеннаго класса восточныхъ деспотій. Подневольный крестьянскій трудъ на пользу помѣщиковъ и государства дѣлался все болѣе и болѣе тяжелымъ. Уже при Петрѣ положеніе крестьянина ухудшилось весьма значительно. Сравнивая общія цифры податного населенія Россіи по переписямъ 1678 и 1710 гг., г. П. Милюковъ показалъ, что за этотъ періодъ

[1]) См. Соловьева, «Исторія Россіи», книга 3-я, стр. 67. Курьезно, что «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ, очень огорченный побѣгомъ молодого Нащокина, хлопоталъ о возвращеніи его изъ-за границы, а на случай неудачи находилъ нужнымъ «извести его тамъ»; при чемъ совѣтовалъ съ большою осмотрительностью пріучать старика Нащокина къ мысли о «небытіи на свѣтѣ» его бѣглаго сына. (См. Соловьева, тамъ же, стр. 69).

времени населеніе это не возрасло, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а уменьшилось на одну пятую часть. «Но необходимо помнить, — прибавляетъ названный историкъ, — что этотъ результатъ есть уже, такъ сказать, равнодѣйствующая дѣйствительной убыли и того естественнаго прироста, который долженъ былъ нѣсколько прикрыть и замаскировать ее» [1]). Такою страшною цѣною заплатило податное населеніе Россіи за петровскую реформу! Г. Милюковъ не безъ наивности замѣчаетъ, что, «за исключеніемъ мѣръ, принятыхъ въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ идей меркантилизма въ пользу городского класса, Петръ не былъ соціальнымъ реформаторомъ» [2]). Съ этимъ очень легко согласиться: какая ужъ тамъ соціальная реформа! Соціальная реформа имѣетъ въ виду облегчить положеніе низшаго класса, а Петру было совсѣмъ не до того. Его экономическая политика по отношенію къ трудящимся осталась вѣрной завѣтамъ Московскаго государства, ни о какой «соціальной реформѣ» никогда не помышлявшаго. Но если Москва била податное населеніе бичами, то Петербургъ, въ лицѣ Петра, сталъ бить его скорпіонами. Неудивительно, что уже въ 1700 г. въ народѣ стала распространяться легенда о томъ, что наступили послѣднія времена и что въ лицѣ Петра воцарился антихристъ. Короче, съ этой стороны ни о какой европеизаціи говорить невозможно.

Надо еще прибавить, что ко времени Петровской реформы въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада быстро исчезали послѣдніе остатки крѣпостного права. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою какъ бы два процесса, параллельныхъ одинъ другому, но направленныхъ въ обратныя стороны: закрѣпощеніе крестьянъ доходитъ у насъ до апогея въ тотъ самый періодъ времени, когда оно исчезаетъ на Западѣ. Этимъ еще болѣе увеличивается разница положенія русскаго крестьянина съ положеніемъ западнаго.

Не то увидимъ мы, обратившись къ дворянству. Если самъ Петръ ничего не предпринялъ для его освобожденія отъ обязательной службы, то совершенное имъ преобразованіе

---

[1]) «Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго», Спб. 1892, стр. 268—269.

[2]) По мнѣнію проф. С. Ѳ. Платонова, Петръ въ своей экономической политикѣ «отдавалъ дань идеямъ своего вѣка, создавшимъ на Западѣ извѣстную меркантильно-покровительственную систему» (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-е, стран. 488—489). Петръ больше всего отдавалъ тутъ дань старой Москвѣ, съ которой онъ такъ жестоко воевалъ въ другихъ случаяхъ.

арміи дало дворянству возможность добиться сравненія помѣстій съ вотчинами и тѣмъ положить экономическую основу своей «вольности». Въ послѣдующія царствованія дворянство, отчасти благодаря тому же преобразованію арміи, пріобрѣло «вольность» въ той ея полнотѣ, какая была нужна для него при данныхъ условіяхъ. По мѣрѣ того, какъ оно приближалось къ «вольности», его роль въ государствѣ переставала быть похожей на роль служилаго класса въ восточныхъ деспотіяхъ и болѣе или менѣе уподоблялась роли высшаго сословія въ абсолютныхъ монархіяхъ Запада. Слѣдовательно, соціальное положеніе «благороднаго» сословія измѣнялось въ одну сторону,—въ сторону З а п а д а,—въ то самое время, когда соціальное положеніе «подлыхъ людей» продолжало измѣняться въ сторону прямо противоположную,—въ сторону В о с т о к а. Передъ нами здѣсь опять два параллельныхъ процесса, и опять эти два процесса идутъ въ прямо противоположныя стороны. Вотъ тутъ-то и лежитъ наиболѣе глубокая общественная причина упомянутаго выше разрыва между народомъ и болѣе или менѣе просвѣщеннымъ обществомъ. Собственно говоря, подобный разрывъ существовалъ и въ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ той же Франціи. Можно было бы привести нѣкоторые примѣры изъ жизни энциклопедистовъ, наглядно показывающіе, какъ трудно было французскому просвѣтителю XVШ в. столковаться съ французскимъ же крестьяниномъ, если только въ глазахъ этого послѣдняго онъ являлся б а р и н о м ъ. Такая трудность взаимнаго пониманія есть неизбѣжный плодъ классового или сословнаго антагонизма. Но нигдѣ она не достигла такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ Россіи. Сблизивъ съ Западомъ высшее сословіе и отдаливъ отъ него низшее, Петровская реформа тѣмъ самымъ увеличила недовѣріе этого послѣдняго ко всему тому, что шло къ намъ изъ Европы. Недовѣріе къ иностранцу помножалось на недовѣріе къ эксплуататору. Даже тогда, когда осуществленіе въ Россіи данной западно-европейской идеи пошло бы прежде всего на пользу угнетенныхъ сословій,—когда сама эта идея являлась на Западѣ продуктомъ освободительной борьбы угнетенныхъ съ угнетателями,—русскій крестьянинъ склоненъ былъ видѣть въ ней барскій «подвохъ», если только ее проповѣдывалъ человѣкъ, одѣтый въ нѣмецкое платье. Отъ этого много страдали передовые люди Россіи. Это была большая бѣда; но это была еще не самая большая. Самая большая бѣда была другая.

Когда европеизованные представители русской общественной мысли стали задумываться не только о тяжеломъ положеніи низшаго класса народа, но также объ его прошлой исторической судьбѣ и о шансахъ его будущаго развитія, тогда они, весьма естественно,

стали судить объ этихъ важнѣйшихъ предметахъ съ точки зрѣнія своихъ, заимствованныхъ у Запада, общественныхъ теорій. Но западныя теоріи возникли на почвѣ западно-европейскихъ общественныхъ отношеній. Положеніе же русскаго крестьянина, равно какъ и его историческое прошлое, напоминало собою несравненно болѣе Востокъ, чѣмъ Западъ. Поэтому, и то и другое, и положеніе и историческое прошлое, чрезвычайно трудно поддавалось анализу съ точки зрѣнія западныхъ общественныхъ теорій. Съ точки зрѣнія этихъ теорій, и то и другое представлялось полнымъ самыхъ неожиданныхъ противорѣчій. Вотъ примѣръ. Герцена поражалъ тотъ «страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ бо̀льшей части населенія шло (въ Россіи. *Г. П.*), увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени». Подобный фактъ былъ бы, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, «нелѣпъ» въ исторіи Италіи, Франціи, Англіи и большинства германскихъ странъ. Но принимая во вниманіе исторію экономическаго развитія сѣверо-восточной Россіи въ данной исторической обстановкѣ, фактъ этотъ у насъ представляется вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ. Еще труднѣе было, держась западныхъ общественныхъ теорій, составить себѣ сколько-нибудь вѣроятную схему будущаго развитія Россіи въ сторону идеаловъ передового человѣчества. Этой трудностью вызванъ былъ, между прочимъ, тотъ благородный крикъ отчаянія, который называется первымъ «философскимъ письмомъ» П. Я. Чаадаева. Ею же объясняется появленіе у насъ теорій «самобытнаго» русскаго прогресса—отъ славянофильства до народничества и субъективизма включительно. Наконецъ, она же вела къ тому, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій отворачиваться отъ «самобытности» можно было только при одномъ условіи: обѣими ногами держась на почвѣ историческаго идеализма. Несходство нашего общественнаго «бытія» особенно (въ томъ, что касалось положенія и исторической судьбы низшаго класса народа) съ общественнымъ бытіемъ Запада могло не смущать нашихъ передовыхъ идеологовъ только въ одномъ случаѣ: если они раздѣляли то убѣжденіе, что не бытіе опредѣляетъ собою сознаніе, а сознаніе опредѣляетъ бытіе. Тому, кто, подобно французскимъ просвѣтителямъ XVIII в., думалъ, что la raison finit toujours par avoir raison (разумъ, въ концѣ концовъ, всегда оказывается правымъ), достаточно было убѣдиться въ р а з у м н о с т и того или другого передового ученія Запада, чтобы твердо повѣрить въ его будущее торжество. А кто сказалъ бы себѣ, что «разумность» разума измѣняется въ зависимости отъ общественныхъ условій, и что торжество даннаго вида его «разумности»,—даннаго передового ученія,—всегда предполагаетъ опредѣленное сочетаніе этихъ условій, тотъ, въ виду нашей тогдашней русской дѣйствительно-

сти, вынужденъ былъ бы признать, что даже и вполнѣ умѣстныя у себя на родинѣ передовыя ученія Запада «нелѣпы» въ Россіи. Мы увидимъ, что къ этому выводу пришелъ Бѣлинскій въ эпоху своего знаменитаго «примиренія съ дѣйствительностью». Однако, этотъ выводъ былъ невыносимъ для передовыхъ русскихъ людей. И мы увидимъ также, что самъ, безстрашный передъ истиной, Бѣлинскій могъ ужиться съ нимъ только на самое короткое время. Но и Бѣлинскому, чтобы отказаться отъ него, нужно было перейти на точку зрѣнія субъективнаго историческаго идеализма. Субъективный историческій идеализмъ благопріятствуетъ развитію соціальнаго утопизма. И мы убѣдимся, что самые передовые и даровитые представители русской общественной мысли въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, несмотря на всѣ свои усилія, не могли, въ своихъ соціальныхъ программахъ, выбиться изъ области утопіи.

Разрывъ народа съ передовой интеллигенціей страшно затруднялъ его собственную борьбу за свое освобожденіе и осуждалъ людей, стремившихся помочь ему, на жалкую роль «умныхъ ненужностей». Славянофилы говорили, что европеизованное русское «общество» представляло собою какъ бы европейскую колонію, живущую среди варваровъ. Это было вполнѣ вѣрно. Но измѣнить къ лучшему тяжелое положеніе иностранной колоніи, заброшенной въ среду русскихъ варваровъ, могло только одно общественное явленіе: европеизація варваровъ. Другого средства быть не могло по той простой причинѣ, что, вопреки мнѣнію славянофиловъ, въ общественной жизни Московской Руси не было,—да и неоткуда было взять,—такихъ «началъ», которыя давали бы ей возможность создать самобытную культуру, способную помѣряться съ культурой европейскаго Запада. «Начала» общественной жизни Москвы сводились, въ послѣднемъ счетѣ, къ закрѣпощенію всѣхъ классовъ населенія государству, а закрѣпощеніе совсѣмъ неблагопріятно для роста культуры. Правда, нѣкоторыя деспотіи Востока,—древній Египетъ или древняя Халдея,—тоже закрѣпощавшія государству всѣ народныя силы, были болѣе цивилизованы, нежели Московская Русь XVII столѣтія [1]). Нѣтъ основанія думать, что къ концу XVII в. Московская Русь дошла до послѣдняго предѣла той цивилизаціи, которая являлась болѣе

---

[1]) На счетъ Халдеи надо, впрочемъ, сдѣлать вотъ какую оговорку. Когда халдейскій царь эпохи касситовъ «отписывалъ на себя» землю той или другой изъ своихъ черныхъ волостей», онъ, какъ отмѣчено мною выше, платилъ за нее вознагражденіе (C u q, la propriété foncière en Chaldée, p. 720). Московскіе «самовластцы» ничего никому не платили въ такихъ случаяхъ. Это значитъ, что Москва закрѣпостила своихъ «сиротъ» гораздо болѣе основательно, нежели Халдея указанной эпохи.

или менѣе самобытнымъ плодомъ ея собственныхъ «началъ». Позволительно предположить, что она, въ концѣ концовъ, почти сравнялась бы съ древнимъ Египтомъ или съ древней Халдеей [1]). Но закрѣпощеніе населенія, явившееся въ результатѣ медленнаго развитія производительныхъ силъ, съ своей стороны, задерживаетъ это развитіе, чѣмъ задерживается и развитіе цивилизаціи. Западная Европа, никогда не знавшая закрѣпощенія въ той его полнотѣ, какую мы наблюдаемъ въ государствахъ Востока и въ московской Руси, выработала у себя несравненно болѣе значительныя производительныя силы и гораздо болѣе могучую цивилизацію. Въ сравненіи съ этой послѣдней самобытная цивилизація восточныхъ странъ оказалась бы слишкомъ слабой. Въ концѣ XVII, въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ,—не до Р. Х., а послѣ него,—необходимо было усвоить культуру европейскаго Запада или пойти назадъ, склониться къ упадку и разложенію. Къ счастью для Россіи, процессъ усвоенія ею цивилизаціи Западной Европы не могъ ограничиться европеизаціей ея служилаго сословія.

XXIV.

Петръ не только упрочилъ закрѣпощеніе крестьянства. Даже его многочисленныя и разнообразныя техническія заимствованія у Запада вели не столько къ европеизаціи нашихъ общественныхъ отношеній, сколько къ еще болѣе послѣдовательному переустройству ихъ въ старомосковскомъ духѣ. Желая дать толчокъ развитію производительныхъ силъ своей страны, онъ обратился къ тому средству, которое такъ широко примѣнялось въ Московской Руси: къ подневольному труду и обязательной службѣ разныхъ подходящихъ для данныхъ цѣлей классовъ населенія. Московское государство имѣло своихъ служилыхъ ремесленниковъ, т.-е. посадскихъ людей, обязанныхъ заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Со времени Петра у насъ появились служилые фабриканты и заводчики [2]). Въ передовыхъ странахъ Запада распространеніе

---

[1]) Ей трудно было бы вполнѣ сравняться съ ними вслѣдствіе менѣе благопріятныхъ природныхъ условій культурнаго развитія.

[2]) «Хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ»,—разсуждалъ Петръ, и потому предписывалъ мануфактуръ коллегіи дѣйствовать на фабрикахъ «не предложеніемъ однимъ, но и принужденіемъ». Въ 1723 г. онъ, оглядываясь назадъ, говорилъ, что у него «все неволею сдѣлано» (Ключевскій, Курсъ, ч. IV, стр. 143—144). Въ виду этой «неволи», представлявшей собою самое выдающееся изъ всѣхъ «началъ» московской жизни, В. О. Ключевскій имѣлъ полное

фабрично-заводскаго производства означало распространеніе системы наемнаго труда. Въ Россіи Петръ, основывая фабрики и заводы, приписывалъ къ нимъ окрестныхъ крестьянъ, чѣмъ создавался новый видъ крѣпостного состоянія. Эта относительная особенность нашего историческаго процесса,—тотъ фактъ, что новыя, заимствованныя у Запада, производства окружены были на нашей почвѣ азіатской обстановкой,—вызвана была нашей экономической отсталостью и, въ свою очередь, замедляла дальнѣйшее экономическое развитіе Россіи. Но, кромѣ того, она затрудняла и европеизацію той части населенія, которая занималась новыми производствами. Я уже не говорю о приписанныхъ къ фабрикамъ крестьянахъ, но и купечество, все-таки бывшее до извѣстной степени привилегированнымъ сословіемъ, въ своемъ образѣ жизни и въ своихъ понятіяхъ долго и упорно держалось старины. Купцы не довѣряли шедшимъ съ Запада новшествамъ, такъ какъ не любили Запада, чувствуя себя слабыми сравнительно съ своими западно-европейскими конкурентами, превосходившими ихъ не только по своему богатству, но,—что весьма важно,—и по своему правовому положенію. Посошковъ, вообще говоря, очень одобрявшій Петровскую реформу, всегда очень недоброжелательно отзывается объ иностранцахъ. И когда представишь себѣ подобнаго ему «торговаго мужика», по рукамъ и по ногамъ связаннаго нашей приказной «волокитой», ведущимъ дѣла или соперничающимъ съ иностранными торговцами, то понимаешь, что онъ не могъ не сознавать своей слабости, и что сознаніе этой слабости не могло не вызывать въ немъ раздраженія противъ заморскихъ гостей. Наибольшій запасъ такого раздраженія долженъ былъ накопиться у низшаго слоя городской буржуазіи, у совершенно безправныхъ «посадскихъ людей», напримѣръ, у ремесленниковъ, которыхъ европеизація служилаго класса лишала заказчиковъ, предпочитавшихъ обращаться по возможности къ иностраннымъ мастерамъ. Если богатое купечество долго сохраняло привычки, нашедшія свое безсмертное выраженіе въ комедіяхъ Островскаго, то низшіе слои городской буржуазіи представляли собою благопріятную почву для развитія понятій, въ послѣднее время получившихъ у насъ весьма неудачное названіе «черносотенныхъ». Нерасположеніе торгово-ремесленнаго сословія къ западнымъ новшествамъ усиливалось еще и тѣмъ, что болѣе или менѣе европеизованное россійское благородное шляхетство пользо-

---

право сказать, что при Петрѣ «русское общество окончательно получило тотъ складъ, какой стремилось дать ему московское законодательство XVII вѣка». (Тамъ же, стр. 281).

валось своимъ господствующимъ положеніемъ въ государствѣ, конечно, не къ выгодѣ «бородачей». Вполнѣ естественный антагонизмъ между купечествомъ и дворянствомъ создалъ, стало быть, еще одно препятствіе для европеизаціи Россіи. До половины XIX в. новая русская культура имѣла весьма явственный дворянскій отпечатокъ. Но при всемъ томъ процессъ европеизаціи не остановился. Мало-по-малу онъ вышелъ и непремѣнно долженъ былъ выйти за тѣсные предѣлы высшаго сословія. Новыя, заимствованныя у Запада, производства развивались, благодаря своей азіатской обстановкѣ, очень медленно, но все-таки развивались. А чѣмъ больше развивались они, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что азіатская обстановка должна быть устранена. Какъ ни трудно было сдѣлать это въ такой странѣ, господствующее сословіе которой воспитывалось въ преданіяхъ крѣпостного права, но двигательная сила экономическаго развитія, въ концѣ концовъ, преодолѣла инерцію крѣпостническихъ интересовъ и преданій. Я сказалъ, что дворяне въ 40-хъ гг. XIX вѣка оказали побѣдоносное пассивное сопротивленіе попыткѣ Николая I кое-въ чемъ ограничить крѣпостное право. Но въ то же самое время между дворянами появляются такіе сельскіе хозяева, которые, вполнѣ чуждаясь освободительныхъ «утопій», житейскимъ опытомъ и простымъ ариѳметическимъ расчетомъ убѣждались въ невыгодности крѣпостного труда. Въ 1845 г. министръ Перовскій говорилъ въ запискѣ, поданной имъ Николаю, что «образованные помѣщики» теперь уже «вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы». По словамъ министра, «помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ, и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо невыгодныя отношенія». При этомъ Перовскій нисколько не обманывался насчетъ причины, вызвавшей такую перемѣну во взглядахъ помѣщиковъ. Онъ указывалъ на повысившіяся цѣны земли и на удачные опыты примѣненія наемнаго сельско-хозяйственнаго труда въ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ [1]). Еще болѣе «обоюдо невыгодными» становились крѣпостническія «отношенія» въ торгово-промышленной области народнаго хозяйства. Необходимо было разстаться съ «неволей», завѣщанной старой Московской Русью. Но, какъ замѣчалъ Перовскій, даже «образованное» дворянство опасалось «послѣдствій переворота, коихъ всякій благоразумный человѣкъ, знающій народъ и его понятія и наклонности, долженъ опасаться» [2]). Эти дворянскіе

[1]) См. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», В. И. Семевскаго, т. 2, стр. 135, 136 и 138.

[2]) Семевскій, тамъ же, стр. 138.

страхи еще надолго задержали бы дѣло уничтоженія крѣпостного права, если бы не крымская катастрофа, доказавшая, по выраженію Энгельса, что «Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности». Хотя наша высшая бюрократія была насквозь пропитана дворянскимъ духомъ, неумолимая логика положенія вынудила ее взяться за крестьянскую реформу. Мѣры, принятыя правительствомъ Александра II для такъ называемаго освобожденія крестьянъ, сами очень сильно отзывались Азіей. Это ихъ, неподлежащее сомнѣнію, свойство долго ставилось ему въ заслугу подъ названіемъ будто бы безпримѣрнаго въ исторіи Запада освобожденія крестьянъ съ землею. Я позволю себѣ объяснить эту его мнимую заслугу тѣми же словами, какими я объяснилъ ее въ другой своей работѣ. «Крупнѣйшій въ мірѣ помѣщикъ-рабовладѣлецъ,—государство,—рѣшительно не могъ помириться съ тою мыслью, что освобождаемыя крестьянскія «души», съ которыми онъ уже собирался распорядиться по-своему, сразу предстанутъ передъ нимъ въ видѣ многомилліоннаго пролетаріата. Съ этой стороны его интересы разошлись съ интересами остальныхъ рабовладѣльцевъ, чѣмъ и объясняются тѣ тренія между тогдашними помѣщиками и «петербургскими чиновниками», которыя нѣкоторые добродушные люди до сихъ поръ объясняютъ народолюбіемъ извѣстныхъ слоевъ тогдашней бюрократіи» [1]). По мнѣнію крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца, чтобы освободить крестьянъ, надо было сдѣлать ихъ вполнѣ зависимыми отъ государства, уничтоживъ ихъ крѣпостную зависимость по отношенію къ помѣщикамъ. Такъ онъ и поступилъ. «Освобожденный» имъ крестьянинъ остался совершенно безправнымъ передъ лицомъ государства, которое позаботилось о томъ, чтобы сохранить старую, завѣщанную московскимъ и петербургскимъ крѣпостничествомъ, форму крестьянскаго землевладѣнія: передѣлы полей въ сельскихъ общинахъ. Азіатскій характеръ крестьянскаго «освобожденія», неблагопріятный для дальнѣйшаго промышленнаго развитія Россіи, еще болѣе неблагопріятенъ былъ для самихъ крестьянъ. Не давъ имъ хотя бы части тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя необходимы производителю въ обществѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ, наша «крестьянская реформа» заставила ихъ гораздо чаще, чѣмъ прежде, выступать на товарномъ рынкѣ отчасти въ качествѣ продавцовъ продуктовъ своего несложнаго сельскаго хозяйства, а отчасти въ качествѣ продавцовъ своей собственной рабочей силы. Понятно, какъ невыгодны для нихъ были рыночныя сдѣлки, совершавшіяся при подобныхъ условіяхъ. «Осво-

[1]) См. мою статью «Освобожденіе крестьянъ», «Совр. Міръ», 1911, кн. 2.

божденное» крестьянство бѣднѣло, а его обѣднѣніе задерживало ростъ внутренняго рынка для предметовъ промышленности, что было значительнымъ препятствіемъ для быстраго развитія русскаго капитализма. Но капитализмъ такъ или иначе справился и съ этимъ препятствіемъ. Онъ все-таки шелъ впередъ, а съ нимъ все-таки подвигалась впередъ и европеизація Россіи. Если Петръ своей реформой «прорубилъ о к н о въ Европу», то теперь для европейскихъ вліяній открылись широкія ворота.

Черезъ эти ворота они стали проникать въ тѣ части населенія, которыя прежде оставались недоступными для нихъ: сначала въ торгово-промышленный классъ, а потомъ и въ крестьянство,—въ той мѣрѣ, въ какой новыя отношенія производства разлагали старые экономическіе устои земледѣльческаго быта. Въ средѣ торгово-промышленнаго класса довольно быстро подвигалось впередъ давно уже начавшееся, но долго непорождавшее замѣтныхъ соціально-политическихъ послѣдствій, подраздѣленіе на два новыхъ класса: буржуазію и пролетаріатъ. Чѣмъ быстрѣе подвигалось впередъ это подраздѣленіе, тѣмъ больше европеизовалась Россія. И. С. Аксаковъ говорилъ, что, только «о б е з н а р о д и въ н а р о дъ», можно сдѣлать его воспріимчивымъ къ передовымъ идеямъ Западной Европы. Развитіе капиталистическаго способа производства совершило, именно, это чудо, представлявшееся совершенно невозможнымъ славянофильскому публицисту: оно «обезнародило» значительную часть русскаго народа. Пресловутый «народный духъ» не выдержалъ напора капитализма. Попадая въ положеніе пролетарія, русскій производитель, хотя и продолжалъ въ большинствѣ случаевъ числиться на бумагѣ крестьяниномъ, началъ понемногу выступать на тотъ самый путь, на которомъ его далеко опередили западно-европейскіе работники: на путь борьбы съ капиталомъ. Эта борьба быстро развивала въ немъ новыя, прежде неслыханныя на Руси, настроенія и стремленія. А такъ какъ полицейское государство усердно отстаивало интересы капитала, то русскій пролетарій быстро терялъ, одинъ за другимъ, выносимые имъ изъ деревень вѣковѣчные политическіе предразсудки крестьянина. Правда, развитіе капитализма постоянно толкало въ ряды пролетаріата новыя и новыя толпы «сѣрой деревенщины». Этимъ замедлялся ростъ политическаго сознанія русскаго рабочаго класса. До недавняго времени даже въ самыхъ громкихъ выступленіяхъ его,—напримѣръ въ выступленіи 9 января 1905 г.,—замѣтно это отрицательное психологическое вліяніе деревни. Нельзя закрывать глаза и на то, что отсталые слои рабочаго класса принимали иногда участіе въ погромахъ евреевъ и передовой интеллигенціи. Но если развитіе

капитализма не могло сразу «обезнародить» отсталые слои пролетаріата, то, говоря вообще, классъ этотъ очень быстро развивался въ политическомъ смыслѣ, и составилъ собою одну изъ тѣхъ двухъ силъ, сочетаніе которыхъ вызвало взрывъ 1905—6 гг.: силу революціонную. Другою силою, участвовавшею въ этомъ взрывѣ, была,—сказалъ я,—сила крестьянскаго населенія, добивавшагося «чернаго передѣла» согласно старымъ традиціямъ аграрной политики россійскаго государства, положеннымъ, между прочимъ, и въ основу надѣленія крестьянъ землею. Пока и поскольку эти двѣ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи, до тѣхъ поръ и постольку побѣждала революція. Но, разнородныя по своей природѣ, онѣ не могли долго дѣйствовать вмѣстѣ: движеніе русской крестьянской Азіи лишь на короткое время совпало съ движеніемъ русской рабочей Европы. Когда онѣ перестали дѣйствовать вмѣстѣ, стала торжествовать реакція, т.-е. стало побѣждать дворянство, защищавшее свои «недвижимыя имущества». Въ этомъ все дѣло.

Одной изъ первыхъ реформъ, совершенныхъ той дворянской контръ-революціей, которая восторжествовала благодаря слишкомъ еще недостаточной европеизаціи крестьянства предыдущимъ ходомъ экономическаго развитія, было законодательное уничтоженіе поземельной общины. Дворянство разсчитывало, что, уничтоживъ поземельную общину, оно убьетъ ту старую аграрную традицію, во имя которой крестьянство считало себя въ правѣ экспропріировать помѣщиковъ. И, разумѣется, оно рано или поздно убьетъ ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно убьетъ все старое крестьянское міросозерцаніе, окончательно разрушивъ ту экономическую основу, на которой столько вѣковъ держался нашъ старый политическій порядокъ. Это врядъ ли будетъ согласно съ интересами дворянства, но навѣрно будетъ вполнѣ согласно съ интересами пролетаріата, поступательное движеніе котораго задерживалось и задерживается политической инертностью стараго крестьянства. Какъ бы тамъ ни было, этотъ шагъ дворянской контръ-революціи есть шагъ въ сторону европеизаціи нашихъ общественно-экономическихъ отношеній, хотя, разумѣется, оплаченный народомъ несравненно дороже, чѣмъ пришлось бы заплатить за него при другихъ политическихъ условіяхъ [1]).

---

[1]) Эти строки были уже набраны, когда я прочиталъ чрезвычайно обстоятельную брошюру А. Е. Лосицкаго: «Распаденіе общины», Спб. 1912. Очень рекомендую вниманію читателя окончательный выводъ уважаемаго статистика, «несмотря на политическія тенденціи новаго законодательства объ общинѣ и его недостатки, а равно и способы его проведенія, оно оказалось отвѣчающимъ интересамъ значительныхъ массъ крестьянства, получило широкое примѣненіе и имѣетъ серьезный характеръ. Распространеніе укрѣ-

XXV.

«Обезнародивъ» часть трудящагося населенія Россіи, капитализмъ впервые обезпечилъ прочную общественную поддержку передовымъ стремленіямъ, проникавшимъ съ Запада въ Россію. Только съ этихъ поръ идеологи названныхъ стремленій перестали быть «умными ненужностями» и «лишними людьми». Только съ этихъ поръ ихъ, заимствованные у Запада, идеалы получили шансы на осуществленіе въ Россіи.

Я уже сказалъ, что новая культура, послѣ Петровской реформы проникшая съ Запада въ Россію, долго имѣла дворянскій отпечатокъ. Это особенно замѣтно въ томъ, что составляло лучшій плодъ этой культуры: въ литературѣ. Хотя уже почти на первыхъ порахъ крестьянство дало ей такого чрезвычайно выдающагося дѣятеля, какъ Ломоносовъ, однако, въ теченіе долгаго времени наши литераторы вербовались, главнымъ образомъ, изъ среды дворянства. Въ живописи это было не совсѣмъ такъ, но и живопись долго обслуживала эстетическія потребности дворянства и считалась, главнымъ образомъ, съ его вкусами. Однако, консервативная часть дворянства была слишкомъ мало просвѣщена для того, чтобы интересоваться литературой и искусствомъ; къ тому же, она мало имѣла практической нужды въ литературѣ (живопись, во всякомъ случаѣ, могла понадобиться для портретовъ), такъ какъ ея главныя сословныя нужды достаточно удовлетворялись посредствомъ «action directe», исходившей изъ среды высшей бюрократіи и изъ гвардейской казармы. Передовая же часть дворянства начинала выражать свои стремленія въ русской литературѣ въ такое время, когда на Западѣ уже завязывалась освободительная борьба третьяго сословія со свѣтской и духовной аристократіей. Это не могло не отразиться на характерѣ стремленій передового дворянства. Продолжая быть, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, «барами» до конца ногтей, молодые дворянскіе идеологи становились въ отрицательное отношеніе къ наиболѣе грубымъ проявленіямъ дворянскаго сословнаго эгоизма. Такъ, уже въ XVIII в. они рѣзко нападали на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, а нѣкоторые изъ нихъ заговорили и о полномъ его уничтоженіи. Скажу больше. Вышедшіе изъ дворянской среды передовые люди выставляли иногда такія соціально-политическія требованія, осу-

---

пленій и, особенно, разверстаній и выдѣловъ знаменуетъ движеніе деревни отъ феодальнаго уклада къ капиталистическимъ отношеніямъ, но оно оставляетъ нерѣшенными вопросы о крестьянскомъ малоземельи и о безправіи, — борьба съ которыми еще впереди» (стр. 44).

ществленіе которыхъ означало бы полную отмѣну привилегій благороднаго сословія, и проложило бы дорогу для широкаго развитія буржуазіи и въ экономической жизни, и въ политикѣ. Достаточно напомнить декабристовъ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ XIX в. нѣкоторые идеологи дворянскаго происхожденія переходятъ даже на точку зрѣнія трудящейся массы, поскольку такая точка зрѣнія свойственна тогдашнему утопическому соціализму: А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ и ихъ кружокъ. Нечего и говорить, что подобныя стремленія отнюдь не могли увлечь дворянское сословіе. Чѣмъ дальше впередъ устремлялась тонкая струйка европеизованной дворянской мысли, тѣмъ тоньше она становилась, и тѣмъ мучительнѣе сознавали передовые европеизованные дворяне свое практическое безсиліе. «Наше состояніе безвыходно, потому что ложно,—писалъ А. И. Герценъ въ своемъ дневникѣ,—потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей, и наше дѣло—отчаянное страданіе».

Какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, дворянская гегемонія смѣнилась въ половинѣ XIX в. гегемоніей разночинцевъ. Разночинцы входили, разумѣется, въ составъ нашего «третьяго сословія», но принадлежали къ его демократическому крылу. Вліятельная, въ экономическомъ смыслѣ, часть этого сословія долго не оказывала прямого воздѣйствія на развитіе нашей литературы и нашего искусства. Первоначально она, по указанной выше причинѣ, не поддавалась европеизаціи, а когда причина эта мало-по-малу перестала дѣйствовать, наша буржуазія долго не чувствовала нужды въ печатномъ выраженіи своихъ требованій, ограничиваясь непосредственными сдѣлками съ правительствомъ, у котораго она не переставала выпрашивать «субсидій», «гарантій» и покровительства «отечественной промышленности». Замѣчу мимоходомъ, что такое ея поведеніе составляетъ еще одну изъ относительныхъ особенностей нашего историческаго процесса сравнительно съ историческимъ процессомъ крайняго европейскаго Запада: тамъ буржуазія сыграла гораздо болѣе революціонную роль.

Когда дворянскій періодъ литературы, искусства и общественной мысли смѣнился у насъ разночинскимъ періодомъ, вошло въ обычай насмѣхаться надъ «лишними людьми» недавняго прошлаго. Передовые разночинцы были твердо убѣждены, что имъ не суждено выступать въ этой печальной роли. Однако,

---

[1]) Извѣстна та острота гр. Растопчина, что у насъ аристократы поставили передъ собой такую политическую задачу, которую во Франціи ставили передъ собой «сапожники».

хотя и они были гораздо многочисленнѣе передовыхъ дворянъ, они, въ свою очередь, были ничтожны какъ общественная сила. «Охранители» легко подавляли всѣ ихъ практическія попытки борьбы до тѣхъ поръ, пока на историческую сцену не выступилъ новый борецъ въ лицѣ пролетаріата. Съ появленіемъ этого борца дѣло измѣнилось, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что теперь уже смѣшно было спорить о томъ, должна или не должна Россія итти по пути западно-европейскаго развитія: ясно было, что не только должна итти, но у ж е идетъ, потому что капитализмъ становится въ ней господствующимъ способомъ производства; во-вторыхъ, стало очевидно, что «мы» вовсе не «внѣ народныхъ потребностей», какъ съ отчаяніемъ восклицалъ нѣкогда Герценъ, и что э к о н о м и ч е с к а я европеизація Россіи должна сопровождаться ея п о л и т и ч е с к о й европеизаціей. А это открывало такія широкія и отрадныя перспективы передъ русской разночинной интеллигенціей, что на нѣкоторое время она вообразила себя готовой цѣликомъ перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Всѣ мало-мальски передовые люди объявили себя марксистами.

Но рядомъ съ пролетаріатомъ на исторической сценѣ Россіи все-таки стояла буржуазія, тогда уже достаточно европеизованная въ своихъ наиболѣе развитыхъ слояхъ. Ея историческое воспитаніе въ атмосферѣ всякихъ субсидій, гарантій и покровительствъ не выработало въ ней боевого темперамента. Однако, она не чужда была политическаго недовольства, и мало-по-малу у нея явилась потребность въ соотвѣтствующемъ ея оппозиціонному настроенію духовномъ оружіи. За приготовленіе такого оружія, за идеологическую европеизацію нашей передовой буржуазіи, взялись представители того же слоя разночинцевъ, который уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шелъ во главѣ нашего умственнаго движенія. Въ его средѣ, почти тотчасъ же послѣ сплошного увлеченія Марксомъ, родилось новое увлеченіе: увлеченіе «к р и т и к о й» Маркса.

Критика эта представляла собою у насъ попытку приспособить къ умственнымъ нуждамъ передовой русской буржуазіи такую общественную теорію, которая выражала собою стремленія сознательнаго западно-европейскаго пролетаріата. Подобная попытка могла явиться только въ такое время, когда буржуазныя общественныя теоріи Запада обнаружили свою несостоятельность. Задача, которую задавали себѣ люди, дѣлавшіе такую попытку, была теоретически нелѣпа, и потому неразрѣшима. А такъ какъ она была неразрѣшима, то очень скоро «критика Маркса» сдѣлалась просто «критикой», а просто «критика» свелась къ разогрѣванію и передѣлкѣ на новый ладъ старыхъ буржуазныхъ теорій. Дѣломъ такого разогрѣванія сплошь да рядомъ занимаются теперь писа-

тели, еще не такъ давно вполнѣ искренно считавшіе себя марксистами.

Такимъ образомъ, за дворянскимъ и разночинскимъ періодами исторіи русской общественной мысли послѣдовалъ новый, и теперь еще продолжающійся, періодъ, въ которомъ уже гораздо менѣе замѣтна идейная гегемонія какого-нибудь одного общественнаго класса или слоя. Теперь нѣтъ господствующихъ умственныхъ теченій; теперь умственныя силы распредѣляются, главнымъ образомъ, между двумя полюсами: полюсомъ пролетаріата, съ одной стороны, и полюсомъ буржуазіи—съ другой. Кромѣ того, выступаютъ еще теоретики прежней школы, не желающіе разстаться съ дорогой для нихъ вѣрой въ старые «устои» народно-экономической жизни. Но по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ европеизація Россіи, теоретическія позиціи этихъ носителей старыхъ «завѣтовъ» становятся все болѣе и болѣе шаткими, а сами носители обнаруживаютъ все больше и больше растерянности. Дни ихъ сочтены. Вся послѣдующая исторія нашей общественной мысли опредѣлится взаимными классовыми отношеніями пролетаріата съ буржуазіей. Въ ходѣ развитія этихъ отношеній на «восточной равнинѣ» Европы опять будутъ, конечно, свои относительныя особенности, которыя вызовутъ относительныя особенности духовнаго развитія. Безполезно гадать теперь какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ. Но небезполезно отмѣтить то, что уже можетъ быть предметомъ наблюденія.

Мы видѣли, что пока русское общественное бытіе оставалось непонятнымъ съ точки зрѣнія западныхъ соціально-политическихъ ученій, историческій идеализмъ былъ единственно возможнымъ убѣжищемъ для свободомыслящихъ русскихъ людей, не желавшихъ примириться съ «гнусной рассейской дѣйствительностью». Когда успѣхи капитализма «обезнародили» русскій народъ до такой степени, что уже неудобно стало толковать о самобытныхъ путяхъ нашего общественнаго развитія, акціи историческаго идеализма страшно упали въ цѣнѣ. Тогда явился сильнѣйшій спросъ на историческій матеріализмъ, потому что только съ его помощью можно было сдѣлать удовлетворительный анализъ какъ западно-европейскаго, такъ и русскаго общественнаго бытія. Но точка зрѣнія историческаго матеріализма была точкой зрѣнія теоретиковъ пролетаріата. Выводы, къ которымъ приводилъ анализъ русскаго общественнаго бытія съ помощью историческаго матеріализма, были непріемлемы для идеологовъ нашей европеизованной буржуазіи. Поэтому историческій матеріализмъ пользовался у насъ широкой популярностью только до тѣхъ поръ, пока продолжалась борьба съ совершенно устарѣлыми теоріями

народничества и субъективизма. Тотчасъ же послѣ ниспроверженія этихъ теорій началась «критика Маркса», означавшая, между прочимъ, также и отступленіе отъ историческаго матеріализма «назадъ», къ болѣе или менѣе передѣланному на новый ладъ историческому идеализму. Это отступленіе прикрывалось атакой на позиціи того, что̀ было названо философскимъ матеріализмомъ и что̀ въ дѣйствительности составляетъ теоретико-познавательную основу матеріалистическаго объясненія исторіи. Уже въ послѣдніе годы XIX вѣка идеологи нашей европеизованной буржуазіи провозгласили философскій матеріализмъ совершенно мертвымъ ученіемъ. Интересно, что имъ повѣрили въ этомъ случаѣ даже нѣкоторые писатели, примыкавшіе къ пролетарскому лагерю, и еще болѣе интересно, что эти идеологи пролетаріата, повѣрившіе на-слово идеологамъ буржуазіи, показали себя неисправимыми утопистами въ тактическихъ вопросахъ.

Говорилъ или не говорилъ Петръ, что Россія со временемъ должна будетъ повернуться «задомъ къ Европѣ»,—ясно, что въ настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить такъ. Это тѣмъ болѣе ясно, что даже самыя типичныя изъ странъ Востока движутся теперь къ Западу. Между ними есть такія, которыя какъ будто грозятъ обогнать Россію въ процессѣ этого движенія. Китай сдѣлался республикой, тогда какъ въ Россіи еще не утвердился парламентскій режимъ. Это объясняется одной изъ самыхъ невыгодныхъ для насъ относительныхъ особенностей нашего историческаго процесса: русское полицейское государство было достаточно европеизовано для того, чтобы пользоваться въ своей борьбѣ съ новаторами почти всѣми завоеваніями европейской техники, между тѣмъ какъ наши новаторы только съ недавняго времени стали опираться на народную массу, которая, какъ мы видѣли, европеизована только въ лицѣ одной своей,—пролетарской,—части. Россія платится за то, что она слишкомъ европеизована сравнительно съ Азіей и недостаточно европеизована сравнительно съ Европой.

Теперь мы можемъ перейти къ подробному разсмотрѣнію того, какъ перечисленныя выше относительныя особенности русскаго общественнаго бытія отразились на ходѣ развитія русскаго общественнаго сознанія.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ РОССІИ.

Часть II.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Глава I.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти со свѣтской.

Противорѣчіе ведетъ впередъ (der Widerspruch ist das Fortleitende), говорилъ Гегель. Это глубокое положеніе какъ нельзя лучше оправдывается исторіей общественной мысли во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Чѣмъ болѣе обостряется взаимная борьба общественныхъ классовъ, тѣмъ быстрѣе движется впередъ общественная мысль. Но такъ какъ взаимная борьба общественныхъ классовъ во всякой данной странѣ опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, ходомъ ея экономическаго развитія, то всѣ тѣ обстоятельства, которыя замедляютъ этотъ ходъ, задерживаютъ также и движеніе общественной мысли.

Намъ уже знакомы теперь обстоятельства, замедлившія экономическое развитіе Россіи и приведшія къ продолжительному закрѣпощенію государствомъ всѣхъ общественныхъ силъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, можно было бы a priori сказать, что движеніе общественной мысли на Руси должно совершаться очень медленно, сравнительно съ западно-европейскими странами, находившимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ экономическаго развитія. Къ этому апріорному выводу можно было бы еще добавить, что, отставая отъ общественныхъ взглядовъ западныхъ европейцевъ, общественные взгляды русскихъ людей станутъ сближаться со взглядами обитателей восточныхъ деспотій въ той самой мѣрѣ, въ какой русскія, т.-е. собственно московскія, общественныя отношенія станутъ пріобрѣтать восточный характеръ.

Первымъ сильнымъ толчкомъ къ развитію общественной мысли въ средне-вѣковой Европѣ послужила, какъ извѣстно, взаимная борьба свѣтской и духовной властей. Чѣмъ больше обострялась она, и чѣмъ меньше расположены были противники щадить другъ друга, тѣмъ болѣе щекотливыми становились тѣ политическіе вопросы, которые выдвигались самимъ ходомъ спора. Говорю «политическіе вопросы» потому, что собственно

богословскія позиціи были одинаковы для обѣихъ споривших сторонъ. Для того, чтобы, въ свою очередь, могли стать предметомъ спора эти позиціи, общественное развитіе Западной Европы должно было сдѣлать еще много новыхъ шаговъ впередъ и выдвинуть на историческую сцену новыя, болѣе прогрессивныя общественныя силы. Но и то, что было сказано, напр., во время столкновенія Григорія VII съ Генрихомъ IV, представляло собою нѣчто довольно поучительное или,—если вы предпочитаете такъ выразиться,—соблазнительное. Извѣстно, что Григорій VII, отлучивъ императора отъ церкви, объявилъ его лишеннымъ престола. Это вызывало вопросъ: имѣлъ ли онъ право поступить такъ? А этотъ вопросъ естественно наталкивалъ споривших на разсмотрѣніе новаго и болѣе глубокаго вопроса о существѣ верховной политической власти. Защитники императора объявляли его власть божественнымъ учрежденіемъ. Защитники же папы расположены были смотрѣть на нее совсѣмъ другими глазами. Они говорили, что государи получаютъ свою власть отъ народа и въ интересахъ народа. Поэтому государи должны быть мудры, благочестивы и справедливы. Народы облекаютъ ихъ властью не для того, чтобы подчинить себя деспотамъ, а для того, чтобы имѣть защитниковъ противъ тираніи. Значитъ, если государь становится тираномъ, то онъ самъ нарушаетъ договоръ, связывавшій его съ народомъ, и тогда народъ уже не обязанъ ему повиноваться. Мы видимъ отсюда, что уже въ XI вѣкѣ [1]) публицисты западной Европы приходятъ къ теоріи договора между народомъ и государемъ, игравшей впослѣдствіи такую большую роль въ освободительномъ движеніи третьяго сословія. И надо замѣтить, что у защитниковъ папы мы встрѣчаемъ подчасъ довольно пикантные комментаріи этой идеи. Одинъ изъ нихъ разсуждаетъ такъ. Вообразите, что нѣкто нанялъ человѣка, чтобы пасти своихъ свиней, а наемникъ не только не исполняетъ своей обязанности, но губитъ ввѣренное ему свиное стадо. Какъ поступитъ наниматель? Конечно, онъ съ бранью и позоромъ прогонитъ недобросовѣстнаго наемника. А если можно прогнать свиного пастуха, не исполняющаго своей обязанности, то тѣмъ болѣе можно прогнать правителя, злоупотребляющаго своею властью. Право народа на устраненіе дурного государя во столько разъ больше права нанимателя на устраненіе свиного пастуха, во сколько достоинство человѣка выше достоинства свиньи. Находчивый авторъ, приводящій этотъ примѣръ, умѣетъ найти возраженіе и противъ извѣстнаго довода, гласящаго,

---

[1]) Императоръ Генрихъ IV былъ отлученъ отъ церкви папой Григоріемъ VII въ 1076 г.

что нѣсть власть аще не отъ Бога. Онъ говоритъ, что тотъ же самый апостолъ, у котораго былъ заимствованъ этотъ доводъ, предпочелъ смерть подчиненію тирану. Вообще, ко власти государя слѣдуетъ относиться съ самымъ большимъ почтеніемъ. Но чтить надо не лицо, а санъ, и разъ данное лицо лишилось своего сана, оно уже теряетъ право на какое-нибудь исключительное почтеніе [1]).

Держась такой точки зрѣнія, можно оправдать самыя рѣшительныя дѣйствія народа противъ дурного правителя. Защитники церкви нерѣдко повторяли слова Іисуса: «я не миръ принесъ, а мечъ». Нѣкоторые,—правда, лишь самые крайніе,—изъ нихъ даже вмѣняли вѣрующимъ въ обязанность убійство тирановъ, а отличительный признакъ тиранніи видѣли въ нарушеніи государемъ правъ народа: «истинный государь защищаетъ законы и народную свободу,—писалъ одинъ изъ епископовъ г. Шартра въ XII в.,—тиранъ попираетъ законы ногами и обращаетъ народъ въ своего раба. Первый есть образъ Божій, второй—воплощенный Люциферъ. Перваго надо любить; второго умертвить». Людвигъ Гумпловичъ, можетъ быть, не безъ основанія называетъ епископа, проповѣдывавшаго такой взглядъ (Іоанна Сольсберійскаго), первымъ представителемъ доктрины «пропаганды дѣйствіемъ» [2]).

Защитники папской власти доходили не только до теоріи договора между государемъ и его народомъ. Обращаясь къ исторіи, они видѣли, что государи сплошь и рядомъ присвоивали себѣ власть помимо какого бы то ни было договора. Изъ этого они дѣлали выводъ весьма неблагопріятный для государей. Въ 1081 г. папа Григорій VII писалъ мецскому епископу: «кто не знаетъ, что свѣтскіе государи обязаны своею властью врагамъ Бога, которыми предводительствуетъ сатана и которые хотятъ господствовать надъ равными себѣ людьми посредствомъ высокомѣрія, грабежа, измѣны, предательскихъ убійствъ и всѣхъ другихъ преступленій?» Если Іоаннъ Сольсберійскій явился первымъ представителемъ доктрины «пропаганды дѣйствіемъ» [3]), то папу Григорія VII можно, пожалуй, назвать однимъ изъ первыхъ вкладчиковъ въ анархическую теорію «анти-этатизма» (противо-государственности).

Западо-европейскіе публицисты того времени,—какъ тѣ, которые стояли за папу, такъ и тѣ, которые защищали императора,—

[1]) См. «Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII» von Dr. Carl Mirbt, Leipzig. 1894, стр. 227—228.

[2]) См. его Geschichte der Staatstheorien. Innsbruck, 1905, стр. 98.

[3]) Первымъ—въ христіанскомъ мірѣ. Въ античномъ мірѣ теорія «пропаганды дѣйствіемъ» была довольно распространенной, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ памятникъ Гармодію и Аристогитону, красовавшійся на одной изъ площадей Аѳинъ.

принадлежали почти исключительно къ духовенству. Почти исключительно къ духовенству принадлежали тогда и тѣ читатели, которые интересовались теоретическими вопросами указаннаго рода [1]). Но столкновеніе было такъ сильно, что вызванная имъ работа мысли не могла не распространиться, по крайней мѣрѣ отчасти, и на другія сословія, тѣмъ болѣе, что воинствующая церковь очень охотно аппелировала къ народу. Такимъ образомъ, взаимная борьба свѣтской и духовной властей способствовала политическому воспитанію населенія.

То противорѣчіе, которое привело на Западѣ къ только что отмѣченной мною работѣ общественной мысли, существовало и въ Россіи. Здѣсь духовная власть тоже сталкивалась со свѣтской; но здѣсь столкновенія этого рода никогда не достигали значительной степени обостренія. Поэтому наши защитники церкви никогда не доходили до такихъ крайнихъ выводовъ, какъ западно-европейскіе, хотя,—необходимо теперь же отмѣтить это,—мысль ихъ начинала иногда работать въ томъ же самомъ направленіи.

Въ теченіе кіевскаго періода нашей исторіи глава русской церкви, митрополитъ, былъ независимъ отъ свѣтской власти князей. Онъ выбирался константинопольскимъ патріархомъ, къ которому и должна была обращаться свѣтская власть въ случаѣ какого-нибудь недовольства его ставленникомъ. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ справедливо замѣчаетъ, что въ то время «духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разъединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ» [2]). Такое соотношеніе силъ стало измѣняться въ противоположномъ смыслѣ съ тѣхъ поръ, какъ упрочилась власть московскихъ князей. Московскіе князья начали вмѣшиваться въ дѣла о поставленіи митрополита. Это не могло нравиться ни константинопольскому патріарху, ни русскому духовенству. Отстаиваніе правъ константинопольскаго патріарха явилось для этого послѣдняго едва ли не важнѣйшимъ средствомъ защиты своей независимости по отношенію къ свѣтской власти. «Чинъ избранія и поставленія въ епископы» требовалъ отъ новопоставленнаго слѣдующаго знаменательнаго обязательства: «не хотѣти ми примати иного митрополита, развѣе кого поставятъ изъ Царяграда, какъ есми то изначала пріяли». Но власть константинопольскаго патріарха была несрав-

---

[1]) Посвященные этимъ вопросамъ трактаты писались по-латыни. Знаніе же латинскаго языка было тогда почти исключительной принадлежностью духовнаго сословія. Ср. Мирбта, названное соч., стр. 121—130.

[2]) Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. II, стр. 52. Выше было уже указано мною, что татарское иго содѣйствовало укрѣпленію независимости духовной власти.

ненно слабѣе власти римскаго папы. Во-первыхъ, на православномъ Востокѣ, кромѣ царяградскаго, были еще и другіе патріархи, мало расположенные поддерживать его въ столкновеніяхъ съ московскими великими князьями. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ годахъ XV в., во время разрыва Москвы съ Константинополемъ, іерусалимскій патріархъ всецѣло былъ на сторонѣ московскаго князя [1]). Во-вторыхъ, принятіе константинопольскимъ патріархомъ флорентійской уніи сильно подорвало его авторитетъ въ Москвѣ. Наконецъ, константинопольскій патріархъ самъ зависѣлъ отъ византійскаго императора. Поэтому его власть надъ русской церковью равносильна была зависимости московскихъ великихъ князей отъ византійской свѣтской власти. Такая зависимость была не въ интересахъ московскихъ князей, и неудивительно, что они старались избавиться отъ нея. Съ тѣхъ поръ, какъ взятъ былъ турками Константинополь, о ней, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Тогда постановка вопроса значительно упростилась: тогда споръ свѣтской власти съ духовной сталъ домашнимъ споромъ московскихъ великихъ князей съ московскимъ духовенствомъ. Въ теоріи московское духовенство держалось того убѣжденія, что «ино есть власть церковная, святительская, ино есть власть царская, земная» [2]). Но эта теорія такъ неопредѣленна, что допускаетъ самыя различныя толкованія. Вполнѣ признавая, что власть «святительская» представляетъ собою нѣчто совершенно иное, чѣмъ власть «земная», позволительно все таки спросить себя: какая же изъ нихъ выше? На Западѣ соотношеніе общественныхъ силъ въ теченіе долгаго времени рѣшало этотъ послѣдній вопросъ въ пользу «святительской» власти; на Руси,—т.-е. опять-таки собственно въ Московскомъ государствѣ,—ходъ общественнаго развитія рѣшалъ его, наоборотъ, въ пользу власти земной—сначала великокняжеской, потомъ царской.

Тамъ, гдѣ всѣ общественныя силы страны были закрѣпощены государствомъ, духовная власть не могла остаться независимой отъ свѣтской. И мы видимъ, что сама духовная власть готова поставить свѣтскую на недосягаемую высоту. Знаменитый Іосифъ Волоцкой утверждалъ въ своемъ «Просвѣтителѣ», что царь «естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» [3]). Это—чисто восточный взглядъ на царя. Въ древнемъ Египтѣ фараонъ до такой степени превосходилъ, по словамъ Мас-

---

[1]) См. М. А. Дьяконова, „Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній“, „Сб. Историч. общ. при С.-Петербургскомъ университетѣ“, т. III, стр. 84.

[2]) Дьяконовъ, тамъ же, стр. 88.

[3]) См. М. А. Дьяконова, „Власть московскихъ государей—очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до конца XVI в.», Спб. 1889 г., стр. 99.

пэро, все его окружавшее, что возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на человѣка или же, какъ на Бога. «И его подданные въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на него, какъ на Бога: они называли его добрымъ богомъ, великимъ богомъ» [1]). Конечно, тутъ есть и разница. Московскій глава свѣтской власти по «естеству» продолжаетъ считаться человѣкомъ. Кромѣ того, онъ не «служитъ» въ храмѣ, какъ это дѣлалъ египетскій фараонъ. Но, какъ правитель, онъ обоготворяется подобно фараону. А это въ данномъ случаѣ главное [2]).

М. А. Дьяконовъ давно уже указалъ на то, что подчиненіе духовной власти свѣтской обусловливалось у насъ, главнымъ образомъ, экономической зависимостью церковной іерархіи отъ государства [3]). Церковь была крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ въ Московской Руси. Но мы уже знаемъ, что крупное землевладѣніе совсѣмъ не отличалось у насъ такой независимостью по отношенію къ царской власти, какую мы видимъ на Западѣ. Болѣе того: намъ уже извѣстно, что верховной власти удалось у насъ наложить свою тяжелую руку, между прочимъ, и на крупное землевладѣніе. Церковь не составила въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила. Свѣтская власть пошла такъ далеко, что уже при Иванѣ III стала задумываться надъ тѣмъ, могутъ ли монастыри владѣть землями, т.-е. надъ вопросомъ объ экспропріаціи церковныхъ земель. Споръ, вызванный этимъ вопросомъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ въ исторіи общественной мысли допетровской Руси.

Читатель помнитъ, что, по мнѣнію одного изъ епископовъ г. Шартра, истинный государь защищаетъ законы и народную свободу, между тѣмъ какъ тиранъ попираетъ законы и порабощаетъ свой народъ. Опираясь на это различіе истиннаго государя отъ тирана, этотъ епископъ приходилъ къ тому выводу, что христіане обязаны повиноваться только первому, а второму должны сопротивляться всѣми мѣрами до тираноубійства включительно. Византійскіе духовные писатели, имѣвшіе такое огромное вліяніе на рус-

---

[1]) Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, Paris, 1895, т. I. стр. 258. Сравни также стр. 263.

[2]) Тутъ можно еще замѣтить, что и на Востокѣ обоготвореніе монарховъ не всегда было такъ полно, какъ въ Египтѣ. По словамъ Маспэро, халдейскіе короли были въ этомъ отношеніи значительно скромнѣе современныхъ имъ фараоновъ: «Они довольствовались среднимъ мѣстомъ между своими подданными и божествомъ» (тамъ же, т. I, стр. 703). Mutatis mutandis, на подобное среднее мѣсто между богомъ и подданными предъявляли претензіи и московскіе самодержцы.

[3]) «Власть московскихъ государей», стр. 114.

скихъ, тоже умѣли различать хорошихъ правителей отъ дурныхъ. Но это различіе приводило ихъ совсѣмъ не къ тѣмъ выводамъ, къ какимъ пришелъ епископъ шартрскій. Въ Изборникѣ Святослава помѣщенъ вопросъ Анастасія Синаита: «да едва убо всякъ царь и князь отъ Бога поставляется?» Этотъ вопросъ разрѣшается въ такомъ смыслѣ: «ови князи и царіе достойни, таковые чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоинству людямъ, тѣхъ недостоинство по Божію попущенію или хотѣнію поставляются... разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ мучителемъ предаемся» [1]). Если мучители поставляются Богомъ за наше беззаконіе, то ясно, что намъ слѣдуетъ возставать не противъ нихъ, а противъ самихъ себя, противъ своихъ собственныхъ грѣховныхъ побужденій, т-е. отвѣчать на угнетеніе покаяніемъ, постомъ и молитвою. Это—крайнее развитіе византійскаго взгляда; дальше этого смиреніе итти не можетъ. При такомъ смиренномъ отношеніи къ правителямъ нѣтъ мѣста для развитія общественной мысли, а есть мѣсто лишь для духовныхъ упражненій. Но безусловнаго смиренія не бываетъ. Не было безусловнымъ и смиреніе русскихъ духовныхъ іерарховъ [2]). Когда возникъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, московское духовенство стало въ оппозицію къ свѣтской власти. И тогда его теоретики не могли ограничиться разсужденіями о постѣ и молитвѣ. Неизвѣстный авторъ статьи «О свободѣ святыя церкви» слѣдующимъ образомъ разграничиваетъ взаимныя обязанности свѣтской и духовной властей: церковный пастырь долженъ молиться за своего временнаго господина; «господинъ же пастыря своего съ вещьми церковными (sic!) защищати долженъ есть». Вообще временный господинъ долженъ подчиняться духовной власти и не уклоняться «на десно или на шую» отъ заповѣдей пастыря своего. Съ своей стороны пастырь долженъ защищать права церкви «храбрѣ даже до своего кровопролитія, т.-е. рискуя своей жизнью» [3]). Это ужъ далеко не такъ смиренно, такъ отвѣты Анастасія Синаита.

Въ Новгородѣ, духовенство котораго дважды вынуждено было,

---

[1]) М. А. Дьяконовъ, «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», Спб. 1908, стр. 400. У г. Дьяконова рѣчь идетъ объ изборникѣ 1073 г.

[2]) Оно не было таковымъ, между прочимъ, и въ Византіи. При случаѣ византійское духовенство умѣло оказать свѣтской власти довольно дѣятельное сопротивленіе, какъ это показываетъ исторія иконоборства. Но, говоря вообще, духовная власть была сильно подчинена въ Византіи свѣтской власти, и это обстоятельство наложило свой глубокій слѣдъ на тѣ общественныя теоріи, которыя пришли къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанскимъ духовенствомъ.

[3]) В. Жмакинъ «Митр. Даніилъ», стр. 94, примѣч. 2-е Цитировано у Дьяконова, «Власть московскихъ государей», стр. 127.

какъ извѣстно, уступить значительную часть своихъ земель московскому великому князю Ивану III, включено было въ «чинъ Православія» слѣдующее проклятіе: «вси начальствующіи и обидящіи святыя божія церкви и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и виноградy, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты». Это проклятіе повторялось, повидимому, и въ другихъ епархіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ [1]).

Въ высшей степени замѣчательно, что споръ о церковныхъ имуществахъ побудилъ русскихъ духовныхъ писателей обратиться къ латинскимъ источникамъ и заимствовать изъ нихъ теорію двухъ мечей: вещественнаго и духовнаго. Эта теорія развивается въ «Словѣ краткомъ противу тѣхъ, иже въ вещи священные подвижные и неподвижные соборные церкви вступаются и отъимати противу спасенія души своея дерзаютъ, заповѣди божіи и церковные презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди божіи пріобидяще». По мнѣнію автора этого слова, пастыри церкви должны прежде всего дѣйствовать духовнымъ мечомъ «даже и до своего кровопролитія», а также и до преданія противниковъ анаѳемѣ. Однако, на этомъ имъ не слѣдуетъ останавливаться. Если «непослушни не сотворятъ повелѣнія и сопротивни пребудутъ, не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити», тогда помощью «плечій мирскихъ дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ на отвращеніе силы сопротивныхъ». Въ доказательство авторъ ссылается на общее отношеніе духовной власти къ свѣтской. Свѣтская власть ниже духовной, и эта послѣдняя не должна уступать ей при ея посягательствахъ. «Понеже по апостольскому ученію паче подобаетъ повиноваться Богу, нежели человѣкомъ. Мірстіи бо властели человѣцы суть: тѣло отъяти могутъ, души же ни» [2]).

---

[1]) Въ московской Типографской библіотекѣ есть рукописный синодикъ, по которому совершался чинъ православія *въ Ростовѣ въ 1642 году*, и въ которомъ противъ анаѳемы «на обидящихъ святыя Божіи церкви и монастыри» сдѣлана замѣтка для протодьякона: «возгласи вельми!» (А. Павловъ, „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», часть I, Одесса 1871 г., стр. 51).

[2]) Дьяконовъ, тамъ же, стр. 127. Сравни его же «Очерки общественнаго государственнаго строя древней Руси", стр. 417. Впрочемъ, надо замѣтить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, авторъ «Слова» былъ западно-руссомъ. Мнѣніе это подтверждается указаніемъ на его хорошее знакомство съ католической каноникой. Но, какъ замѣтилъ А. Павловъ, и въ московскомъ государствѣ,—въ. Новогородѣ,—были люди, знавшіе латинскій языкъ и католическое богословіе. А. Павловъ склонялся къ тому предположенію, что слово написано было, именно, въ Новгородѣ (см. названное сочиненіе, стр. 62—63, примѣчаніе).

Даже Іосифъ Волоцкой, готовый обожествлять верховнаго представителя свѣтской власти, поспѣшилъ, по выраженію М. А. Дьяконова, внести къ своему ученію революціонную поправку относительно царя, надъ которымъ царствуютъ скверныя страсти и грѣхи, лукавство и неправда, гордость и ярость, невѣріе и хула. Такой царь, училъ благочестивый Іосифъ, не только не Богъ, а даже «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель». Іосифъ совѣтуетъ не повиноваться такому царю: «и ты убо такого царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ аще смертію претитъ» [1]). Конечно, поправку эту можно признать революціонной лишь съ большой оговоркой: у нашего автора рѣчь идетъ только о пассивномъ сопротивленіи «мучителю»; мы ни слова не слышимъ отъ него о томъ активномъ сопротивленіи недостойному государю, о которомъ такъ горячо распространялись на Западѣ еще Григорій VII и его сторонники. Но какъ бы тамъ ни было, это опять уже не только постъ и не только молитва. Мы видимъ, что наша церковь тоже не была безусловной сторонницей покорности свѣтской власти. Ея теоретики проповѣдывали покорность только тогда, когда считали ее согласной съ интересами своего сословія. А когда этимъ интересамъ грозила опасность со стороны свѣтской власти, они замѣняли проповѣдь покорности проповѣдью сопротивленія, хотя бы и пассивнаго. Говоря о соборѣ 1503 года,—на которомъ былъ поднятъ вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ,—одинъ изъ историковъ нашей церкви замѣчаетъ: «Если, можетъ быть, великій князь ожидалъ и разсчитывалъ, что архіереи выдадутъ монаховъ, то онъ совершенно ошибался. Архіереи были изъ тѣхъ же монаховъ и принимали къ сердцу интересы послѣднихъ, какъ свои собственные» [2]). Какъ выражается тотъ же историкъ, «у членовъ собора нашлось мужество съ рѣшительной твердостью возстать на защиту монастырскихъ имуществъ». Они сослались на то, что еще евреи приносили въ даръ Богу дома и нивы, и что «левиты еврейскіе имѣли города волости и селы, которые не могли быть продаваемы и отдаваемы и имѣли оставаться ихъ одержаніемъ вѣчнымъ». Кромѣ того, они привели длинный рядъ подобныхъ же примѣровъ изъ византійской и русской исторіи. Не довольствуясь этимъ, они сочли нужнымъ

---

[1]) Дьяконовъ, «Очерки», стр. 416. Іосифъ сдѣлалъ эту «революціонную» прибавку къ своему ученію не въ спорѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, а въ спорѣ о томъ, нужно или не нужно преслѣдовать ересь «жидовствующихъ». Но это тѣмъ менѣе измѣняетъ дѣло, что «жидовствующіе» тоже стояли за секуляризацію церковныхъ имуществъ, вслѣдствіе чего довольно долго пользовались весьма замѣтнымъ сочувствіемъ Ивана III.

[1]) Е. Голубинскій, «Исторія русской церкви», 1-я половина 2-го тома, Москва 1909, стр. 683.

указать даже на языческій Египетъ, гдѣ жрецы имѣли свои земли, неприкосновенныя для фараона [1]). Словомъ, духовные отцы пустили въ оборотъ весь запасъ своихъ историческихъ свѣдѣній и всѣ силы своей логики. Этотъ, какъ нельзя болѣе важный для нихъ, споръ направилъ ихъ мысль въ ту самую сторону, въ которую уже давно устремилась мысль римско-католическаго духовенства. Одинаковыя причины всегда порождаютъ одинаковыя слѣдствія. И если бы это столкновеніе духовной власти со свѣтской обострилось у насъ до такой степени, до какой обострялись подобныя столкновенія на Западѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что и наши духовные писатели не побоялись бы тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ которымъ приходили теоретики западнаго духовенства. Между этими писателями нашлись бы, какъ и на Западѣ, свои горячіе проповѣдники активнаго сопротивленія и даже свои «монархомахи». Очень возможно, что въ роли теоретическаго монархомаха не затруднился бы выступить самъ Іосифъ Волоцкой. Но для этого не было, да при указанныхъ московскихъ условіяхъ и не могло быть, достаточной общественной причины.

Споръ о монастырскихъ имѣніяхъ, толкнувшій мысль московскихъ духовныхъ публицистовъ въ ту самую сторону, въ которую такъ рано и такъ смѣло пошла мысль западныхъ духовныхъ монархомаховъ, очень скоро окончился мировой сдѣлкой. Иванъ III покинулъ мысль о секуляризаціи монастырскихъ имѣній и даже согласился на жестокое преслѣдованіе ненавистныхъ православному духовенству «жидовствующихъ», которыхъ онъ еще такъ недавно и такъ недвусмысленно поддерживалъ. А это, въ свою очередь, повело къ тому, что мысль духовныхъ писателей перестала развиваться въ оппозиціонномъ направленіи. Въ томъ, что М. А. Дьяконовъ назвалъ революціонной прибавкой къ ученію Іосифа Волоцкого о свѣтской власти, теперь уже не было никакой надобности, и потому о ней позабылъ самъ Іосифъ.

М. А. Дьяконовъ замѣчаетъ, что Волоцкой со своими учениками и послѣ уступки Ивана III старался «поставить авторитетъ священства выше авторитета государственной власти», такъ какъ не былъ увѣренъ въ ея стойкости [2]). Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Іосифъ вспомнилъ бы о своей «революціонной» прибавкѣ, а главное, вложилъ бы въ нее дѣйствительно революціонное содержаніе, если бы свѣтская власть рѣшилась отобрать монастырскія имущества. Но московскіе князья уже не повторяли своей попытки или, по крайней мѣрѣ, избѣгали дѣлать это

---

[1]) Голубинскій, тамъ же, примѣчаніе къ стр. 634.

[2]) «Власть московскихъ государей», стр. 129.

открыто. Имъ невыгодно было возстановлять противъ себя духовенство, такъ сильно содѣйствовавшее укрѣпленію и расширенію ихъ собственной власти. При томъ же не надо думать, что, отстоявъ свои недвижимыя имущества, духовная власть сдѣлалась независимой по отношенію къ свѣтской. Напротивъ, сохраненіе церковью своихъ имуществъ надолго сдѣлалось причиной новаго усиленія и упроченія зависимости «святительской» власти отъ земной. Опасеніе потерять эти имущества располагало «святителей» ко все большей и большей уступчивости. Церковь стала подчиняться государству даже въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь шла о важнѣйшихъ вопросахъ церковной организаціи. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ отмѣчаетъ тотъ, дѣйствительно, весьма знаменательный фактъ, что, когда Ѳедоръ Ивановичъ вздумалъ учредить у насъ патріаршество, то онъ, по свидѣтельству статейнаго списка, «помысля со своею благовѣрною христолюбивою царицею Ириною», обратился за совѣтомъ къ боярамъ и, когда они одобрили его мысль, поручилъ Борису Годунову вступить въ переговоры съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ. «На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе цѣлаго собора іерарховъ, нѣтъ и намека», говоритъ г. Каптеревъ. «Очевидно, участіе духовныхъ властей въ обсужденіи вопроса объ учрежденіи у насъ патріаршества считалось пока совершенно излишнимъ» [1]).

Легко представить себѣ поэтому, каково могло быть значеніе патріарха въ общественной жизни московскаго государства. Поставленный по замыслу свѣтской власти, онъ былъ силенъ и вліятеленъ только до тѣхъ поръ, пока ей подчинялся. Это убѣдительно показываетъ судьба Никона.

По словамъ Н. Ѳ. Каптерева, еще нѣкоторые современники пресловутаго патріарха высказывали ту догадку, что онъ «и самаго патріаршества былъ лишенъ въ дѣйствительности вовсе не за церковь или за что-либо духовное, а за землю и за вотчины, которыя онъ такъ неразборчиво пріобрѣталъ. Выходило, по ихъ представленію, что корыстолюбивая политика Никона грозила въ дальнѣйшемъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ патріаршихъ владѣній, и по этой только причинѣ его непремѣнно надо было удалить съ патріаршей каѳедры» [2]). Проф. Каптеревъ полагаетъ, что такой взглядъ современниковъ на дѣло Никона имѣлъ серьезное основаніе въ дѣйствительности.

Въ томъ-то и дѣло, что уступка, на которую пошелъ Иванъ III

[1]) «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», томъ II, стр. 57. Впрочемъ, проф. Каптеревъ могъ бы замѣтить, что еще гораздо раньше починъ протеста противъ флорентійской уніи взяла на себя не духовная власть, а свѣтская.

[2]) Тамъ же, стр. 167.

въ вопросѣ о монастырскихъ земляхъ, не была такъ велика, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Правда, земли остались въ рукахъ духовенства; но московское правительство приняло всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы подчинить распоряженіе ими своему контролю. Извѣстно, что почти все архіерейское управленіе находилось въ рукахъ не духовныхъ, а свѣтскихъ лицъ: архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, на разсмотрѣніе которыхъ нерѣдко поступали даже собственно духовныя дѣла. И вотъ этихъ-то лицъ московское правительство постаралось подчинить своей власти. Согласно постановленію Стоглаваго собора, архіереи не имѣли права назначать и увольнять безъ согласія царя своихъ свѣтскихъ чиновниковъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ проф. Каптеревъ,—въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея, а также и патріарха, необходимо было подчинено очень чувствительному и стѣснительному... контролю свѣтской власти» [1]). Само собою понятно, что этимъ раздражалось духовенство. Уже до Никона мы встрѣчаемъ владыкъ, склонныхъ «къ возгорженію на царскую державу». Однимъ изъ такихъ владыкъ былъ новгородскій митрополитъ Кипріанъ, который занималъ въ Новгородѣ каѳедру за 16 лѣтъ до Никона и былъ какъ бы его «прямымъ предшественникомъ». Свѣтская власть была очень недовольна «неправдами и непригожими рѣчами Кипріана» [2]), имѣвшими самое непосредственное отношеніе къ только что указанному, весьма стѣснительному для духовныхъ владыкъ, контролю свѣтской власти. Противъ того же контроля ополчился и патріархъ Никонъ.

«И егда повелитъ царь быти собору,—жаловался онъ,—тогда бываетъ; и кого велитъ избрати и поставити архіереевъ,—избираютъ и поставляютъ; и кого велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ. И вся елика суть во епархіи патріаршаго имѣнія, царское величество на свои протори емлетъ, и гдѣ велитъ, даютъ безчинно. Сице и отъ митрополичихъ епархій, и отъ архіепископлихъ и епископлихъ, и честныхъ и великихъ монастырей имѣнія, по повелѣнію его, емлютъ, и людей на службу, и хлѣбъ и деньги повелѣніемъ своимъ велитъ взять и возмутъ немилостиво и дани тяжки. И еще весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и нѣчто бываетъ на пользу» [3]).

Противорѣчіе ведетъ впередъ. Никонъ вовсе не склоненъ былъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 73.

[2]) Н. Ѳ. Каптеревъ, такъ же, стр. 214.

[3]) Тамъ же, стр. 193.

Патріархъ Никонъ.

думать объ интересахъ народа. Но разъ вступивъ въ борьбу со свѣтской властью, стѣснявшей духовенство, онъ вспомнилъ и объ этихъ интересахъ. Онъ утверждалъ, что отъ неправды и насилій царя плачетъ не только «мати его святая великая соборная церковь», но и весь православный народъ: «Государь царь за едино слово, аще кто о правдѣ молвитъ, языки рѣжетъ, и руки и ноги отсѣкаетъ, въ заточеніе невозвратное посылаетъ, забывъ смертный часъ, аки безсмертенъ и не чая будущаго суда Божія». Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Никонъ характеризуетъ дѣятельность царя слѣдующими сильными выраженіями: «И весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и ничто бываетъ въ пользу». Въ письмѣ къ самому царю Никонъ доходитъ до ѣдкаго сарказма: «Ты всѣмъ проповѣдуешь постити,—пишетъ онъ,—а нынѣ и невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся и ѣсть нечего: и нѣсть, кто бы помилованъ былъ, но отъ начала царствія твоего вси купно отписаны давидскимъ беззаконнымъ отписаніемъ: нищіе и маломощные, слѣпые, хромые, вдовицы и черницы, и всѣ данми обложены тяжкими и неудобъ искусными,—вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, и нѣсть никого веселящася во днехъ сихъ» [1]).

Всѣ эти жалобы и упреки Никона были совершенно основательны. Какъ мало церемонился «тишайшій» царь со своими «богомольцами», показываетъ, между прочимъ, слѣдующій трагикомическій эпизодъ съ казначеемъ монастыря преп. Саввы Сторожевскаго Никитой. Почтенный клирикъ сильно запилъ и въ пьяномъ видѣ сталъ вести себя не совсѣмъ благообразно. Тогда Алексѣй Михайловичъ приказалъ держать его въ кельѣ подъ арестомъ, а для вѣрности поставить къ дверямъ его кельи стрѣльцовъ. Никита обидѣлся этимъ и написалъ кому-то, что царь его обезчестилъ. Слухъ о письмѣ дошелъ до Алексѣя Михайловича, который, съ своей стороны, отправилъ грозное посланіе бѣдному Никитѣ. «Да ты жь, сатанинъ угодникъ,—гремѣлъ онъ въ своемъ письмѣ,—пишешь къ друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражье, что стрѣльцы у твоей кельи стоятъ. И дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ. Лутче тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу, которой владыко тѣмъ же путемъ ходитъ, что и ты, окаянный». Проф. Каптеревъ совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Очевидно, Алексѣй Михайловичъ приказывалъ, какъ обычное дѣло, выдерживать подъ арестомъ и

[1]) Тамъ же, стр. 196.

самихъ митрополитовъ, если который владыка начиналъ вести себя такъ же неблаговидно, какъ и саввинскій казначей Никита» [1]). Алексѣй Михайловичъ считалъ обычнымъ дѣломъ не только сажаніе подъ арестъ зашибавшихъ хмѣлемъ прелатовъ. Никонъ сообщаетъ: «А келейную-де его рухлядь всю, по указу великаго государя, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи перебирали, и пересматривали, и переписывали и исъ той ево келейные рухледи лутчее все изволилъ великій государь взять на себя, государя». Это было совершенно въ духѣ московскаго и вообще восточнаго деспотизма: подданный, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на общественной лѣстницѣ, владѣлъ своею «рухлядью» лишь до тѣхъ поръ, пока это было угодно земному богу—государю.

Недовольный зависимымъ положеніемъ церкви, энергичный Никонъ выдвинулъ ту самую теорію, на которую опирались папы въ своей борьбѣ со свѣтской властью. Онъ утверждалъ, что «власти небесныя, сиречь духовныя, преизряднѣйше суть, нежели міра сего или временныя», и что поэтому «царь имать быти менѣе архіерея» [2]). Цари не должны были, по его мнѣнію, «прикасатися намъ, помазанникомъ Божіимъ, судомъ и управою чрезъ каноны» [3]). Но если римскіе папы могли въ подтвержденіе этой теоріи выставить дѣйствительную,—и сравнительно очень большую,—общественную силу, то Никонъ въ состояніи былъ подкрѣпить ее только ссылками на апостоловъ и на святого духа. Этого было слишкомъ мало. Однако, разъ возникшій споръ надо было кончить, и свѣтская власть была по своему вполнѣ права, добиваясь его рѣшенія въ свою пользу.

Проф. Каптеревъ превосходно говоритъ: «Напрасно думаютъ нежеланіе царя возстановить Никона на патріаршей каѳедрѣ объяснить только происками и интригами враговъ Никона, ненавистью къ нему бояръ и вообще лицъ, чѣмъ-либо имъ оскорбленныхъ—въ дѣйствительности причина паденія и окончательнаго осужденія Никона лежала глубже: она заключалась въ тѣхъ воззрѣніяхъ Никона на относительное достоинство священства и царства, какія онъ такъ откровенно рѣзко высказалъ послѣ удаленія съ патріаршей каѳедры. Конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформа-

---

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ, тамъ же, стр. 74.
[2]) Н. Ѳ. Каптеревъ, тамъ же, стр. 129.
[3]) Тамъ же, стр. 130.

торской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ или другія лица» [1]).

Но кто же могъ осудить Никона? Только церковный соборъ. Было ли въ интересахъ духовенства безусловное осужденіе человѣка, главная вина котораго заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ поставить духовную власть выше свѣтской? При всей своей угодливости по отношенію къ свѣтской власти русское духовенство должно было сознавать, что это вовсе не въ его интересахъ. Опасаясь его оппозиціи, «тишайшій» царь обратился къ восточнымъ патріархамъ, на которыхъ онъ могъ вполнѣ разсчитывать, такъ какъ они не переставали докучать ему самыми назойливыми и подчасъ поистинѣ безстыдными просьбами о «милостынѣ». Алексѣй Михайловичъ легко могъ сообразить и то, что интересы греческаго духовенства совсѣмъ не затрагивались стѣсненіемъ правъ духовной власти въ предѣлахъ Московскаго государства. Греки не обманули его ожиданій. На соборѣ 1667 г. они всѣми силами поддерживали царскія притязанія. Если бы исходъ преній на соборѣ зависѣлъ только отъ нихъ, то духовная власть Московскаго государства не только на практикѣ, но и въ теоріи была бы совершенно подчинена свѣтской. Этому отчасти помѣшала оппозиція со стороны русскаго духовенства. Деспотическій и несдержанный Никонъ былъ очень нелюбимъ своими подчиненными. Присутствовавшіе на соборѣ 1667 г. русскіе духовные владыки ровно ничего не имѣли противъ его низложенія. Тутъ они были цѣликомъ согласны съ царемъ и съ греками. Но ихъ настроеніе рѣзко измѣнилось, когда рѣчь зашла о взаимномъ отношеніи двухъ властей. Тогда русскіе владыки если не совершенно перешли на сторону Никона, то все-таки отказались согласиться съ греческими бродягами,—какъ называлъ ихъ подсудимый патріархъ,—головой выдававшими царю московское духовенство. Интересенъ дипломатическій доводъ, выдвинутый ими противъ грековъ. Мы уже знаемъ, что Никонъ ѣдко обвинялъ царя въ жестокомъ угнетеніи церкви. Его бывшіе подчиненные, оспаривавшіе ученіе греческихъ іерарховъ о подчиненіи царю духовной власти, выражались мягче и дипломатичнѣе. Они говорили грекамъ, что если бы въ Московскомъ государствѣ всегда были такіе добрые люди, какъ Алексѣй Михайловичъ, то церковь не пострадала бы отъ своего подчиненія имъ. Но со временемъ могутъ явиться менѣе благодушные государи, и тогда церкви придется плохо. Въ отвѣтъ на это греческіе «бродяги»,—устами хитрѣйшаго Паисія Лигарида,—лицемѣрно выразили почтительное убѣжденіе въ томъ, что у такого добраго царя, какъ Алексѣй Михайловичъ, не

---

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ, тамъ же, стр. 206—207.

можетъ быть злыхъ наслѣдниковъ, и что поэтому теорія, подчиняющая духовную власть свѣтской, никогда не принесетъ вреда русской церкви [1]). Само собою понятно, что этотъ лицемѣрно и нелѣпо оптимистическій доводъ не могъ успокоить русскихъ архіереевъ; но силъ за ними не было, ихъ положеніе на соборѣ становилось затруднительнымъ, и они, вѣроятно, съ облегченіемъ вздохнули, когда греки согласились на сдѣлку, состоявшую въ признаніи теоріи «двухъ свѣтильниковъ». Какъ въ природѣ есть два свѣтильника, одинъ изъ которыхъ свѣтитъ только днемъ, а другой только ночью, такъ и въ государствѣ должно быть двѣ власти, одна, завѣдующая духовными дѣлами, а другая—свѣтскими. Ни одна власть не должна вмѣшиваться въ дѣла, подчиненныя другой. Собственно говоря, такая теорія ровно ничего не рѣшала по своей крайней растяжимости [2]). Но для слабой стороны всегда гораздо выгоднѣе оставить спорный вопросъ неразрѣшеннымъ, чѣмъ согласиться на категорическое рѣшеніе его въ пользу сильнаго противника. Кромѣ того, московское правительство, которому съ тылу угрожалъ расколъ, вызванный вполнѣ одобренными имъ церковными «новшествами» Никона, въ свою очередь, не могло не пойти на нѣкоторыя уступки въ области практики. Такъ, напримѣръ, уничтоженъ былъ, хотя и не такъ скоро послѣ собора, ненавистный

---

[1]) Во 2-мъ томѣ своего интереснаго сочиненія проф. Каптеревъ даетъ, можно сказать, всестороннюю характеристику Паисія Лигарида. Оказывается, что этотъ свѣтильникъ церкви былъ не только маклеромъ и обманщикомъ (см. стр. 269, 271, 272 и 273 2-го тома), но считался «латынщикомъ» и былъ одно время отлученъ отъ церкви и даже проклятъ іерусалимскимъ патріархомъ. Предусмотрительный Алексѣй Михайловичъ настойчиво хлопоталъ о снятіи съ Паисія Лигарида отлученія и проклятія и о возстановленіи его въ правахъ газскаго митрополита. Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Москва заплатила іерусалимскому патріарху за прощеніе Паисія больше тысячи рублей, что по тому времени составляло довольно крупную сумму (стр. 509, 511, 517 того же тома). Для характеристики Лигарида имѣетъ также большое значеніе стр. 517 того же тома названнаго сочиненія.

[2]) Теоріи двухъ свѣтильниковъ держались и теоретики римско-католическаго духовенства. Но у нихъ она получила совершенно другой смыслъ, несомнѣнно, болѣе сообразный съ требованіемъ логики. Одинъ изъ двухъ существующихъ въ природѣ свѣтильниковъ заимствуетъ свой свѣтъ отъ другого. Какая же власть должна играть роль луны: свѣтская, или духовная? Въ этомъ былъ весь вопросъ. Средневѣковые теоретики западно-европейскаго духовенства смѣло подходили къ нему и, не колеблясь, рѣшали его въ пользу духовной власти. А теоретики восточнаго духовенства, участвовавшіе на московскомъ соборѣ 1667 г. и тоже выдвинувшіе теорію двухъ свѣтильниковъ, не имѣли мужества коснуться того, что составляло ея сущность. Они придали ей логически неправильное толкованіе, и единственно поэтому могли воспользоваться ею для компромисса. Никакая общественная теорія нигдѣ не развивается сама изъ себя, своею внутреннею силой: вездѣ и всегда развитіе всякой данной общественной теоріи опредѣляется соотношеніемъ общественныхъ силъ.

Никону монастырскій приказъ, сильно стѣснявшій духовенство въ распоряженіи его имуществомъ и дѣлами. Но эта практическая уступка тоже не имѣла существеннаго значенія, потому что значительная часть дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію монастырскаго приказа, перешла въ приказъ Большого Дворца.

Свѣтская власть все-таки не забыла своего столкновенія съ патріархомъ Никономъ. Недодѣланное Алексѣемъ Михайловичемъ, было додѣлано Петромъ Алексѣевичемъ, который, какъ извѣстно, совсѣмъ упразднилъ въ Россіи званіе патріарха. Съ учрежденіемъ синода ни о какихъ столкновеніяхъ свѣтской власти съ духовной не могло быть у насъ и рѣчи. Съ этихъ поръ склоннымъ къ теоретическимъ упражненіямъ церковнымъ іерархамъ оставалось лишь доказывать «правду воли монаршей». Сомнѣваться въ этой правдѣ имъ рѣдко приходило въ голову. А если когда и приходило, то они все таки предпочитали благоразумное молчаніе [1]). Нечего и говорить, что съ тѣхъ поръ никто изъ нихъ ни разу не рѣшился поставить свѣтской власти на видъ,—какъ это сдѣлалъ когда-то ехидный Никонъ,—до какой степени излишне рекомендовать постъ народу, уже и безъ того осужденному ею на безпрерывное недоѣданіе. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи я могу не заниматься вопросомъ объ отношеніи русской духовной власти къ свѣтской, такъ какъ оно уже не давало ровно никакого матеріала для послѣдующаго развитія русской общественной мысли.

---

[1]) Извѣстно, что «мѣстоблюститель патріаршаго престола» Стефанъ Яворскій не одобрялъ реформъ Петра и даже позволялъ себѣ иногда въ своихъ проповѣдяхъ кое-какія выходки противъ нихъ. Но какъ легко было Петру привести его въ трепетъ, показываетъ извѣстное дѣло «еретика» Тверитинова. Стефанъ Яворскій повелъ себя въ этомъ дѣлѣ несогласно съ царской волей; Петръ разсердился, и на-смерть испугавшійся мѣстоблюститель извинялся передъ нимъ въ такихъ выраженіяхъ: «Великодержавнѣйшій царь, государь премилостивѣйшій! Въ настоящее время великострастнаго пятка, егда Христосъ на крестѣ гласитъ кличемъ веліимъ: отче! отпусти имъ,—желаю себѣ и азъ подражати Христу. Сего ради къ вашему царскому величеству, аки къ общему всѣхъ насъ отцу, припадая, вопію: отче! отпусти. Тамо Христосъ гласитъ: не вѣдятъ бо что творятъ, не вѣдяхъ и азъ, яко то дѣло, еже сотворихъ, неугодно имѣло быти предъ вашимъ царскимъ величествомъ. Аще же въ невѣжествѣ согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостолъ глаголетъ: гонихъ, рече, по премногу церковь Божію, но сего ради помилованъ былъ яко въ невѣжествѣ сіе сотворихъ». См. соч. Тихонравова, т. II, «Русская литература XVII и XVIII вв.», Москва 1898, стр. 275. Униженнѣе выражаться невозможно. Униженнѣе, навѣрно, никогда не выражались и духовные іерархи «растлѣнной Византіи».

Глава II.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ боярствомъ.

Если первымъ крупнымъ побужденіемъ къ развитію общественной мысли въ средневѣковой Европѣ послужила борьба свѣтской и духовной властей, то второй, гораздо болѣе крупный и несравненно болѣе плодотворный, толчокъ данъ былъ освободительнымъ движеніемъ третьяго сословія. Общественно-политическое вліяніе этого движенія было такъ велико, что даже развитіе абсолютной монархіи въ передовыхъ странахъ европейскаго материка можетъ быть разсматриваемо лишь какъ одинъ изъ его эпизодовъ. Для примѣра можно указать на Францію, бывшую нѣкогда классической страной феодализма. Борясь съ феодалами, французскіе короли опирались именно на третье сословіе, которому выгодно было усиливать монархическую власть на счетъ власти землевладѣльческой аристократіи. Я уже указалъ (см. Введеніе) на ту относительную,—однакоже, совсѣмъ немаловажную,—особенность русскаго историческаго процесса, которая вызвана была экономическою отсталостью Московской Руси и заключалась въ томъ, что русскіе монархи въ своей борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ опирались не столько на горожанъ, сколько на мелкое служилое сословіе, съ теченіемъ времени получившее названіе дворянства. Эта особенность, какъ и слѣдовало ожидать, отразилась также и на исторіи нашей общественной мысли. Во Франціи замѣчательнѣйшими публицистами, отстаивавшими права королевской власти, были идеологи третьяго сословія, къ числу которыхъ нельзя не отнести, между прочимъ, знаменитаго Жана Бодэна, называемаго предшественникомъ Монтескье. Въ допетровской Руси наиболѣе выдающимся теоретикомъ московскаго абсолютизма является человѣкъ, обѣими ногами стоявшій на точкѣ зрѣнія мелкаго служилаго сословія: старшій современникъ Жана Бодэна, царскій «холопъ Іванецъ Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ».

І. С. Пересвѣтовъ былъ родомъ изъ Литвы, откуда издавна приходило въ Москву много всякаго рода искателей счастья [1]). Положимъ, ему въ Москвѣ не повезло: хотя онъ и получилъ помѣстье, однако, оно скоро запустѣло. Но этотъ неудачникъ написалъ нѣсколько сочиненій, которыя заключали въ себѣ цѣлую программу внутренней и внѣшней политики, удивительнымъ образомъ совпадавшую съ важнѣйшими,—частью лишь значительно позже возникшими,—планами Ивана Грознаго.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Москву, нашему публицисту пришлось немало пострaнствовать. Онъ служилъ въ Молдавіи, въ Венгріи и въ Богеміи. Но интересно, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ апеллировалъ не къ Западу, а къ Востоку. Идеаломъ служилъ ему «турецкій царь Махметъ-салтанъ», который былъ, по его увѣренію, «филосоѳ мудрый по своим книгам по турецким», а потомъ прочелъ греческія книги, вслѣдствіе чего «великія мудрости прибыло у царя» [2]).

Пересвѣтовъ всей душой ненавидитъ «велможъ». Онъ неустанно повторяетъ, что отъ нихъ идетъ все зло въ государствѣ. Для доказательства этого положенія нашъ публицистъ написалъ даже особое «Сказаніе о царѣ Константинѣ». Герой этого сказанія—тотъ «благовѣрный царь Константинъ Ивановичъ», при которомъ «Царьград взят бысть от турецкаго царя Махмета». Въ Константинѣ была «ангельская сила», и онъ родился такимъ воиномъ, что отъ его меча «вся подсолнечная не могла сохранитися». Но его «укротѣли» вельможи, имѣвшіе на него самое вредное вліяніе и своими неправдами навлекшіе на Царьградъ неутолимый гнѣвъ Божій. Вотъ какъ вели себя гордые вельможи.

«Он (Константинъ. *Г. П.*), от своего отца, благовѣрнаго царя Іванна, остася млад царствовати, трех лѣт от роженія своего в Константинѣ-градѣ і на всемъ царствѣ греческаго закону христіянскія вѣры. Вельможи его до возрасту царева царствомъ его обладали і измытарили, і неправдами ісцѣпили і своими неправедными суды, і особную брань въ царствѣ томъ учинили; другъ ко другу сердца своего не могъ обратити въ добродѣтели, і сипѣли другъ на друга, яко змеи, і наполнили велможи его нечистымъ собраніемъ казны свои великимъ богатствомъ, і отъ бѣдъ, от слезъ і от кровей роду христіанского неправедными суды своими, емлючи посулы со обоихъ странъ, съ правого і съ вино-

---

[1]) Онъ пріѣхалъ въ концѣ 30-хъ годовъ XVI вѣка (см. изслѣдованіе В. Ѳ. Ржиги. «І. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в.», Москва 1908, стр. 13).

[1]) См. 71-ую стр. только-что названнаго изслѣдованія В. Ѳ. Ржиги. Въ приложеніи къ этому изслѣдованію, начиная съ 59-й стр., напечатаны собственныя сочиненія Пересвѣтова.

ватаго, і казны свои наполнили златом і сребромъ і многоцѣнным каменіемъ, нечистымъ своимъ собраніемъ» [1]).

Въ дѣйствительности, царь Константинъ XI, при которомъ взятъ былъ турками Константинополь, лишился отца 20-ти лѣтъ, а вступилъ на престолъ на 44-омъ году. Такимъ образомъ, Пересвѣтовское «сказаніе» о немъ противорѣчитъ исторической истинѣ. Мы не имѣемъ теперь никакой возможности рѣшить, зналъ или не зналъ Пересвѣтовъ, какъ обстояло дѣло съ дѣйствительнымъ Константиномъ. Но у насъ есть полная возможность рѣшить, подъ какимъ вліяніемъ онъ исказилъ,—умышленно или по незнанію, это въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно,—въ своемъ повѣствованіи историческую истину. Для этого достаточно вспомнить, что Иванъ IV потерялъ отца 3-хъ лѣтъ отъ роду, и сопоставить слѣдующія жалобы этого царя съ только что цитированными строками изъ «Сказанія» Пересвѣтова о Константинѣ.

«Тако же изволися судьбами Божіими быти, родительницѣ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ прейти отъ земного царствія на небесное,—говоритъ Иванъ,—намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ сиротствующимъ отставъ родителей своихъ, ни откуду промышленія уповающе, и на пресвятыя Богородицы милость и всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія добротнаго не сподобиша, сами же премѣсишася богатству, и славѣ, и тако скачаша другъ на друга» и т. д. [2]).

Тутъ поразительное сходство: «Сказаніе» Пересвѣтова, написанное лѣтъ за 16—17 до начала полемики Ивана съ Курбскимъ [3]), цѣликомъ предвосхищаетъ жалобы Грознаго. Это значитъ, что Пересвѣтовъ отнесъ на счетъ византійскихъ «велможъ» начала XV вѣка все слышанное имъ о дѣтствѣ Ивана IV въ томъ кругу московскаго служилаго сословія XVI вѣка, который былъ враждебенъ боярству. А это даетъ намъ право думать, что настроеніе того же круга служилаго сословія отразилось и на другихъ повѣствованіяхъ и обличительныхъ произведеніяхъ Пересвѣтова.

По его словамъ, византійскіе «велможи», грабя народъ и наполняя свои казны великимъ богатствомъ, со страхомъ помышляли

---

[1]) Тамъ же, стр. 70.

[2]) «Сказанія князя Курбскаго, изд. 3-е, Н. Устрялова, Спб. 1868 г., стр. 158.

[3]) Г. Ржига думаетъ, что сказаніе Пересвѣтова о царѣ Константинѣ написано въ 1546 или въ 1547 г. (Назв. сочин., стр. 19).

о томъ времени, когда молодой царь придетъ въ возрастъ и покажетъ свои необыкновенныя воинскія способности. Чтобы не лишиться «своего упокою», они придумали написать «от Бога с великою клятвою» книги, въ которыхъ доказывалось, что христіанскому государю позволительно вести только оборонительныя, а не наступательныя войны. Константинъ прочелъ эти книги и оставилъ свои прежніе воинственные замыслы («да и укротѣл»). А когда онъ «укротѣлъ», то Махметъ-салтану, пришедшему подъ Царьградъ съ великою силою по суху и по морю, легко было справиться съ нимъ.

Пересвѣтовъ такъ выражаетъ главную мысль своего сказанія: «богатый николи же воинствы не думаетъ, мыслитъ о смиреніи і о кротости. Царь кротокъ і смирен на царствѣ своемъ, і царство его оскудѣетъ, і слава его низится. Царь на царствѣ грозенъ і мудръ, царство его ширѣетъ, і имя его славно по всѣм землям.— А греки благовѣрнаго царя Константина укротили отъ ереси своея, і они царство потеряли» [1]).

Константинъ палъ и погубилъ свое государство, благодаря тому, что довѣрился «велможамъ». Его побѣдитель, Махметъ-салтанъ, умѣлъ крѣпко держать въ своихъ рукахъ турецкихъ «велможъ». Онъ никому изъ нихъ ни въ которомъ градѣ не далъ намѣстничества, чтобы «не прелщалися неправдою судити»; съ тѣми же судьями, которые были назначены имъ по городамъ, онъ расправлялся подчасъ съ утонченною жестокостью. «Да по малѣ времени обыскалъ царь судей своихъ, какъ они судятъ, і на нихъ довели пред царемъ злоемство, что они по посуламъ судятъ. І царь имъ вины в том не учинил, только ихъ велѣлъ живых одрати да рек такъ: есть ли онѣ обростутъ тѣломъ опять, іно имъ вина отдается. І кожи ихъ велѣл продѣлати, і велѣл бумаги набити, і в судебняхъ велѣл желѣзнымъ гвоздіемъ прибити, і написати велѣл на кожахъ ихъ: Без таковыя грозы правды въ царство не мочно ввести. Правда ввести царю въ царство свое, іно любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Какъ конь под царемъ безъ узды, такъ царство без грозы» [2]). Пересвѣтовъ вполнѣ одобряетъ эту жестокость своего героя. Онъ говоритъ, что ею Магометъ «правый судъ въ царство свое ввелъ, а ложь вывелъ» [3]). Жестокость необходима, по его мнѣнію, «чтобы люди не слабѣли ни в чемъ і Бога не гнѣвили». Это мнѣніе Пересвѣтова о пользѣ жестокости для блага всей страны было высказано значительно

---

[1]) Тамъ же, стр. 70—71.
[2]) Тамъ же, стр. 72.
[3]) Тамъ же, стр. 73.

раньше, чѣмъ Иванъ IV сдѣлался грозой своихъ бояръ. Отсюда мы видимъ, что его терроръ былъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, въ духѣ своего времени, т.-е. что онъ соотвѣтствовалъ взглядамъ, нравамъ и требованіямъ нѣкоторой и при томъ, по своему, вліятельной части тогдашняго населенія московскаго государства.

«Великая гроза царева» распространена была Махметъ-салтаномъ, между прочимъ, и на войско. Но это не помѣшало ему любить своихъ воинниковъ: онъ «умножилъ сердце свое к войску своему і возвеселил вся войска своя» [1]). «Воинники» несли тяжелую службу и за то пользовались заботливымъ вниманіемъ со стороны царя. Онъ говорилъ имъ: «не скорбите, братіе, службою, мы же без службы не можем быти на земли; хотя мало цар оплошится и окротѣетъ, іно царство его оскудѣетъ і иному царю достанется; яко же небесное по земному, а земное по небесному, ангели божіи, небесныя силы, ни на единъ часъ пламеннаго оружія из рукъ не испущаютъ, хранят и стрегутъ родъ человѣческій отъ Адама і по всякъ часъ, да и тѣ небесныя силы службою не стужаютъ» [2]). По словамъ Пересвѣтова, Махметъ «умудрился», организовавъ 40.000 «янычанъ», «горазныхъ стрѣльцовъ со огненою стрѣльбою». Это сорокатысячное войско нужно ему и всему царству: «Для того ихъ блиско себя держитъ, чтобы его недругъ въ его земли не явился і измѣны бы не учинилъ, і въ грѣхъ бы не впалъ безумный царя потребитъ, велми множившися, и разгордится і царемъ похищетъ быти, то же ся ему не достанет, а самъ навѣки погибнетъ от грѣха своего, а царство безъ царя не будетъ; для того царь бережетъ, а янычяня у него, вѣрныя люди, любячи царя, вѣрно ему служатъ про его царьское жалованіе» [3]). Но важнѣе всего то, что, пополняя ряды этой турецкой опричины, султанъ Махметъ считался не съ происхожденіемъ служилыхъ людей, а съ ихъ личными качествами. Пересвѣтовъ приписываетъ турецкому монарху весьма характерныя соображенія по этой части. «Братіе,—говорилъ будто бы Махметъ,—всѣ есмя дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служитъ і против недруга люто стоит, тот у меня и лутчей будетъ» [4]). Это соображеніе не могло понравиться московскимъ боярамъ, въ глазахъ которыхъ мѣстническіе счеты имѣли такую огромную важность; но оно должно было встрѣтить очень сочувственный откликъ въ неродовитой части московскаго служилаго сословія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 74.
[2]) Тамъ же, стр. 74.
[3]) Тамъ же, стр. 74.
[4]) Тамъ же, стр. 76.

Когда Иванъ Грозный заводилъ на Москвѣ своихъ русскихъ «янычаръ», онъ тоже цѣнилъ «адамовыхъ дѣтей» не по ихъ родовитости, а по ихъ годности къ исполненію его плановъ. Но Пересвѣтовъ былъ не только лишеннымъ родовыхъ связей служилымъ человѣкомъ; онъ былъ, какъ мы знаемъ, литовскимъ выходцемъ. Вѣроятно, поэтому въ своемъ политическомъ романѣ онъ и не позабылъ приписать Махметъ-салтану внимательное отношеніе къ служилымъ людямъ иностраннаго происхожденія. «А у нынѣшняго у царя у турецкаго Орнаутъ-паша Орнаутьскіе земли полоняникъ былъ, да удался против недруга крѣпко стояти и полки пробивати; да Кормонъ-паша—Кормонскіе земли полоняникъ, для того имъ слава повышена, для ихъ великія мудрости, что умѣютъ царю служити і против недруга крѣпко стояти. А вѣдома нѣтъ, какова отца онѣ дѣти, да для ихъ мудрости царь велико на нихъ имя положилъ для того, чтобы і иные такоже удавалися вѣрно царю служити» [1]).

Укажу еще одну достойную вниманія черту этого чрезвычайно интереснаго русскаго политическаго романа XVI вѣка. Его грозный и жестокій герой былъ рѣшительнымъ противникомъ рабства. Онъ находилъ, что человѣкъ можетъ быть только рабомъ Божіимъ: «велѣлъ перед себя книги принести полныя и докладныя, да огнемъ велѣлъ пожещи. І полоняником уставил урок, доколѣ кому работати, в седмь лѣтъ выробився, і в силахъ—девять лѣтъ. Есть ли кто кого дорого купитъ, а чрез девят лѣтъ будетъ держати, і будет на него жалоба от полоняника, іно на таковаго царьская опала і казнь смертная» [2]). Пересвѣтовъ выступаетъ здѣсь передъ нами сторонникомъ освобожденія кабальныхъ холоповъ. Такое требованіе можетъ показаться страннымъ въ устахъ московскаго «воинника» XVI столѣтія. Въ виду этого не мѣшаетъ напомнить нѣкоторыя, уже указанныя во Введеніи, черты хозяйственнаго развитія Московскаго государства.

Служилые люди этого государства очень нуждались въ рабочихъ рукахъ для обработки своихъ земель. Уходъ крестьянъ изъ вотчины или помѣстья равносиленъ былъ разоренію вотчинника или помѣщика. Поэтому и помѣщики, и вотчинники одинаково заинтересованы были въ томъ, чтобы воспрепятствовать такому уходу. Точно такъ же и тѣ, и другіе одинаково заинтересованы были въ томъ, чтобы привлекать на свои земли крестьянъ, еще не утратившихъ тогда своей свободы переселенія. Но богатые вотчинники могли дать больше льготъ крестьянамъ, селившимся на ихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 76.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

земляхъ, чѣмъ бѣдные помѣщики. Оттого крестьяне охотнѣе шли къ нимъ, покидая помѣщичьи земли. Вполнѣ понятно, что помѣщики не могли равнодушно относиться къ такому переходу. Запустѣніе ихъ имѣній очень раздражало ихъ какъ противъ самихъ крестьянъ, которыхъ они старались задерживать всѣми средствами, до насильственныхъ включительно, такъ и противъ владѣльцевъ крупныхъ имѣній. Около половины XVI вѣка дѣло значительно осложнилось и ухудшилось массовымъ уходомъ крестьянъ изъ центральныхъ мѣстностей московскаго государства на южныя и юго-восточныя окраины, постепенно дѣлавшіяся все болѣе и болѣе доступными для земледѣльцевъ. Центральнымъ мѣстностямъ пришлось тогда пережить хозяйственный кризисъ, имѣвшій очень важныя политическія послѣдствія. Переселеніе крестьянъ изъ центра на окраины въ концѣ подрывало благосостояніе не только мелкихъ помѣщиковъ, но и крупныхъ вотчинниковъ. Становясь бѣднѣе, родовитое боярство теряло свое прежнее вліяніе въ московскомъ обществѣ и, какъ уже отмѣчено во Введеніи, дѣлалось все менѣе рѣшительнымъ въ своихъ столкновеніяхъ съ верховной властью, которая не переставала стремиться къ полному подчиненію себѣ всѣхъ общественныхъ силъ. Хозяйственный кризисъ половины XVI вѣка весьма значительно облегчилъ и ускорилъ окончательное торжество московскаго деспотизма. И не только тѣмъ, что, ослабивъ общественное значеніе бояръ, уменьшилъ силу ихъ сопротивленія государю. Помѣщики, разорявшіеся вслѣдствіе ухода крестьянъ изъ центра на окраины, дѣлались все болѣе и болѣе послушными орудіями центральной власти, такъ какъ только она одна и могла притти имъ на помощь. Это ихъ настроеніе и отразилось вообще на публицистическихъ трудахъ Пересвѣтова, а въ частности на его разсужденіи о рабствѣ. Хозяйственный кризисъ очень обострилъ взаимное соперничество мелкихъ помѣщиковъ и крупныхъ вотчинниковъ изъ-за рабочей силы крестьянина. Но и теперь, какъ прежде, крупному вотчиннику легко было одержать побѣду надъ мелкимъ помѣщикомъ. Теперь въ крупныхъ вотчинахъ крестьянъ стали з а к а б а л я т ь, чтобы воспрепятствовать ихъ уходу. И это закабаленіе приняло, какъ видно, довольно широкіе размѣры [1]).

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ это явленіе Авраамій Палицынъ въ своемъ «Сказаніи». Правда, его описаніе относится уже къ царствованію Ѳеодора Ивановича, а закабаленіе ставится имъ въ вину, главнымъ образомъ, Борису Годунову и его сторонникамъ. Однако, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что явленіе это началось уже въ царствованіе Ивана IV, и что закабалять рабочія силы стремились всѣ тѣ землевладѣльцы, которые имѣли необходимыя для этого средства. Палицынъ пишетъ о немъ такъ: „Борисъ Годуновъ и иніи мнози отъ велможъ, не токмо родъ его, но и

Оно не ускользнуло отъ проницательнаго взора Пересвѣтова. Какъ человѣкъ смѣлый и послѣдовательный въ своихъ сужденіяхъ, онъ придумалъ коренную мѣру борьбы съ распространеніемъ холопства: полное его уничтоженіе. А разъ придумавъ эту коренную мѣру, онъ, по своему обыкновенію, захотѣлъ оправдать ее ссылкой на исторіи Византіи: «При цари Константинѣ у велможъ его лучшіе люди порабощены были в неволю», вслѣдствіе чего потеряли всякое мужество, «противъ недруга крѣпкаго бою не держали і з бою утѣкали і ужасъ полкомъ царевымъ інымъ давали, они же прелщалися» [1]). Это, по словамъ Пересвѣтова, и побудило Махметъ-салтана освободить ихъ. Когда онъ далъ имъ свободу, «они стали у царя храбры, лутчіе люди, которые у велможъ царевыхъ въ неволи были» [2]). Это указаніе Пересвѣтова на причинную связь между личнымъ мужествомъ и состояніемъ свободы представляетъ собою едва ли не самый интересный фактъ въ исторіи общественной мысли Московской Руси. Мы сейчасъ увидимъ, однако, въ какіе тѣсные предѣлы заключено было у Пересвѣтова понятіе свободы.

Замѣтивъ, какъ храбро ведутъ себя на войнѣ люди, освобожденные имъ изъ кабалы, Махметъ-салтанъ сказалъ: «Волю Божію сотворилъ есмь, что Богъ любитъ, в полкъ к себѣ юнаков храбрыхъ прибавилъ» [3]). Онъ вообще часто ссылался на Бога и былъ такъ благочестивъ, что если и не обратился въ христіанскую вѣру, то единственно потому, что этому воспротивились его «сеиты». Но, яркими красками изображая благочестіе своего героя, Пересвѣтовъ никогда не покидаетъ, однако, чисто свѣтской точки зрѣнія. Онъ находитъ, что иное дѣло «истинная вѣра», а иное дѣло «правда». Его повѣсть о Махметъ-салтанѣ заканчивается пожеланіемъ,—вложеннымъ въ уста одного изъ «латынянъ», будто бы споривших съ греками о причинахъ паденія Византіи,—чтобы русскіе

блюдоміи ими, многихъ человѣкъ въ неволю къ себѣ введше служить, инѣхъ же ласканіемъ и дарами въ домы своя притягнувше,—и не отъ простыхъ токмо ради нарочитаго рукодѣльства или какова хитра художества, но и отъ чествующихъ издавна многимъ имѣніемъ и съ селы и съ виногради, наипаче же избранныхъ меченосцевъ и крѣщихъ со оружіи во бранѣхъ, и свѣтлы и красны образомъ и взрастомъ лишествующи. И многіи иніи, начальствующемъ послѣдствующе, въ неволю поработивающе кого мощно и написаніе служивое силою и муками емлюще, инѣхъ же винца токмо испити взывающи—и по трехъ или по четырехъ чарочкохъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ». См. «Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному времени», въ XIII томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой археографическою Комиссіею, стр. 482—483.

[1]) Тамъ же, стр. 75.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Тамъ же, та же страница.

къ своей истинной христіанской вѣрѣ прибавили правду турецкую: «А къ той бы правдѣ турецкой да вѣра христіанская, іно бы с ними ангели же бесѣдовали» [1]). Въ другихъ мѣстахъ онъ идетъ еще дальше и весьма прозрачно намекаетъ, что правда важнѣе вѣры. «Коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ», говоритъ у него въ первой изъ двухъ челобитныхъ, поданныхъ царю Ивану Васильевичу, «воевода волоскій» (молдавскій господарь) Петръ. Тотъ же Петръ, отъ имени котораго Пересвѣтовъ обличаетъ тогдашніе русскіе порядки, такъ разсуждаетъ у него въ той же челобитной: «Іно невѣрный іноплеменникъ да позналъ силу Божію, Махметъ-салтанъ, царь турецкій, взялъ Царьградъ і управилъ праведенъ судъ, что Богъ любитъ, во всемъ царствѣ своемъ, і утѣшил Бога сердечною радостію, і за то ему Богъ помогаетъ, многіе царства обладал» [2]). Наконецъ, нѣсколькими строками ниже, волоскій воевода категорически заявляетъ: «не вѣру Богъ любитъ, но правду» [3]). Съ этимъ врядъ ли согласились бы духовные писатели вродѣ Іосифа Волоцкаго.

Правда, которую отстаиваетъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ нашъ авторъ, и на защиту которой онъ выдвигаетъ волоскаго воеводу,—та самая правда, какую мы уже видѣли въ «Сказаніи о Махметъ-салтанѣ». Пересвѣтовъ вездѣ является непримиримымъ врагомъ боярства. «Такъ говоритъ волоскій воевода про русское царство,—читаемъ мы у него,—что вельможи русскаго царя сами богатѣютъ і лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ; і тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно і конно і людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру християнскую не стоятъ і люто противъ недруга смертною игрою не играютъ, тѣмъ Богу лжутъ і государю» [4]). Вельможъ у русскаго царя много, но пользы отъ нихъ ему и царству мало; они слишкомъ богаты для того, чтобы хорошо служить. «Что ихъ много, коли у них сердца нѣтъ добраго, і смерти ся боятъ, і не хотятъ умрети за вѣру християнскую, і какъ бы имъ не умирати всегды,—продолжаетъ тотъ же воевода.—Богатый о войнѣ не мыслитъ, мыслитъ о упокои; хотя и богатырь обогатѣетъ, і онъ облѣнивѣетъ» [5]).

Пересвѣтовъ готовъ обвинять «велможъ» въ ересяхъ и даже въ колдовствѣ. Тѣ изъ нихъ, которые приближены къ царю не за воинскую выслугу и не за особенную «мудрость», кажутся ему

---

[1]) Тамъ же, стр. 78.
[2]) Тамъ же, стр. 66.
[3]) Тамъ же, та же страница.
[4]) Тамъ же, стр. 62.
[5]) Тамъ же, та же страница.

преимущественно подозрительными по части колдовства и ереси. «Іно про тѣх говорят такъ мудрыя философы: то есть чародѣи і ересники, у царя счастіе отимают і мудрость царьскую, і къ себѣ царьское сердце зажигают ересію і чародѣйством, і воиньство кротятъ» [1]).

Съ такими нужна, по мнѣнію Пересвѣтова, безпощадная расправа. Волоскій воевода говоритъ у него: «таковыхъ подобаетъ огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилос» [2]). Въ назиданіе русскому царю опять дѣлается ссылка на исторію Византіи: «А благовѣрнаго князя Константина осѣтили кудесы і вражбами і уловили, і мудрость от него воинскую отлучили, і богатырство его укротили, і меч царьскій воинскій отпустили, і учинили его в безпутномъ житіи; именемъ было царскимъ не мочно прожить никому, ни главы із дому не выклонити, ни версты переѣхати от бѣдъ і от обид велможъ его: все царство заложилося за велможъ его, і слыли ихъ имянем для прожитку, ждучи мудрости царския, і не дождали» [3]).

Все русское царство также заложится за вельможъ, если царь Иванъ не позаботится о томъ, чтобы своевременно предотвратить эту опасность. Еще въ «Сказаніи о Махметъ-салтанѣ» Пересвѣтовъ сообщалъ о томъ, какъ турецкій царь «велѣл со всего царства всѣ доходы себѣ въ казну імати, а никому ни в котором градѣ намѣстничества не дал велможамъ своимъ для того, чтобы не прелщалися неправдою судити, і оброчилъ велможъ своихъ іс казны своей, кто чего достоинъ» [4]). Съ точки зрѣнія тогдашнихъ русскихъ порядковъ, это сочувственное сообщеніе о полезныхъ для царства мѣропріятіяхъ Махметъ-салтана равносильно было совѣту отмѣнить ненавистную московскому населенію систему «кормленій», открывавшую такой широкій просторъ для злоупотребленій со стороны бояръ, кормившихся на счетъ ввѣренныхъ имъ мѣстностей. Надо замѣтить, что московское правительство скоро сдѣлало рѣшительные шаги для отмѣны системы кормленій. Правда, реформа была сдѣлана не въ духѣ Пересвѣтова. Онъ былъ послѣдовательнымъ централистомъ и совѣтовалъ поставить во главѣ областного управленія царскихъ чиновниковъ съ опредѣленнымъ денежнымъ жалованіемъ. На самомъ же дѣлѣ, вмѣсто царскихъ чиновниковъ во главѣ областного управленія вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.
[2]) Тамъ же, та же страница.
[3]) Тамъ же, стр. 67.
[4]) Тамъ же, стр. 72.

ступили, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка, излюбленные старосты, излюбленные головы и земскіе судьи. Такая система требовала меньшихъ расходовъ, нежели рекомендованный Пересвѣтовымъ послѣдовательный бюрократическій централизмъ. Вообще во всѣхъ практическихъ разсужденіяхъ нашего публициста замѣтна черта, кажется, еще не отмѣченная изслѣдователями. Этотъ талантливый человѣкъ, такъ ярко выражающій стремленія тогдашняго дворянства, какъ будто не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ жило и дѣйствовало населеніе московскаго государства: онъ очень сильно преувеличиваетъ его денежныя средства. Доказывая необходимость прочнаго обезпеченія «воинниковъ», онъ предполагалъ, повидимому, что московское государство въ состояніи оплатить всю ихъ службу денежнымъ жалованіемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно могло платить за нее, главнымъ образомъ, землею. Вотъ почему планы Пересвѣтова съ экономической своей стороны представляются несравненно болѣе отвлеченными, нежели со стороны политической. Слѣдуетъ думать, что этотъ ихъ недостатокъ объясняется иноземнымъ происхожденіемъ Пересвѣтова. Проведя значительную часть своей жизни въ такихъ странахъ, какъ Польша и Богемія, гораздо болѣе нежели Москва богатыхъ денежными средствами, онъ, должно быть, плохо выяснилъ себѣ экономическія средства, которыми могъ располагать его новый государь.

«Ересники» и чародѣи, отнимающіе у царя его счастье и его мудрость, помимо всѣхъ своихъ другихъ грѣховъ, особенно опасны для государства тѣмъ, что они «воиньство кротятъ». «Воинниками царь силенъ і славенъ» [1]). Оттого онъ долженъ «веселить сердца воинниковъ ис казны своея». Если онъ станетъ держаться этого правила, то царской казнѣ конца не будетъ, а царство никогда не оскудѣетъ. И снова и снова возвращается Пересвѣтовъ къ той мысли, что награждать и возвышать воинниковъ надо не за ихъ происхожденіе, а единственно только за ихъ личныя заслуги. Воинниковъ, не щадящихъ своей жизни въ борьбѣ съ царскими недругами, царь долженъ къ себѣ «припущати блиско, і во всемъ имъ вѣрити, і жалоба ихъ послушати во всемъ, і любити ихъ, яко отцу дѣтей своихъ, і быти до нихъ щедру» [2]). Эту идиллію Иванъ Грозный на свой звѣриный манеръ осуществлялъ потомъ въ своихъ сношеніяхъ съ опричниками.

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.
[2]) Тамъ же, стр. 63.

Какъ уже сказано выше, вниманіе Пересвѣтова привлекала къ себѣ не только внутренняя, но и внѣшняя политика московскаго государства. Намъ уже извѣстно, какую губительную роль играли набѣги хищныхъ кочевниковъ въ жизни осѣдлыхъ русскихъ земледѣльцевъ. Пересвѣтовъ обнаруживаетъ вполнѣ ясное пониманіе этой губительной роли.

Онъ приписываетъ молдавскому господарю, между прочимъ, такое мнѣніе о задачахъ московскаго царя въ борьбѣ съ кочевниками:

«Таковому государю годится держати двадцать тысящъ юнаковъ храбрых со огненою стрѣльбою, гораздо учиненою, и стояли бы поляницы съ украины на поли при крѣпостех отъ недруга, от крымскаго царя, ізоброчивши ихъ ис казны своимъ жалованіемъ государским годовымъ; і они навыкнутъ в поли жити і недруга его, крымскаго царя, воевати. Іно та ему двадцат тысящъ лутчи будутъ ста тысящъ, а украины его всѣ будутъ богаты і не оскужены отъ недруговъ. А мочно ему, таковому сильному царю, то все учинити» [1]).

Не меньше интересуетъ Пересвѣтова и отношеніе Москвы къ Казанскому царству. Неизмѣнный доброжелатель московскаго государя, «волоскій воевода», говоритъ у него такъ: «а слышалъ есми про ту землю, про Казанское царство, у многих воинниковъ, которые въ царствѣ Казанскомъ бывали, что про нея говорят, примѣняютъ ея к подрайской землѣ угодіемъ великимъ» [2]). Землю эту непремѣнно надо завоевать. «Да тому велми дивимся»,—продолжаетъ волоскій воевода,—«что таковая землица не великая, велми угодная, у такового великаго, сильнаго царя под пазухою, а не въ дружбѣ, а он ей долго терпитъ і кручину от нихъ великую пріимает; хотя бы таковая землица угодная і в дружбѣ была, іно было ей не мочно терпѣти за такое угодне» [3]). Этого мнѣнія держался не одинъ волоскій воевода. Если вѣрить Пересвѣтову, въ Литвѣ «философи і докторы латинскіе» предсказывали царю Ивану Васильевичу побѣду надъ Казанскимъ царствомъ, которое онъ «возметъ своимъ мудрымъ воинствомъ, да і креститъ» [4]). Тѣ же мудрые и ученые люди думаютъ, что царскую столицу слѣдуетъ перенести въ Нижній-Новгородъ [5]).

Доводя до свѣдѣнія царя о мнѣніяхъ его поклонника, воло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 63.
[2]) Тамъ же, стр. 68.
[3]) Тамъ же, стр. 68.
[4]) Тамъ же, стр. 78—79.
[5]) Тамъ же, стр. 78.

скаго воеводы, Пересвѣтовъ опять заговариваетъ объ освобожденіи кабальныхъ людей. Тутъ у него выходитъ, что кабала придумана была дьяволомъ, искусившимъ Адама послѣ изгнанія его изъ рая и взявшимъ съ него «запись». Богъ сжалился надъ Адамомъ и, искупивъ его грѣхъ своею «волною страстію», извелъ его изъ ада, а запись изодралъ. Тѣ, которые записываютъ теперь людей въ работу навѣки, угождаютъ дьяволу, губя свою душу. Приведя этотъ доводъ отъ богословія,—верховный доводъ того времени,—Пересвѣтовъ опять выдвигаетъ уже знакомый намъ аргументъ отъ общественной психологіи, подкрѣпляя его для вѣрности тѣмъ же богословскимъ доводомъ: «которая земля порабощена, в той землѣ все зло сотворяется: і татба, и разбой, і обида, і всему царству оскуженіе великое, всѣмъ Бога гнѣвятъ, а дьяволу угожаютъ» [1]). Здѣсь уже совсѣмъ ясно, что требовать освобожденія холоповъ побуждала Пересвѣтова боязнь боярскаго засилія [2]).

Которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется. Это совершенно справедливая мысль. Очень важно отмѣтить, что эта совершенно справедливая мысль была хорошо знакома, по крайней мѣрѣ, одному,—а, вѣроятно, и не только одному,—изъ служилыхъ людей грознаго царя Ивана Васильевича. Но не менѣе полезно отмѣтить и то, что она побуждаетъ Пересвѣтова лишь къ требованію уничтоженія холопства. Кабала есть только одинъ изъ многихъ видовъ порабощенія человѣка человѣкомъ. Однако, Пересвѣтовъ не спрашиваетъ себя, исчезло ли бы порабощеніе, а съ нимъ и «все зло» въ московскомъ государствѣ съ уничтоженіемъ холопства. Если же и спрашиваетъ, то къ требованію уничтоженія кабалы прибавляетъ еще только одно: требованіе ограниченія силы и вліянія боярства. Лучшимъ средствомъ практическаго осуществленія этого требованія представляется ему развитіе царскаго самодержавія. Ему и въ голову не приходитъ, что оно само

---

[1]) Тамъ же, стр. 67.

[2]) Вотъ почему нельзя безъ оговорки принять то мнѣніе г. Ржиги, что возраженіе противъ рабства заставляетъ предполагать связь Пересвѣтова съ той средой, въ которой зарождались тогдашнія ереси. Г. Ржига указываетъ на Матвѣя Башкина, осужденнаго на церковномъ соборѣ 1553—1554 гг. и, подобно Пересвѣтову, признававшаго рабство несогласнымъ съ духомъ христіанскаго ученія. Но въ томъ-то и дѣло, что, высказываясь противъ рабства, Пересвѣтовъ опирается не только на богословскія соображенія. Онъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Въ его отзывѣ о вліяніи рабства слышенъ прежде всего врагъ бояръ, закабаливавшихъ трудящееся населеніе. А такъ какъ враговъ боярства много было въ тогдашнемъ служиломъ сословіи и кромѣ Пересвѣтова, то можно предполагать, что боязнь боярскаго засилія приводила и нѣкоторыхъ другихъ низшихъ людей къ убѣжденію въ томъ, что полезно было бы освободить холоповъ. Извѣстно, напримѣръ что попъ Сильвестръ освободилъ всѣхъ своихъ кабальныхъ.

можетъ сдѣлаться источникомъ порабощенія страны и всякаго зла въ ней. Въ его сочиненіяхъ мы никогда не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на тѣ желательныя границы, которыя нужно было бы поставить верховной власти. И съ этой стороны онъ очень невыгодно отличается отъ своего, уже названнаго выше, современника, француза Жана Бодэна.

Жанъ Бодэнъ тоже убѣжденный монархистъ. Но онъ хочетъ, чтобы монархъ повиновался «законамъ природы», обезпечивающимъ «естественную свободу» его подданныхъ [1]). Онъ различаетъ три вида монархической власти. «Всякая монархія,—говоритъ онъ,—есть или вотчинная, или королевская, или тиранническая» (Toute monarchie est seigneuriale, ou royale, ou tirannique. P. 272). Въ королевской монархіи глава государства уважаетъ, какъ уже сказано, естественную свободу своихъ подданныхъ. А эта свобода выражается, между прочимъ, въ томъ, что подданнымъ обезпечивается свобода распоряжаться своимъ имуществомъ (proprieté des biens). Отличительнымъ признакомъ вотчинной монархіи является, по ученію Бодэна, отсутствіе у подданныхъ свободы распоряженія какъ своей личностью, такъ и своимъ достояніемъ. Бодэнъ полагаетъ, что вотчинная монархія «была первой» (т.-е. первой формой политическаго устройства. *Г. П.).* Не надо смѣшивать ее съ тираніей. Тиранъ тотъ, кто попираетъ законы съ своей стороны, а вотчинный монархъ можетъ быть вполнѣ законнымъ государемъ. Какъ на примѣръ вотчинной монархіи, Бодэнъ указываетъ на древнюю Персію, гдѣ все принадлежало царю, и гдѣ всѣ жители были его рабами. Съ теченіемъ времени рабская зависимость подданныхъ отъ государя смягчается, такъ что, въ концѣ концовъ, монархія остается вотчинной только по имени. Однако, и теперь она мѣстами еще сохранила дѣйствительное существованіе. Она встрѣчается въ Азіи, въ Эѳіопіи и даже въ Европѣ: въ Турціи, въ Татаріи и въ Московіи. Отъ вниманія Бодэна не ускользнуло то обстоятельство, что подданные московскаго царя называютъ себя его холопами (онъ пишетъ: хлопами, les chlopes), «т.-е.,—поясняетъ онъ,—рабами» [2]). По мнѣнію Бодэна, государя боготворятъ въ вотчинной монархіи именно потому, что онъ является тамъ господиномъ какъ надъ лицами, такъ и надъ имуществомъ. Будучи рабами своего государя, жители тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ вотчинная монархія, подвергаются и рабскимъ наказаніямъ. Въ Персіи цари, предшествовавшіе Артаксерксу, имѣли

---

1) См. Les six livres de la République de J. Bodin, Angevin.—A. Paris 1580. Livre second, p. 273.

2) Тамъ же, стр. 274.

привычку (avaient acoustumé) наказывать своихъ подданныхъ, даже самыхъ высокопоставленныхъ, подвергая ихъ, какъ рабовъ, тѣлесному наказанію. Артаксеркъ впервые постановилъ, что подвергая наказанію преступниковъ, ихъ будутъ раздѣвать, какъ раздѣвали прежде, но сѣчь будутъ не ихъ, а только ихъ платье. По его же распоряженію перестали вырывать волосы у преступниковъ, ограничиваясь вырываніемъ волосковъ изъ ихъ шапокъ [1]). Бодэнъ видѣлъ въ этомъ доказательство того, что съ теченіемъ времени персидская монархія на дѣлѣ перестала быть вотчинной. Такимъ образомъ, для него тѣлесное наказаніе подданныхъ было главнымъ внѣшнимъ признакомъ вотчинной монархіи. Причиной же, вызывавшей существованіе этого признака, онъ считалъ рабскую зависимость подданныхъ отъ государя, выражавшуюся въ томъ, что они не имѣли права свободно распоряжаться ни самими собой, ни своимъ имуществомъ. Такой взглядъ несравненно глубже того ходячаго воззрѣнія, согласно которому тѣлесное наказаніе, примѣнявшееся въ восточныхъ деспотіяхъ даже къ наиболѣе высокопоставленнымъ лицамъ,—вспомнимъ старую Москву съ ея кнутомъ, батогами и вырываніемъ бородъ по волоску,—вызывалось недостаткомъ «культуры». Бодэнъ зналъ, что даже въ весьма культурныхъ странахъ (Грецiя, Римъ) господа подвергали своихъ рабовъ тѣлеснымъ наказаніямъ, между тѣмъ какъ свободные жители гораздо менѣе культурныхъ странъ не допускали и мысли о подобномъ обращеніи съ ними ихъ государей. Онъ понималъ, что дѣло тутъ не въ отсутствіи «культуры»,—которое, къ тому же, само могло быть только слѣдствіемъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, а именно—въ этихъ отношеніяхъ, сущность которыхъ заключалась въ закрѣпощеніи всѣхъ общественныхъ силъ государству въ лицѣ его представителя, государя. Такъ же хорошо, повидимому, сознавалъ онъ и то, что когда подданные вотчинныхъ монархій обоготворяютъ своихъ государей, то это происходитъ не въ силу ихъ некультурности, а въ силу ихъ рабскаго положенія, при которомъ монархъ является для нихъ, какъ Богъ, единственнымъ источникомъ всѣхъ благъ [2]). Самъ онъ,—хотя и считалъ нужнымъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 276.

[2]) Проф. Ключевскій называлъ «аномаліей» соединеніе «въ одномъ существѣ верховной власти» двухъ непримиримыхъ свойствъ: царя и вотчинника («Курсъ русской исторіи», ч. III, стр. 16). Съ несравненно большимъ основаніемъ Бодэнъ считалъ примиреніе, а лучше сказать, полное совпаденіе этихъ двухъ свойствъ вполнѣ нормальнымъ для восточныхъ деспотій. Ключевскій говоритъ: «государство понимали не какъ союзъ народный, управляемый верховной властью, а какъ государево хозяйство, въ составъ котораго входили со значеніемъ хозяйственныхъ статей и классы населенія, обитавшаго на территоріи государевой вотчины. Поэтому народное благо, цѣль

въ интересахъ теоріи, напомнить своимъ читателямъ, что иное дѣло вотчинный монархъ, а иное дѣло тиранъ,—былъ рѣшительнымъ сторонникомъ «королевской монархіи», оставляющей за жителями страны «естественную свободу» распоряженія самими собой и своимъ имуществомъ. Это вполнѣ понятно. Въ ученіи о государствѣ Бодэнъ—идеологъ третьяго сословія, находящагося на извѣстной стадіи своего развитія. Стадія эта характеризуется прежде всего тѣмъ, что въ освободительной борьбѣ съ феодалами названное сословіе еще не вполнѣ довѣряетъ своимъ собственнымъ силамъ, и потому поддерживаетъ короля съ его притязаніями на абсолютную власть. Абсолютная власть помогаетъ буржуазіи расчистить лежащія на ея историческомъ пути феодальныя препятствія. Поэтому она мирится съ нею и даже идеализуетъ ее. Но она мирится съ нею и даже идеализуетъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой она помогаетъ ей итти впередъ, т.-е.,—чтобы употребить здѣсь выраженіе Бодэна,—въ какой она остается королевской монархіей и не посягаетъ на личную свободу гражданъ и на ихъ права «истинныхъ собственниковъ» (vrais propriétaires). Абсолютная власть показалась бы французскому третьему сословію несноснымъ игомъ, если бы государь вздумалъ обращаться съ имуществомъ своихъ подданныхъ и съ ними самими такъ, какъ обращается вотчинный монархъ въ своей странѣ. Такого государя Бодэнъ непремѣнно отнесъ бы къ числу тирановъ.

Не общественное сознаніе опредѣляетъ собою общественное бытіе, а общественное бытіе опредѣляетъ собою общественное сознаніе. Московскимъ публицистамъ XVI вѣка были совершенно недоступны тѣ общественно-политическія понятія, которыя были выработаны передовыми публицистами тогдашней Франціи. Бодэнъ вполнѣ правильно отнесъ «Московію» къ числу вотчинныхъ монархій. Общественныя силы все больше и больше закрѣпощались въ ней государствомъ, глава котораго естественно третировалъ ихъ,—на что обратилъ вниманіе еще Бодэнъ,—какъ своихъ холоповъ. При такомъ направленіи общественнаго развитія, публицисты, по той или по другой причинѣ отстаивавшіе царское самодержавіе, не могли даже и представить себѣ такихъ «зако-

---

государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли, и самый законъ носилъ характеръ хозяйственнаго распоряженія, исходившаго изъ москворѣцкой кремлевской усадьбы и устанавливавшаго порядокъ дѣятельности подчиненнаго преимущественно областного управленія, а всего чаще—порядокъ отбыванія разныхъ государственныхъ повинностей обывателями». (Тамъ же, стр. 16). Но именно то же встрѣчаемъ мы во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ. И если это «аномалія», то надо сказать, что въ восточныхъ деспотіяхъ она служила «нормой» въ продолженіе многихъ вѣковъ и даже цѣлыхъ тысячелѣтій.

новъ природы», которые полагали бы ей какіе-нибудь предѣлы въ гражданскомъ или экономическомъ быту. Мы знаемъ, что Пересвѣтову не только не было чуждо понятіе свободы, но онъ ясно видѣлъ причинную связь многихъ общественныхъ золъ съ порабощеніемъ. Однако, въ своихъ практическихъ планахъ онъ не шелъ дальше требованія отмѣны холопства. «Свобода» есть формальное понятіе, содержаніе котораго въ каждое данное время опредѣляется данными конкретными,—въ послѣднемъ счетѣ экономическими,—условіями. Съ точки зрѣнія Пересвѣтова, освободить жителей страны значило уничтожить («изодрать») кабальныя записи. Онъ не могъ, подобно Бодэну, требовать для жителей московскаго государства правъ «истинныхъ собственниковъ». Онъ былъ идеологомъ той части служилаго сословія, судьба которой тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ судьбой помѣстнаго землевладѣнія. Помѣстное же землевладѣніе въ своемъ чистомъ видѣ оставляетъ всѣ права «истиннаго собственника» за государемъ, давая помѣщику лишь право временнаго пользованія землею за его службу. Государь распредѣляетъ землю между помѣщиками за исправное выполненіе ими службы, какъ до не очень давняго времени министерство государственныхъ имуществъ распредѣляло у насъ землю между крестьянами своего вѣдомства. Въ 1556 г. Иванъ IV обратилъ вниманіе на то, что «которые вельможы и всякіе воины многими землями завладали, службою оскудѣша, не противъ государева жалованія и вотчинъ служба ихъ». Поэтому онъ приказалъ,—указъ его сохранился въ лѣтописной передачѣ,—произвести уравненіе: «въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша, комуждо что достойно, такъ устроиша, преизлишки же неимущимъ» [1]). Это былъ настоящій «черный передѣлъ» въ помѣщичьей средѣ. Его невозможно было бы произвести, если бы землевладѣльцы имѣли права «истинныхъ собственниковъ». А между тѣмъ, въ тогдашнемъ экономическомъ положеніи московскаго государства подобные передѣлы были необходимы въ интересахъ «службы» и полезны для самихъ помѣщиковъ. Вотъ почему, теоретикъ помѣщичьяго класса Пересвѣтовъ не могъ бы допустить, что они противорѣчатъ «законамъ природы», какъ это, навѣрно, сказалъ бы теоретикъ третьяго сословія Бодэнъ. Больше того. Пересвѣтову такіе передѣлы—а, стало быть, и перенесеніе на государя всѣхъ правъ «истиннаго собственника» земли,—должны были казаться необходимымъ условіемъ обезпеченія, т.-е. фактической свободы, «воинниковъ». Какъ я замѣтилъ выше, возможно, что, проведя многіе

---

[1]) Дьяконовъ, «Очерки общественнаго и политическаго строя древней Руси», стр. 269—270.

годы въ странахъ, въ которыхъ общественно-экономическое развитіе шло иначе, нежели въ Москвѣ, онъ не очень ясно сознавалъ особенности московскаго экономическаго быта. Но, утвердившись на точкѣ зрѣнія указанной части московскаго служилаго сословія, онъ неизбѣжно долженъ былъ усвоить себѣ все то понятіе о природѣ монархической власти, которое подсказывалось этими особенностями. Онъ не пошелъ въ своемъ требованіи свободы дальше требованія отмѣны холопства. А когда онъ искалъ образца для своего политическаго идеала, тогда его взоръ естественно обратился не на Западъ, а на Востокъ, къ одной изъ странъ, справедливо названныхъ Бодэномъ вотчинными монархіями и отличавшихся рабской зависимостью жителей отъ своихъ государей.

У Бодэна есть чрезвычайно поучительная ссылка на Плутархово жизнеописаніе Ѳемистокла. Артабанъ, одинъ изъ начальниковъ царскихъ тѣлохранителей при персидскомъ дворѣ, говоритъ въ этомъ жизнеописаніи Ѳемистоклу: «вы, греки, больше всего дорожите свободой и равенствомъ. А по нашему, лучше всѣхъ нашихъ многочисленныхъ законовъ тотъ, который повелѣваетъ намъ чтить нашего царя и поклоняться ему, какъ Богу». Жители Московскаго государства тоже считали себя обязанными, не только за страхъ, но и за совѣсть, чтить своего государя и поклоняться ему, какъ земному богу. Одинаковыя причины всегда производятъ одинаковыя слѣдствія. По мѣрѣ того, какъ историческое развитіе раздвигало предѣлы власти московскаго государя до той широты, какая свойственна была соотвѣтствующей власти въ восточныхъ «вотчинныхъ монархіяхъ», московская общественная мысль все болѣе и болѣе пріобрѣтала восточную складку. Ниже мы увидимъ, что въ своихъ разговорахъ съ поляками въ эпоху Смуты московскіе люди разсуждали совершенно такъ, какъ очень задолго до того разсуждалъ Артабанъ въ своемъ разговорѣ съ Ѳемистокломъ.

Глава III.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы боярства съ духовенствомъ.

Пересвѣтовъ является передъ нами теоретикомъ той части московскаго служилаго сословія, которая существенно заинтересована была въ расширеніи царскаго права распоряжаться имуществомъ,—прежде всего, конечно, недвижимымъ, земельнымъ, имуществомъ,—своихъ подданныхъ. Совершенно понятно, что у него не было ни малѣйшей склонности задумываться о какихъ бы то ни было «законахъ природы», полагающихъ предѣлы царской власти. Но возникаетъ вопросъ: не задумывалась ли о такихъ законахъ та высшая часть служилаго сословія, которая, обладая болѣе или менѣе обширными вотчинами, могла сильно пострадать и скоро дѣйствительно пострадала отъ «чернаго передѣла» въ пользу «воинниковъ». На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно: да, она думала о нихъ. Но замѣчательно, что и она никогда не приходила къ мысли объ ограниченіи царской власти посредствомъ точно опредѣленныхъ нормъ закона. Она не столько требовала, сколько совѣтовала, и при томъ совѣты ея касались не государственнаго устройства, а государственнаго управленія. Съ этой стороны представляетъ не малый интересъ литературное произведеніе, озаглавленное «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ» и, повидимому, относящееся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ XVI в. [1]).

Преподобные Сергій и Германъ, отъ имени которыхъ написана вся бесѣда, настоятельно рекомендуютъ «отцамъ и братіямъ», т.-е. монахамъ, полное подчиненіе царю. Они говорятъ:

«Молимъ васъ, возлюбленніи отцы и драгая братія, покоряйтеся благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ и въ благовѣріи княземъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ прямите, и Бога за

---

[1]) См. «Лѣтопись занятій археографической комиссіи, 1885—1887 гг.», вып. X, Спб. 1895, стр. XIX, отд. II.

нихъ молите, аки сами за себя и паче себя, да таковыя ради молитвы и мы помилованы будемъ. И добра государемъ своимъ во всемъ хотите и за ихъ достоитъ животомъ своимъ помирати и главы покладати, аки за православную вѣру свою, да ни власъ главъ нашихъ не погибнетъ за таковую къ Богу добродѣтель» [1]). Мы сейчасъ увидимъ, почему авторъ «Бесѣды» заставляетъ названныхъ святыхъ обращаться именно къ отцамъ и братіямъ, т.-е. къ монахамъ, и почему онъ счелъ нужнымъ напомнить имъ о необходимости полнаго подчиненія. Мы убѣдимся тогда, что это напоминаніе обязано своимъ происхожденіемъ одному изъ знакомыхъ уже намъ противорѣчій московской общественной жизни. Теперь же слѣдуетъ указать на то, что, коснувшись царской власти, авторъ «бесѣды» изображаетъ ее какъ власть, которая должна быть неограниченной. «Богомъ бо вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю. Благовѣрнымъ княземъ русскимъ свыше всѣхъ дана есть Богомъ царю власть надо всѣми» [2]). Къ такому опредѣленію размѣровъ царской власти едва ли нашелъ бы что-нибудь прибавить самъ Пересвѣтовъ или даже собесѣдникъ Ѳемистокла, персидскій служилый человѣкъ Артабанъ. И вполнѣ согласно съ этимъ ученіемъ о безпредѣльности царской власти то убѣжденіе автора «Бесѣды», что на царѣ лежитъ верховная забота о благочестіи: «Царю и великому князю,—совѣтуетъ онъ,—уставити по монастырямъ и вездѣ своею царскою смиренною грозою, брадъ и усовъ не брѣти, не торшити и сану своего ни чѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати, каятися говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяте лѣтъ мужеска полу и женска. О томъ царю за весь міръ крѣпко пещися паствы и войска своего, да не за всѣхъ станетъ ко отвѣту передъ Вышнимъ Царемъ» [3]). Царь же обязанъ заботиться и объ исправленіи церковныхъ книгъ [4]). Авторъ рѣшительно отвергаетъ то мнѣніе,—какъ видно, тоже возникавшее въ Московскомъ государствѣ XVI-го вѣка,—что Богъ сотворилъ человѣка «самовольна» или «самовластна»: «аще бы самовластна человѣка сотворилъ Богъ на сей свѣтъ, и онъ бы не уставилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей и не раздѣлилъ бы орды отъ орды» [5]) (sic). Подобно Пересвѣтову, авторъ «Бесѣды»

---

[1]) «Лѣтопись археографической комиссіи», отд. II, стр. 2.
[2]) Тамъ же, стр. 2—3.
[3]) Тамъ же, стр. 24—25.
[4]) Тамъ же, стр. 27.
[5]) Тамъ же, стр. 25.

считаетъ необходимой царскую грозу. Если бы не царская гроза, то люди перестали бы поститься, каяться и уважать священниковъ [1]). Но между тѣмъ какъ Пересвѣтовъ стремится направить царскую грозу преимущественно на «велможъ», авторъ «Бесѣды» находитъ, что царю надлежитъ всегда совѣтоваться съ ними, съ ненавистными Пересвѣтову «велможами». Преподобные Сергій и Германъ прямо говорятъ у него: «а царемъ съ боляры и съ ближними пріятели о всемъ совѣтовати накрѣпко». По всему видно, что онъ, если не самъ принадлежалъ къ «велможамъ», то безраздѣльно стоялъ на ихъ точкѣ зрѣнія. Какъ мірской человѣкъ того времени, онъ отнюдь не отрицалъ важнаго значенія «воинниковъ». Но онъ зналъ и помнилъ, что ихъ поведеніе часто бываетъ не совсѣмъ «христолюбивымъ», и нашелъ нужнымъ прочитать имъ отъ имени святыхъ угодниковъ такое наставленіе: «Невѣрные тщатся въ ратѣхъ на убійство, и на грабленіе, и на блудъ, и на всякую нечистоту и злобу своими храбростьми и тѣмъ хвалятся. А вѣрнымъ воиномъ подобаетъ въ войнахъ быти съ царскаго повелѣнія и стояти противу враговъ креста Христова крѣпко и неподвижно; а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити, да отъ ихъ слезъ и воздыханія войскомъ всѣмъ злѣ не постражутъ» [2]).

Авторъ «Бесѣды» пространно доказываетъ, что «всѣмъ владѣти» надлежитъ царю и поставленнымъ царемъ мірскимъ властямъ. Онъ тоже какъ за «вотчинную монархію». Но онъ совѣтуетъ царю щадить платежныя силы страны. «Подобаетъ и царемъ изъ міру съ пощадою собрати всякіе доходы и дѣла дѣлати милосердно, а не гнѣвно, ни по наносу» [3]). При всемъ своемъ огромномъ уваженіи ко власти самодержца, авторъ «Бесѣды» заставляетъ валаамскихъ чудотворцевъ высказывать большія опасенія по части царскаго «небреженія» въ управленіи страною и царской «простоты» (т.-е., скажемъ,... недогадливости). Небреженіе и простота обнаруживаются, по мнѣнію чудотворцевъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что цари перестаютъ слушать своихъ естественныхъ совѣтниковъ (т.-е. бояръ) и подпадаютъ подъ вліяніе чернаго духовенства, которое пользуется этимъ для своего обогащенія. «А царю достоитъ не простотовати, совѣтники совѣтъ совѣщевати о всякомъ дѣлѣ... Много множество безъ числа царіе спроста просто-

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Тамъ же, стр. 21—22.

[3]) Тамъ же, стр. 21.

тою своею отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и безконечную погибель, по иноческому къ царю ложному челобитью» [1]). Не грѣшащій простотою царь управляетъ своимъ царствомъ черезъ посредство своихъ воеводъ, а не черезъ посредство иноковъ: «аще гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ, ту милости Божія нѣсть» [2]). Валаамскіе чудотворцы выступаютъ въ «Бесѣдѣ» съ самыми рѣзкими обличеніями иноковъ. Святые угодники убѣгали отъ міра и не стремились къ богатству, «а мы окаяннїи многогрѣшніи иноцы вылгали у всемилостиваго у небеснаго Владыки, таковый нося великій образъ, а нареклися иноцы, а иноцы есмы, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки, а не на добродѣтель» [3]). Жадность привела иноковъ къ «новой ереси», заключающейся въ томъ ошибочномъ мнѣніи, что имъ позволительно имѣть земельныя имущества. «Отнюдь то есть инокомъ погибель. Тѣми неподобными статьями лукавый бѣсъ родъ христіанскій во иноческомъ образѣ царскою простотою и великихъ князей жалованіемъ отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ ихъ въ великую и въ безконечную погибель, потому что таковыя власти даны міра сего свыше отъ Бога царемъ и великимъ княземъ и мірскимъ властелемъ, а не инокомъ» [4]). Иноки изображаются въ «Бесѣдѣ» людьми способными на всякія хитрости и даже подлоги. Чтобы добиться своихъ цѣлей, они готовы сознательно искажать священное Писаніе. «А сего царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ, и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на тоже мѣсто въ тѣжъ книги приписываютъ лучшая и полѣзная себе, носятъ на соборы во свидѣтельство, будьтося подлинное святыхъ отецъ писаніе» [5]). Это мѣсто показываетъ, что автора «Бесѣды» не такъ-то легко было запугать доводами «отъ Писанія». Для полноты эффекта онъ пугаетъ читателя «послѣднимъ временемъ»: «при послѣднемъ времени прельстятъ иноки лжами царей и великихъ князей и прочихъ властей, и испосулятъ ближнихъ всѣхъ, аки прежніе старцы съ книжники на распятіе, Іуда на преданіе Христа. Такоже при послѣднемъ времени умышляютъ иноки съ книж-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10.
[2]) Тамъ же, стр. 23.
[3]) Тамъ же, стр. 20.
[4]) Тамъ же, стр. 21.
[5]) Тамъ же, стр. 11.

ники прелести своими, начнутъ лжами красти царей и великихъ князей. Царіе же не внимаютъ сего и слушаютъ ихъ обавниковъ, которыхъ испосулятъ они» [1]). Какъ намъ уже извѣстно, въ допетровской Руси доводъ отъ «послѣдняго времени» является однимъ изъ самыхъ внушительныхъ богословскихъ доводовъ. Не удивительно, что нашему автору захотѣлось обратить его противъ столь непріятныхъ ему «старцевъ».

Однако, читатель сильно ошибся бы, если бы подумалъ, что, рисуя картину «послѣдняго времени», авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» оперировалъ лишь съ помощью своей фантазіи. Матеріаломъ для этой картины послужили ему данныя, полученныя наблюденіемъ того, что происходило въ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что за иноческіе грѣхи и за царскую простоту при «послѣднемъ времени» произойдетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Начнутъ люди напрасными бѣдами спасатися, и по мѣстамъ за таковые грѣхи начнутъ быти глады и морове частые, и многіе всякіе трусы и потопы, и междоусобные брани и войны, и всяко въ мірѣ начнутъ гинути грады и стѣснятся, и смятенія будутъ во царствахъ велики и ужасти, и будутъ никимъ гоними волости и села пустѣютъ дома христіанскіе, люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ менше, и тѣмъ досталнымъ людемъ будетъ на пространной земли жити негдѣ» [2]).

Указанное выше запустѣніе центральныхъ мѣстностей Московскаго государства привело именно къ тому, что хотя московская земля начала «пространнѣе быти», но такъ какъ рабочихъ рукъ стало меньше, и производительныя силы населенія ослабѣли, то «досталные люди» терпѣли на пространной землѣ гораздо бо́льшую нужду, чѣмъ прежде. Это обстоятельство не укрылось отъ вниманія автора «Бесѣды», и онъ яркими красками изобразилъ его въ своей картинѣ «послѣдняго времени». Другія, не менѣе выдающіяся, черты этой картины заставляютъ думать, что нелишенные проницательности московскіе люди той эпохи уже предвидѣли наступленіе Смуты. Едва ли простымъ риторическимъ украшеніемъ является въ «Бесѣдѣ» предсказаніе гибели градовъ, междуусобной брани и войнъ. И также врядъ ли простою склонностью къ риторикѣ подсказаны нашему автору вотъ эти строки: «царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися за свою царскую простоту и за иноческіе грѣхи и за

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

мірское невоздержаніе» [1]). Извѣстно, что англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Московское государство въ царствованіе Ѳедора Ивановича, предсказалъ наступленіе Смуты. Вполнѣ позволительно думать, что онъ сдѣлалъ это свое предсказаніе, основываясь на слышанномъ имъ отъ московскихъ людей, входившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. А нарисованная авторомъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» картина «послѣдняго времени» наводитъ на ту мысль, что болѣе или менѣе сознательное ожиданіе «междуусобной брани» возникало уже при Иванѣ IV. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что автору «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» еще нельзя было предвидѣть прекращеніе династіи.

Итакъ, подъ диктовку человѣка, несомнѣнно, вышедшаго изъ мірской среды, валаамскіе чудотворцы въ своей «Бесѣдѣ» начертали цѣлую программу, содержаніе которой можетъ быть изложено приблизительно такъ:

I. Царю принадлежитъ неограниченная власть въ государствѣ.

II. Онъ управляетъ государствомъ, совѣтуясь съ боярами и не подчиняясь вліянію иноковъ, этихъ «непогребенныхъ мертвецовъ».

III. Онъ щадитъ платежныя силы страны и держитъ въ уздѣ воинниковъ, не позволяя имъ притѣснять мирныхъ жителей.

IV. Монастыри перестаютъ владѣть населенными землями.

Мы видимъ, что, благопріятная для «велможъ», программа эта неблагопріятна для духовенства. Она направлена противъ него какъ въ своей экономической, такъ и въ своей политической части. И она дополняетъ то, что сказано было мною въ первой главѣ о взаимной борьбѣ свѣтской и духовной власти въ московской Руси.

Московскому государю нужны были земли; ему нужно было очень много земель. Чтобы увеличить свой зѣмельный фондъ, московское правительство еще въ лицѣ Ивана III подняло вопросъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. Параллельно съ этимъ оно постепенно, но неуклонно суживало права вотчинныхъ землевладѣльцевъ. Его идеаломъ въ этой области было полное превращеніе вотчинъ въ помѣстья. Для такого превращенія очень много сдѣлалъ грозный внукъ Ивана III, осуществившій программу Пересвѣтова съ помощью своей опричнины и поставившій въ ней точки надъ «і» именно тамъ, гдѣ отъ точекъ-то и зависѣло все ея содержаніе, т.-е. тамъ, гдѣ дѣло касалось отношенія неограниченнаго царя къ имуществу его подданныхъ. По словамъ проф. С. Ѳ. Платонова, «опричнина сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ-старины. Посредствомъ принудительной и

[1]) Тамъ же, та же страница.

систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ» [1]). Когда программа литовскаго выходца была осуществлена и надлежащимъ образомъ дополнена «прирожденнымъ» московскимъ государемъ примѣнительно къ московскимъ экономическимъ условіямъ; когда совершилась настоящая революція въ области имущественныхъ отношеній служилаго класса, политическое значеніе боярства было,—по замѣчанію того же проф. Платонова,—безповоротно уничтожено. Но пока революція еще только подготовлялась; пока жизнь еще только создавала, одну за другой, конкретныя основы будущей программы Пересвѣтова; пока еще не было безповоротно уничтожено политическое значеніе родовитаго боярства,—служилые московскіе «княжата» стремились отстоять свое существованіе, отвратить отъ себя надвигавшуюся грозу и направить ее въ другую сторону. Но они были людьми практики, а не теоріи. Имъ очень хорошо извѣстно было хозяйственное положеніе московскаго государства. Они прекрасно знали, что увеличеніе земельнаго фонда, дѣйствительно, было при тогдашнихъ условіяхъ одной изъ самыхъ настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Поэтому, они охотно откликнулись на проповѣдь «заволжскихъ старцевъ», т.-е. той,—весьма мало, впрочемъ, вліятельной въ своей средѣ,—части монашества, которая, держась точки зрѣнія религіознаго аскетизма, находила, что монастыри не должны владѣть населенными имѣніями. Секуляризація многочисленныхъ и весьма обширныхъ монастырскихъ имѣній въ значительной степени увеличила бы земельный фондъ государства и тѣмъ самымъ отдалила бы опасность превращенія свѣтскихъ вотчинъ въ помѣстья. Этимъ достаточно объясняется вся экономическая сторона программы, написанной отъ имени валаамскихъ чудотворцевъ публицистомъ, отстаивавшимъ боярскіе интересы.

Что касается политической стороны этой программы, то здѣсь надо имѣть въ виду слѣдующее. Послѣ того, какъ московское правительство, натолкнувшись на рѣшительное сопротивленіе духовенства въ вопросѣ объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ, пошло на сдѣлку и оставило ихъ въ рукахъ «непогребенныхъ мертвецовъ», ограничившись распространеніемъ своего контроля на монастырскія земли, духовная власть надолго, почти до временъ патріарха Никона, разсталась съ оппозиціоннымъ настроеніемъ и вы-

[1]) «Очерки по исторіи смуты», стр. 147.

ступила въ роли дѣятельной помощницы московскихъ самодержцевъ. Защитники монастырскихъ владѣній, Іосифъ Волоцкой и его ученики, «осифляне», еще такъ недавно склонявшіеся къ критикѣ дѣйствій свѣтской власти, сдѣлались теперь убѣжденными пропагандистами абсолютизма. Въ этомъ отношеніи они сходились съ идеологами дворянства, которое въ своей борьбѣ съ боярствомъ старалось опереться на неограниченную власть царя. Ничѣмъ неограниченная царская власть была необходима для того, чтобы совершить указанную выше аграрную революцію, которая была такъ благопріятна для дворянскихъ и такъ неблагопріятна для боярскихъ интересовъ. Въ томъ, что касалось этой революціи, «осифляне» были цѣликомъ на сторонѣ царя и дворянства. Какъ бояре не имѣли ничего противъ секуляризаціи монастырскихъ имѣній, такъ и «осифлянская» часть духовенства,—т.-е. наибольшая часть его, одна только и обладавшая сколько-нибудь серьезнымъ практическимъ значеніемъ,—ровно ничего не имѣла противъ безцеремоннаго обращенія царской власти съ вотчинами княжатъ. Неудивительно поэтому, что бояре боялись вліянія «осифлянъ» на государя. Уже по своему положенію земныхъ боговъ, обязанныхъ отстаивать чистоту вѣры въ Бога небеснаго, московскіе великіе князья и цари должны были гораздо чаще соприкасаться съ вліятельными духовными лицами, нежели съ представителями низшей части служилаго сословія. Пересвѣтовъ писалъ во второй своей челобитной царю: «а выѣзду моему, государь, одиннадцат лѣтъ. И яз тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не могу» [1]). Несравненно легче было «доступити государя благовѣрнаго царя» какому-нибудь московскому архимандриту или епископу, не говоря уже о царскомъ духовникѣ. Да и не только—московскому. Заходя нѣсколько впередъ въ своемъ изложеніи, я напомню здѣсь извѣстный разсказъ князя Курбскаго о свиданіи Ивана IV съ монахомъ Вассіаномъ Топорковымъ въ отдаленномъ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Царь спросилъ Вассіана: «како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?» На это старецъ «по древней своей обыкновенной злости» хитро отвѣчалъ: «аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ» [2]). Курбскій былъ убѣжденъ, что этотъ «силлогизмъ сатанинскій», какъ называетъ онъ отвѣтъ То-

[1]) Р ж и г а, названное соч., стр. 79.

[2]) «Сказаніе князя Курбскаго», стр. 37—38.

поркова, пришелся по душѣ царю и имѣлъ большое вліяніе на его внутреннюю политику. Въ виду всего этого, становятся совершенно понятными пространныя разсужденія валаамскихъ чудотворцевъ о томъ, какъ вредны для страны совѣщанія «простоватыхъ» царей съ «непогребенными мертвецами». Вліяніе на царя «непогребенныхъ мертвецовъ»,—конечно, «осифлянскаго» направленія,—въ корнѣ подрывало вліяніе на него родовитаго боярства. Стало быть, не спроста авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» грозилъ «послѣднимъ временемъ» такому царю, который захотѣлъ бы совѣщаться съ монахами.

Это, надѣюсь, не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Но вотъ, что надо отмѣтить еще въ разбираемой «Бесѣдѣ». Преподобные Сергій и Германъ обращаютъ вниманіе на тяжелое положеніе монастырскихъ трудниковъ, т.-е. крестьянъ: «нынѣ мы окаянніи... подъ собою имѣемъ волости со христіаны и надъ ними властвуемъ немилосердство и злобу показуемъ и всякую неправду» [1]). Валаамскіе чудотворцы напоминаютъ, что иноки должны были бы любить всѣхъ трудниковъ и бѣльцовъ и прочихъ православныхъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ они жестоко эксплуатируютъ подчиненныхъ имъ земледѣльцевъ. Трудники «на насъ иноковъ по вся дни тружаются безъ выбору и насъ иноковъ питаютъ своими вольными и невольными трудами, во всемъ передъ нами послушаніе творятъ. А мы окаянніи по діаволю наученію таковыхъ Бого избранныхъ лишаемъ брашна своего, аки невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганыхъ. О мы безумніи! камо ся дѣнемъ и како противу ихъ станемъ отвѣщати предъ страшнымъ и праведнымъ судіею» и т. д. [2]). Какъ фактъ изъ исторіи русской общественной мысли, это страстное воззваніе преподобныхъ Сергія и Германа означаетъ, что авторъ «Бесѣды», обѣими ногами стоявшій на боярской точкѣ зрѣнія, сознавалъ и осуждалъ тяжелое положеніе монастырскаго крестьянства. Ему совершенно ясно, что иноки монастырей, обладающихъ вотчинами, живутъ эксплуатаціей крестьянства, какъ сказали бы мы теперь. И онъ не стѣсняется высказать это. Противорѣчіе ведетъ впередъ. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы,—или на сословія, это въ данномъ случаѣ безразлично,—классовая борьба открываетъ людямъ глаза на такія истины, которыя безъ нея остались бы недоступными для нихъ. Правда, когда такія истины доходятъ до сознанія людей привилегированнаго положенія, то онѣ понимаются ими довольно односторонне. Валаамскіе чудотворцы оплакивали тяжелое положеніе

---

[1]) «Лѣтопись занятій археографической комиссіи», отд. II, стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 17—18.

монастырскихъ крестьянъ. Однако, они забыли спросить себя, каково живется крестьянамъ въ боярскихъ вотчинахъ. Это произошло оттого, что авторъ «Бесѣды» отстаивалъ, какъ мы знаемъ, боярскіе интересы. Много времени спустя, англійскіе лорды жестоко упрекали англійскихъ фабрикантовъ въ безпощадной эксплуатаціи промышленнаго пролетаріата. Но добрые лорды тоже забывали спросить себя: «а какую жизнь ведутъ рабочіе въ нашихъ собственныхъ имѣніяхъ?» Этотъ вопросъ поставили за нихъ фабриканты. Они услужливо предприняли цѣлое изслѣдованіе, убѣдительно показавшее, что положеніе англійскихъ рабочихъ было въ сельскихъ округахъ ничуть не лучше, нежели въ промышленныхъ. Насколько мнѣ извѣстно, защищавшіе монастырскія владѣнія «осифляне» не догадались отплатить такою же любезностью московскимъ боярамъ XVI в. И это очень жаль!

Въ нѣкоторыхъ своихъ спискахъ «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» сопровождается интереснымъ документомъ, озаглавленнымъ: «Ино сказаніе тоежъ бесѣды, отъ видѣнія извѣтъ преподобныхъ игуменовъ Сергія и Германа Валаамскихъ начальниковъ властующему князю великаго Новограда, посадникамъ и сущимъ Новгородцамъ съ ними». Въ дѣйствительности, этотъ документъ вовсе не представляетъ собою разновидности «тоежъ бесѣды» и принадлежитъ, по всей видимости, другому автору. Но это дѣлаетъ его тѣмъ болѣе интереснымъ.

По мнѣнію автора «Иного сказанія», христолюбивымъ царямъ русской земли подобаетъ укрѣплять своихъ воеводъ и свое войско и во всѣ стороны распространять свое государство. Но это дѣло не можетъ быть сдѣлано силами одной верховной власти. Для него необходимо сочетаніе всѣхъ общественныхъ силъ.

«И на такое дѣло благое достоитъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ и православнымъ благочестивымъ «папамъ» (?), преосвященнымъ митрополитамъ и всѣмъ священнымъ архіепископомъ и епископомъ и преподобнымъ архимаритомъ и игуменомъ и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великихъ князей русскихъ московскихъ на единомысленный вселенскій совѣтъ». Такой совѣтъ надлежитъ царю «воздвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безъ высокоумія гордости, христоподобною смиренной мудростію», и держать при себѣ погодно. Другими словами, авторъ требуетъ созванія земскаго собора съ широкимъ и дѣйствительнымъ представительствомъ отъ городовъ и уѣздовъ. Это весьма ясное само по себѣ требованіе показалось страннымъ и неяснымъ покойному А. Н. Пыпину только по той причинѣ, что, совѣтуя созвать соборъ, авторъ «Иного сказанія» рекомендуетъ царю «рас-

просити» его о постѣ и покаяніи: «и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи міра всего и про всякое дѣло міра сего» [1]). А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ: «выходитъ такъ, что вселенскій соборъ нуженъ для наблюденія того, держатся ли посты и исповѣдь, и затѣмъ уже для другихъ дѣлъ сего міра» [2]). Но что же тутъ удивительнаго? Мы уже знаемъ, что по понятіямъ московскихъ публицистовъ XVI в.,—и при томъ всѣхъ, безъ различія партій,—царь былъ верховнымъ охранителемъ благочестія въ странѣ. Читатель не забылъ, надѣюсь, какъ и кѣмъ сдѣланы были первые шаги для учрежденія патріаршества въ Россіи. Когда царю Ѳедору Ивановичу, религіозная благонамѣренность котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія (извѣстно, что отецъ насмѣшливо называлъ его пономаремъ), пришла мысль учредить патріаршество, онъ посовѣтовался объ этомъ со своей супругою и съ боярами и только заручившись ихъ одобреніемъ обратился къ духовенству, которому оставалось лишь привести въ исполненіе планъ, уже обдуманный царемъ съ царицей и боярами. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что авторъ «Иного сказанія» предоставляетъ свѣтской власти верховную заботу о постахъ и исповѣди. Далѣе. Мы видѣли, что даже Пересвѣтовъ, для котораго правда была важнѣе вѣры, любилъ ставить доводы отъ религіи во главу своей аргументаціи. Вотъ почему вполнѣ естественно, что авторъ «Иного сказанія» рекомендуетъ «вселенскому собору» прежде всего внимательное отношеніе къ вопросамъ церковнаго благочестія. Это было какъ нельзя болѣе согласно съ привычками и образомъ мысли московскихъ людей. Съ другой стороны, очень мало распространенъ былъ тогда, во-первыхъ, тотъ взглядъ, что забота объ охраненіи благочестія принадлежитъ не только царю съ боярами, но также и народнымъ представителямъ, а, во-вторыхъ,—тотъ, что съ тѣми же народными представителями царь «на всякъ день» долженъ совѣщаться также о «всякомъ дѣлѣ міра сего». Взглядъ этотъ составляетъ чрезвычайно интересную особенность «Иного сказанія», и какъ ни запутанно выражается его авторъ,—А. Н. Пыпинъ недаромъ говоритъ объ его «плохой грамотности»,—онъ все-таки представляетъ собою замѣчательное явленіе въ тогдашней нашей публицистикѣ.

А. Н. Пыпинъ не рѣшается сказать съ увѣренностью, что авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» былъ сознательнымъ приверженцемъ боярской партіи. «Могло быть,—говоритъ онъ,—что, выставляя князей и бояръ естественными совѣтниками царя

---

[1]) Тамъ же, стр. 29 и 30.

[2]) Пыпинъ, «Исторія русской литературы», т. II, стр. 157.

въ правленіи, онъ только повторялъ традиціонное представленіе о царскомъ правленіи,—главное было для него въ томъ, чтобы въ правленіе не мѣшались «непогребенные мертвецы» [1]). Конечно, это могло быть. Но самъ же А. Н. Пыпинъ указываетъ на то, что авторъ «Бесѣды» былъ не монахомъ, а «мірскимъ человѣкомъ», живо затронутымъ тогдашними толками по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ, о вмѣшательствѣ іерархіи въ государственныя дѣла, объ упадкѣ боярскаго вліянія» [2]). А мірской о мірскомъ и думаетъ. И если даже допустить, что авторъ «Бесѣды» больше всего опасался вмѣшательства «непогребенныхъ мертвецовъ» въ дѣла государственнаго управленія, то и тогда у насъ не будетъ права сомнѣваться въ сознательномъ отношеніи автора «Бесѣды» къ боярскимъ притязаніямъ: иноки «осифлянскаго» направленія могли, какъ уже сказано, своимъ вліяніемъ на свѣтскую власть сильно повредить интересамъ боярства.

---

[1]) Тамъ же, та же страница.
[2]) Тамъ же, стр. 151—152.

Глава IV.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ.

Заводя рѣчь о борьбѣ московскихъ государей съ боярствомъ, необходимо сейчасъ же сдѣлать ту существенную оговорку, что въ этой борьбѣ бояре держались оборонительной, а не наступательной тактики. Знакомыя уже намъ особенности экономическаго развитія московскаго государства сдѣлали бояръ неспособными не только вырывать у государей новыя привилегіи, но и отстаивать старыя. Московское боярство не выставляло опредѣленныхъ политическихъ требованій. Во время дѣтства Ивана IV власть фактически была въ рукахъ крупныхъ боярскихъ родовъ. Но они воспользовались ею для взаимной борьбы и для взаимныхъ счетовъ, а не для усиленія своей политической позиціи. Когда Иванъ IV пришелъ въ возрастъ и далъ имъ почувствовать свои деспотическія наклонности, они тоже показали себя недоросшими до мысли объ юридическомъ ограниченіи верховной власти. Они вполнѣ готовы были удовольствоваться фактическимъ ограниченіемъ ея посредствомъ личнаго вліянія на самодержца со стороны его совѣтниковъ. Да и съ этой стороны они не обнаружили аристократической исключительности. Энергичный и талантливый идеологъ московскаго боярства XVI вѣка, князь Андрей Михайловичъ Курбскій съ величайшей похвалою отзывается въ своей «Исторіи князя великаго московскаго» о томъ періодѣ царствованія Ивана IV, когда онъ правилъ государствомъ согласно указаніямъ «избранной рады». Но вѣдь рада эта состояла не изъ однихъ бояръ. Если въ нее входилъ самъ кн. А. М. Курбскій, то въ нее же входилъ и митрополитъ Макарій, и попъ Сильвестръ, и мелкій дворянинъ Алексѣй Адашевъ. Намъ уже извѣстно изъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ», какъ опасались бояре вмѣшательства духовенства въ дѣла государственнаго управленія. Знаемъ мы и то, что въ XVI вѣкѣ многіе существенные интересы родовитаго бояр-

ства были прямо противоположны не менѣе существеннымъ интересамъ мелкаго дворянства. Однако, Курбскій ни мало не осуждаетъ участія въ «избранной радѣ» попа Сильвестра и дворянина Адашева. Совершенно наоборотъ. Онъ не находитъ достаточно яркихъ словъ для изображенія благотворности ихъ вліянія на царя. Сообщая о совѣтникахъ, привлеченныхъ Сильвестромъ и Адашевымъ къ управленію государствомъ, онъ тоже не показываетъ себя исключительнымъ сторонникомъ боярскаго вліянія. Въ его глазахъ важнѣе всего то, что совѣтники были «мужами разумными и совершенными... такожъ предобрыми и храбрыми... въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусными». Онъ признаетъ, что отъ «избранной рады» зависѣло все управленіе государствомъ, но въ своей характеристикѣ ея дѣятельности онъ съ похвалою выдвигаетъ на видъ ея готовность наградить всякаго служилаго человѣка, показавшаго усердіе и талантъ. Онъ пишетъ: «и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились» [1]). Награда сообразуется только съ заслугой. О родовитости награждаемаго нѣтъ и рѣчи. Это вполнѣ одобрилъ бы самъ Пересвѣтовъ. Мало того. Въ своихъ письмахъ къ Курбскому Иванъ говоритъ объ Адашевѣ: «собакѣ Алексѣю вашему начальнику» и т. д. [2]). Иногда «начальникомъ» онъ называетъ также и попа Сильвестра. Противъ этого Курбскій ровно ничего не возражаетъ въ своихъ отвѣтахъ. Это даетъ поводъ думать, что преобладающую роль въ «избранной радѣ» дѣйствительно играли люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу. А все это вмѣстѣ взятое означаетъ, что мы попали бы въ большую ошибку, если бы представили себѣ названную раду органомъ исключительнаго боярскаго вліянія. Нѣтъ, время ея господства въ управленіи государствомъ было временемъ компромисса между боярствомъ, духовенствомъ и дворянствомъ [3]). Боярству такой компромиссъ былъ выго-

---

[1]) «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 162.

[3]) В. А Келтуяла считаетъ попа Сильвестра «выразителемъ интересовъ торгово-промышленнаго класса населенія «посадскихъ» на томъ основаніи, что онъ обладалъ большимъ состояніемъ и находился въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранными купцами («Курсъ», ч. I, кн. 2-я, стр. 626). Но богатый священникъ, ведущій большіе торговые обороты, не всегда переходитъ на точку зрѣнія торгово-промышленнаго класса, хотя, разумѣется, не можетъ и пренебрегать его интересами. Впрочемъ, если бы взглядъ В. А. Келтуялы и былъ справедливъ, то онъ явился бы только новымъ доводомъ въ пользу того моего мнѣнія, что «избранная рада» не была органомъ чисто боярскаго вліянія: по мнѣнію г. Келтуялы, духовенство было представлено въ «избранной радѣ» митрополитомъ Макаріемъ.

день, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ, отсрачивалъ наступательный противъ него союзъ духовенства и дворянства съ царемъ, уже рано обнаружившимъ свое нерасположеніе къ боярамъ. Съ другой стороны, мыслившіе представители духовенства и дворянства могли находить полезнымъ союзъ свой съ представителями боярства для вразумленія Ивана, который тогда уже показалъ себя дикимъ и взбалмошнымъ не только въ обращеніи съ боярами [1]). Оставляя въ сторонѣ едва ли разрѣшимый теперь вопросъ о томъ, какими именно путями достигла «избранная рада» своего вліянія на молодого царя, нельзя, кажется, не признать, что оно было въ теченіе нѣкотораго времени почти безграничнымъ. Мы видимъ это какъ изъ «Исторіи» Курбскаго, такъ и изъ писемъ Ивана. Въ своемъ первомъ отвѣтѣ Курбскому Грозный говоритъ, что во время похода на Казань его «аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю» [2]). Больше того. Иванъ утверждаетъ, что онъ былъ лишенъ своей воли даже въ мелочахъ, касавшихся «обуща и спанья». Короче: «вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ» [3]). Если правда то, что своенравный и распущенный царь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подчинялся такому режиму, то мы, можетъ быть, имѣемъ передъ собою интересный случай гипнотическаго вліянія. Но вліяніе это мало-по-малу ослабѣло. А тотъ компромиссъ, которому онъ шелъ на пользу, уступилъ мѣсто новому обостренію взаимной классовой борьбы въ московскомъ обществѣ. По разсказу Курбскаго о встрѣчѣ Ивана съ Вассіаномъ Топорковымъ выходитъ, что компромиссъ нарушенъ былъ происками «осифлянскаго» духовенства. Но онъ и не могъ быть прочнымъ по извѣстнымъ уже намъ историческимъ условіямъ того времени. Московское государство все болѣе и болѣе превращалось въ вотчинную монархію восточнаго типа не потому, что этого хотѣлъ тотъ или другой государь, тотъ или другой, свѣтскій или духовный, совѣтникъ того или другого государя. Напротивъ, го-

---

[1]) Извѣстенъ пріемъ, оказанный имъ псковитянамъ, пришедшимъ жаловаться на своего воеводу кн. Турунтая: онъ «опалился» на нихъ страшнымъ гнѣвомъ и сталъ ихъ мучить, что называется ни за что ни про что. Курбскій разсказываетъ, что Иванъ «началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ... Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сиглитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочинѣ («Сказанія», стр. 6)». Образумить такого удальца важно было для всѣхъ жителей страны безъ различія званій и состояній.

[2]) «Сказанія», стр. 165.

[3]) Тамъ же, стр. 164.

судари и ихъ совѣтники потому и хотѣли превратить Московское государство въ вотчинную монархію, т.-е. распространить власть монарха не только на лицъ, но и на все ихъ имущество, что такая политика предписывалась историческими условіями хозяйственнаго развитія страны. Компромиссъ между боярствомъ, дворянствомъ и духовенствомъ не могъ устранить эти условія. И точно такъ же не могъ онъ привести къ тому, чтобы превращеніе вотчинъ въ помѣстья, такъ рѣзко противорѣчившее интересамъ бояръ, перестало быть весьма выгоднымъ для дворянства. Та среда, настроеніе которой выразилось въ сочиненіяхъ Пересвѣтова, продолжала, конечно, существовать и тогда, когда заключенъ былъ компромиссъ. Ея стремленія должны были рано или поздно дать себя почувствовать. Когда Иванъ освободился отъ гипнотическаго вліянія «избранной рады», онъ пошелъ какъ разъ въ томъ направленіи, какое указано было въ сочиненіяхъ Пересвѣтова. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ программу этого послѣдняго; но только онъ наполнилъ ее гораздо болѣе конкретнымъ содержаніемъ, совершивъ съ помощью своихъ опричныхъ «воинниковъ» вышеуказанный земельный переворотъ и проявивъ при этомъ такую безудержную жестокость, такое дикое самодурство, о какихъ вовсе не мечталъ Пересвѣтовъ, рисуя образъ своего жестокаго, но мудраго Махметъ-салтана. Когда компромиссъ былъ нарушенъ, царю, опиравшемуся на дворянство и на «осифлянское» духовенство, выпала на долю роль нападающаго, а боярству оставалось только защищаться. Вотъ почему, боярскій публицистъ Курбскій въ своей полемикѣ съ Грознымъ никогда не покидаетъ оборонительной позиціи. Но такъ какъ предыдущая исторія Московскаго государства, вслѣдствіе слабости общественной дифференціаціи, не только не выработала юридическихъ нормъ, которыя опредѣляли бы права отдѣльныхъ классовъ, но и не вызвала ни въ одномъ изъ нихъ сознательнаго стремленія къ созданію такихъ нормъ, то Курбскій заимствуетъ свои доводы не столько изъ области политики, сколько изъ области морали, подкрѣпляя ихъ ссылками на св. Писаніе. Онъ не предъявляетъ конституціонныхъ требованій; его взоръ,—подобно взору автора «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ»,—не простирается дальше системы управленія государствомъ.

Его первое письмо къ Ивану,—такъ художественно воспроизведенное гр. Толстымъ въ стихотвореніи «Василій Шибановъ»,—содержитъ въ себѣ почти однѣ только жалобы на жестокое обращеніе царя съ боярами. «Прочто, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ

Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ, проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси?.. Что провинили предъ тобою, о царю, и чимъ прогнѣвали тя христіанскіе предстатели? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша, праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ?» [1]). Какъ слаба оборонительная позиція опальнаго князя, видно изъ того, что онъ можетъ погрозить жестокому царю лишь возмездіемъ на томъ свѣтѣ. «Или безсмертенъ, царю! мнишись? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному Судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуяся истязати ихъ... яко же словеса глаголютъ? Онъ есть—Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія во превысокихъ—судитель между тобою и мною» [2]). Когда польскіе и литовскіе магнаты были очень недовольны своимъ королемъ, они грозили ему «рокошемъ», а не судебнымъ разбирательствомъ на томъ свѣтѣ. Но ихъ общественное положеніе было совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе московскихъ бояръ.

Курбскій чувствовалъ, что преслѣдованіе, обрушившееся на родовитыхъ бояръ, имѣло свою экономическую основу. Въ своей «Исторіи князя великаго московскаго» онъ, говоря о преслѣдованіи Иваномъ князей Прозоровскихъ и Ушатыхъ, прибавляетъ: «понеже имѣли отчины великія; мню негли (вѣроятно, *Г. П.*) изъ того ихъ погубилъ» [3]). Въ своемъ «краткомъ отвѣщаніи на зѣло широкую епистолію» Ивана Курбскій упрекаетъ царя въ томъ, что онъ отнялъ у бояръ все то, чего не успѣли «разграбить» его отецъ и дѣдъ, всѣ «движимыя стяжанія и недвижимыя» [4]).

Упрекъ въ отнятіи у бояръ ихъ «стяжаній» сопровождается у Курбскаго напоминаніемъ Ивану о томъ, что истребленные и ограбленные имъ «княжата» были одного съ нимъ племени, происходя «отъ роду великаго Владиміра» [5]). Это напоминаніе показываетъ, что споръ Курбскаго съ Иваномъ былъ не только споромъ служилаго человѣка со своимъ государемъ. Въ извѣстной мѣрѣ онъ являлся также споромъ двухъ вѣтвей одного и того

---

[1]) «Сказанія», стр. 132.
[2]) Тамъ же, та же страница.
[3]) «Сказанія», стр. 85.
[4]) «Сказанія», стр. 192.
[5]) Тамъ же, та же страница.

же «рода великаго Владиміра». Иначе сказать: въ лицѣ Курбскаго говорилъ не только недовольный «велможа»; въ его лицѣ говорилъ также,—а, можетъ быть, и еще того больше?—одинъ изъ потомковъ ярославскихъ князей, обиженный однимъ изъ сильныхъ князей московскихъ [1]). А это значитъ, что стремленія подобныхъ ему «княжатъ» продолжали имѣть двойственный характеръ, будучи въ значительной степени опредѣляемы воспоминаніями о связи боярскихъ семействъ съ «родомъ великаго Владиміра», а не современнымъ ихъ положеніемъ въ государствѣ. Этимъ неопредѣленнымъ характеромъ объясняется и двойственная, противорѣчивая природа пресловутаго московскаго мѣстничества [2]). Нетрудно видѣть, наконецъ, что двойственный характеръ указанныхъ стремленій объясняется тѣми историческими условіями, которыя помѣшали возникновенію и упроченію въ Москвѣ сильной и вліятельной землевладѣльческой аристократіи. Когда «аристократъ» отстаиваетъ свое значеніе, опираясь лишь на свою принадлежность къ тому роду, отъ котораго происходитъ государь, тогда онъ еще не настоящій аристократъ. Литовскіе «паны-рада» основывали свою «вольность» на политическихъ правахъ, завоеванныхъ путемъ долгой борьбы; понятіе о подобныхъ правахъ выработалось въ Литвѣ,—какъ и въ Польшѣ, какъ и въ другихъ западныхъ государствахъ,—совершенно независимо отъ соображеній о болѣе или менѣе кровной близости той или другой аристократической семьи къ королевскому роду. Поэтому въ Литвѣ, какъ и въ западныхъ государствахъ, не было московскаго мѣстничества.

А. Н. Пыпинъ нашелъ нужнымъ защитить Курбскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ отстаивалъ право отъѣзда и право совѣта [3]). Какъ я уже замѣтилъ выше, Курбскій вообще не выдвигалъ опредѣленныхъ политическихъ требованій и не отстаивалъ опредѣленныхъ политическихъ понятій. Но все-таки ясно, что въ его глазахъ отъѣздъ не могъ быть такимъ плохимъ дѣломъ, какимъ былъ онъ въ глазахъ Ивана. Иванъ считалъ его измѣной: «измѣнниче», говоритъ онъ, обращаясь къ Курбскому въ одномъ изъ своихъ писемъ. А. Курбскій, по всей вѣроятности, хорошо помнилъ, что еще очень недавно право отъѣзда признавалось самими

---

[1]) Въ отвѣтѣ на второе письмо Ивана Курбскій употребляетъ негодующее выраженіе: «тотъ вашъ издавна кровопивственный родъ». «Сказанія», стр. 203. Тутъ мы видимъ скорѣе столкновеніе двухъ княжескихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго корня, нежели столкновеніе аристократіи съ верховной властью.

[2]) Спорившіе между собою изъ-за «мѣстъ» родовитые московскіе бояре апеллировали къ «Родословцу», а «Родословецъ» опять напоминалъ объ ихъ родственной связи съ владѣтельнымъ домомъ.

[3]) «Исторія русской литературы», томъ II, стр. 171.

московскими государями [1]). Притомъ, литовское великое княжество въ большей части своей территоріи тоже было Русью, хотя и подъ «державою» католическаго государя. Въ своемъ отвѣтѣ на второе письмо Ивана Курбскій говоритъ между прочимъ: «царь Перекопскій, присылалъ яко королеви моляся, такъ и насъ просячи, иже бы пошелъ есть съ нимъ на тую часть Русскія земли, яжъ подъ державою твоею» [2]). Послѣднія слова этого отрывка свидѣтельствуютъ, что въ представленіи Курбскаго предѣлы русской земли совсѣмъ не совпадали съ предѣлами Московскаго государства. Интересно, что Курбскій отказался пойти противъ москвитянъ съ «перекопскимъ царемъ», вопреки приказанію своего новаго государя, польскаго короля и великаго литовскаго князя [3]). А если онъ «воевалъ» московскую землю, выступая подъ литовскими знаменами, то литовская Русь издавна привыкла бороться съ московской, какъ московская Русь издавна привыкла нападать на литовскую.

Взглядъ Курбскаго на право отъѣзда достаточно полно выраженъ въ слѣдующихъ строкахъ отвѣта его на второе письмо Ивана: «азъ давно уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ ти, да не возмогохъ послати, непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертьми (тако жъ и здѣ, тобѣ уподобяся, жестоцѣ творятъ)» [4]). Очевидно, что Курбскій считалъ нарушеніе права отъѣзда однимъ изъ проявленій тираническихъ наклонностей московскаго царя.

Переходя отъ вопроса объ отъѣздѣ къ вопросу о совѣтѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ своихъ письмахъ къ Ивану Курбскій не касается этого послѣдняго вопроса. Но зато ставитъ его въ своей исторіи. «Царь же,—говоритъ онъ тамъ,—аще и почтенъ цар-

---

[1]) Это было одно изъ немногихъ правъ служилыхъ людей, формально признававшихся князьями. Въ послѣдній разъ оно признано было въ договорѣ великаго князя Василія Ивановича съ роднымъ братомъ своимъ Юріемъ Ивановичемъ въ 1531 г. (М. Дьяконовъ, «Очерки», стр. 255). Но въ томъ-то и бѣда, что признавалось оно въ договорахъ князей между собою, а не въ договорахъ государей со служилыми людьми. Московское служилое сословіе не доросло до такихъ договоровъ. Оттого въ практику московскихъ государей издавна вошло наказаніе тѣхъ, пользовавшихся правомъ отъѣзда, служилыхъ людей, которые снова попадали въ ихъ руки.

[2]) «Сказанія», стр. 202.

[3]) Тамъ же, та же страница.

[4]) Тамъ же, стр. 204.

ствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ» [1]). Тутъ мы опять не находимъ опредѣленнаго требованія по части государственнаго устройства, но зато опять встрѣчаемся съ весьма опредѣленнымъ указаніемъ на счетъ государственнаго управленія. Указаніе это еще болѣе увеличивается въ своемъ вѣсѣ, благодаря исторической ссылкѣ Курбскаго на Ивана III, который освободилъ отъ татаръ свое государство, возвеличилъ его и расширилъ его предѣлы, оттого что былъ «любосовѣтенъ» и имѣлъ обычай «ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта» [2]). Но Иванъ III, который, къ слову сказать, тоже былъ довольно-таки деспотиченъ, совѣщался съ боярской думой, а не со «всенародными человѣки». Поэтому Курбскій ставитъ вопросъ шире, чѣмъ рѣшался онъ практикой государственнаго управленія при дѣдѣ Грознаго. Признавая «всенародныхъ человѣкъ» желательными совѣтниками царя, онъ заставляетъ вспомнить объ «Иномъ сказаніи», рекомендовавшемъ созваніе царемъ вселенскаго собора. Правда, онъ выражается не вполнѣ ясно. И сказанное имъ о «всенародныхъ человѣкъ» можетъ, пожалуй, быть истолковано не въ смыслѣ созванія земскаго собора, а въ гораздо болѣе ограниченномъ смыслѣ привлеченія въ царскую «раду» отдѣльныхъ выдающихся представителей народа. Но все-таки Курбскій желаетъ не только того, чтобы «въ правленіи участвовали люди честные и опытные»,—какъ выражается А. Н. Пыпинъ. Онъ хочетъ также, чтобы царь *совѣщался* съ опытными и честными людьми, участвующими въ государственномъ управленіи. А это не одно и то же.

Если взглядъ Курбскаго на «совѣтъ» заставляетъ насъ вспомнить объ «Иномъ сказаніи», то отвѣты Грознаго не разъ приводятъ намъ на память «Бесѣду валаамскихъ чудотворцевъ». Въ первомъ изъ нихъ Грозный говоритъ Курбскому: «или речеши ми, яко святительскія поученія тако пріймаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пещися: ино убо есть постническое пребываніе, иножъ во общемъ житіи сожитіе, иножъ святительская власть, иножъ царское правленіе» [3]). Авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотвор-

[1]) Тамъ же, стр. 39—40.

[2]) Тамъ же, стр. 40.

[3]) «Сказанія», стр. 153.

цевъ» тоже весьма пространно доказывалъ, какъ мы знаемъ, что иное дѣло царское правленіе, а иное—святительская власть [1]). Это не мѣшаетъ доводамъ Ивана IV напоминать и доводы Пересвѣтова. Подобно Пересвѣтову, онъ ссылается на паденіе Константинополя, какъ на яркій примѣръ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ подчиненіе царя своимъ совѣтникамъ. «Смотри же убо се и разумѣй,—пишетъ онъ,—каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша! Сія ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели прійти. И се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человѣкъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати?» [2]). Такимъ образомъ, аргументація Грознаго является какъ бы синтезомъ тѣхъ доводовъ, которые выдвигались идеологами дворянства противъ господства «велможъ», съ тѣми, которые выставлялись боярскими идеологами противъ вмѣшательства духовенства. Это соотвѣствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ въ то время. Верховная власть сумѣла превосходно воспользоваться взаимной борьбой различныхъ общественныхъ силъ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Въ нашей литературѣ довольно распространенъ взглядъ на Грознаго, какъ на талантливаго публициста и въ особенности полемиста. Но тому, кто далъ себѣ трудъ прочитать хотя бы только первый отвѣтъ его къ Курбскому, легко признать справедливость тѣхъ насмѣшекъ, съ которыми встрѣтилъ опальный бояринъ «зѣло широкую епистолію великаго князя московскаго». Весьма замѣчателенъ по своей полной основательности ядовитый отзывъ Курбскаго о ссылкѣ его противника на св. Писаніе: «а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни етихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати, въ краткихъ словесѣхъ многъ разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьми!» [3]). Грозный, въ самомъ дѣлѣ, до смѣшного неловокъ и неуклюжъ въ своемъ обращеніи съ цитатами. Не менѣе основательно и ядовитое указаніе Курбскаго на то, что цитаты изъ

---

[1]) Выше я сказалъ, что формула: иное дѣло власть святительская, а иное—власть земная, страдаетъ крайней растяжимостью. Это лучше всего подтверждается ссылкой на нее деспотическаго Ивана, до послѣднихъ предѣловъ распространившаго свою «земную» власть и жестоко каравшаго святителей, хоть немного склонныхъ къ независимости.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) «Сказанія», стр. 191.

священныхъ книгъ перемѣшаны у Ивана съ нелѣпыми сплетнями: «туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и иныя безчисленныя, воистину, яко бы неистовыхъ бабъ басни» [1]). Наконецъ, правъ, хотя и рѣзокъ Курбскій и въ своемъ окончательномъ отзывѣ о письмѣ Ивана. По его словамъ, оно написано «такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтямъ съ удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные» [2]).

И при всемъ томъ, эта неуклюжая «епистолія» вызываетъ не только удивленіе и смѣхъ. Мѣстами она способна привести въ содроганіе поразительнымъ лицемѣріемъ безпорядочно напиханныхъ въ нее доводовъ. Этотъ разнузданный «звѣрь-человѣкъ», съ наслажденіемъ купавшійся въ крови своихъ подданныхъ, говоритъ, что напрасно Курбскій бѣжалъ отъ него, убоявшись смерти: «понеже смерть Адамскій грѣхъ, общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ» [3]). Неповинная смерть,—увѣряетъ онъ,—не смерть, а пріобрѣтеніе. «И аще праведенъ еси и благочестивъ,—продолжаетъ обиженный Іудушка,—почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси, уподобился еси къ сѣмени, падающему на камени» [4]). Здѣсь къ лицемѣрію присоединяется еще отсутствіе логики, такъ какъ Иванъ предполагаетъ доказаннымъ именно то, что еще нужно доказать, т.-е. что отъѣздъ служилаго человѣка отъ одного государя къ другому есть смертный грѣхъ.

Впрочемъ, Иванъ самъ чувствуетъ, что плохимъ оправданіемъ для него служитъ указаніе на смерть, какъ на «общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ». Онъ понимаетъ, что ему невозможно отолгаться отъ общеизвѣстнаго факта безпощаднаго пролитія имъ крови своихъ подданныхъ. Его безпокоитъ замѣчаніе Курбскаго о томъ, что кровь эта вопіетъ къ Богу. И вотъ, онъ начинаетъ увѣрять, что крамольные бояре тоже проливали его кровь, кровь бѣднаго, угнетеннаго ими государя. И это пролитіе боярами его крови гораздо грѣшнѣе, по его словамъ, чѣмъ пролитіе государемъ боярской крови. «Кольми же паче,—восклицаетъ онъ,—наша

---

[1]) Тамъ же, та же страница.
[2]) Тамъ же, та же страница.
[3]) Тамъ же, стр. 180—181.
[4]) Тамъ же, стр. 139.

кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самихъ пролитая» [1]). Но какая же это кровь? Когда же проливали ее бояре? Слушайте! «Не ранами, ниже кровными каплями, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно, яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханія и стѣнанія сердечная; и отъ сего убо пречресліе пріяхъ» [2]). При этомъ ужасъ опять смѣняется въ душѣ читателя удивленіемъ и смѣхомъ. Крокодиловы слезы никого не трогаютъ. Да и слишкомъ понятно, что для «пречреслія» находится достаточное объясненіе въ нѣкоторыхъ привычкахъ разнузданнаго тирана.

Нечего и говорить, что, обвиняя Курбскаго и его единомышленниковъ въ смерти царицы Настасіи, Иванъ ничѣмъ не подтверждаетъ своего обвиненія. Читателю остается предположить, что державный полемистъ опять повторяетъ «неистовыхъ бабъ басни» или же самъ придумываетъ таковыя [3]).

Мы знаемъ, что въ своихъ письмахъ къ царю Курбскій не выдвигаетъ опредѣленныхъ политическихъ требованій. Наоборотъ, Иванъ въ своихъ отвѣтахъ къ Курбскому съ непреложнымъ убѣжденіемъ отстаиваетъ совершенно опредѣленный политическій взглядъ. Онъ выступаетъ послѣдовательнымъ теоретикомъ самодержавной власти въ восточномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ требуетъ отъ своихъ подданныхъ самаго полнаго и безусловнаго повиновенія. Они въ глазахъ его—холопы и только холопы. Онъ считаетъ себя «вольнымъ» «казнить и жаловать» ихъ по своему усмо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 185.

[2]) Тамъ же, стр. 185—186. Пречресліе—боль въ поясницѣ.

[3]) На это обвиненіе, поскольку оно касалось лично его, Курбскій возражалъ: «Аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостоинъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ великаго князя Смоленскаго Ѳеодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добрѣ вѣси отъ лѣтописцевъ Русскихъ, иже тое племницы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверского, а потомъ и прочіе, сущіе во свѣжей еще памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинѣно и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всероднѣ заглажено и потреблено... еже ко слышанію тяжко, ужасно!.. отъ сосцовъ матернихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣты поморенно, и внуку оному блаженному и присно Боговѣнчанному! А тая твоя царица, мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того листа написано». («Сказанія Курбскаго», стр. 202—203). Курбскій опять разсуждаетъ, какъ человѣкъ болѣе всего гордый своимъ происхожденіемъ отъ одного общаго корня съ царствующимъ домомъ.

трѣнію [1]). За свое обращеніе съ ними онъ считаетъ себя обязаннымъ давать отвѣтъ одному Богу. «Кто убо постави судію и властеля надъ нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день Страшнаго суда?» [2])—спрашиваетъ онъ Курбскаго. Забывая или не желая знать исторію княжеской власти на Руси, онъ выводитъ самодержавіе еще отъ св. Владиміра. «Самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія, даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія» [3]). Въ своемъ качествѣ законнаго представителя самодержавной власти, Иванъ крайне презрительно отзывается объ ограниченныхъ монархахъ. По его мнѣнію, всѣ они «царствіи своими не владѣютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, такъ и владѣютъ» [4]). Даже «королевская монархія» Жана Бодэна, навѣрно, вызвала бы пренебрежительный отзывъ съ его стороны. Онъ убѣжденъ, что его бояре ѣдятъ е г о «хлѣбъ» [5]). Все, что принадлежитъ государству или отдѣльнымъ жителямъ государства есть, по его твердому убѣжденію, собственность государя. Если бы Бодэнъ знакомъ былъ съ его письмами, онъ увидѣлъ бы въ нихъ великолѣпнѣйшую иллюстрацію своей теоріи «вотчинной монархіи».

Историческое значеніе Грознаго въ томъ и заключается, что онъ съ помощью своей опричнины завершилъ превращеніе Московскаго государства въ такую монархію, т.-е. въ монархію восточнаго типа. Значеніе же его писемъ къ Курбскому состоитъ въ томъ, что они содержатъ въ себѣ идеологію «вотчинной монархіи». Совершенно правы историки, утверждающіе, что въ своемъ спорѣ съ Курбскимъ Иванъ является новаторомъ, а его опальный противникъ—защитникомъ старины. Весь вопросъ въ томъ, что же именно новаго внесъ Иванъ IV въ теорію и практику московскаго

---

[1]) «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя». «Сказанія», стр. 156.

[2]) Тамъ же, стр. 147.

[3]) «Сказанія», стр. 136—137. Сравни также стр. 141.

[4]) Тамъ же, стр. 141.

[5]) Тамъ же, стр. 154.

государства. А на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: введенная имъ новизна означала полное уничтоженіе всего того, что такъ или иначе задерживало окончательное превращеніе жителей Московскаго государства въ рабовъ передъ лицомъ государя, совершенно безправныхъ какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Вотъ почему Курбскій, несмотря на свой несомнѣнный консерватизмъ, представляется въ своихъ письмахъ сравнительно свободолюбивымъ человѣкомъ и тѣмъ привлекаетъ къ себѣ сочувствіе читателя. Онъ рѣшительно неспособенъ противопоставить послѣдовательному ученію Ивана о безпредѣльной власти царя сколько-нибудь стройную теорію политическихъ правъ, если не всѣхъ жителей страны, то хотя бы высшихъ ея классовъ. Такая теорія не могла и вырасти на скудной почвѣ общественныхъ отношеній тогдашней Москвы. Но въ немъ нѣтъ холопскаго настроенія. Въ его лицѣ московскій бояринъ отказывается сложить свое человѣческое достоинство къ ногамъ государя.

Поэтому его консерватизмъ много симпатичнѣе, нежели новаторство Ивана IV.

Иванъ IV.

Глава V.

Движеніе общественной мысли въ эпоху Смуты.

«Въ бесѣдахъ съ Москвитянами,—говоритъ польскій шляхтичъ Самуилъ Маскѣвичъ,—наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ народомъ польскимъ и также пріобрѣсти свободу. Но русскіе отвѣчали: «вамъ дорога ваша воля, намъ—неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. Искать же правосудія по вашимъ законамъ долго—дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творитъ судъ и расправу. Если же самъ Государь поступитъ неправосудно, его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ Царя, чѣмъ отъ своего брата: ибо онъ владыка всего свѣта» [1]).

Собесѣдники Маскѣвича разсуждали совершенно такъ, какъ разсуждалъ, по свидѣтельству Плутарха, Артабанъ въ своемъ разговорѣ съ Θемистокломъ. Только они подробнѣе обосновывали свое мнѣніе. Если вѣрить Маскѣвичу, то важнѣйшимъ изъ всѣхъ соображеній, которыя побуждали ихъ предпочитать московскую неволю польско-литовской вольности, было то, что въ Москвѣ легче добиться правосудія. «Москвитяне» увѣряли, будто царь творитъ судъ и расправу по первой жалобѣ. Неизвѣстно, что отвѣчалъ имъ на это Маскѣвичъ. Но мы достаточно знаемъ теперь внутреннія отношенія Московскаго государства, чтобы понимать, какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности указанное соображеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ судъ и расправу творили въ Москвѣ приказные люди, по всей справедливости заслужившіе выразительное названіе «крапивнаго сѣмени». Сами жители Московскаго государства нерѣдко жаловались на то, что имъ пуще, нежели отъ

[1]) Записки Маскѣвича въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», V, стр. 68. Спб. 1834.

турокъ и татаръ, приходится страдать отъ нестерпимой московской волокиты. Что же касается собственно царскаго суда, то въ приводимомъ Маскѣвичемъ отзывѣ о немъ московскихъ людей нота смиренія слышится гораздо яснѣе, нежели нота довѣрія: если царь поступитъ неправосудно—его власть: онъ караетъ и милуетъ, какъ Богъ. И нельзя не признать, что послѣ Грознаго нота довѣрія была несравненно менѣе умѣстна въ подобныхъ отзывахъ, нежели нота смиренія. Но, какъ видимъ, московскіе люди мирились даже съ тѣми невыгодными сторонами неограниченной власти, которыя съ такою потрясающей ясностью должны были представиться ихъ взорамъ въ царствованіе Ивана IV. Маскѣвичъ говоритъ: «Русскіе дѣйствительно увѣрены, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго Царю ихъ, котораго посему называютъ: Солнце праведное, свѣтило Русское» [1]). Артабанъ, конечно, не менѣе твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго царю персидскому. Одинаковость общественныхъ положеній вела за собою одинаковость политическихъ воззрѣній.

Московскіе люди были не очень далеки отъ истины, когда говорили, что польско-литовская вольность похожа на своеволіе. Бѣжавъ изъ Москвы отъ царскаго деспотизма, Курбскій много претерпѣлъ впослѣдствіи на Литвѣ отъ шляхетскаго «нраву моему не препятствуй». Однако, своевольный польско-литовскій шляхтичъ умѣлъ дорожить достоинствомъ, не скажу человѣка,—человѣческое достоинство «хлопа» ставилось имъ ни во что,—но, по крайней мѣрѣ, «рыцаря». И когда Курбскій поселился въ Литвѣ, онъ, прежде гордившійся преимущественно своей принадлежностью къ роду Владиміра, сталъ замѣтно проникаться гордымъ сознаніемъ своего «рыцарскаго» достоинства. Въ его письмахъ къ Ивану встрѣчаются мысли, которыя врядъ ли были знакомы ему до его бѣгства изъ Москвы. Отклоняя отъ себя обвиненіе въ измѣнѣ, Курбскій упрекаетъ Грознаго, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ «аки во адовѣ твердынѣ» затворилъ русское царство, «сирѣчь свободное естество человѣческое». Можно почти съ полной увѣренностью сказать, что эта ссылка на свободное естество человѣка,—хотя бы и понимаемая на шляхетскій ладъ, т. е. крайне узко,—явилась плодомъ тѣхъ новыхъ размышленій, которымъ сталъ предаваться бѣглый князь въ новой общественной обстановкѣ. Мы видѣли, что Пересвѣтовъ требовалъ освобожденія холоповъ, указывая на нравственныя преимущества свободнаго состоянія. Стало быть, понятіе свободы не оставалось совершенно не-

[1]) Записки Маскѣвича, та же стр.

извѣстнымъ московскимъ людямъ [1]). Но мы видѣли также, какъ узко было оно у Пересвѣтова, и какъ мало задумывался онъ о какихъ-нибудь политическихъ вольностяхъ. Его программа логически вела къ полному игнорированію правъ того «человѣческаго естества» (въ его рыцарскомъ видѣ), на которое ссылался Курбскій. Осуществивъ эту программу, Грозный могъ съ полнымъ основаніемъ смотрѣть на всѣхъ своихъ подданныхъ какъ на своихъ холоповъ и быть увѣреннымъ, что въ своемъ обращеніи съ ними онъ долженъ давать отчетъ одному только Богу. Но чѣмъ больше закрѣпощались государству,—въ лицѣ государя,—всѣ жители московской земли, тѣмъ тяжелѣе давила на нихъ государственная машина, и тѣмъ естественнѣе было имъ стремиться къ облегченію своего тяжелаго положенія. Уже авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» видѣлъ, что далеко не все обстоитъ благополучно въ Московскомъ государствѣ, и опасался наступленія такого времени, когда начнутся междоусобія, и зашатается царскій тронъ. Эпоха Смуты оправдала всѣ его опасенія. И вотъ, возникаетъ вопросъ: какъ же повліяло Смутное время на политическія понятія московскихъ людей?

Проф. Ключевскій говоритъ, что уже въ царствованіе Грознаго зародилось недовольство московскимъ политическимъ порядкомъ. «Произволъ царя, безпричинныя казни, опалы и конфискаціи вызвали ропотъ, и не только въ высшихъ классахъ, но и въ народной массѣ, «тугу и ненависть на царя въ міру», и въ обществѣ проснулась смутная и робкая потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ усмотрѣнія и настроенія власти» [2]). Событія Смутнаго времени дали, по словамъ того же ученаго, «первый и очень болѣзненный толчокъ движенію новыхъ понятій, недостававшихъ государственному порядку, построенному угасшею династіею» [3]). Къ чему же, однако, привело движеніе новыхъ понятій? Сообщаемые Маскѣвичемъ отзывы москвитянъ о преимуществахъ ихъ неволи передъ польско-литовской вольностью показываютъ, что въ самый разгаръ Смуты [4]) населеніе Великороссіи продолжало сохранять тотъ же взглядъ на отношеніе подданныхъ къ верховной власти, который сложился къ концу царствованія Грознаго. И всѣ тѣ факты, на которые

---

[1]) Мнѣ, пожалуй, могутъ напомнить, что самъ Пересвѣтовъ былъ литовскимъ выходцемъ. Но его сочиненія носятъ на себѣ такой глубокій отпечатокъ московскихъ порядковъ, что мы имѣемъ право не относить на счетъ его литовскаго происхожденія мысли его о нравственномъ вліяніи свободы.

[2]) Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 68.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) Сообщеніе объ этихъ отзывахъ относится въ запискахъ Маскѣвича къ 1611 г.

ссылается проф. Ключевскій, подкрѣпляя свое мнѣніе, свидѣтельствуютъ скорѣе о застоѣ, чѣмъ о движеніи общественной мысли въ періодъ Смуты. Разсмотримъ поближе эти факты.

В. О. Ключевскій думаетъ, что воцареніе Василія Шуйскаго составило эпоху въ нашей политической исторіи, такъ какъ новый царь ограничилъ свою власть и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія жителей своего государства въ особой разосланной по областямъ записи, на которой онъ цѣловалъ крестъ. Но самъ же Ключевскій признаетъ, что содержаніе подкрестной записи Шуйскаго отличалось большой односторонностью. «Всѣ обязательства, принятыя на себя царемъ Василіемъ по этой записи,—говоритъ онъ,—направлены были исключительно къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, но не касались прямо общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія, компетенціи и взаимнаго отношенія царя и высшихъ правительственныхъ учрежденій» [1]). Это какъ нельзя болѣе справедливо. Сущность подкрестной записи Василія Ивановича сводится къ тому, что онъ обѣщаетъ «всѣмъ православнымъ крестьяномъ» (т.-е. христіанамъ.— *Г. П.*) судить ихъ праведнымъ судомъ, оберегать ихъ отъ всякаго насильства и безъ вины не класть своей опалы ни на кого изъ нихъ. Объ измѣненіи политическаго строя въ ней не говорится ни слова. Больше того. Въ своей грамотѣ въ Пермь Великую Шуйскій, сообщая о своемъ восшествіи на престолъ, обѣщаетъ «держати Московское государство по тому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіи Цари» [2]). Это значитъ, что, по мнѣнію новаго царя, политическій строй Московскаго государства долженъ былъ оставаться безъ всякаго измѣненія. Правда, Шуйскій обѣщалъ судить своихъ подданныхъ «съ бояры своими». Но, какъ справедливо замѣчаетъ самъ В. О. Ключевскій, ограниченіе это связывало царя лишь въ его отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ. Притомъ участіе бояръ въ царскомъ судѣ вовсе не являлось новостью въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ же тутъ движеніе политическихъ понятій?

В. О. Ключевскій прибавляетъ, что подкрестная запись Шуйскаго имѣла свою закулисную исторію. Тотчасъ по своемъ провозглашеніи новый царь отправился въ Успенскій соборъ и тамъ заявилъ: «Цѣлую крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати безъ собору, никакого дурна». Это заявле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 43.

[2]) «Памятники исторіи Смутнаго времени», подъ ред. А. И. Яковлева. Изд. Клочкова. Стр. 17. Москва 1909.

ніе весьма не понравилось боярамъ; но царь Василій сдѣлалъ его не безъ умысла: «клятвенно обязуясь передъ всей землей не карать безъ собора, онъ разсчитывалъ избавиться отъ боярской опеки, стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому непривычнымъ, т.-е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія» [1]). Предположивъ, что это было въ самомъ дѣлѣ такъ, и вспомнивъ, что въ земскихъ соборахъ XVI вѣка участвовали, главнымъ образомъ, служилые люди, мы должны будемъ признать, что происшествіе въ Успенскомъ соборѣ означало лишь попытку новаго царя опереться на низшую часть служилаго сословія для ослабленія непріятныхъ ему боярскихъ притязаній. Подобная попытка хорошо удалась какъ Грозному, такъ и Борису Годунову, и привела лишь къ расширенію самодержавной власти. Странно, кромѣ того, что въ подкрестной записи уже нѣтъ рѣчи о соборѣ, а говорится только объ участіи бояръ въ царскомъ судѣ. Ключевскій объясняетъ эту странность тѣмъ, что подкрестная запись явилась плодомъ сдѣлки бояръ съ новымъ царемъ. «По предварительному негласному уговору царь дѣлилъ свою власть съ боярами во всѣхъ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Отстоявъ свою думу противъ земскаго собора, бояре не настаивали на обнародованіи всѣхъ вынужденныхъ ими у царя уступокъ: съ ихъ стороны было даже неблагоразумно являть всему обществу, какъ чисто удалось имъ ощипать своего стараго пѣтуха» [2]). Въ этомъ будто бы и заключалась причина того, что подкрестная запись отмѣтила значеніе Боярской думы лишь какъ полномочной сотрудницы новаго царя. Это слишкомъ тонко. Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ тотъ взглядъ профессора Платонова, согласно которому подкрестная запись царя Василія вовсе не была ограничительной, а являлась только торжественнымъ манифестомъ новаго правительства, скрѣпленнымъ присягою его главы. Обѣщаясь «держать» Московское государство такъ, какъ держали его прежніе цари, Шуйскій имѣлъ въ виду старый порядокъ, существовавшій до опричнины, т.-е. до того времени, когда Грозный принялся отнимать родовыя боярскія земли, губить знатныхъ людей и налагать опалы на цѣлыя группы великородныхъ семей. Въ лицѣ Шуйскаго старая знать снова заняла первое мѣсто въ странѣ. «Устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только-что дѣйствовавшей системы и обѣщала «истинный судъ» и избавленіе отъ «всякаго на-

---

1) Ключевскій. «Курсъ русской исторіи», часть III, стр. 44. Ср. также «Боярская Дума древней Руси», стр. 366—367.

2) «Курсъ», стр. 44—45. Ср. «Боярская Дума», стр. 367.

сильства» и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства» [1]). Но въ такомъ случаѣ подкрестная запись царя Василія является лишь обѣщаніемъ осуществить въ дѣлѣ государственнаго правленія тотъ идеалъ, къ которому стремился еще авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ». Никакого новаго движенія понятій въ ней незамѣтно. Поэтому и воцареніе Шуйскаго не можетъ считаться новой эпохой въ нашей политической исторіи.

Ключевскій находилъ, что, обѣщая истинный судъ своимъ подданнымъ, Шуйскій отрицалъ между прочимъ ту прерогативу царской власти, которая выразилась въ словахъ Ивана IV: «мы вольны жаловать и казнить своихъ холоповъ». Такимъ образомъ онъ будто бы превращался «изъ государя холоповъ въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ» [2]). Если бы это было такъ, то вступленіе на престолъ Василія Шуйскаго въ самомъ дѣлѣ составило бы эпоху въ нашей политической исторіи. Но это не было такъ. Московскіе цари и впослѣдствіи продолжали быть царями холоповъ. Олеарій, посѣтившій Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, опредѣляетъ русскій государственный строй выраженіемъ: «monarchia dominica et despotica», и онъ такъ поясняетъ это опредѣленіе: «государь, каковымъ является царь или великій князь, получившій по наслѣдію корону, одинъ управляетъ всей страною, и всѣ его подданные, какъ дворяне и князья, такъ и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, съ которыми онъ обращается, какъ хозяинъ со своими слугами» [3]). Это какъ разъ то, что говорилъ объ отношеніи московскаго государя къ своимъ подданнымъ Герберштейнъ или Флетчеръ. Правда, Олеарій считалъ русское правленіе тираническимъ [4]), и надо согласиться, московскіе государи могли быть и бывали тиранами,—да еще какими! Но уже Бодэнъ весьма справедливо замѣтилъ, что восточная

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки по исторіи Смуты", изд. 3-е, стр. 286—287. Сообщеніе о томъ, что царь обѣщалъ въ церкви ничего не дѣлать безъ Земскаго Собора, проф. Платоновъ объясняетъ недоразумѣніемъ: лѣтописецъ просто плохо понялъ царскія слова и записалъ ихъ несогласно съ текстомъ подлинной подкрестной записи. (См. тамъ же, стр. 286).

[2]) «Курсъ», стр. 46. Своимъ содержаніемъ подкрестная запись царя Василія означала, по мнѣнію Ключевскаго, отказъ еще отъ той привилегіи, которую дѣдъ Грознаго выразилъ словами: «кому хочу, тому и дамъ княженіе». Но эти слова относятся къ вопросу о правѣ наслѣдованія престола, между тѣмъ какъ подкрестная запись совсѣмъ не касается этого вопроса.

[3]) Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно, стр. 223. Спб. 1906.

[4]) Тамъ же, та же страница.

вотчинная монархія,—какою являлось, между прочимъ, и Московское государство,—могла быть очень далекой отъ тираніи, вполнѣ сохраняя, однако, свой главный отличительный признакъ: отсутствіе у подданныхъ права распоряжаться не только своей личностью, но и своимъ имуществомъ. Вотчинная монархія установилась въ Москвѣ не потому, что московскіе государи склонны были къ тираніи, а потому, что она являлась естественнымъ политическимъ слѣдствіемъ историческихъ и, главнымъ образомъ, экономическихъ условій развитія Великороссіи. Конечно, возникновеніе склонности къ тираніи чрезвычайно облегчалось безправіемъ жителей. Съ прекращеніемъ старой династіи лица, добивавшіяся московскаго престола, считали выгоднымъ для себя гласно отказываться отъ тираническихъ замашекъ. Однако, они не могли, если бы даже и захотѣли, передѣлать внутреннія отношенія Московскаго государства. Имъ невозможно было превратить это государство изъ вотчинной монархіи въ королевскую (чтобы опять употребить здѣсь термины Бодэна), если бы они даже и доросли до сознанія преимуществъ правленія, основаннаго на «законахъ природы». Но при данной обстановкѣ они, конечно, и не могли дорасти до такого сознанія. Отзывы собесѣдниковъ Маскѣвича о выгодахъ московской неволи показываютъ, какъ хорошо приспособились понятія москвитянъ ко внутреннимъ отношеніямъ вотчинной монархіи.

Правда, въ договорѣ тушинскихъ депутатовъ съ королемъ Сигизмундомъ объ избраніи королевича Владислава на московскій престолъ видно уже нѣсколько иное отношеніе къ московской неволѣ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, въ немъ уже выступаетъ идея личныхъ правъ, столь мало замѣтная у насъ прежде. Но и здѣсь идея эта, по признанію того же историка, сводится, собственно, къ тому, что всѣ должны быть судимы по закону, и никого не слѣдуетъ наказывать безъ суда. А въ этомъ своемъ видѣ она опять направлялась не противъ вотчинной монархіи, а только противъ тираніи. В. О. Ключевскій признаетъ, что въ опредѣленіи сословныхъ правъ тушинскіе послы проявили мало свободомыслія и справедливости. Онъ говоритъ: «договоръ обязываетъ блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, частію и торговыхъ людей. Но «мужикамъ хрестьянамъ» король не дозволяетъ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ, т.-е. между землевладѣльцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а вольности имъ государь давать не будетъ» [1]). Оно и понятно: насчетъ холоповъ и «мужиковъ

[1]) «Курсъ русской исторіи», часть III, стр. 50.

хрестьянъ» польско-литовская шляхта тоже не показывала ни справедливости, ни свободомыслія. Договоръ такъ и говоритъ, что «холопы невольники» должны служить «бояромъ альбо паномъ» попрежнему. Это значитъ, что паны столь же мало склонялись къ улучшенію участи холоповъ, какъ и бояръ: какъ мы только что видѣли, насчетъ «мужиковъ хрестьянъ» установленъ былъ двухсторонній договоръ: имъ запрещался выходъ съ Руси на Литву и съ Литвы на Русь [1]). Несравненно болѣе характерными для тогдашнихъ московскихъ отношеній были тѣ статьи договора, которыя касались духовенства и служилыхъ людей. Духовенству обѣщана была неприкосновенность его имуществъ: «наданья вси прошлыхъ господаровъ Московскихъ, и боярскіе и всякихъ людей наданья на церкви Божіи и на монастыри въ цѣлости при церквахъ и монастырехъ зоставити будутъ, ни въ чомъ ихъ не нарушаючи» и т. д. [2]). Это было его старинное требованіе, осуществленіе котораго должно было представляться болѣе легкимъ при смѣнѣ династіи. Служилымъ людямъ обѣщаны были учтивость и ласки господарскія. Но отъ учтивости и ласки еще вовсе не такъ близко до признанія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ политическихъ правъ. Сигизмундъ обѣщалъ за своего сына сохраненіе старыхъ преимуществъ служилыхъ людей: «а жалованье, денежные оброки, и помѣстья и отчизны, кто что мѣлъ передъ тымъ, тое и впередъ мѣти маетъ, а господарь его милость зъ ласки и щодробливости своее, и надъ то водлугъ заслугъ кождого прибавляти и причинятися будетъ рачити» [3]). Это не могло не нравиться московскимъ служилымъ людямъ. Но это не создавало для нихъ никакихъ новыхъ привилегій. Правда, договоръ обѣщаетъ «великихъ становъ людей невиннѣ не понижати, а меншіе станы подносити водлугъ заслугъ». Однако, и это обѣщаніе опредѣленно развѣ въ томъ смыслѣ, что, какъ указалъ проф. Платоновъ, оно не даетъ никакихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ «московскимъ княженецкимъ родамъ», да еще въ томъ, что говоритъ о повышеніи служилыхъ людей сообразно съ личными заслугами. Эта послѣдняя уступка, очевидно, не имѣла ничего общаго съ дарованіемъ какихъ-нибудь аристократическихъ привилегій. Напротивъ, въ немъ обнаружи-

---

[1]) По поводу запрещенія крестьянскихъ переходовъ мы встрѣчаемъ слѣдующее важное замѣчаніе у проф. Платонова: «Этотъ пунктъ нельзя еще считать доказательствомъ того, что въ 1610 году переходы крестьянскіе были въ Москвѣ уже уничтожены. Въ этомъ требованіи могло выразиться только желаніе договаривавшихся уничтожить переходъ, а не отмѣчался совершившійся фактъ». (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-ое, стр. 258).

[2]) «Памятники исторіи Смутнаго времени», стр. 47.

[3]) Тамъ же, стр. 48.

вается стремленіе «худородныхъ» служилыхъ людей завершить то, что началось при Грозномъ и продолжалось при Годуновѣ. «Съ этихъ страницъ февральскаго договора,—говоритъ проф. Платоновъ,—вѣетъ духомъ опричнины и Годуновскаго режима, тѣми новшествами правительственнаго обихода, которыя сочетались съ новшествами житейскими» [1]). Но для политической свободы еще не было мѣста между этими новшествами правительственнаго обихода. Къ тому же для нея совсѣмъ неблагопріятенъ духъ опричнины.

Договоръ 4-го февраля, несомнѣнно, ставилъ нѣкоторыя преграды царской власти. Такъ, напримѣръ, измѣнять законы и судебные обычаи новый государь могъ лишь съ согласія бояръ и «всей земли». Это — значительное ограниченіе. Но и здѣсь никакъ нельзя согласиться съ проф. Платоновымъ, который полагаетъ, что оно «имѣло цѣлью не перестройку прежняго политическаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе «звычаевъ всѣхъ давныхъ добрыхъ» отъ возможныхъ нарушеній со стороны непривычной къ московскимъ отношеніямъ власти» [2]). Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, избранъ былъ въ цари человѣкъ русскаго происхожденія, къ нему отнеслись съ меньшимъ недовѣріемъ и потому уже не такъ заботились,—если вообще заботились,—объ ограниченіи его власти. На соборѣ 1613 г. народный умъ предпочелъ, по признанію проф. Ключевскаго, вернуться къ старинѣ [3]).

И все-таки для московскихъ людей не прошли безъ слѣда ихъ безпрестанныя сношенія съ польско-литовской шляхтой въ періодъ Смутнаго времени. Въ договорѣ 4-го (14-го) февраля 1610 г. польско-литовское вліяніе замѣтнѣе всего сказалось въ требованіи, имѣющемъ не столько политическій, сколько экономическій характеръ. Статья 11-я этого договора говоритъ, между прочимъ: «отчизнъ тежъ и маетностей ни въ кого не брати: але естли хто безъ потомства за сего свѣта зойдетъ, ино на близкихъ повинныхъ спадати маютъ» [4]). Осуществленіе этого требованія, въ самомъ дѣлѣ, составило бы важную эпоху въ исторіи московскаго государства. Оно оградило бы имущественныя права, по крайней мѣрѣ, высшихъ слоевъ населенія и тѣмъ самымъ создало бы ту соціальную основу, на которую только и могли бы опереться при подходящихъ обстоятельствахъ политическія права этихъ слоевъ. Бодэнъ сказалъ бы, что осуществленіе этого требованія

---

[1]) «Очерки по исторіи Смуты», стр. 403.

[2]) «Лекціи по русской исторіи», изд. 6-ое, стр. 259.

[3]) См. «Курсъ», часть III, стр. 85.

[4]) «Памятники исторіи Смутнаго времени», стр. 48.

превратило бы московскую монархію изъ вотчинной въ королевскую. Но оно осталось неосуществленнымъ. Смута нанесла окончательный ударъ родовитому боярству, которое было болѣе всѣхъ другихъ классовъ заинтересовано въ неприкосновенности «отчизнъ и маетностей». Помѣстное дворянство пока еще могло прекрасно уживаться съ вотчинной монархіей, по своему произволу распоряжавшейся «маетностями» подданныхъ. Оттого оно, какъ видно, и не придавало большого значенія указанной статьѣ договора 4-го февраля 1610 г.

Интереснымъ и важнымъ новшествомъ являлись въ той же статьѣ строки, гласившія: «а для науки вольно каждому зъ народу Московского людемъ ѣздити въ иншые господарства хрестіянскіе, опрочь бусурманскихъ поганскихъ, а господарь его милость отчизнъ и маетностей у нихъ за то отыймовати не будетъ» [1]). Но замѣчательно, что это требованіе исчезло изъ договора съ Сигизмундомъ, когда къ нему послѣ сведенія съ престола Шуйскаго присоединилось московское боярство. «Правящая знать оказалась на низшемъ уровнѣ понятій сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами» [2]),—замѣчаетъ по этому случаю проф. Ключевскій. Онъ могъ бы прибавить, что когда высшій общественный классъ или слой обгоняется тѣмъ, который непосредственно за нимъ стоитъ на общественной лѣстницѣ, то этотъ послѣдній уже не далекъ отъ побѣды надъ «высшей знатью». Напрасно московская знать вычеркивала изъ договора 4-го февраля статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ и о томъ, чтобы «Московскихъ княженетскихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». «Княженетскіе роды» неумолимо оттѣснялись на задній планъ ходомъ развитія московской вотчинной монархіи. Послѣ Смуты простое дворянство окончательно стало господствующимъ сословіемъ, разумѣется, поскольку можетъ итти рѣчь о такомъ сословіи въ «вотчинной монархіи», въ которой и г о с п о д а были «холопями» государя.

---

[1]) Тамъ же, стр. 48—49.

[2]) «Курсъ», часть III, стр. 52.

ГЛАВА VI.

Общественный бытъ и общественное настроеніе Московской Руси послѣ Смутнаго времени.

I.

Явленія, отмѣченныя мною въ предыдущей главѣ, прекрасно объясняются объективною силою вещей.

Возстановляя нарушенный Смутой порядокъ своей жизни, московскіе люди не могли произвольно придать тотъ или иной характеръ своимъ взаимнымъ экономическимъ отношеніямъ. Отношенія эти опредѣлялись въ сѣверо-восточной Руси,—какъ опредѣляются они всегда и вездѣ,—состояніемъ производительныхъ силъ. Что же касается состоянія производительныхъ силъ, то Смута могла измѣнить его не къ лучшему, а только къ худшему. Площадь воздѣлываемыхъ земель сократилась; крестьянство обѣднѣло. Обѣднѣніе крестьянства, на широкой спинѣ котораго держалось все соціально-политическое зданіе, естественно повело за собою обѣднѣніе служилаго класса и замедлило развитіе торгово-промышленной дѣятельности. Если мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ тогда въ западныхъ государствахъ совершался быстрый ростъ производительныхъ силъ, то мы придемъ къ тому неизбѣжному выводу, что послѣ Смуты Московская Русь являлась, по отношенію къ Западу, значительно болѣе, чѣмъ прежде, отсталой страной. Этого мало. Значительно отставая отъ своихъ западныхъ сосѣдей въ хозяйственномъ отношеніи, Московская Русь XVII-го вѣка вела съ ними продолжительныя войны [1]). Вслѣдствіе этого ей пришлось затрачивать все бо́льшую и бо́льшую долю своихъ средствъ и силъ на поддержаніе органовъ самозащиты [2]).

[1]) „Внѣшняя политика государства вынуждала все большее напряженіе народныхъ силъ. Достаточно краткаго перечня войнъ, веденныхъ первыми тремя царями новой династіи, чтобы почувствовать степень этого напряженія... Если вы разсчитаете продолжительность всѣхъ этихъ войнъ, увидите, что на какія-нибудь 70 лѣтъ (1613—1682) приходится до 30 лѣтъ войны, иногда одновременно съ нѣсколькими непріятелями“ (Ключевскій. Курсъ, III, 161).

[2]) „Рать въ конецъ заѣдала казну“,—говоритъ Ключевскій.—„Сопоставляя по возможности однородныя части войскъ... находимъ, что съ 1631 года вооруженныя силы, лежавшія на плечахъ казны, возросли почти въ 2½ раза (въ теченіе полувѣка)“. Тамъ же, стр. 275 и 278.

Въ странѣ, продолжавшей оставаться колонизующейся страною, это роковымъ образомъ вело ко все бо́льшему и бо́льшему закрѣпощенію всѣхъ слоевъ населенія, а въ особенности трудящейся массы, для непосредственной или посредственной службы государству. Другими словами: общественное развитіе непремѣнно должно было двигаться въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ двигалось оно до Смуты. Скорость движенія постоянно возрастала, а его результаты дѣлались все болѣе и болѣе выпуклыми. Къ концу XVII-го вѣка тяглая масса такъ распредѣлялась между разными разрядами владѣльцевъ:

Посадскихъ и черныхъ крестьянскихъ дворовъ. . . .	92	тысячи	10,4%
Церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ.	118	„	13,3%
Дворцовыхъ	83	„	9,3%
Боярскихъ	88	„	10,0%
Дворянскихъ	507	„	57,0%
	888	„	100,0%

Приведя эту таблицу, Ключевскій отмѣчаетъ, что только десятая часть (10,4%) городской и сельской тяглой массы удержала за собой тогдашнюю свободу (т.-е., вѣрнѣе сказать, была закрѣпощена непосредственно государству), а почти девять десятыхъ ея попало въ крѣпостную зависимость отъ церкви, дворца и военнослужилыхъ людей. «Отъ государственнаго организма, такъ сложившагося,—прибавляетъ этотъ историкъ,—несправедливо было бы ждать желательнаго роста политическаго, экономическаго, гражданскаго и нравственнаго» [1]).

Не касаясь вопроса о желательности роста, я замѣчу съ своей стороны, что такъ какъ государственный организмъ продолжалъ «расти» въ прежнемъ направленіи, въ немъ не могли возникнуть какія-нибудь новыя политическія стремленія и взгляды. Изслѣдователи говорятъ иногда о воспитательномъ значеніи Смутнаго времени. И нельзя не согласиться, что значеніе это было далеко не маловажно. Смута принудила людей Московскаго государства къ самодѣятельности. Но ихъ вынужденная самодѣятельность ярче всего выразилась въ возстановленіи и упроченіи «вотчинной монархіи», главнѣйшія отличительныя черты которой опредѣлились уже во второй половинѣ XVI-го вѣка. Точно такъ же Смута сдѣлала людей Московскаго государства болѣе требовательными, чѣмъ были они прежде. Недаромъ историки называютъ XVII столѣтіе

[1]) Курсъ III, стр. 299 и 300.

вѣкомъ народныхъ волненій. Но, какъ мы увидимъ это ниже,—и какъ это понятно само собою,—характеръ народныхъ волненій XVII-го вѣка вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру тѣхъ соціально-политическихъ отношеній, противъ которыхъ возставала волновавшаяся народная масса. Новыхъ политическихъ понятій не возникало и въ процессѣ волненій, хотя онъ становился подчасъ весьма острымъ. Общественное сознаніе измѣняется только тамъ, гдѣ происходятъ перемѣны въ общественномъ бытіи.

II.

До сихъ поръ не конченъ споръ о томъ, была или не была взята ограничительная «запись» съ Михаила при его избраніи на царство. Всего вѣрнѣе, что была. Московскіе люди XVII-го вѣка вѣрили въ ея существованіе. Извѣстный подьячій Котошихинъ, книгу котораго о Россіи мы скоро должны будемъ разсмотрѣть довольно подробно, говоритъ: «Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ боляры и зъ думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати» [1]). Это вполнѣ опредѣленно. Не менѣе опредѣленно и слѣдующее показаніе Котошихина: «А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича.—*Г. П.*) обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Мы видимъ отсюда, что согласно убѣжденію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ московскихъ людей XVII-го вѣка, царь Михаилъ далъ ограничительную «запись», а царь Алексѣй не возобновилъ ея. Съ этимъ вполнѣ совпадаютъ свидѣтельства нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей. Только не совсѣмъ ясно, какія, именно, ограничительныя обязательства бралъ на себя новый царь. Правда, Котошихинъ какъ будто и тутъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе. По его словамъ, обязательства состояли въ томъ, что царь обѣщался быть не жестокимъ, никого не казнить безъ суда и о всѣхъ дѣлахъ совѣщаться съ боярами и съ думными людьми. Но тутъ показаніе Котошихина вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. «Какъ стояли дѣла въ моментъ избранія новаго царя,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—бояре были безсильны и не могли наложить никакихъ обязательствъ: они сами, наравнѣ

---

[1]) Григ. Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. стр. 141—142. Спб. 1884.

съ казаками, сдѣлались... предметомъ вражды всей земли, всемогущей тогда въ лицѣ своей рати и своихъ представителей на земскомъ соборѣ» [1]). Если бояре были безсильны, то какъ же они могли принудить новаго царя къ ограниченію своей власти? Представляется болѣе вѣроятнымъ, что ограничительную запись взяла «земля» въ лицѣ своей рати или, вообще, въ лицѣ своихъ представителей. Но тогда непонятно, почему «земля» ограничила царскую власть не въ свою собственную пользу,—т.-е. не въ пользу «всѣхъ чиновъ людей россійскаго царствія»,—а только въ пользу бояръ и думныхъ людей. Въ виду этого приходится предположить, что Котошихинъ выразился неправильно, и что, по дѣйствительному смыслу ограничительной «записи», вновь избранный царь обязанъ былъ совѣщаться, именно, съ представителями всей земли, скажемъ, съ Земскимъ Соборомъ. Но тутъ возникаютъ новыя затрудненія: почему обязательство, согласно послѣднему предположенію, данное Михаиломъ всей землѣ, осталось, по выраженію Ключевскаго, незамѣтнымъ въ офиціальныхъ документахъ? И почему не нашли нужнымъ взять ограничительную запись съ царя Алексѣя? Неужели только потому, что считали его «тихимъ»? Допустимъ, что, въ самомъ дѣлѣ, только поэтому. Но тогда надо выяснить, кто же рѣшилъ, кто имѣлъ право рѣшить, что не слѣдуетъ брать съ Алексѣя запись въ виду его «тихости». Кажется, что это могъ рѣшить только Земскій Соборъ, такъ какъ, согласно нашему послѣднему предположенію, именно ему было дано царемъ ограничительное обязательство. Но на подобное рѣшеніе Земскаго Собора нѣтъ никакихъ указаній. Въ виду всего этого, наиболѣе вѣроятно, что, какъ думаетъ Ключевскій, запись, ограничивавшая власть Михаила, была плодомъ негласной придворной сдѣлки, состоявшейся за кулисами избирательнаго Земскаго Собора. Большіе боярскіе роды были безсильны на открытой политической аренѣ, но, искусившіеся во всевозможныхъ интригахъ, они могли поставить много препятствій на пути Михаила. «Да и для сторонниковъ Михаила власть, случайно или нечисто добытая, была костью, изъ-за которой они при случаѣ готовы были перегрызться. Общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ было оградить себя отъ повторенія испытанныхъ уже непріятностей, когда царь, или временщикъ его именемъ, расправлялся съ боярами, какъ съ холопами» [2]). Сдѣлка была направлена къ огражденію бояръ отъ царскаго произвола. Поэтому она и осталась негласной. Передъ лицомъ Земскаго Собора неловко было оглашать договоръ, благодаря которому царь

---

[1]) «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, выпускъ 1, стр. 86.

[2]) Ключевскій. Курсъ, III, стр. 96—97.

могъ представиться «землѣ» орудіемъ давно уже ненавистнаго ей боярства. Ключевскій утверждалъ, что первые годы царствованія Михаила вполнѣ оправдываютъ его предположеніе: «Тогда видѣли и разсказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, «гнушаясь» своимъ государемъ, вынужденнымъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ» [1]). Къ этому можно добавить, что за предположеніе Ключевскаго говоритъ, напримѣръ, также извѣстіе, согласно которому Ѳ. И. Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: «Миша-де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ». Съ такого «повaднаго» кандидата нетрудно было взять выгодное для бояръ обязательство. Но такъ какъ оно оставалось негласнымъ, то его не только трудно, а прямо невозможно было защищать передъ лицомъ «земли». А къ «землѣ», безусловно, необходимо было обращаться, занимаясь труднымъ дѣломъ возстановленія стараго государственнаго порядка въ разоренной странѣ. Въ царствованіе Михаила представители «земли» часто созывались на Соборъ. Вотъ они-то и дали верховной власти возможность свести на нѣтъ все значеніе ограничительной записи, вырванной у нея закулисной интригой. Верховная власть воспользовалась этой возможностью тотчасъ же по возвращеніи изъ польскаго плѣна очень мало «повaднаго» Филарета Никитича. Въ виду же того, что фактически уничтожено было значеніе ограничительной записи, совсѣмъ неудивительно, что она не была повторена Алексѣемъ.

III.

Но если съѣзжавшіеся на Соборъ представители «земли» имѣли полное основаніе не желать боярской олигархіи, то они не могли не довѣрять самимъ себѣ. Почему же не подумали они о томъ, чтобы взять ограничительную запись въ пользу «всенароднаго множества»? И если они, по той или другой мимолетной причинѣ, упустили случай взять запись въ началѣ 1613 года, то отчего они и впослѣдствіи никогда не пытались поправить свою ошибку? Отвѣтъ заключается въ указанномъ выше ходѣ развитія московскаго соціальнаго строя. Тамъ, гдѣ неумолимая экономическая необходимость съ возрастающимъ ускореніемъ вела къ посредственному или непосредственному закрѣпощенію всѣхъ силъ страны, не могла возникнуть мысль даже о самой умѣренной п о л и т и ч е с к о й свободѣ.

Избирательный соборъ 1613 года былъ, въ сущности, учредительнымъ собраніемъ. Но, какъ говоритъ Ключевскій, это учре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 97.

дительное собраніе тотчасъ по выборѣ царя превратилось въ распорядительную комиссію, задача которой состояла въ томъ, чтобы принимать предварительныя мѣры въ ожиданіи времени, когда сформируется настоящее правительство. Эта роль распорядительной комиссіи подчиняла Соборъ верховной власти. А изъ этой роли онъ выходилъ потомъ только для того, чтобы принимать на себя роль челобитчика. Дальше челобитій онъ никогда не шелъ. Ключевскій замѣчаетъ, что иное дѣло быть носителемъ народной воли, а иное дѣло быть выразителемъ народныхъ жалобъ и желаній. Съ этимъ легко согласиться. Но нужно помнить тѣ конкретныя условія, въ которыхъ совершалась дѣятельность Земскаго Собора. Въ 1619 году созвали на Соборъ «добрыхъ и разумныхъ» выборныхъ людей, которые должны были довести земскія нужды до свѣдѣнія центральнаго правительства. И первымъ дѣломъ этихъ «добрыхъ и разумныхъ» земскихъ выборныхъ было принятіе мѣръ для возвращенія на мѣста бѣглыхъ. Это значитъ, что съѣхавшіеся въ Москву выборные русскіе люди признали самой настоятельной нуждой своей страны возстановленіе той неволи, въ которой жила прежде трудящаяся масса, и гнетъ которой былъ наиболѣе глубокой причиной волненій, пережитыхъ Московской Русью во время Смуты. А по мѣрѣ того, какъ возстановлялась и еще болѣе расширялась эта неволя; по мѣрѣ того, какъ увеличивалась часть населенія, попадавшая въ тотъ или другой видъ крѣпостной зависимости,—суживалась та соціальная основа, на которую опиралось земское представительство. Крѣпостные не посылали своихъ представителей на соборъ. Поэтому главное вліяніе на немъ принадлежало классу, жившему трудомъ закрѣпощеннаго сельскаго населенія, т.-е. дворянству. Дворянство же было въ полной зависимости отъ центральнаго правительства, между прочимъ, потому, что въ тогдашнихъ условіяхъ только съ его помощью оно могло держать въ повиновеніи крѣпостныхъ людей, своимъ трудомъ дурно или хорошо обезпечивавшихъ его существованіе. Такимъ образомъ соціальная неволя крестьянъ обусловливала собою политическую неволю дворянства, какъ на это превосходно указалъ тотъ же Ключевскій: «Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остального общества своими привилегіями, поглощенномъ дрязгами крѣпостного владѣнія, разслабляемомъ даровымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго интереса и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности. Барская усадьба, угнетая деревню и чуждаясь посада, не могла сладить съ столичной канцеляріей, чтобы дать земскому собору значеніе самодѣятельнаго проводника земской мысли и воли» [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 244.

Не слѣдуетъ думать, что дворянство было довольно своимъ положеніемъ. Оно было очень бѣдно [1]). Оно само находилось на крѣпостной службѣ у государства и само немало терпѣло отъ того строя, который создавался и поддерживался, главнымъ образомъ, его же усиліями и въ его же интересахъ. Въ январѣ 1642 г. на соборѣ, созванномъ по вопросу о томъ, принять или не принять отъ донскихъ казаковъ Азовъ, отнятый ими у турокъ, дворянскіе представители многихъ уѣздовъ горько жаловались: «а разорены мы пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ» [2]). Но чѣмъ бѣднѣе было это сословіе, тѣмъ сильнѣе чувствовало и тѣмъ лучше сознавало оно свою зависимость отъ центральнаго правительства, которое награждало его «землишками». А чѣмъ лучше сознавалась ими эта зависимость, тѣмъ меньше было у него расположенія къ оппозиціи, и тѣмъ меньше способно было оно дорасти до другихъ политическихъ понятій, кромѣ чисто восточнаго понятія о холопствѣ служилаго человѣка. На земскіе соборы XVI столѣтія созывались представители служилаго класса. Они были совѣщаніемъ правительства со своими собственными чиновниками. Соціально-политическія нужды, созданныя событіями Смутной эпохи, выдвинули на русскую историческую сцену Земскій Соборъ, составлявшійся изъ представителей «людей всѣхъ чиновъ». На соборахъ XVII вѣка московское правительство совѣщалось съ «землей», возстановившей его своими усиліями. Но такъ какъ все большая и большая часть населенія Московскаго государства, попадая въ крѣпостную зависимость по отношенію къ разнаго рода владѣльцамъ, переставала посылать на соборъ своихъ представителей, то выборные отъ служилаго класса играли все болѣе и болѣе преобладающую роль на соборныхъ совѣщаніяхъ. Уже одного этого было достаточно, чтобы постепенно превратить соборъ XVII вѣка въ совѣщаніе правительства со своими собственными чиновниками, т.-е. вернуть его къ старому типу XVI столѣтія. А когда онъ вернулся къ этому старому типу, московское правительство легко могло замѣнить его совѣщаніями другого рода. Оно стало созывать «свѣдущихъ людей» отъ отдѣльныхъ слоевъ населенія, болѣе заинтересованныхъ, по его мнѣнію, въ

---

[1]) „Помѣстья уѣздныхъ дворянъ были вообще очень мелки и населены крайне скудно". Въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ „было много дворянъ совсѣмъ безземельныхъ, однодворцевъ, имѣвшихъ только усадьбы, безъ крестьянъ и бобылей, и пустомѣстныхъ, у которыхъ не было и усадебъ... нѣкоторые дворяне бросали свои вотчины и помѣстья, поступали въ казаки или шли въ боярскіе дворы кабальными холопами и въ монастыри служками". (Ключевскій, тамъ же, стр. 111).

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1256,—57,—58.

рѣшеніи вопроса, подлежавшаго разсмотрѣнію въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ хирѣлъ и умиралъ центральный органъ народнаго представительства въ Московской Руси. Во второй половинѣ XVII вѣка соборъ не созывался вплоть до смерти царя Ѳедора. Ключевскій утверждаетъ, что идея Земскаго Собора, постепенно погасавшая въ правящихъ и привилегированныхъ слояхъ, нѣкоторое время держалась среди торгово-промышленныхъ людей, у которыхъ еще теплилось чувство гражданскаго долга. Онъ напоминаетъ, какъ московскіе торговые люди указывали правительству на необходимость созыва земскаго собора въ виду кризиса, вызваннаго неудачной операціей съ мѣдными деньгами. Но онъ же спѣшитъ прибавить, что московскіе «гостишки и торговые людишки» (какъ они сами себя называли) были слишкомъ незначительной величиной, чтобы уравновѣсить общественныя отношенія. Представители этого слоя, несшаго на себѣ весьма обременительное государственное тягло, «становились на соборѣ передъ подавляющимъ большинствомъ служилаго люда и передъ служилымъ же боярски-приказнымъ правительствомъ» [1]). Ясно, что не ихъ голосъ,—къ тому же совсѣмъ не громкій и не рѣшительный,—могъ измѣнить къ лучшему судьбу народнаго представительства въ Московской Руси. Земскій Соборъ, о созывѣ котораго почтительно просили московскіе «гостишки и торговые людишки» въ 1662 году, такъ и не былъ созванъ.

IV.

Сказаннымъ, полагаемъ, достаточно характеризуются экономическія и соціальныя условія, опредѣлившія собою взаимныя отношенія власти и народнаго представительства, а слѣдовательно—и ходъ развитія политической мысли въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Наши изслѣдователи охотно проводятъ параллель между русскимъ Земскимъ Соборомъ и народнымъ представительствомъ въ государствахъ Западной Европы. Однако, она не всегда проводится ими правильно. Такъ, по мнѣнію Ключевскаго, «народное представительство возникло у насъ не для ограниченія власти, а чтобы найти и укрѣпить власть: въ этомъ его отличіе отъ западноевропейскаго представительства» [2]). Но въ какомъ же изъ западноевропейскихъ государствъ народное представительство в о з н и к а л о для ограниченія королевской власти? Оно вездѣ возникало для содѣйствія ей въ управленіи страною. И въ процессѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 267.

[2]) Тамъ же, стр. 272.

этого содѣйствія оно укрѣпляло ее. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ представительству третьяго сословія. Во Франціи Филиппъ Красивый, созывая Генеральные Штаты, пригласилъ его представителей вовсе не затѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними властью. Онъ надѣялся найти съ ихъ стороны поддержку въ своемъ столкновеніи съ папой Бонифаціемъ VIII. Генеральные Штаты 1302 года,—первый по времени земскій соборъ во Франціи,—выразили пожеланіе, чтобы король отстаивалъ «верховную свободу» своего государства и не признавалъ надъ собой,—въ томъ, что касается свѣтской власти,—никакого другого государя, кромѣ Бога («que vous ne reconnaissiez, pour le temporel, souverain en terre, fors Dieu»). Выразить королю такое пожеланіе, несомнѣнно, значило способствовать укрѣпленію его власти. Генеральные Штаты и впослѣдствіи служили орудіемъ такого укрѣпленія. Они были ареной борьбы третьяго сословія со свѣтской и духовной аристократіей. А эта борьба, какъ извѣстно, и создала абсолютную монархію. Она привела къ тому, что французскіе короли получили, наконецъ, возможность обходиться безъ созыва Генеральныхъ Штатовъ и пользовались ею въ теченіе весьма продолжительнаго времени (1614—1789 гг.). Съ своей стороны, короли эти, созывая народныхъ представителей, чаще всего имѣли въ виду только одну цѣль: подоить своихъ вѣрныхъ подданныхъ («traire de l'argent»). По словамъ Ключевскаго, Земскій Соборъ былъ не политической силой, а правительственнымъ пособіемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, это же съ полнымъ правомъ можно сказать о французскихъ Генеральныхъ Штатахъ. И съ неменьшимъ правомъ можно утверждать,—какъ говоритъ тотъ же ученый о Земскомъ Соборѣ,—что имъ предоставлялось возбужденіе законодательныхъ мѣръ въ формѣ ходатайствъ, между тѣмъ какъ верховное управленіе удерживало за собой право рѣшать возбужденные вопросы [1]). Тутъ—неоспоримое сходство. Но различіе исторической обстановки привело къ тому, что во Франціи сословное народное представительство, послужившее королю весьма важнымъ «пособіемъ» и сильно содѣйствовавшее укрѣпленію и расширенію его верховной власти, стало къ нему въ отношеніе, существенно отличавшееся отъ того, которое установилось въ

[1]) „Alors que le Parlement anglais remplaçait les petitions par des „bills“ les États français continuaient à présenter leurs cahiers de doléances, laissant au gouvernement le droit de ne tenir aucun compte de leurs demandes dans ses ordonnances. La même chose avait lieu en Russie, où les lois nouvelles etaient décrétées directement par le czar et sa douma et où le „Verdict général du pays“ resta pendant de longues années sans effet“. Maxime Kowalewsky: „Institutions Politiques de la Russie“. Paris. 1903, p. 98.

Московскомъ государствѣ между Земскимъ Соборомъ и царемъ. Я уже не разъ указывалъ на то, что московскіе цари въ своей борьбѣ съ боярствомъ опирались, главнымъ образомъ, на помѣстное дворянство, между тѣмъ какъ во Франціи самою главною поддержкой королей въ ихъ борьбѣ съ феодалами явилось третье сословіе. Первоначальная роль этого сословія была очень скромной. Это достаточно доказывается тѣмъ фактомъ, что его представители могли говорить въ присутствіи короля, только опустившись на колѣни, тогда какъ представители высшихъ сословій произносили свои рѣчи стоя. Но вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ быстро росло значеніе третьяго сословія въ соціальной жизни Франціи. А вмѣстѣ съ ростомъ его значенія въ соціальной жизни развивалось и его политическое самосознаніе. Его представители, прежде смиренно считавшіе себя «людишками», все болѣе и болѣе чувствовали себя людьми. При этомъ они не перестали помогать королю, поскольку дѣло касалось его борьбы съ феодалами. Но, продолжая служить ему «пособіемъ» въ этой борьбѣ, они въ то же время стремились положить извѣстные предѣлы его власти («ограничить» ее) въ области государственнаго управленія тамъ, гдѣ дѣло касалось общенароднаго интереса. Поэтому на собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ часто раздавались такія рѣчи, о какихъ и помыслить не могли «добрые и разумные люди», съѣзжавшіеся на Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ.

Вотъ примѣръ.

На собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1484 года въ торжественномъ засѣданіи 28 февраля руанскій депутатъ Масселэнъ, сказавъ, что король долженъ позаботиться объ уменьшеніи лежавшаго на французскомъ народѣ податного бремени, счелъ нужнымъ прибавить: «Поступая такъ, онъ не окажетъ милости своему народу, а только исполнитъ долгъ справедливости: говорить о милости значило бы злоупотреблять словами». Подобный языкъ знаютъ только люди: «людишки» выражаются иначе. Продолжая свою рѣчь, Масселэнъ воскликнулъ: «Да, въ монархіи народъ остается верховнымъ господиномъ своего имущества, и нельзя отнимать его у народа, когда онъ въ полномъ своемъ составѣ противится этому. Онъ принадлежитъ къ свободному состоянію: онъ не рабъ, а подданный королевской власти» [1]). Тутъ мы опять встрѣчаемъ прекрасно знакомое намъ, по разсужденіямъ Бодэна, различеніе холопа и подданнаго. Холопъ распоряжается своимъ имуществомъ лишь

---

[1]) „Liberae siquidem conditionis est, non servilis, ut pote regii regiminis subditus“ Histoire des États Généraux par Georges Picot, 2-me édit., t. I, p. 378—379.

съ позволенія своего господина, а подданный остается верховнымъ собственникомъ того, чѣмъ онъ владѣетъ, и король не можетъ безъ его согласія «отписать на себя» его имѣніе. На Земскій Соборъ съѣзжались холопы московскаго государя; на собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ выступали подданные французскаго короля.

Наканунѣ засѣданія, на которомъ произнесена была цитированная мною рѣчь Масселэна, депутаты третьяго сословія въ совѣщаніи съ королевскими совѣтниками, пытавшимися побудить ихъ къ уступчивости, говорили имъ: «Никто не долженъ удивляться или сердиться, видя, что, получивъ свои полномочія отъ народа, взявшись за его дѣло и поклявшись поддерживать его, народные представители защищаютъ его всѣми своими силами». Они заявляли, что смотрятъ на себя, прежде всего, какъ на довѣренныхъ лицъ народа [1]), и что имъ «пришлось бы нести страшную отвѣтственность, если бы они покинули народное дѣло, подавивъ крикъ своей собственной совѣсти» [2]). Это—опять языкъ людей а не «людишекъ». Раздраженный этимъ благороднымъ языкомъ, одинъ изъ представителей тогдашнихъ французскихъ правящихъ сферъ воскликнулъ, что онъ знаетъ вилэновъ: «Не надо, чтобы предъ ними мелькалъ образъ свободы, имъ нужно ярмо». Въ высшей степени достойны замѣчанія заключительныя слова, сказанныя представителями третьяго сословія королевскимъ совѣтникамъ: «Въ тотъ день, когда король соблаговолитъ принять насъ, наши ораторы будутъ достаточно краснорѣчивы, чтобы побить нашихъ противниковъ оружіемъ разума и чтобы сдѣлать очевиднымъ для всѣхъ, что королю не позволено налагать руку на имущество своихъ подданныхъ, вопреки единодушному мнѣнію Штатовъ». Читатель не долженъ забывать, что я привелъ здѣсь отрывки изъ рѣчей французскихъ депутатовъ XV, а не конца XVIII столѣтія.

V.

Онъ долженъ, кромѣ того, помнить, что во Франціи языкомъ людей умѣли говорить не только депутаты третьяго сословія. Французскіе феодалы тоже никогда не имѣли склонности къ роли холоповъ. И если «христіаннѣйшіе» короли Франціи опирались на третье сословіе въ борьбѣ съ ними, то они, въ свою очередь, пытались,—тамъ, гдѣ такія попытки не требовали отъ нихъ отказа

---

[1]) „Procuratores populi“, какъ выражается тотъ же Масселэнъ въ своемъ латинскомъ дневникѣ Генеральныхъ Штатовъ.

[2]) Тамъ же, стр. 377.

отъ своихъ привилегій,—заручиться симпатіями этого сословія въ борьбѣ съ королями. Для примѣра можно указать на руководящее участіе ихъ въ Лигѣ Народнаго Блага (Ligue du Bien Publique) при Людовикѣ XI. Положимъ, Людовикъ XI обнаружилъ довольно тонкое пониманіе феодальнаго народолюбія, сказавъ: «Если бы мы согласились увеличить ихъ пенсіи и позволили имъ попрежнему угнетать своихъ вассаловъ, то имъ и въ голову не пришла бы мысль объ общемъ благѣ» [1]). Но откуда бы ни приходила въ головы феодаловъ мысль объ общемъ благѣ, важно то, что временами она дѣйствительно забредала туда. На томъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ въ Турѣ (1484 года) депутатъ бургонскаго дворянства Филиппъ По (seigneur de la Roche) говорилъ такъ: «Согласно исторіи, самодержавный народъ (le peuple souverain) создалъ королей своимъ выборомъ, при чемъ онъ предпочиталъ для этого такихъ людей, которые превосходили другихъ умѣлостью и добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, народъ выбираетъ себѣ господина (maître) въ своемъ собственномъ интересѣ. Государи облечены огромною властью не затѣмъ, чтобы обогащаться на счетъ народа, а затѣмъ, чтобы обогащать государство и улучшать его положеніе. Если они поступаютъ иногда иначе, то они ведутъ себя, какъ тираны, и похожи на тѣхъ пастырей, которые вмѣсто того, чтобы защищать своихъ овецъ, пожираютъ ихъ, какъ злые волки... Кто не знаетъ и кто не повторяетъ, что государственное дѣло есть дѣло народа? А если это такъ, то какъ же можетъ народъ не заботиться о государственномъ дѣлѣ? Какъ могутъ низкіе льстецы приписывать самодержавіе государю, который существуетъ только черезъ народъ?.. Народъ имѣетъ двойное право на завѣдываніе своими дѣлами, такъ какъ онъ господинъ надъ ними и такъ какъ, въ послѣднемъ счетѣ, онъ всегда является жертвой дурного правительства».

Выписывая этотъ отрывокъ, я снова невольно спрашивалъ себя, не слѣдуетъ ли напомнить читателю, что рѣчь, изъ которой я взялъ его, была произнесена не во время великой революціи, а болѣе чѣмъ за триста лѣтъ до нея: такъ значительны обнаруженныя въ ней политическая требовательность и сознаніе народнаго достоинства. Конечно, сходство не есть тождество. Филиппъ По счелъ нужнымъ напомнить о самодержавіи народа собственно по тому поводу, что за малолѣтствомъ Карла VIII верховная власть попала въ руки королевскаго совѣта, о составѣ котораго и велся споръ: принцы крови стремились обезпечить себѣ преобладающее вліяніе въ

---

[1]) Picot, названн. сочин., т. I, стр. 331 въ примѣчаніи.

немъ, между тѣмъ какъ Филиппъ По и депутаты, согласные съ нимъ по этому вопросу, хотѣли подчинить совѣтъ вліянію Штатовъ черезъ посредство лицъ, вводимыхъ въ него этими послѣдними. При взросломъ королѣ ссылки на народное самодержавіе, вѣроятно, не были бы такъ рѣшительны. Характерно для дворянскаго депутата и сдѣланное имъ опредѣленіе народа: «Я называю народомъ не только низшее сословіе, но всѣхъ людей всѣхъ сословій, живущихъ въ государствѣ». Во время великой революціи словомъ народъ обозначалась вся совокупность населенія минусъ привилегированные (moins les privilegiés). Филиппъ По, конечно, отвергъ бы такое опредѣленіе. И это вполнѣ понятно. Но замѣчательно,—и для того, кто помнитъ московскія политическія отношенія, пожалуй, даже удивительно,—что въ концѣ XV вѣка одинъ изъ представителей французскаго дворянства могъ на собраніи Генеральныхъ Штатовъ произнести рѣчь, въ которой,—хотя бы и въ виду исключительныхъ обстоятельствъ,—горячо и умно отстаивался принципъ народнаго самодержавія, сыгравшій такую большую роль въ политической литературѣ XVIII и XIX столѣтій.

Не менѣе достойно замѣчанія и слѣдующее. Отмѣтивъ, что во Франціи нѣтъ ни одного законодательнаго положенія, въ силу котораго (при малолѣтствѣ короля) управленіе дѣлами должно было бы принадлежать всѣмъ принцамъ крови или одному изъ нихъ, По сказалъ: «Значитъ, все это нужно опредѣлить; и надо выполнить это безъ колебаній. Сдѣлаемъ такъ, чтобы ничто не осталось не опредѣленнымъ. Не покинемъ государственнаго блага на произволъ горсти лицъ; ибо кто поручится намъ за то, что короли всегда будутъ добры и справедливы? Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, нужно выставить твердое правило и начертать поведеніе (fixer une règle et tracer une conduite» [1]). Если вѣрить Котошихину, то московскіе люди, «обирая» на царство Алексѣя Михайловича, не нашли нужнымъ «выставить твердое правило и начертать поведеніе», положившись на «тихій» нравъ молодого царя.

Филиппъ По признавалъ, что народъ не имѣетъ права царствовать. «Но поймите,—говорилъ онъ,—что онъ имѣетъ право управлять государствомъ черезъ посредство своихъ выборныхъ» [2]). До такихъ политическихъ мыслей никогда не возвышалось московское дворянство, въ XVII вѣкѣ ставшее господствующимъ сословіемъ.

---

[1]) Picot, назв. соч., т. II, стр. 5—6.

[2]) Тамъ же, тотъ же томъ, стр. 6—7.

VI.

Русскій историческій процессъ не отличается абсолютнымъ своеобразіемъ; но нужно быть слѣпымъ, чтобы, сравнивая его съ историческимъ процессомъ западныхъ государствъ,—скажемъ, Франціи,—не замѣтить въ немъ своеобразія относительнаго.

Съ точки зрѣнія качественнаго анализа, химическій составъ воды одинаковъ съ составомъ перекиси водорода. Каждое изъ этихъ тѣлъ образуется соединеніемъ кислорода съ водородомъ. Но съ точки зрѣнія количественнаго анализа, между ними есть несомнѣнная разница: перекись водорода (H_2O_2) богаче кислородомъ, нежели вода (H_2O). И этимъ количественнымъ различіемъ объясняется большое различіе ихъ свойствъ, т.-е. качественная разница между ними. Нѣчто совершенно подобное мы видимъ и въ исторіи. Съ точки зрѣнія качественнаго анализа, соціально составъ Московскаго государства былъ одинаковъ съ составомъ Французскаго королевства: и тутъ, и тамъ были крестьяне, торгово-промышленное населеніе, дворянство, аристократія, духовенство и, наконецъ, монархъ. Но количественный анализъ открываетъ большую разницу въ ихъ соціальномъ составѣ: вслѣдствіе большой экономической отсталости Московскаго государства сравнительно съ Франціей торгово-промышленное сословіе играло въ первомъ изъ этихъ двухъ государствъ гораздо менѣе вліятельную роль, нежели во второмъ. Въ своей борьбѣ съ феодальными землевладѣльцами московскій монархъ опирался, преимущественно, на помѣстное дворянство, а французскій—на третье сословіе. Географическая среда гораздо менѣе благопріятствовала развитію производительныхъ силъ въ Великороссіи, нежели во Франціи. Это важное обстоятельство, обусловившее собой количественную разницу въ соціальномъ составѣ населенія двухъ названныхъ странъ, вызвало также весьма существенное различіе во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ соціальныхъ элементовъ той и другой. Московское государство было страной, въ которой на очень долгое время затянулся процессъ колонизаціи при преобладаніи условій натуральнаго хозяйства. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ исключительной длительности этого процесса явилась крѣпостная зависимость трудящейся массы по отношенію къ частнымъ лицамъ и государству. Въ составъ закрѣпощенной трудящейся массы входило не только сельское, но и городское населеніе. Посадскіе люди не могли дѣлаться крѣпостными частныхъ

владѣльцевъ. Уложеніе 1649 года грозило кнутомъ и ссылкой въ Сибирь тѣмъ изъ нихъ, которые приняли бы на себя крѣпостныя обязательства путемъ такъ называемаго з а к л а д а. Но, по превосходному замѣчанію Ключевскаго, личная свобода, которая поддерживалась кнутомъ, сама становилась родомъ государственной повинности. «Уложеніе не отмѣняло личной неволи во имя свободы,—говоритъ онъ,—а личную свободу превращало въ неволю во имя государственнаго интереса» [1]). Такимъ образомъ тотъ или другой родъ крѣпостной зависимости распространился на все трудящееся населеніе Московскаго государства за самыми малыми исключеніями. Наконецъ, историческая обстановка, въ которой развивалось Московское государство, обусловила собою то, что оно вынуждено было затрачивать все большую часть своихъ средствъ на защиту своего существованія въ борьбѣ съ западными сосѣдями, все болѣе и болѣе опережавшими ее на пути экономическаго развитія [2]). Это послѣднее обстоятельство еще болѣе усиливало лежавшій на его населеніи гнетъ крѣпостной зависимости. И, наоборотъ, извѣстно, что во Франціи число крѣпостныхъ постоянно уменьшалось, начиная со Среднихъ Вѣковъ. По словамъ Рамбо, въ Нормандіи уже въ XII вѣкѣ не оставалось и слѣда отъ крѣпостничества. Въ другихъ частяхъ Франціи оно исчезало медленнѣе. Но и тамъ число крѣпостныхъ (serfs) постоянно уменьшалось. Въ 1315 году Людовикъ X позволилъ крѣпостнымъ королевскихъ владѣній в ы к у п а т ь с я на волю. Это, конечно, мало говоритъ въ пользу королевскаго безкорыстія, но неоспоримо свидѣтельствуетъ о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ денежнымъ хозяйствомъ въ тогдашней Франціи. Что касается Генеральныхъ Штатовъ, то уже съ конца XV вѣка крестьянство участвовало въ выборѣ тѣхъ представителей, которыхъ посылало туда третье сословіе. Оно принимало участіе также въ выработкѣ наказовъ депутатамъ (cahiers). Мы видимъ, стало быть, что если въ Московской Руси ходъ экономическаго развитія неуклонно суживалъ ту соціальную основу, на которой стояло политическое зданіе народнаго представительства, то во Франціи онъ, наоборотъ, постоянно расширялъ ее. Неудивительно, что значеніе этого представительства было далеко не одинаково во Франціи и въ Московской Руси.

Конечно, и здѣсь мы имѣемъ передъ собой различіе не абсолютное, а только относительное; не качественное, а лишь количественное. Какъ отмѣчено мною выше, французскіе Генеральные Штаты тоже могли только бить челомъ государю о своихъ нуждахъ.

---

1) «Курсъ», III, стр. 185—186.

2) См. примѣчаніе второе на стр. 203.

Право окончательнаго рѣшенія принадлежало верховной власти. Отъ нея же зависѣло и созваніе и распущеніе Штатовъ. И она не созывала ихъ въ теченіе долгаго времени.

Все это такъ. Но въ вопросахъ этого рода едва ли не больше, нежели гдѣ-нибудь, надо помнить, что количественныя различія переходятъ въ качественныя. Хотя французскіе Генеральные Штаты тоже обладали въ послѣднемъ счетѣ лишь правомъ челобитій, но то населеніе, которое, въ лицѣ своихъ представителей, говорило на ихъ собраніяхъ о своихъ нуждахъ, все-таки имѣло гораздо болѣе значительное вліяніе на законодательство своей страны, нежели населеніе Московской Руси. Жители Французскаго королевства считали себя подданными своего государя, жители Московскаго государства величали себя царскими холопами. Да и на это названіе имѣли право не всѣ, а только болѣе высокопоставленные. Люди низшаго класса назывались царскими сиротами. «Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности»,—пишетъ Соловьевъ [1]). И это, въ самомъ дѣлѣ, такъ. Съѣзжавшіеся на Соборъ представители служилыхъ холоповъ и посадскихъ сиротъ не обнаруживали ни силы, ни самостоятельности. Въ отличіе отъ нихъ, собиравшіеся на Генеральные Штаты представители подданныхъ французскаго короля не разъ выказывали и силу, и самостоятельность. Соловьевъ говоритъ тамъ же, что безпомощные сироты и холопы не могутъ имѣть собственнаго мнѣнія. Однако, это уже не совсѣмъ такъ. И тѣ, и другіе имѣли свое мнѣніе, но оно соотвѣтствовало ихъ униженному положенію и никогда не развивалось въ сколько-нибудь широкое политическое сознаніе. Вотъ почему на Земскихъ Соборахъ Московскаго государства никогда не раздавалось такихъ рѣчей объ обязанностяхъ главы государства и о правахъ народа, какія произносились на собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Повторяю, количественныя различія переходятъ въ качественныя.

VII.

«Читая записки, поданныя сословными представителями на этомъ Соборѣ (на Соборѣ 1642 года.—*Г. П.*), чувствуешь,—читаемъ мы у Ключевскаго,— что этимъ представителямъ нечего дѣлать вмѣстѣ, у нихъ общаго дѣла нѣтъ, а осталась только вражда интересовъ. Каждый классъ думаетъ про себя, особо отъ другихъ, знаетъ только свои ближайшія нужды и несправедливыя преимущества другихъ. Очевидно, политическое обособленіе сословій

[1]) Исторія Россіи, кн. III, стр. 804.

повело ко взаимному нравственному ихъ отчужденію, при которомъ не могла не расторгнуться ихъ совмѣстная соборная дѣятельность» [1]).

На собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ вражда интересовъ тоже вела ко взаимному нравственному отчужденію сословій. И это отчужденіе тоже сильно мѣшало подчасъ ихъ совмѣстной политической дѣятельности. Центральная власть сумѣла воспользоваться этимъ во Франціи, какъ и въ Россіи. Но, отмѣчая это сходство, не забудемъ и того важнаго различія, которое намъ теперь хорошо извѣстно. Если въ Московскомъ государствѣ, вслѣдствіе закрѣпощенія трудящейся массы, каждое изъ сословій, представленныхъ на Соборѣ, перестало видѣть что-либо за предѣлами своихъ ближайшихъ сословныхъ нуждъ, то во Франціи даже представители привилегированныхъ сословій въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвышались до яснаго пониманія общегосударственнаго интереса.

Представители же торгово-промышленнаго сословія часто обнаруживали широкое пониманіе интересовъ всего трудящагося населенія. Въ одномъ изъ засѣданій Генеральныхъ Штатовъ 1614-го года одинъ изъ нихъ выразилъ королю свое удивленіе тому, что французскій народъ можетъ удовлетворять всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. «Онъ долженъ доставлять пищу вашему величеству, а также всему духовенству, дворянству и третьему сословію. Если бы не работалъ бѣдный народъ, то какое значеніе имѣли бы для церкви принадлежащія ей десятины и большія имѣнія, для дворянства—его прекрасныя земли, его большія феодальныя имущества (grands fiefs)? Для третьяго сословія—его дома, его ренты, его наслѣдства? Далѣе. Кто даетъ вашему величеству средства поддерживать свое королевское достоинство и удовлетворять насущныя государственныя нужды внутри и внѣ королевства? Кто даетъ вамъ средства собирать войско, если не земледѣлецъ?» Характеризуя затѣмъ несчастное положеніе бѣдныхъ земледѣльцевъ, которыхъ «обдираютъ» (écorchent) военные люди, этотъ депутатъ,—prevôt des marchands, купеческій голова, Миронъ,—воскликнулъ, что французскій народъ меньше страдалъ отъ сарациновъ, когда они приходили во Францію [2]). По внѣшности это тождественно съ жалобой нашихъ дворянъ на то, что московская волокита разоряла ихъ больше, нежели турки и татары. Но, во-первыхъ, московскіе служилые люди заботились только о своемъ сословіи, между тѣмъ какъ парижскій «гость» Миронъ говорилъ

---

[1]) Курсъ, III, стр. 264.

[2]) G. Picot. Histoire des États Généraux, t, IV, p. 244.

о крестьянахъ; во-вторыхъ, московскіе дворяне только жаловались, а французскій купеческій голова грозилъ: «Если ваше величество не приметъ мѣръ (противъ указаннаго Мирономъ зла.—*Г. П.*), то доведенный до отчаянія бѣдный народъ можетъ сообразить, что солдатъ есть не кто иной, какъ вооруженный крестьянинъ, и что виноградарь, взявъ въ руки аркебузъ, перестанетъ быть наковальней и сдѣлается молотомъ» [1]).

Поучительныя размышленія Мирона обнаруживаютъ большую широту «собственнаго мнѣнія» у представителей французскихъ «гостей». Они не забывали и ближайшихъ нуждъ своихъ довѣрителей. Конечно, нѣтъ! Но ихъ политическое развитіе поднялось уже на ту ступень, съ которой видна была, несомнѣнно, существовавшая тогда въ дѣйствительности, тѣсная связь этихъ нуждъ съ коренными нуждами всего трудящагося населенія Франціи. Въ высшей степени достойно замѣчанія, что на томъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ (1614-го года) представители третьяго сословія потребовали принятія мѣръ для полной отмѣны остатковъ крѣпостного права во Франціи [2]). Въ виду подобныхъ требованій, можно сказать, что, хотя у представителей третьяго сословія было очень мало «общаго дѣла» съ представителями привилегированныхъ сословій,—съ которыми они жестоко ссорились,—но они показали себя способными понять общность своего «дѣла» съ «дѣломъ» всего трудящагося населенія Франціи. А это несравненно важнѣе. Это значитъ, что не лишено было основанія опасеніе королевскаго совѣтника, воскликнувшаго въ 1484 г., послѣ совѣщанія съ представителями третьяго сословія, что передъ вилэнами не долженъ мелькать образъ свободы. Плѣнительный образъ этотъ, какъ видно, уже давно мелькалъ передъ образованной французской буржуазіей. Ходъ развитія давно уже подготовлялъ ее къ роли гегемона во всенародномъ освободительномъ движеніи противъ «стараго порядка». Въ слѣдующемъ столѣтіи она и взяла на себя эту роль.

VIII.

Теперь я приглашу читателя вернуться со мною въ Москву XVI вѣка и вспомнить, что, по мнѣнію одного изъ публицистовъ этого вѣка,—автора приложенія, въ нѣкоторыхъ спискахъ сопровождающаго «Бесѣду валаамскихъ чудотворцевъ» и носящаго названіе: «Ино сказаніе тоежъ бесѣды»,—царю надлежитъ править, опираясь на всѣ общественныя силы Московскаго государства. А для

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Тамъ же, т. V, стр. 2—3.

этого слѣдуетъ созвать «единомысленный вселенскій совѣтъ», т.-е. Земскій Соборъ. Чтобы совѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ вселенскимъ, его необходимо, по мнѣнію указаннаго публициста, «воздвигнути отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безъ высокоумія гордости». Это значитъ, авторъ «Иного сказанія» требовалъ широкаго представительства всего населенія Московскаго государства на Соборѣ. Но это требованіе оказалось неосуществимымъ, такъ какъ на трудящуюся массу все больше и больше распространялся гнетъ крѣпостной зависимости. Произошло это не отъ чьего-нибудь «высокоумія гордости», а по неумолимымъ экономическимъ причинамъ. Безъ сомнѣнія, «высокоуміе гордости» въ самой высокой степени свойственно было центральной власти Московскаго государства. Но оно явилось слѣдствіемъ, а не причиной. Оно произошло оттого, что торгово-промышленное населеніе было слишкомъ слабо, чтобы энергично отстаивать идею представительства, между тѣмъ какъ служилое сословіе перестало дорожить ею. «Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ дворянство, поглощая въ себя боярство, сдѣлалось господствующимъ классомъ; но оно, помимо Собора, нашло болѣе удобный путь для проведенія своихъ интересовъ—непосредственное обращеніе къ верховной власти съ коллективными челобитьями, а боярско-дворянскіе кружки, преемственно обсѣдавшіе престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь» [1]). Неудивительно, что въ исторіи нашего Земскаго Собора нѣтъ того драматизма, какимъ отличается исторія французскихъ Генеральныхъ Штатовъ (объ исторіи народнаго представительства въ Англіи нечего и говорить). Тотъ фактъ, что уже въ XVI вѣкѣ нѣкоторые русскіе люди задумывались о пользѣ, которую принесло бы странѣ созваніе совѣта на основѣ «вселенскаго», т.-е. всенароднаго, представительства, ясно показываетъ, что и въ московскихъ головахъ могли возникать политическія мысли, имѣвшія огромное значеніе въ исторіи развитія общественнаго сознанія Западной Европы. Но общественное бытіе было неблагопріятно у насъ для сколько-нибудь значительнаго развитія этихъ мыслей. Поэтому онѣ отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. По той же причинѣ онѣ всегда оставались смутными. Тутъ было только одно исключеніе: мысль о безграничности монархической власти уже въ XVI вѣкѣ приняла вполнѣ опредѣленный характеръ. «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя», писалъ Грозный Курбскому. Невозможно выражаться опредѣленнѣе. И эта мысль о безграничности царской власти была чужда всякаго элемента утопіи. Она вполнѣ соотвѣт-

---

[1]) Ключевскій. Курсъ III, стр. 273.

ствовала ходу общественнаго развитія. Отсутствіе въ ней утопическаго элемента, ея полное соотвѣтствіе ходу общественнаго развитія вело за собой то, что въ предѣлахъ Московскаго государства она никакъ не могла встрѣтиться съ противоположной ей мыслью о народномъ самодержавіи, которая нерѣдко враждебно сталкивалась съ ней на Западѣ даже въ монархической Франціи. Холопы не способны были дорасти и до несравненно менѣе широкой мысли объ огражденіи правъ высшихъ классовъ общества какими-нибудь законными нормами. Я уже говорилъ, что крайне бѣдно было политическое содержаніе ограничительныхъ записей, полученныхъ боярами отъ нѣкоторыхъ московскихъ государей. Этотъ отзывъ идетъ вразрѣзъ съ авторитетнымъ мнѣніемъ Ключевскаго, который считаетъ, что подкрестная запись Шуйскаго открыла собою новую эру въ нашей политической исторіи. Но, какъ я уже замѣтилъ, у того же историка мы встрѣчаемъ такія строки: «Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которымъ она дѣйствовала и прежде; но это ограниченіе связывало царя лишь въ судныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ» [1]). Если ограниченіе распространялось только на отношеніе царя къ одѣльнымъ лицамъ, то ясно, что въ государственныхъ дѣлахъ его власть оставалась безпредѣльной.

IX.

Въ другомъ мѣстѣ Ключевскій говоритъ: «Василій Шуйскій, формально ограничившій свою власть, въ оффиціальныхъ актахъ писался «самодержцемъ», какъ титуловались природные московскіе государи [2]). Онъ объясняетъ это неподатливостью московскаго мышленія. Хотя оно дѣйствительно было до крайности неподатливо, однако, нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ оно показало себя очень послѣдовательнымъ. Принявъ на себя извѣстныя обязательства только въ томъ, что касалось судныхъ дѣлъ, Шуйскій остался такимъ же самодержцемъ, какимъ были «природные» московскіе государи. При вѣнчаніи на царство природнаго московскаго государя Ѳедора Ивановича митрополитъ Діонисій въ поученіи, сказанномъ по этому торжественному случаю, увѣщевалъ царя «имѣть вѣру ко святымъ церквамъ и честнымъ монастырямъ; ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться, ибо честь, воздающаяся святителю, къ Самому Христу восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; бояръ и

[1]) Курсъ, III, стр. 43.
[2]) Тамъ же, стр. 65.

вельможъ жаловать и беречь по ихъ отечеству, и ко всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко всему воинству быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ православныхъ христіанъ блюсти, жаловать и попеченіе о нихъ имѣть отъ всего сердца; за обидимыхъ стоять царски и мужески, не давать обижать ни по суду и ни по правдѣ; языка льстиваго и слуха суетнаго не принимать, оболгателя не слушать, и злымъ людямъ вѣры не давать; быть любомудру или мудрымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, Богъ почиваетъ; раздавать саны безвозмездно, ибо купившій власть мздоимцемъ бываетъ, и проч.» [1]). Все это прекрасные совѣты, но все это совѣты самодержавному государю. Съ мыслью объ ограниченіи царской власти въ нихъ нѣтъ ничего общаго. Всякій понимаетъ, почему митрополитъ нашелъ такіе совѣты умѣстными при вѣнчаніи на царство Ѳедора Ивановича: потому, что покойный отецъ новаго царя богомольцамъ своимъ не повиновался; бояръ и вельможъ не берегъ и не жаловалъ; православныхъ христіанъ не блюлъ; за обидимыхъ не стоялъ, а напротивъ, самъ обижалъ своихъ холопей и сиротъ всѣми мѣрами и всѣми способами; языка льстиваго принималъ; оболгателя слушалъ; злымъ людямъ вѣру давалъ и т. д., и т. д. Служилому сословію никакъ не могла нравиться такая практика царскаго самодержавія. Извѣстно, что и холопы всегда предпочитали добрыхъ господъ злымъ. Митрополитъ Діонисій счелъ себя нравственно обязаннымъ посовѣтовать Ѳедору Ивановичу быть добрымъ господиномъ. Иванъ Грозный далъ своимъ подданнымъ наглядный политическій урокъ, смыслъ котораго сводился къ тому, что иное дѣло неограниченный монархъ, хотя бы и въ восточномъ смыслѣ, а иное дѣло—жестокій тиранъ. Страшно дорогой цѣной заплативъ за этотъ урокъ, высшій слой служилаго сословія въ теченіе нѣкотораго времени находилъ нужнымъ напоминать новымъ царямъ о различіи между неограниченнымъ монархомъ и тираномъ. Нѣкоторые изъ царей давали ему даже росписки въ томъ, что ими усвоено это различіе [2]). Но холопы добраго господина все-таки—холопы. Беря со своихъ царей «записи», служилые люди Московскаго государства нимало не избавляли себя отъ холопской зависимости по отношенію къ нимъ. Вотъ почему

---

[1]) Соловьёвъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 540.

[2]) «Язъ царь и великій князь Василей Ивановичь Всеа Русіи, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, что мнѣ жалуя судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати, и отъ всякаго насилства отбѣгати». При чтеніи этихъ строкъ изъ записи В. Шуйскаго можно подумать, что онѣ цѣликомъ взяты изъ поученія митрополита Діонисія.

«записи» фактически ровно ничего не измѣняли даже въ судныхъ дѣлахъ. И если мы предположимъ, что боярамъ удалось взять съ Михаила болѣе содержательное обязательство, то вѣдь отъ самого же Ключевскаго мы слышали, при какихъ обстоятельствахъ оно возникло. Плодъ тайныхъ интригъ, происходившихъ за кулисами избирательнаго земскаго собора, оно могло болѣе или менѣе долго вліять на ходъ государственнаго управленія, но отнюдь не измѣнило государственнаго строя. Московская Русь, несмотря на записи, осталась вотчинной монархіей, при чемъ распространеніе населенія все болѣе и болѣе упрочивало вотчинный характеръ верховной власти. Московскіе люди недаромъ говорили Маскѣвичу, что предпочитаютъ свое политическое безправіе польской вольности. Они чувствовали, что у нихъ не можетъ быть другого политическаго порядка, и находили отсутствіе вольности чѣмъ-то естественнымъ и чуть ли не благочестивымъ. Въ своемъ «Извѣтѣ царю Василію Ивановичю всеа Росіи» старецъ Варлаамъ, разсказывая о своемъ путешествіи съ Григоріемъ Отрепьевымъ въ Литву, сообщаетъ, какъ они устроились въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, и какъ онъ жаловался на своего спутника, когда тотъ захотѣлъ снять съ себя иноческое платье. Печерскій архимандритъ Елисѣй и вся монастырская братія, выслушавъ его жалобу, отвѣтили ему: «Здѣся де земля въ Литвѣ вольная; въ коей хто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ». Они же почему-то,—можетъ быть, находя излишней его московскую ревность о Господѣ,—не позволили Варлааму дольше оставаться въ монастырѣ, такъ что и онъ ушелъ въ Острогъ, куда направился Отрепьевъ. Тутъ имъ опять овладѣла забота о спасеніи души своего спутника, который началъ «учитися въ школѣ по-латынски и по-польски и люторской грамотѣ, и бысть отметникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры». Позабывъ о томъ, что Литва «земля вольная», онъ опять отправился съ доносомъ—на этотъ разъ къ самому князю Василію Острожскому. Но и на этотъ разъ доносъ не произвелъ того дѣйствія, какого ждалъ отъ него, основываясь на своемъ московскомъ опытѣ, усердный старецъ. «И князь Василей и всѣ его дворовые люди говорили мнѣ: здѣся де земля, какъ хто хочетъ, тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ.—Да князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой князь Янышъ родился во христіянской вѣрѣ, а держитъ Ляшскую вѣру, и мнѣ де его не уняти» [1]). Получая такого рода отвѣты, Варлаамъ никакъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что существуютъ

---

[1]) Памятники древней письменности, относящіеся къ Смутному времени. (Русская истор. библіот., издаваемая Археограф. комиссіею, томъ XIII. СПБ. 1891, стр. 19—22).

на свѣтѣ болѣе или менѣе вольныя страны. Но ниоткуда не видно, чтобы, нимало не сомнѣваясь въ существованіи «вольныхъ» странъ, нашъ бывалый старецъ хоть на минуту остановился передъ вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли прибавить «воли» московскимъ людямъ: иное дѣло «вольныя» страны, а иное дѣло московское государство; въ вольныхъ странахъ «въ коей хто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ», а въ московскомъ государствѣ можно и должно принуждать людей ко спасенію своей души батожьемъ, тюрьмой и тому подобными твердыми доводами и рѣшительными мѣрами. Въ «вольныхъ» странахъ каждый можетъ учиться даже «лютерской грамотѣ», а въ Москвѣ этого нельзя дѣлать подъ страхомъ обвиненія въ ереси. «Вольныя» страны Москвѣ не указъ!

X.

Какъ низокъ былъ уровень политическихъ понятій въ населеніи Московскаго государства XVII-го вѣка, показываютъ тогдашніе политическіе процессы. Такіе процессы вызывались обыкновенно «непригожими словами» о государѣ, говорившимися «спроста ума своего», «хмельнымъ дѣломъ». Въ первые годы царствованія Михаила въ «непригожихъ словахъ» встрѣчается иногда, правда, крайне рѣдко, нѣчто похожее на кое-какое,—хотя и весьма элементарное,—политическое содержаніе, завѣщанное Смутой. Обывателя приглашаютъ выпить за благочестиваго государя Михаила Ѳеодоровича, а онъ спрашиваетъ: «да не живъ ли еще царь Дмитрій Ивановичъ?» Его притѣсняютъ царскіе воеводы, а онъ, потерявъ терпѣніе, кричитъ: «такъ не поступали и литовскіе люди». Но потомъ въ нихъ постепенно пропадаетъ и это элементарнѣйшее политическое содержаніе. Человѣкъ обвиняется въ томъ, что онъ сказалъ: «Въ меня де такова жъ борода, что у государя». Почему этотъ бѣднякъ, которому, очевидно, грозятъ «нещадные батоги», вспомнилъ о государевой бородѣ? Стольникъ и воевода Н. С. Собакинъ въ своемъ донесеніи подробно разъясняетъ эту психологическую загадку. Допрошенный имъ боярскій сынъ Сергѣевъ показалъ: «Въ прошломъ де во 135-мъ (т.-е. 1627.—*Г. П.*) году у Антошка Плотникова на бесѣдѣ я былъ и напився де пьянъ, тюремный сторожъ Сенька учалъ меня лаять и я де ему молылъ: мужикъ де, про что меня лаешь? бороду де тебѣ за то выдеру! И онъ де Сенька молылъ: не дери де моей бороды, мужикъ де я государевъ и борода де у меня государева. А опроче де я того про г. неподобнаго слова не слыхалъ». Это подтвердили и другіе свидѣтели [1]). Выходитъ, что «воровство» Сеньки со-

[1]) Н. Новомберскій. Слово и дѣло государевы. Т. I. 1911. Стр. 49—50.

стояло не въ томъ, что онъ дерзостно сравнилъ свою бороду съ бородой московскаго государя, а только въ томъ, что онъ объявилъ ее царской собственностью. Это, какъ видите, не заключало въ себѣ ровно ничего опаснаго для московскаго политическаго порядка. Скажу больше. Тутъ и «воровства»-то никакого не было! Возвѣщая, хотя бы и «по пьяному дѣлу», о томъ, что онъ цѣликомъ, до бороды включительно, принадлежитъ государю, злополучный Сенька показалъ лишь ясное пониманіе соціальной основы московской вотчинной монархіи и свою непоколебимую вѣрность этой основѣ. Вотъ другой примѣръ: «141 г. (т.-е. 1633) ноября въ 6 д. колодникъ Петръ Резанцовъ... пришедъ въ съѣзжую избу, сказалъ: ноября же де въ 5 д. ввечеру пришедъ на караулъ десятникъ стрѣлецкій Ивашко Распопинъ, и почелъ де меня вязать и лаять всякою неподобною лаею, и язъ де ему сталъ говорить: за что меня лаешь, язъ де буду на тебя г. бить челомъ! И тотъ де Ивашко Распопинъ показалъ мнѣ перстъ и молылъ мнѣ: вотъ де тебѣ и съ государемъ» [1]). Конечно, показаніе перста было въ данномъ случаѣ жестомъ довольно непочтительнымъ. Но и оно не даетъ ни малѣйшаго повода думать, что политическія понятія Ивашки Распопина чѣмъ-нибудь грозили московскому политическому порядку. Приведу еще два поучительныхъ случая. На Святой недѣлѣ 157 года (т.-е. 1649) «сынчишко боярскій» Иванъ Пашковъ поругался съ дьячкомъ церкви свв. Аѳанасія и Кирилла, Нежданомъ. Онъ крикнулъ дьячку: «Чей де ты?» И дьячекъ ему сказалъ: «Я де государевъ, и Аѳанасія и Кирилла церковный дьячокъ». «А дьячекъ Ивану говорилъ: а ты де чей?» И Иванъ сказалъ: «Я де х. (олопъ) государевъ, нашъ де г. ц. и в. к. А. М. в. Р. (государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи) выше Аѳанасія и Кирилла». И дьячекъ ему сказалъ: «Г. (осударь) де ц. (арь) Богъ земной, а Аѳанасію и Кириллу молится». Этотъ споръ свѣтской и духовной власти кончился дракой. Разобравъ дѣло, Москва съ полнымъ безпристрастіемъ постановила: сына боярскаго бить батоги нещадно—«пей брагу да такихъ словъ не говори», и дьячка бить потому жъ [2]). Въ 148 (1640) году мещевскіе казаки Алпатовъ, Исаевъ, Филишовъ и Никифоровъ жаловались на посадскаго чело-

---

[1]) Тамъ же, стр. 78. Странно, что по этому дѣлу отъ царя пришла грамота, предписывавшая нещадно наказать батогами не Ивашку Распопина, а стрѣльца Ѳедьку Калачникова. Между тѣмъ, изъ дѣла видно, что этотъ послѣдній былъ за нѣкоторое время до того зарѣзанъ тѣмъ самымъ Петромъ Резанцовымъ, который донесъ на Распопина. Московскіе дьяки, писавшіе грамоту отъ имени царя, ошиблись—тоже, пожалуй, „хмѣльнымъ дѣломъ“.

[2]) Тамъ же, стр. 553—554.

вѣка Блестина. Они обвиняли его въ томъ, что онъ сказалъ такое «слово»: «глупъ де князь великій, что васъ казаковъ поитъ и кормитъ». Блестинъ признавалъ, что онъ выразился «негораздо», но ссылался на слѣдующее смягчающее обстоятельство: «Въ хмелю и безъ хмелю ко мнѣ, сиротѣ, приступаетъ, сброжу съ ума, а вѣдома та моя болѣзнь всему городу Мещевску. «Москва приказала мещевскому воеводѣ бить больного Блестина «батоги нещадно, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать» [1]).

Интересно, что къ дѣламъ о подобномъ, совершенно безобидномъ, «воровствѣ» привлекались, главнымъ образомъ, низшіе слои населенія. Изъ служилыхъ людей «непригожія рѣчи» говорили «спроста ума своего» едва ли не исключительно «сынчишки боярскіе». Врядъ ли возможно предположить, что стоявшіе выше ихъ слои служилаго класса рѣже занимались «пьянымъ дѣломъ». Можетъ быть, они отличались во хмелю большей сдержанностью или не любили доносить другъ на друга? Но, какъ бы тамъ ни было, политическіе процессы въ московскомъ государствѣ XVII вѣка отнюдь не свидѣтельствуютъ о томъ, что въ немъ существовали хотя бы зародыши сколько-нибудь серьезной политической оппозиціи.

XI.

Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается изученіемъ довольно многочисленныхъ литературныхъ памятниковъ, относящихся къ Смутному времени. Нечего и говорить, что авторы этихъ памятниковъ смотрятъ на историческія событія съ нравственно-религіозной точки зрѣнія и видятъ въ бѣдствіяхъ Смуты божье наказаніе за грѣхи. Въ «Повѣсти о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію» говорится: «Самъ бо рече Господь: «егда падая, не востанетъ ли? Или отвращаяся не обратится?» И паки: «обратитися ко Мнѣ и обращуся къ вамъ», глаголетъ Господь, наказуя насъ овогда гладомъ, овогда огненными запаленіи, овогда же безбожныхъ нахоженьми, и межиусобною бранію, и прочими таковыми, понеже бо согрѣшиша отъ главы и до ногу, сіирѣчь, отъ великихъ и до нижайшихъ» [2]). Нѣкоторые другіе авторы объясняютъ печальныя событія Смутнаго времени преимущественно грѣхами отдѣльныхъ лицъ, напр., Бориса Годунова. Но въ общемъ всѣ они держатся того взгляда на исторію, о которомъ Огюстъ Контъ сказалъ бы, что онъ принадлежитъ къ теологической фазѣ

[1]) Тамъ же, стр. 498—499.

[2]) Русская историческая библіотека, т. XIII, стр. 250.

развитія мысли [1]). Конечно, нравственно-религіозная точка зрѣнія нимало не исключаетъ политическихъ симпатій или антипатій. Замѣтны такія симпатіи и антипатіи и въ сказаніяхъ о Смутномъ времени. Такъ, напримѣръ, одни изъ нихъ хвалятъ Шуйскаго, другіе не любятъ его. Различіе отношеній къ этому царю показываетъ, что одни изъ авторовъ сказаній сочувствовали боярскимъ тенденціямъ, между тѣмъ какъ другіе пропитаны были соціально-политическими стремленіями дворянства. Но трудно согласиться съ В. А. Келтуялой, который въ авторѣ одного изъ сказаній видитъ противника самодержавія. Этотъ уважаемый изслѣдователь совершенно правъ, говоря, что указанный имъ авторъ «стоитъ за царя Шуйскаго и нападаетъ на Бориса и Лжедимитрія» [2]). Но нападки на Бориса доказываютъ въ данномъ случаѣ только то, что авторъ сказанія не любилъ въ немъ продолжателя враждебной боярству соціальной политики Ивана Грознаго. Что же касается самодержавія, то не надо упускать изъ виду, что, говоря о Шуйскомъ, на сторонѣ котораго онъ стоитъ всецѣло, авторъ сказанія безъ всякихъ оговорокъ называетъ этого царя «всеа Русіи самодержцемъ» и утверждаетъ, что онъ пріялъ скипетръ въ свою десницу отъ всемогущаго Бога. При этомъ онъ сообщаетъ, что «праведный и благочестивый» Шуйскій былъ прежнихъ благовѣрныхъ царей «корене» [3]). На свое происхожденіе отъ корня прежнихъ царей заботливо указывалъ, какъ извѣстно, самъ Шуйскій. Но понятно, что онъ дѣлалъ это вовсе не съ цѣлью умаленія своихъ самодержавныхъ правъ. Нашему автору хорошо извѣстна «запись цѣловальная, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ»: онъ включилъ ее въ свое сказаніе. Но если бы онъ видѣлъ въ ней документъ, ограничивавшій власть новаго царя, и если бы самъ онъ былъ противникомъ самодержавія, то онъ, конечно, отнесъ бы ее къ числу тѣхъ радостей, которыя, по его словамъ, Господь даровалъ православнымъ христіанамъ. Но онъ повѣствуетъ только о трехъ радостяхъ: 1) паденіе богомерзкаго богоотступника, еретика

---

[1]) М. Козловичъ замѣчаетъ, что уже самое названіе извѣстнаго сказанія Авраамія Палицына даетъ возможность понять воззрѣнія и пріемы автора („Исторія русскаго самосознанія“, изд. 3, стр. 75). Это вѣрно. Вотъ какъ озаглавилъ Палицынъ свое сказаніе: „Исторія въ память сущимъ предъидущимъ родомъ, да незабвена будутъ благодѣянія, еже показа намъ мати слова Божія, всегда отъ всея твари благословенная приснодѣвая Марія, и како соверши обѣщаніе къ преподобному Сергію яко неотступно буду отъ обители твоея.—И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ и всякъ да приложитъ ухо слышать, кіихъ ради грѣхъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе и отъ конецъ до конецъ всея Росія, и како весь словенскій языкъ возмутися и вся мѣста по Росіи огнемъ и мечемъ поядены быша“. (Русск. истор. б-ка, т. XIII, стр. 473).

[2]) Курсъ исторіи русской литературы. Спб. 1911, Ч. I, кн. 2, стр. 730.

[3]) Русская историческая библіотека, т. XIII, стр. 60 и 62.

Гришки Отрепьева; 2) дождь и теплота солнечная на всеплодіе; 3) перенесеніе мощей царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Объ ограниченіи самодержавія нѣтъ и рѣчи. Наконецъ, характеризуя правленіе Шуйскаго, который называется у него истиннымъ пастыремъ, а не наемникомъ, авторъ говоритъ, что царь этотъ «и нынѣ соблюдаетъ истинную православную вѣру христіянскую, яко зѣницу ока, и управляетъ и наставляетъ всякаго на путь спасенія, дабы по отшествіи своемъ (т.-е., по смерти. Г. П.) вси были наслѣдници породы жизненныя, а не ведетъ насъ въ погибель и, паки реку, совращаетъ съ пути погибельнаго». Вотъ и все. Авторъ въ восторгѣ отъ душеспасительной политики Шуйскаго. Онъ восклицаетъ: «и о семъ во всемъ слава Богу, сотворившему насъ. Аминь» [1]). Но это свидѣтельствуетъ только объ его собственномъ благочестивомъ настроеніи, а не о томъ, что онъ былъ противникомъ самодержавія.

Въ политическомъ отношеніи, пожалуй, наиболѣе содержательнымъ изъ всѣхъ сказаній, насъ здѣсь интересующихъ, является «Временникъ» дьяка Ивана Тимоѳеева. Дьякъ этотъ, разумѣется, тоже стоитъ на религіозно-нравственной точкѣ зрѣнія. Но у него яснѣе, чѣмъ у другихъ, выходитъ, что подъ грѣхами, за которые наказалъ Богъ Московское государство, надо, въ сущности, разумѣть ошибки въ соціально-политической области. Пока не было ошибокъ, все шло хорошо; а когда онѣ были сдѣланы, земля замутилась. Въ какомъ же именно видѣ представляется Тимоѳееву хорошій ходъ дѣлъ, прекратившійся вслѣдствіе ошибокъ? Вотъ отвѣтъ, до послѣдней степени характерный для московскаго мышленія XVII вѣка.

«И якоже Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, еще сему подобне во временахъ послѣднихъ и наша самодержавніи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими... къ нимъ же быхомъ отъ всѣхъ многъ вѣкъ доселѣ непрекословни, елико по писанію быти достоитъ ко своимъ владыкомъ рабомъ повиннѣмъ... тако безотвѣтни быша къ нимъ, яко рыбы безгласни, всяко со тщаніемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ, повинующеся имъ во страсѣ подобнѣ, честь страха ради творяще вмалѣ, яко не равну зъ Богомъ».

Что же нарушило эту московскую идиллію? Потрудитесь прочесть.

«Восхотѣша бо обдержателе ушеса своя сладцѣ преклоняти къ ложнымъ шепотнымъ глаголомъ,—яко же въ ветсѣмъ прабаба всѣхъ Евва змію любезнику подаде любезнѣ своя слуха, симъ вмалѣ и огорчися, абіе подъяше бо обще малжена бесчестное исъ

[1]) Русская ист. библ., т. XIII, стр. 60—64.

породы изгнаніе,—лжевный же недугъ и горкій плевелъ тернія, посреди всего царствія израстая, умножашеся и истинствующія пшеницы класы являя превосходя. Языки бо своими убиваху люди, яко мечи, съ любленіемъ тѣхъ послушателей возношаху бо ся зѣло надъ правдою въ неявственныхъ своихъ похвалахъ державній же; и никакоже тѣхъ отщутиша, дондеже плодъ горести тоя пожаша и въ снопы связаша, якоже и въ хранилища имъ своя сихъ положити, тогда сихъ вкусу добрѣ уразумѣша» [1]).

Итакъ, московскіе люди были вѣрными рабами своихъ «обдержателей», пока тѣ оставались добрыми господами. Но постепенно господа начали утрачивать свою доброту. Они стали преклонять «ушеса» къ разнаго рода льстецамъ и доносчикамъ. Доносчиками посѣяно было зло, породившее Смуту. Это опять—прекрасно знакомый намъ взглядъ московскихъ людей: существованіе рабства естественно и даже угодно Богу. Но плохо то, что рабовладѣльцы не всегда добры. Когда они становятся злыми, они нарушаютъ Божью волю, и тогда Богъ наказываетъ всю страну за грѣхи ея «обдержателей». Все это весьма просто.

Французскій дворянинъ Филиппъ По,—разсужденія котораго приведены были выше,—находилъ нужнымъ изложить своимъ товарищамъ - депутатамъ все, что было узнано имъ отъ великихъ людей и отъ мудрецовъ о власти Генеральныхъ Штатовъ. Для усвоенія взглядовъ, подобныхъ тому, который встрѣчаемъ мы въ сочиненіи московскаго дьяка Ивана Тимоѳеева, не было никакой надобности въ помощи мудрецовъ и великихъ людей. Московскія головы могли усваивать ихъ безъ малѣйшаго напряженія.

Заслуживаетъ вниманія взглядъ Тимоѳеева на то, какъ слѣдуетъ писать исторію. Онъ говоритъ, что о настоящихъ,—«первосущихъ»,—царяхъ не удобно «писанми износити неподобная, иже въ жизни си аще и безмѣстно что сотвориша и погрѣшно; но развѣ что добротно къ сихъ славѣ, къ чести же и къ похвалѣ, се достояше уяшняти, единою сполагати въ писаніохъ будущимъ ревнителемъ въ память» [2]). Осуждать «обдержателей» историкъ не долженъ потому, что ихъ дурныя дѣла судитъ «единъ Богъ». Правда, самъ Тимоѳеевъ не всегда придерживается этого рецепта. Да и крайне трудно держаться его, повѣствуя о подвигахъ Ивана IV Васильевича. Но все-таки рецептъ, придуманный московскимъ дьякомъ XVII вѣка, не безъ успѣха примѣнялся у насъ впослѣдствіи и примѣняется донынѣ многими составителями учебниковъ по русской,—а иногда и не только по русской,—исторіи...

---

[1]) Тамъ же, стр. 261—262 и 262—263.

[2]) Тамъ же, стр. 300.

XII.

Изъ всего сказаннаго опять никакъ не слѣдуетъ, что населеніе Московскаго государства XVII вѣка было довольно своей печальной судьбой. Въ этомъ вѣкѣ его тяглые люди часто и сильно волновались. Но мы скоро увидимъ, что въ волненіяхъ своихъ они обнаруживали такую же политическую неразвитость, какъ и въ своихъ пьяныхъ спорахъ. Царскимъ холопамъ тоже, какъ извѣстно, немного радости давала ихъ вѣковѣчная и жестокая служебная лямка. Князь Иванъ Голицынъ сказалъ однажды польскимъ посламъ: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести,—одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ русскихъ людей» [1]). Безъ сомнѣнія, князь выразился черезчуръ сильно. Невозможно предположить, чтобы московское дворянство такъ легко могло поддаться польскому соблазну. Но не спроста же говорилъ онъ. Повидимому, съ теченіемъ времени между служилыми людьми Московскаго государства дѣйствительно стала распространяться та мысль, что служба польскому королю много легче и пріятнѣе службы московскому государю. При всемъ томъ, они были слишкомъ безсильны въ соціальномъ отношеніи и слишкомъ неразвиты въ политическомъ, чтобы задумываться о перенесеніи какихъ-нибудь западныхъ «вольностей» на московскую почву. Еще при Годуновѣ худородные служилые люди говорили: «Великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». При новой династіи, обязанной своимъ возвышеніемъ преимущественно усиліямъ дворянства, принципъ этотъ окончательно восторжествовалъ въ государственномъ управленіи, и, конечно, не московскіе служилые люди могли бы возразить что-нибудь противъ него по существу. Какъ помѣстное сословіе, дворянство слишкомъ заинтересовано было въ незыблемости постепенно утвердившагося на московской почвѣ восточнаго абсолютизма.

По соціальному и политическому положенію своему, боярство никогда не могло сочувствовать этому принципу. Оно долго сопротивлялось его практическому осуществленію. Но боярское сопротивленіе было пассивнымъ, и въ боярской средѣ Московскаго государства тоже никогда не цвѣла политическая мысль [2]). При

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1381.

[2]) „Даже у лучшихъ представителей этого круга, Вассіана Косого, Берсеня-Беклемишева, кн. Курбского, у автора валаамской бесѣды, успѣвшихъ обдумать дома или повидать на чужбинѣ много такого, чего не думала и не видала ихъ рядовая

выборѣ новой династіи высшій боярскій слой не рѣшился выставить открыто свои политическія притязанія, удовольствовавшись закулисной интригой. Плодомъ интриги была «запись» Михаила. Но «запись» осталась клочкомъ бумаги. Она не могла вернуть невозвратное. Когда Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, онъ, между прочимъ, сказалъ имъ, что не надо опасаться бояръ: «это зяблое, палое дерево» [1]). Однако, утративъ свое вліяніе, московское боярство еще не утратило охоты имѣть его. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича его высшіе представители попытались обезпечить себѣ вліятельное положеніе въ государствѣ посредствомъ новой закулисной интриги. «Палатные бояре» выработали проектъ, согласно которому въ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Сибири и другихъ мѣстахъ учреждались «вѣчные» царскіе намѣстники изъ «великородныхъ бояръ» съ титуломъ этихъ областей. Проектъ сулилъ соотвѣтственное расширеніе власти и высшимъ представителямъ духовенства. Слабый Ѳедоръ, одной ногой уже стоявшій въ гробу, «на сіе дѣло изволилъ». Однако, эта новая закулисная интрига разрушилась, столкнувшись съ другой закулисной интригой. Патріархъ Іоакимъ уговорилъ царя не исполнять обѣщанія, даннаго «палатскимъ подустителямъ», намѣренія которыхъ грозили, по его словамъ, ослабить «самодержавство» и разорить единовластіе [2]). Московское духовенство не пошло на боярскую приманку: оно было одной изъ самыхъ надежныхъ опоръ самодержавной власти. Правда, патріархъ преувеличилъ опасность. При московскихъ условіяхъ «палатскіе подустители» не принесли бы серьезнаго вреда «самодержавству». То, что́ далъ бы имъ умиравшій Ѳедоръ, безъ труда взялъ бы назадъ одинъ изъ его наслѣдниковъ,—особенно такой энергичный, какъ Петръ. Но совершенно вѣрно то, что институтъ несмѣняемыхъ намѣстниковъ не согласимъ ни съ абсолютизмомъ вообще, ни съ тѣмъ его видомъ, который Бодэнъ называлъ вотчинной монархіей, а Олеарій обозначалъ словами: monarchia dominica et despotica. Борясь съ «палатскими подустителями», патріархъ Іоакимъ показалъ, что онъ умѣлъ дѣлать правильные выводы изъ данныхъ исторіей посылокъ. Но намъ уже извѣстно, что, неясное и непослѣ-

---

братія, едва брезжитъ по временамъ невыясненная и неустановившаяся мысль объ общемъ народномъ благѣ и государственномъ порядкѣ". Ключевскій. Боярская дума.—Изд. 4-ое, стр. 305.

[1]) Приведя эти его слова, Ключевскій какъ нельзя болѣе кстати обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что они были произнесены выслужившимся дьякомъ. Тамъ же, стр. 388.

[2]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 880—881; ср. Ключевскаго. Курсъ русской исторіи, т. III, стр. 104.

довательное во всѣхъ другихъ случаяхъ, политическое мышленіе московскихъ людей становилось яснымъ и послѣдовательнымъ, когда оно направлялось на защиту безграничныхъ правъ верховной власти.

XIII.

Ключевскій назвалъ XVII вѣкъ эпохой народныхъ мятежей въ нашей исторіи. Мятежей, дѣйствительно, было тогда много, особенно въ царствованіе Алексѣя [1]). Но что же узнаемъ мы изъ нихъ о политическомъ настроеніи народной массы? «Въ этихъ мятежахъ,—отвѣчаетъ только что цитированный мною историкъ,—рѣзко вскрылось отношеніе простого народа къ власти, которое тщательно закрашивалось офиціальнымъ церемоніаломъ и церковнымъ поученіемъ; ни тѣни не то что благоговѣнія, а и простой вѣжливости и не только къ правительству, но и къ самому носителю верховной власти» [2]). Съ этимъ нельзя согласиться. Событія говорятъ не то.

Въ маѣ 1648 года московскій народъ, требуя выдачи Морозова и Траханьотова, заявлялъ, что онъ не жалуется на царя, а только на людей, «ворующихъ» его именемъ. Когда, во время крестнаго хода, Алексѣй Михайловичъ со слезами на глазахъ уговаривалъ своихъ возмутившихся москвичей не настаивать на обѣщанной имъ выдачѣ Морозова, въ отвѣтъ ему раздались крики: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» Означаютъ ли такія заявленія и такіе крики, что жители Москвы не только не питали благоговѣнія къ носителю верховной власти, но просто были невѣжливы съ нимъ? Нисколько! И во всякомъ случаѣ, эти ихъ слова означаютъ, что они относились къ царю съ полнымъ довѣріемъ. Когда религіозный человѣкъ говоритъ: «да будетъ воля Божія и государева», это показываетъ, что въ его отношеніи къ государю присутствуетъ тотъ же элементъ благоговѣнія, съ которымъ онъ относится къ Богу. Даже на западной окраинѣ, во время волненій въ Новгородѣ и Псковѣ, не-

---

[1]) „Въ 1648 году мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Козловѣ, Сольвычегодскѣ, Томскѣ и др. городахъ; въ 1649 г. приготовленія къ новому мятежу закладчиковъ въ Москвѣ, во-время предупрежденному; въ 1650 г. бунты въ Псковѣ и Новгородѣ; въ 1662 г. новый мятежъ въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ; наконецъ, въ 1670—71 гг. огромный мятежъ Разина на поволжскомъ юго-востокѣ, зародившійся среди донского казачества, но получившій чисто соціальный характеръ, когда съ нимъ слилось имъ же возбужденное движеніе простонародья противъ высшихъ классовъ". (Ключевскій. Курсъ, т. III, стр. 308—309).

[2]) Тамъ же, стр. 309.

довольные распоряженіями начальства посадскіе люди повторяли: «государь этого не знаетъ». Отсюда опять видно, что бунтовщики,— г и л е в щ и к и, какъ ихъ тогда называли,—довѣрчиво относились къ царю. Правда, потомъ въ ихъ средѣ скоро начали раздаваться иныя рѣчи. Они стали поговаривать: «государь объ насъ не радѣетъ». Но, энергично сопротивляясь распоряженіямъ царскихъ воеводъ, «гилевщики» обѣщались «стоять всѣмъ заодно за государя». Они продолжали смотрѣть на него, какъ на воплощеніе всего государства [1]). Въ грамотѣ, тайно отправленной въ Москву и поданной боярину Н. И. Романову, псковичи предъявили московскому правительству чрезвычайно умѣренныя требованія: они просили, чтобы впредь воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ, и чтобы псковичей избавили отъ обязанности ѣздить на судъ въ Москву [2]).

Такимъ образомъ «бунташное время» выдвигаетъ передъ нами то же самое соціально-психологическое явленіе, которое мы уже имѣли случай наблюдать, изучая состояніе мысли въ высшихъ классахъ московскаго государства. Недовольные добиваются не измѣненія с о ц і а л ь н о - п о л и т и ч е с к а г о у с т р о й с т в а, а только новыхъ, менѣе тяжелыхъ для даннаго общественнаго класса или слоя, пріемовъ г о с у д а р с т в е н н а г о у п р а в л е н і я. Историки объясняютъ обиліе народныхъ волненій въ царствованіе Алексѣя Михайловича тѣмъ, что Смутное время отучило московскій народъ отъ пассивнаго подчиненія власти. По всей вѣроятности, они правы. Но если они правы, то тѣмъ болѣе замѣчателенъ тотъ фактъ, что, даже отвыкнувъ пассивно подчиняться властямъ, московскій народъ отнюдь не выдвигалъ такихъ требованій, которыя хоть немного шли бы вразрѣзъ съ основами «вотчинной монархіи».

XIV.

Нѣкоторые иностранные писатели называютъ Смутное время трагедіей (tragedia moscovitica). Называя его такъ, они врядъ ли вполнѣ сознавали, до какой степени оно было удачно. «Великая

---

[1]) Въ Псковѣ. въ самый разгаръ „гиля“, одинъ человѣкъ, побывавшій, по торговымъ дѣламъ въ одномъ изъ зарубежныхъ городовъ, разсказывалъ, что „тамъ на городовыхъ воротахъ прибитъ листъ, на листу написана королева (шведская.—Г. П.), какъ живая сидитъ, съ мечомъ, а внизу подъ нею, наклонясь, стоитъ праведный государь Алексѣй Михайловичъ“. (С о л о в ь е в ъ, тамъ же, стр. 1545). Этотъ листъ какъ будто долженъ былъ знаменовать собою нѣчто въ родѣ вассальной зависимости, грозившей Московскому государству вслѣдствіе боярской „измѣны“.

[2]) С о л о в ь е в ъ, тамъ же, стр. 1544.

разруха» преисполнена трагизма. Ея трагизмъ заключается въ томъ, что народъ, недовольство котораго вызвало страшное потрясеніе московскаго соціально-политическаго строя, по тогдашнимъ условіямъ не имѣлъ объективной возможности замѣнить этотъ строй какимъ-нибудь новымъ, менѣе обременительнымъ для него порядкомъ. Это отсутствіе объективной возможности устранить старый, для всѣхъ обременительный, порядокъ и нашло свое субъективное выраженіе въ томъ, что участники волненій не выдвигали какихъ-нибудь новыхъ соціально-политическихъ требованій. По выраженію Ключевскаго, они искали личныхъ льготъ, а не сословныхъ обезпеченій. Поэтому, когда служилый классъ, посадскіе люди и отчасти черносошные сѣверные крестьяне, выведенные изъ терпѣнья «литовскими людьми» и русскими «ворами», взялись за возстановленіе соціально-политическаго порядка, они возстановили,—и непремѣнно должны были возстановить,—его въ старомъ видѣ, т.-е. въ томъ самомъ его видѣ, недовольство которымъ и вызвало Смуту. У тогдашнихъ московскихъ людей не было другого выхода. Этотъ трагизмъ безвыходности превосходно характеризуется слѣдующимъ «бытовымъ явленіемъ».

Правительство царя Михаила отправило нѣкоего Андрея Образцова для сбора податей на Бѣло-Озеро. Тамъ еще возобновлялись иногда набѣги литовскихъ людей. Подати поступали туго, за что Образцову былъ отъ имени царя посланъ выговоръ. Но онъ не признавалъ за собой никакой вины, такъ какъ находилъ, что имъ сдѣлано было все человѣчески-возможное въ борьбѣ съ недоимкой.

«Я, государь,—писалъ онъ,—посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть; а теперь, государь, на посадскихъ людяхъ твоихъ денегъ править нельзя, въ томъ воленъ ты, государь; а я, холопъ твой, блюдясь приходу Литовскихъ людей, безпрестанно днемъ и ночью стою съ посадскими людьми по острогу и разсылаю ихъ на сторожи» [1]).

Посмотрите же. Когда приходятъ литовскіе грабители, посадскіе люди ополчаются на нихъ подъ предводительствомъ своего воеводы и усердно чинятъ надъ ними промыселъ «днемъ и ночью». Имъ иначе поступить нельзя: литовскіе грабители, подкрѣпляемые московскими «ворами», отнимаютъ у нихъ имущество и самую

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1322.

жизнь. А когда имъ удается прогнать литовскихъ людей и усмирить московскихъ «воровъ», мѣстный воевода открываетъ засѣданіе въ приказной избѣ и отбираетъ у нихъ, для наполненія государевой казны, только что спасенное общими усиліями имущество. При этомъ онъ показываетъ такъ много усердія на царской службѣ, что, по его собственному признанію, побиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на смерть. Какъ быть? Возмутиться противъ слишкомъ старательнаго служилаго человѣка? Смута показала московскимъ людямъ, что въ концѣ-концовъ это вовсе не такъ трудно, какъ они думали въ доброе старое время. Но та же Смута привела ихъ къ тому печальному убѣжденію, что, прогоняя отъ себя царскихъ воеводъ, они очень сильно рисковали сдѣлаться жертвой еще болѣе безпощадныхъ грабителей. Изъ двухъ золъ они выбирали меньшее. Однако, выбравъ меньшее зло, они находили, что, въ абсолютномъ смыслѣ, оно все-таки очень велико. И они не ошибались: бюрократическое усердіе Адреевъ Образцовыхъ не могло дать имъ ничего хорошаго. Если объективныя условія лишали ихъ возможности побороть или хотя бы только уменьшить зло собственными силами, то имъ оставалось лишь искать помощи на сторонѣ. И они искали ее въ той же Москвѣ, откуда пріѣзжали къ нимъ Андреи Образцовы. Это можетъ показаться страннымъ; но это было такъ: они надѣялись, что о подвигахъ этихъ служилыхъ людей «государь не знаетъ». Тутъ они ошибались. Такъ, напримѣръ: Москва прекрасно освѣдомлена была о человѣкоубійственныхъ подвигахъ усерднаго воеводы Образцова. Но не подлежитъ сомнѣнію, что, закрѣпощая трудящуюся массу, правительство было заинтересовано въ устраненіи такихъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ она окончательно утратила бы способность нести свое тягло. Мѣры, которыя правительство принимало въ этомъ направленіи, рѣдко достигали своей цѣли. Однако, оно принимало ихъ и тѣмъ самымъ поддерживало въ народѣ ту отрадную для него мысль, что центральная власть заботится объ его благѣ.

Въ 1620 году изъ Москвы была разослана такая грамота:

«Извѣстились мы, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и продажи великіе, посулы, поминки и кормы берутъ многіе. Великій государь, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, приговорилъ съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ наши грамоты, чтобъ они насильства и продажъ не дѣлали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали... а если въ которыхъ городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу, и будутъ на нихъ челобитчики,

то мы велѣли взять на нихъ все вдвое; да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ» [1]).

Достаточно было тяглымъ людямъ данной мѣстности ознакомиться съ содержаніемъ хотя бы одной подобной грамоты, чтобы вопросъ: «совершается ли это по государеву указу?» возникалъ у нихъ каждый разъ, когда царскіе слуги дѣлали то или другое обременительное для народа распоряженіе. И вполнѣ естественно, что въ каждомъ такомъ случаѣ они склонны были думать, что ихъ притѣсняютъ в о п р е к и государеву указу.

Ошибаются изслѣдователи, полагающіе, что московское правительство XVII вѣка совсѣмъ не заботилось объ участи крѣпостныхъ крестьянъ. Оно и здѣсь держалось своей обычной политики. Неуклонно расширяя права землевладѣльцевъ на крестьянскій трудъ, оно, по мѣрѣ возможности, заботилось о томъ, чтобы крестьянство не подвергалось полному разоренію. Котошихинъ категорически говоритъ, что когда боярамъ и инымъ чинамъ давались населенныя земли, имъ предписывалось не слишкомъ обременять своихъ новыхъ подданныхъ работой и поборами, «чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не розогнать и въ нищіе не привесть». Владѣльцамъ, не считавшимся съ этимъ предписаніемъ, правительство грозило чувствительнымъ возмездіемъ. «И у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ,—продолжаетъ тотъ же писатель,—помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя, а что онъ съ кого ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ; а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку». Это еще не все. Государство стремилось оградить отъ обнищанія не только п о м ѣ щ и ч ь и х ъ крестьянъ. У Котошихина прямо сказано: «а будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками: и у него тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно, и отдадутъ сродственникамъ его, добрымъ людемъ, безденежно жъ, а не такимъ разорителямъ» [2]). На основаніи этихъ интересныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что какъ ни плохо было положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVII в., но власть надъ ними ихъ владѣльцевъ еще не имѣла той полноты, какой постепенно достигла она въ теченіе «просвѣщеннаго» XVIII столѣтія. Однако, здѣсь для насъ важна лишь соціально-психологическая сторона вопроса. Совершенно ясно, что крестьяне не

---

[1]) С о л о в ь е в ъ, тамъ же, стр. 1324.

[2]) К о т о ш и х и н ъ, назв. соч., стр. 161.

могли не знать о существованіи предписаній, подобныхъ вышеприведенному. И не менѣе ясно, какъ именно должны были вліять подобныя предписанія на ихъ психологію. Неся тяжелое иго крѣпостной зависимости, крестьяне утѣшали себя той мыслью, что у нихъ есть въ Москвѣ защитникъ, который, въ случаѣ крайней нужды, уже теперь придетъ къ нимъ на помощь, а со временемъ, можетъ быть, и совсѣмъ освободитъ ихъ. Когда Посошковъ писалъ впослѣдствіи, что помѣщики крестьянамъ не вѣковѣчные владѣльцы, онъ,—самъ принадлежавшій къ крестьянскому сословію,—выражалъ ту же мысль. Мы знаемъ, что она не выходила изъ крестьянскихъ головъ вплоть до 1861 года и даже пережила его, такъ какъ «воля», данная 19 февраля, казалась имъ не «настоящей».

XV.

Грамоты, выражавшія заботу московскаго правительства о положеніи тяглой массы, составлялись очень искусно. Бюрократія еще не научилась тогда говорить такимъ русскимъ языкомъ, который не больше понятенъ нашему народу, чѣмъ китайскій. «Пишемъ мы къ вамъ,—продолжаетъ грамота, цитированная мною выше,—милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ другихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны». Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе производили на народъ подобныя обращенія къ нему центральнаго правительства. Они дѣлали непоколебимымъ то его убѣжденіе, что царскіе воеводы притѣсняютъ его безъ вѣдома государя.

Въ жалованныхъ грамотахъ городамъ говорилось, что царь велѣлъ приказнымъ своимъ людямъ оборонять ихъ отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей. Конечно, посадскіе люди никакъ не могли повѣрить, что приказные захотятъ добросовѣстно охранять ихъ отъ боярскихъ притѣсненій: имъ слишкомъ хорошо были извѣстны нравы «крапивнаго сѣмени». Но если хорошія распоряженія центральной власти не исполнялись благодаря приказнымъ, то народъ винилъ въ этомъ т о л ь к о приказныхъ и тѣмъ съ бо̀льшимъ упованіемъ смотрѣлъ на своего «надежу-государя». Вотъ почему, возставая противъ царскихъ слугъ, тяглое населеніе московскаго государства отнюдь не было расположено возставать противъ царя. Это замѣтилъ еще Олеа-

рій [1]). И это же, пожалуй еще лучше Олеарія, замѣтили «воровскіе» казаки, тогдашніе спеціалисты по части бунтовъ. Сами они, дѣйствительно, имѣли мало благоговѣнія къ высшему представителю центральной власти. «Скажи воеводѣ,—говорилъ Стенька Разинъ служилому человѣку, явившемуся къ нему отъ астраханскаго воеводы,—скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его». И онъ же хвалился, что возьметъ Москву и сожжетъ всѣ бумаги «въ верху», т.-е. въ государевомъ дворцѣ. Но тотъ же Разинъ, собираясь итти вверхъ по Волгѣ, объявлялъ, что онъ идетъ только противъ бояръ; царскимъ стрѣльцамъ его сподвижники говорили: «вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя». Въ войскѣ Разина былъ самозванецъ, Максимъ Осиповъ, выдававшій себя за царевича Алексѣя [2]). Отсюда видно, какъ представляли себѣ «воровскіе» казаки отношеніе тяглой массы къ государю.

Ключевскій говоритъ, что въ эпоху Смуты самозванство сдѣлалось стереотипной формой русскаго политическаго мышленія, въ которую отливалось всякое общественное недовольство [3]). Указанная тактика сподвижниковъ Разина убѣждаетъ насъ въ томъ, что самозванство не перестало быть такой формой и во второй половинѣ XVII вѣка. А какую роль сыграло оно въ слѣдующемъ столѣтіи, это мы всѣ знаемъ изъ исторіи Пугачевскаго бунта.

Но почему же русское политическое мышленіе отлилось въ форму самозванства? Именно потому, что оно было крайне мало развито. Тяглая масса Московскаго государства, подвергавшаяся притѣсненіямъ отъ царскихъ слугъ и временами возставшая противъ нихъ, сохраняла вѣру въ царя, какъ въ своего естественнаго защитника. Впослѣдствіи этотъ взглядъ распространился по лицу русской земли далеко за предѣлы Великороссіи. Только широкимъ распространеніемъ объясняется извѣстная чигиринская попытка южно-русскихъ «бунтарей» Стефановича и Дейча, имѣвшая мѣсто во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка [4]).

---

[1]) „Правда, русскіе, въ особенности изъ простонародья, въ рабствѣ своемъ и подъ тяжкимъ ярмомъ, изъ любви къ властителю своему, могутъ многое перенести и перестрадать, но если при этомъ мѣра оказывается превзойденною, то и про нихъ можно сказать: patientia Saepellaesa fit tandem furor... въ такихъ случаяхъ дѣло кончается опаснымъ мятежемъ, при чемъ опасность обращается не столько противъ главы государства, сколько противъ низшихъ властей". (Описаніе путешествія въ Московію, стр. 200—201).

[2]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 303—315.

[3]) Курсъ, III, стр. 46—47.

[4]) Лѣтомъ 1683 года какой-то чернецъ Іосифъ распространялъ на Дону „воровскія" письма, въ одномъ изъ которыхъ, писанномъ отъ имени царя Ивана Алексѣевича,

Для центральной власти, старавшейся положить извѣстные предѣлы аппетитамъ служилаго сословія, вопросъ былъ въ томъ, чтобы не слишкомъ уменьшалась та часть прибавочнаго труда тяглыхъ людей, которая непосредственно шла на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи его интересъ сходился съ интересомъ трудящейся массы, нерѣдко и довольно настоятельно требовавшей, чтобы «все было государево». Это совершенно согласно со складомъ общественныхъ отношеній въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ трудящейся массѣ, осужденной на безвыходную крѣпостную зависимость, въ лучшемъ случаѣ остается только выбирать между различными родами этой зависимости, и гдѣ онъ чаще всего предпочитаетъ зависимость отъ центральной власти. Но иногда борьба съ произволомъ служилыхъ людей наводила трудящуюся массу даже въ XVII в. на ту мысль, что самоуправленіе гораздо выгоднѣе для нея, нежели бюрократическая «волокита», и тогда обнаруживалось рѣзкое противорѣчіе между желаніемъ народа, съ одной стороны, и тенденціями восточной монархіи — съ другой. Какъ ни умѣренны были бунтовавшіе псковичи въ своихъ требованіяхъ, они получили рѣзкій отказъ отъ московскаго правительства. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ имъ: «Холопи наши и сироты намъ великимъ государямъ никогда не указывали, и вамъ надо было бить челомъ до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться». Тишайшій царь имѣлъ свой, совершенно опредѣленный, взглядъ на вопросъ объ участіи народа въ управленіи государствомъ. «При предкахъ нашихъ никогда не бывало,—сказалъ онъ,—чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впередъ того не будетъ» [1]). Скромные псковскіе челобитчики, которымъ позволено было видѣть царскія очи, могли бы возразить, что даже самый грозный изъ «предковъ» Алексѣя Михайловича,—Иванъ IV Васильевичъ,—нашелъ нужнымъ дозволить «мужикамъ» быть у расправныхъ дѣлъ. Но со времени Ивана Грознаго много воды утекло подъ московскими мостами; вотчинная монархія ушла далеко впередъ въ процессѣ развитія свойственныхъ ей соціально-политическихъ отношеній. И то, что въ XVI вѣкѣ допущено было

говорилось, что онъ приказываетъ казакамъ итти въ Москву, такъ какъ бояре его не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, „и другія многія непристойныя слова которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова“ (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. III, стр. 931). Народная психологія, подсказавшая южно-русскимъ „бунтарямъ“ XIX вѣка ихъ пріемъ агитаціи съ помощью фальшивой грамоты отъ царя Александра II, была въ интересующемъ насъ отношеніи какъ двѣ капли воды похожа на ту, примѣняясь къ которой агитаторы XVII столѣтія сочиняли фальшивыя грамоты отъ царя Ивана V.

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 1544.

кровожаднымъ тираномъ, въ XVII—показалось недопустимымъ даже тишайшему «обдержателю»: такъ мало зависѣла объективная логика вещей отъ личныхъ свойствъ государей.

XVI.

По мнѣнію Ключевскаго, въ Москвѣ «общество не представляло безразличной массы, какъ въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ равенство всѣхъ покоится на общемъ безправіи. Общество расчленено, дѣлится на классы, сложившіеся еще въ удѣльные вѣка» [1]). Но, вопреки этому мнѣнію, ни въ одной восточной деспотіи общество не представляло безразличной массы. Въ каждой изъ нихъ оно было болѣе или менѣе расчленено; въ каждой изъ нихъ оно дѣлилось на классы. И всѣ онѣ имѣли ту общую черту, что, несмотря на расчлененіе и дѣленіе, ихъ жители уравнивались между собой своимъ безправіемъ по отношенію къ государю: богдыхану, фараону, шаху, султану и т. п. И какъ разъ эта черта свойственна была Московскому государству. Неудивительно, что восточному складу его внутреннихъ отношеній соотвѣтствовали и свойственныя восточнымъ монархіямъ политическія понятія его населенія.

Говоря о «вѣжливости» въ народныхъ движеніяхъ,—какъ это дѣлаетъ Ключевскій,—полезно выяснить себѣ, что́, собственно, надо понимать подъ нею. Спора нѣтъ, «невѣжливо» поступили московскіе «гилевщики» въ маѣ 1648 года, схватившіе за узду лошадь царя, желая добиться отъ него отставки Леонтія Плещеева. Такъ же мало «вѣжливости» проявили и тѣ волновавшіеся тяглые люди, которые, придя въ Коломенское въ іюлѣ 1662 года, помѣшали Алексѣю Михайловичу, праздновавшему рожденіе своей дочери, дослушать обѣдню и, держа его за пуговицы, требовали, чтобы онъ расправился съ измѣнниками. Наконецъ, верхомъ «невѣжливости» было то, что въ отвѣтъ на его обѣщанія они скептически спрашивали: «чему вѣрить?» и успокоились только тогда, когда заставили царя побожиться и ударить съ ними по рукамъ. Государевы сироты, вообще, не имѣли возможности усвоить себѣ по-тогдашнему вѣжливыя придворныя манеры царскихъ холоповъ. Но это не мѣшало имъ быть самыми горячими сторонниками и самыми рѣшительными защитниками неограниченной царской власти.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе еще вотъ что. Московскіе «гилевщики» вели себя въ XVII вѣкѣ такъ же, какъ

---

[1]) Курсъ, III, стр. 66.

и «гилевщики» XVI столѣтія. Въ апрѣлѣ 1547 года они убили родного дядю царскаго, М. В. Глинскаго, а потомъ пошли къ молодому царю въ село Воробьево требовать, чтобы онъ выдалъ имъ сьою бабку, княгиню Анну Глинскую, и ея сына, которыхъ онъ пряталъ у себя въ покояхъ. Тутъ тоже очень мало «вѣжливости». Достойно замѣчанія, что эта манифестація передъ царскимъ загороднымъ дворцомъ прекращена была такими же мѣрами, какія приняты были впослѣдствіи противъ «гилевщиковъ», приходившихъ въ Коломенское къ царю Алексѣю: по распоряженію Ивана она была разогнана вооруженною силой. Разница только въ томъ, что коломенская манифестація обошлась народу дороже, нежели воробьевская. Но тѣ же самые «гилевщики», которые держали царя Алексѣя за пуговицы и говорили, что онъ еще глупъ и смотритъ изъ рта бояръ, съ искреннѣйшимъ негодованіемъ возстали бы противъ служилаго класса, если бы услыхали о какихъ-нибудь попыткахъ его ограничить самодержавіе. Служилый классъ прекрасно зналъ это. Его холопски-«вѣжливое» отношеніе къ царямъ въ значительной степени подсказывалось ему этимъ настроеніемъ народа. И этимъ же настроеніемъ объясняется то замѣчательное явленіе, что боярскія попытки взять съ царей тѣ или другія «записи», въ дѣйствительности, ни къ чему не приводили. «Надобно читать принадлежащее горожанину Псковское сказаніе о Смутномъ времени и о царствованіи Михаила Ѳедоровича,—говоритъ Соловьевъ,—чтобы узнать все нерасположеніе горожанъ къ поступку бояръ относительно записи, обезпечивавшей интересъ боярскій» [1]). А между тѣмъ, именно, горожане-то и волновались, именно, они-то и показали себя «невѣжливыми» въ «бунташное время» конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ XVII вѣка.

Что касается «благоговѣнія», то извѣстно, что оно на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія принимаетъ разные виды. Такъ, оно не мѣшаетъ варварамъ очень «невѣжливо» обращаться со своими божками въ минуты раздраженія. Однако, изъ того, что раздраженный варваръ иногда сѣчетъ своего божка, вовсе не слѣдуетъ, что онъ считаетъ себя способнымъ обходиться безъ его помощи. Напротивъ, раздраженіе варвара вызывается, именно, тѣмъ, что онъ не видитъ никакой возможности защитить себя безъ помощи божка: побои имѣютъ цѣлью возбудить добрую волю этого послѣдняго.

«Бунташное» время нисколько не поколебало,—ни въ посадахъ, ни въ деревняхъ,—традиціоннаго отношенія московскаго

---

[1]) Тамъ же, кн. II, стр. 1298.

народа къ верховной власти. Чтобы поколебать его, недостаточно было распространявшихся между «гилевщиками» слуховъ о томъ, что царь по своей слабости или неопытности мирволитъ служилымъ людямъ. Какъ увидимъ ниже, оно немного заколебалось подъ вліяніемъ раскола. Но очень немного. Въ сущности, оно и тогда совсѣмъ не измѣнило своей природы.

Трудящееся населеніе Франціи, возставая противъ ненавистнаго ему соляного налога, кричало: «Vive le roi sans gabelle! (да здравствуетъ король безъ соляной подати!)». Въ теченіе долгаго времени оно, страдая отъ нестерпимой парижской «волокиты» и возмущаясь ею, утѣшалось тѣмъ соображеніемъ, что «дуренъ не король, а его министры». И пока оно утѣшало себя такими соображеніями, могло, пожалуй, казаться, что во Франціи трудящійся людъ смотритъ на верховную власть тѣми же самыми глазами, какими онъ смотритъ на нее въ Московскомъ государствѣ. Дѣйствительно, и тутъ и тамъ его представленіе о ней складывалось изъ одинаковыхъ психологическихъ элементовъ. Но, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ различій въ соціальномъ составѣ и въ соціально-политическомъ строеніи этихъ двухъ государствъ, одинаковые психологическіе элементы сочетались во Франціи и въ Московской Руси въ такія политическія представленія, которыя оставались различными даже тогда, когда, на первый взглядъ, казались одинаковыми. Излюбленные московскіе люди, съѣзжавшіеся на Земскій Соборъ, никогда не возвышались до того distinguo, которое такъ часто встрѣчается въ рѣчахъ депутатовъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Они не говорили, что иное дѣло усердный холопъ, а иное дѣло вѣрный подданный. Сообразно съ этимъ, и французской трудящейся массѣ было несравненно легче доразвиться до пониманія того, что когда дурны министры, то въ этомъ надо винить если не короля, какъ личность, то абсолютную монархію, какъ у ч р е ж д е н і е. На этотъ счетъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія событія конца XVIII вѣка.

Глава VII.

Поворотъ къ Западу.

I.

Въ теченіе столѣтія, слѣдовавшаго за Смутой, внутреннія отношенія Московскаго государства все болѣе и болѣе принимали тотъ характеръ, которымъ отличались великія деспотіи Востока. Такой ходъ развитія общественнаго б ы т і я непремѣнно долженъ былъ отразиться на ходѣ развитія общественнаго с о з н а н і я. И мы, въ самомъ дѣлѣ, убѣдились, что политическія понятія московскихъ людей того времени получили яркій восточный оттѣнокъ. Но въ теченіе того же времени совершался сначала весьма медленный, а затѣмъ все болѣе быстрый поворотъ Московскаго государства къ Западу [1]). Этотъ поворотъ тоже не могъ не отразиться на ходѣ развитія русской общественной мысли. Извѣстно, что борьба противоположныхъ вліяній въ области умственнаго развитія данной страны всегда вноситъ въ эту область болѣе или менѣе значительный элементъ драматизма. Мы увидимъ сейчасъ, что исторія общественной мысли Московской Руси XVII вѣка не лишена этого элемента. Но для того, чтобы лучше выяснить себѣ общественно-историческія условія той борьбы двухъ противоположныхъ вліяній, которая совершалась въ умственной области, полезно будетъ еще разъ остановиться на вопросѣ о томъ, почему Московская Русь стала поворачивать къ Западу какъ разъ въ такое время, когда она, по характеру своихъ внутреннихъ отношеній, болѣе чѣмъ когда-нибудь сблизилась и продолжала сближаться съ Востокомъ, т.-е. когда она, казалось бы, должна была все менѣе и менѣе интересоваться Западомъ.

Недавно этотъ важный вопросъ вновь былъ поднятъ,—хотя и въ иной формулировкѣ,—нашимъ извѣстнымъ историкомъ М. Н. Покровскимъ. Онъ утверждаетъ, что многіе изъ его предшественни-

---

[1]) „Русь тронулась съ востока на западъ"... (С о л о в ь е в ъ. Исторія, кн. III, стр. 798).

ковъ держались неумѣстной въ данномъ случаѣ педагогической точки зрѣнія: «Россія начала учиться у Запада, потому что сознала, наконецъ, пользу просвѣщенія. Русскіе стали ѣздить за границу (при этомъ всегда разсказывалось нѣсколько анекдотовъ, показывающихъ, какіе они тогда были смѣшные), иностранцы стали ѣздить въ Москву—такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекаря, художники и техники всякаго рода; мало-по-малу началось «культурное взаимодѣйствіе», благополучно приведшее при Петрѣ къ тому, что московскіе дикари, сбривъ волосы, естественно росшіе у нихъ на подбородкѣ, увеличили запасъ волосъ на головѣ большой искусственной накладкой, въ видѣ кудряваго, волнистаго парика. Въ то же время они построили флотъ и завели сначала элементарныя школы, а потомъ и Академію наукъ, послѣ чего въ Россію стали пріѣзжать не только аптекаря и врачи, но и свѣтила европейской науки» [1]).

Заранѣе предупреждая тотъ упрекъ, что онъ вдается въ карикатуру, М. Н. Покровскій совѣтуетъ своимъ читателямъ заняться изученіемъ многочисленныхъ писаній покойнаго Брикнера, въ сочиненіяхъ котораго «обширный—и иногда очень цѣнный—фактическій матеріалъ объединенъ, именно, съ этой точки зрѣнія». Онъ прибавляетъ, что даже Соловьевъ «не очень далеко ушелъ отъ этого наивнаго школярства».

Остановимся пока на этомъ предварительномъ критическомъ замѣчаніи М. Н. Покровскаго. Какъ слѣдуетъ назвать тотъ взглядъ, согласно которому одна страна начинаетъ учиться у другой по той простой причинѣ, что убѣждается въ пользѣ просвѣщенія? Это — типичный взглядъ просвѣтителей XVIII вѣка, взглядъ историческаго идеализма. Выходитъ, стало быть, что многіе писатели, изслѣдовавшіе вопросъ объ европеизаціи Россіи, были идеалистами. Это совершенно справедливо. Справедливо, въ частности, и замѣчаніе объ А. Брикнерѣ: онъ до конца дней своихъ держался идеалистической точки зрѣнія, и можно сказать, что у него она становилась подчасъ точкой зрѣнія «наивнаго школярства» [2]). Впрочемъ, мы увидимъ, что, опи-

---

[1]) М. Н. Покровскій. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Томъ III, стр. 76—77.

[2]) Вотъ, примѣръ. Брикнеръ совершенно правъ, когда говоритъ, что послѣ татарскаго нашествія русскія общественно-политическія отношенія стали принимать восточный характеръ («Orientalischer Charakter des Staats»). Однако, онъ совсѣмъ неправильно обозначаетъ это сближеніе словомъ «татаризація» («Tatarisierung»). Татары называются у него «степными рыцарями» («Steppenreiter»), т.-е. номадами. Стало быть, если бы Россія «татаризовалась», то занятія жителей и ихъ взаимныя отношенія все

сывая ходъ европеизаціи Россіи, самъ Брикнеръ не всегда въ состояніи былъ оставаться послѣдовательнымъ идеалистомъ. Соловьевъ же,—часто тоже плативши обильную дань историческому идеализму,—именно, въ вопросѣ объ европеизаціи Россіи, вопреки мнѣнію М. Н. Покровскаго, очень далеко ушелъ отъ «наивнаго школярства» просвѣтителей.

Онъ писалъ: «Русскій народъ, послѣ осьмивѣкового движенія на Востокъ, круто началъ поворачивать на Западъ; поворота, новаго пути для народной жизни, требовало банкротство экономическое и нравственное» [1]). Уже эти строки недвусмысленно показываютъ, что наиболѣе глубокой причины поворота русскаго народа отъ Востока на Западъ Соловьевъ искалъ въ его экономическихъ нуждахъ. Стараться объяснить экономическими нуждами даннаго народа важнѣйшія,—поворотныя,—эпохи его исторіи не значитъ грѣшить историческимъ идеализмомъ. Конечно, онъ указывалъ также и на нравственное банкротство Московскаго государства. Но вѣдь его невозможно отрицать. А, кромѣ того, замѣтьте, что «банкротство экономическое» отмѣчается Соловьевымъ прежде банкротства нравственнаго. Мы имѣемъ право заключить отсюда, что въ своемъ изслѣдованіи процесса европеизаціи Россіи онъ былъ близокъ къ тому пониманію исторіи, согласно которому не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. По всей вѣроятности, онъ самъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, въ какой мѣрѣ приблизился онъ къ этому пониманію. Да и нѣтъ у насъ основанія думать, чтобъ онъ былъ

болѣе и болѣе походили бы въ ней на тѣ, которыя свойственны к о ч е в ы м ъ народамъ. Между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ другое. Правда, сѣверо-восточная Русь заимствовала у татаръ нѣкоторыя слова и нѣкоторые обычаи. Но это заимствованіе осталось поверхностнымъ. Не быту номадовъ уподоблялся внутренній бытъ великорусскаго государства, а быту большихъ з е м л е д ѣ л ь ч е с к и х ъ деспотій Востока. Эти деспотіи тоже страдали отъ «степныхъ рыцарей» и тоже кое-что заимствовали у нихъ по части «культуры». Но несомнѣнно, что подъ вліяніемъ столкновеній со «степными рыцарями» во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ все больше и больше развивались такія соціально-политическія отношенія, которыя все больше и больше удалялись отъ соціально-политическихъ отношеній, свойственныхъ кочевникамъ. Брикнеръ не замѣтилъ этого обстоятельства, именно, потому, что хотя онъ и стремился объяснить историческій процессъ ходомъ развитія «культуры», но въ своемъ общемъ взглядѣ на движущую причину культурнаго развитія остался чистокровнымъ идеалистомъ. Онъ разсуждалъ такъ: татары были непросвѣщеннымъ народомъ; благодаря ихъ нашествію Русь стала менѣе просвѣщенной, чѣмъ была прежде. Значитъ, она «татаризовалась». Съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, о которомъ Брикнеръ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, вліяніе кочевниковъ на ходъ развитія внутреннихъ отношеній у земледѣльческихъ народовъ представляется гораздо болѣе сложнымъ.

[1]) Исторія Россіи, кн. 3, стр. 803.

знакомъ съ теоріей историческаго матеріализма. Но все-таки несправедливо обвинять его въ идеализмѣ тамъ, гдѣ онъ, хотя бы и безсознательно, покидалъ идеализмъ и приближался къ матеріалистической точкѣ зрѣнія.

II.

Правда, М. Н. Покровскій самъ признаетъ, что скоро русскіе историки перестали довольствоваться уподобленіемъ Московской Руси гимназическому классу и увидѣли себя вынужденными «искать конкретныхъ, осязательныхъ корней европеизма въ московской почвѣ». Но и эти поиски онъ считаетъ весьма неудачными. «Объективная необходимость переворота впервые была демонстрирована, какъ необходимость, военно-финансовая. Россія должна была стать Европой потому, что иначе она не могла бы выдержать конкуренціи съ европейскими государствами: такъ можно вкратцѣ резюмировать новую схему. Внимательный читатель уже уловилъ, что въ этой схемѣ осталось отъ чичеринско-соловьевской метафизики. Заранѣе предполагалось, что Россія для чего-то должна существовать, что въ этомъ одна изъ цѣлей мірового процесса. Но пока планъ этого послѣдняго намъ не извѣстенъ, и есть даже большія основанія сомнѣваться въ самомъ существованіи этого плана, объясненіе виситъ въ воздухѣ. Оно напоминаетъ извѣстную тавтологію. Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть: опіумъ усыпляетъ, потому что онъ обладаетъ усыпительной силой, а не будь въ немъ этой усыпительной силы, онъ не былъ бы опіумомъ» [1]).

Признаюсь, это разсужденіе почтеннаго ученаго кажется мнѣ мало убѣдительнымъ. Онъ вполнѣ справедливо полагаетъ, что у насъ есть большія основанія сомнѣваться въ существованіи какого-то плана мірового процесса. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что «виситъ въ воздухѣ» объясненіе европеизаціи Россіи указаніемъ на военно-финансовую необходимость. Этого мало. Вовсе не тавтологія была той логической ошибкой, которая угрожала въ данномъ случаѣ историкамъ. Изъ того, какъ изображаетъ дѣло самъ М. Н. Покровскій, очевидно, что имъ угрожалъ такъ называемый порочный кругъ (circulus vitiosus). Въ этой логической ошибкѣ—существенно отличной отъ тавтологіи—мы имѣли бы право упрекнуть ихъ, если бы разсуждали такъ: «Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала потому, что уцѣлѣла». Но вѣдь, по словамъ на-

[1]) Тамъ же, стр. 78.

шего автора, они разсуждали совсѣмъ иначе. Они говорили: «Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть». Два предложенія, соединенныя здѣсь между собою частицей *а*, такъ же далеки, по своему содержанію, отъ порочнаго круга, какъ, напримѣръ, два слѣдующихъ: Джіованни уцѣлѣлъ, потому что покинулъ Мессину раньше землетрясенія, а покинулъ онъ ее для того, чтобы уцѣлѣть. Другими словами: Джіованни предвидѣлъ катастрофу и, опасаясь гибели, удалился изъ Мессины. Если я скажу такъ, то читатель будетъ имѣть право спросить меня: въ самомъ ли дѣлѣ Джіованни предвидѣлъ землетрясеніе? и могъ ли онъ предвидѣть его при данныхъ условіяхъ? Это будутъ questiones facti, рѣшеніе которыхъ потребуетъ подробнаго изученія предмета. Можетъ быть, изученіе обнаружитъ мою ошибку; можетъ быть, окажется, что Джіованни покинулъ Мессину съ другою цѣлью, и что, вообще, въ то время, когда онъ покидалъ ее, невозможно было предвидѣть катастрофу. Но если бы даже я и ошибся по отношенію къ факту, то читатель не имѣлъ бы ни малѣйшаго права сказать, что я погрѣшилъ противъ логики. Не погрѣшили противъ нея и тѣ историки, которые объясняли европеизацію Россіи военно-финансовой необходимостью. Здѣсь тоже можно поставить только вопросы о фактахъ: была ли налицо названная необходимость? И достаточно ли было ея наличности, чтобы Московская Русь повернула къ Западу?

Мы сейчасъ займемся этими вопросами. Но предварительно слѣдуетъ замѣтить еще вотъ что.

По словамъ М. Н. Покровскаго, Соловьевъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ искалъ спасенія отъ «наивнаго школярства» въ «туманной метафизикѣ». И, безъ сомнѣнія, вдался бы въ «туманную метафизику» тотъ историкъ, который сказалъ бы, что существованіе Россіи составляетъ одну изъ цѣлей мірового процесса. Но Соловьевъ этого не говорилъ. Онъ указывалъ лишь на то, что Московская Русь усваивала западно-европейскую технику, желая отстоять свое существованіе. Въ этомъ я не вижу ни метафизики вообще, ни туманной метафизики въ особенности. Конечно, и тутъ возможно сомнѣніе насчетъ фактовъ. Можно спросить: точно ли находила Московская Русь нужнымъ отстаивать свое существованіе? Но этотъ вопросъ очень просто рѣшается, помимо общихъ соображеній, ссылкой на всѣмъ извѣстныя обстоятельства. Достаточно вспомнить эпоху Смуты, кстати сказать, очень близкую къ тому времени, когда начался интересующій насъ здѣсь процессъ европеизаціи Россіи. Вотъ что писали, напримѣръ, ратные и земскіе люди Нижняго Новгорода въ грамотѣ къ другимъ городамъ:

«По Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся Земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ, и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, Польскіе и Литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать» и т. д. [1]).

Люди, писавшіе и разсылавшіе эту грамоту, были, какъ видимъ, твердо убѣждены въ томъ, «что Россія для чего-то д о л ж н а существовать», какъ независимое государство. И нетрудно догадаться—для чего именно. Для того, чтобы ея жители,—т.-е., между прочимъ, тѣ самые, которые писали подобныя грамоты, разсылали ихъ или сочувственно внимали имъ,—не терпѣли притѣсненій отъ чужестранцевъ и не подвергались разоренію со стороны своихъ собственныхъ «воровъ». А разъ у нихъ было такое убѣжденіе, подсказанное какъ нельзя болѣе естественнымъ желаніемъ жить, то намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности апеллировать къ «цѣлямъ мірового процесса»,—въ самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе чѣмъ сомнительнымъ,—для того, чтобы выяснить значеніе военно-финансовой необходимости въ ходѣ культурнаго развитія Россіи. Всего вѣроятнѣе, что у огромнаго большинства московскихъ людей,—даже тѣхъ классовъ, усиліями которыхъ было возстановлено Московское государство,—убѣжденіе въ необходимости существованія этого государства становилось яснымъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время оставалось за порогомъ сознанія. Но у меньшинства ихъ,—у тѣхъ, которые управляли страною,—указанное убѣжденіе не могло не быть яснымъ даже въ обыкновенное время: вѣдь ихъ дѣло заключалось, именно, въ томъ, чтобы бороться съ опасностями, извнѣ или изнутри грозившими государству.

III.

Мы знаемъ, что уже Иванъ III приглашалъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ. Если бы мы сказали, что онъ поступалъ такъ изъ любви къ просвѣщенію, то мы сдѣлали бы ту методологическую ошибку, которую осмѣиваетъ М. Н. Покровскій. Но мы

[1]) С о л о в ь е в ъ. Исторія Россіи, кн. 2, стр. 1012.

такъ не скажемъ, потому что мы знаемъ отъ русскихъ историковъ, какими «конкретными, осязательными» нуждами вызвана была любовь великаго князя къ просвѣщенію. Благодаря русскимъ историкамъ, намъ извѣстно, напримѣръ, что сначала Иванъ III поручилъ постройку Успенскаго собора въ Москвѣ мѣстнымъ каменщикамъ, но тѣ оказались неискусными, и зданіе рухнуло, когда начали сводить своды. Тогда, по совѣту своей жены Софьи, великій князь обратился въ Венецію. Пріѣхавшій оттуда Аристотель Фіоравенти (или Фіораванти) удачно закончилъ постройку собора. Это ясно показываетъ намъ, что итальянскій мастеръ вызванъ былъ въ Москву не вслѣдствіе неопредѣленной любви ея жителей къ просвѣщенію, а вслѣдствіе того, что ея правители встрѣтились съ «конкретной, осязательной» потребностью. Впадали ли въ метафизику изслѣдователи, указывавшіе на такую потребность для объясненія того, что московскіе великіе князья стали обращаться къ иностранцамъ? Единственный возможный отвѣтъ гласитъ: въ э т о м ъ случаѣ методъ ихъ былъ прямо противоположенъ метафизическому.

Далѣе. Фіоравенти не только построилъ Успенскій соборъ; онъ чеканилъ въ Москвѣ монету и лилъ пушки. Этой его дѣятельностью опять удовлетворялись такія государственныя потребности, въ указаніи на которыя нѣтъ ровно ничего метафизическаго. Тутъ все какъ нельзя болѣе «конкретно» и «осязательно». Московскому государству нужны были каменныя постройки и пушки; ему нужна была монета; наконецъ, его «обдержатели» испытывали по временамъ нужду въ медицинской помощи. И вотъ московское правительство вызываетъ изъ-за границы каменщиковъ «хитрыхъ»; лекарей «добрыхъ»; мастеровъ, умѣющихъ «къ городамъ приступать и изъ пушекъ стрѣлять», и т. п. Для обращенія къ иностраннымъ мастерамъ необходимо было только одно предварительное условіе: правительство должно было убѣдиться въ томъ, что заграничные мастера «хитрѣе», а лекаря «добрѣе» московскихъ. Въ этомъ же ему совсѣмъ нетрудно было убѣдиться; по этой части оно получало отъ жизни много наглядныхъ уроковъ, за которые оно особенно дорого платило въ случаяхъ, относившихся къ военному дѣлу. Въ царствованіе Грознаго Московская Русь одержала рядъ очень важныхъ побѣдъ на Востокѣ и Юго-Востокѣ. Но когда Иванъ IV обратился противъ своихъ западныхъ сосѣдей, онъ самъ оказался побѣжденнымъ. Трудно ли было ему понять, что его пораженія причинены были превосходствомъ западной военной техники надъ московской? Я этого не думаю.

Польскій король Сигизмундъ-Августъ писалъ англійской ко-

ролевѣ Елизаветѣ: «Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; привозятъ не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безызвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

Скажемъ ли мы, что, питая и выражая подобныя опасенія, Сигизмундъ-Августъ вдавался въ «туманную метафизику»? Мы скажемъ наоборотъ: онъ показалъ себя сообразительнымъ практикомъ. Но мы прибавимъ, что по этой части московскіе государи не уступали ему въ сообразительности. Если онъ опасался, что, усвоивъ западную технику, они сдѣлаются слишкомъ могущественными, то они, съ своей стороны, поняли, что усвоеніе этой техники было необходимо для увеличенія степени ихъ могущества. Вотъ на это и указывали Соловьевъ и другіе историки того же направленія. И поскольку они указывали на это, они были какъ нельзя болѣе далеки отъ метафизики.

Что военная «необходимость» вызывала мысль о преобразованіяхъ еще до того времени, когда власть досталась Петру, это очень хорошо видно изъ наказа, даннаго кн. В. В. Голицыну въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича и приводимаго тѣмъ же Соловьевымъ: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то новомышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятелями имѣются пристойны,—и тѣмъ быть безъ перемѣны». [1]).

Въ то время, когда былъ писанъ этотъ наказъ, московскіе люди должны были хорошо знать, что, собственно, западные «непріятели» могли научить ихъ чему-нибудь новому въ дѣлѣ

---

[1]) Исторія Россіи, кн. 3, стр. 876.

войны. И они внимательно смотрѣли на Западъ. Но вотъ обстоятельства привели ихъ въ столкновеніе съ Китаемъ, и въ октябрѣ 1687-го года окольничій Ѳ. Головинъ, ведшій съ китайцами переговоры объ Албазинѣ, получилъ, между прочимъ, такое приказаніе: «Развѣдать подлинно и разсмотрѣть, каковы китайскіе люди къ войнѣ, какой у нихъ бой, въ какомъ числѣ, какимъ ополченіемъ и строемъ ходятъ, и воинскіе промыслы чинятъ полевыми ль боями или водяными путями или приступами и осадами городовъ и крѣпостей, и къ чему больше охочи и привычны, и на какой народъ въ воинскихъ поведеніяхъ похожи» [1]). Едва ли возможно было внимательнѣе относиться къ тогдашней «военной необходимости».

Въ виду несомнѣннаго значенія военной «необходимости», какъ источника преобразованій Московской Руси, пріобрѣтаетъ огромную научную цѣнность та мысль Ключевскаго, что реформа Петра, по своему первоначальному замыслу, направлялась, собственно, къ перестройкѣ военныхъ силъ и къ расширенію финансовыхъ средствъ государства и лишь постепенно расширила свою программу, при чемъ «взбаломутила всю застоявшуюся плѣсень русской жизни, взволновала всѣ классы общества» [2]). При яркомъ свѣтѣ этой мысли становится очевиднымъ, что Петровская реформа, съ точки зрѣнія историческаго идеализма, представлявшаяся чрезвычайно счастливой случайностью, отъ начала до конца направлялась объективной логикой соціально-политической жизни. Съ «метафизикой» эта мысль не имѣетъ ничего общаго.

IV.

Въ грамотѣ, данной извѣстному Адаму Олеарію въ 1639-мъ году отъ имени царя Михаила, мы читаемъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ въ астрологіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многихъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ». Если принять въ соображеніе, что уже за два года до этого офиціальнаго признанія важности наукъ «астрологіи» и «географусъ», по указу того же государя, было переведено съ латинскаго сочиненіе по космографіи, то у насъ какъ будто получится доводъ въ пользу того мнѣнія, что московскіе правители вызывали западныхъ мастеровъ, повинуясь отвлеченной любви къ просвѣщенію. Однако, на самомъ дѣлѣ это было

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. 3, стр. 1029.

[2]) Курсъ русской исторіи, ч. IV, стр. 291—292.

не такъ. Иностранныхъ мастеровъ вызывали потому, что они были «годны» великимъ государямъ для удовлетворенія извѣстныхъ практическихъ нуждъ; а когда ближе познакомились съ ними, то стали соображать, что они «хитрѣе» московскихъ потому, что обладаютъ извѣстными научными свѣдѣніями. Соображали это московскіе «обдержатели» крайне медленно, туго, да и о наукахъ имѣли такое темное представленіе, что сильно искажали ихъ названія. Но все-таки кое-какъ соображали, и потому начинали поговаривать объ «астрологіи» и заставляли переводить космографію. Отсюда еще очень далеко было до принятія серьезныхъ мѣръ для распространенія въ Московскомъ государствѣ естественно-научныхъ познаній [1]). Но это намъ сейчасъ неинтересно. Здѣсь для насъ,—какъ и въ соображеніяхъ Ключевскаго о реформѣ Петра Великаго,—важно указаніе на то, что не сознаніе опредѣлило собою бытіе, а бытіе опредѣлило собою сознаніе: извѣстныя «конкретныя» нужды заставили московскихъ правителей обратиться къ иностраннымъ мастерамъ, а болѣе близкое знакомство съ этими послѣдними убѣдило,—если убѣдило,—ихъ, что Московскому государству нужны также и теоретическія свѣдѣнія. Этимъ указаніемъ мы обязаны такимъ изслѣдователямъ, какъ Соловьевъ. Зачѣмъ же попрекать ихъ «метафизикой» тамъ, гдѣ они поворачиваются къ ней спиной?

А если ужъ попрекать «метафизикой» за указаніе на военно-финансовую необходимость, то слѣдуетъ направить этотъ упрекъ также по адресу, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ основоположниковъ историческаго матеріализма, именно Фридриха Энгельса. Вотъ что говорилъ онъ о вліяніи Крымской войны на внутреннюю жизнь нашего отечества:

«Война доказала, что Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности. Правительство принялось поэтому заботиться о размноженіи класса капиталистовъ... Новая крупная буржуазія старательно выращивалась въ тепличной атмосферѣ желѣзнодорожныхъ привилегій, покровительственнаго тарифа и всякихъ другихъ преимуществъ. Всѣмъ этимъ какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, была произведена полнѣйшая соціальная революція, при которой не могло замереть разъ начавшееся умственное движеніе. Появленіе молодой буржуазіи отразилось въ либерально-

---

[1]) При Михаилѣ было офиціально признано, что великому государю „годенъ“ мастеръ, знакомый съ „астроломіей“. А на Стоглавомъ соборѣ царь отнесъ „астроломію“ къ числу „составовъ и мудростей еретическихъ“. Московская Обломовка все-таки шла впередъ, хотя и крайне медленно.

конституціонномъ движеніи; возникновеніе пролетаріата—въ движеніи, обыкновенно называемомъ нигилизмомъ».

Энгельсъ употребляетъ здѣсь какъ разъ тотъ методологическій пріемъ, которымъ пользовались Соловьевъ, Ключевскій и другіе русскіе изслѣдователи, стараясь найти соціологическое объясненіе реформы Петра I.

Историческій процессъ несравненно лучше объясняется матеріализмомъ, нежели идеализмомъ. Чтобы выразиться точнѣе, надо сказать, что научное объясненіе историческаго процесса становится возможнымъ т о л ь к о тогда, когда изслѣдователи сознательно или безсознательно переходятъ на почву матеріализма. Однако, поле зрѣнія историческаго матеріалиста не ограничивается одной экономикой. Въ него не только входитъ, но непремѣнно должна входить вся та «надстройка», которая, возникая на экономической основѣ, всегда имѣетъ болѣе или менѣе сильное обратное вліяніе на нее. Если бы матеріалистъ не захотѣлъ принимать во вниманіе это обратное вліяніе, то онъ тѣмъ самымъ измѣнилъ бы своему собственному методу: устранить изъ своего поля зрѣнія «надстройку» вовсе не значитъ объяснить ея происхожденіе изъ экономической основы и ея обратное воздѣйствіе на эту послѣднюю.

V.

Намъ неизвѣстны такія цивилизованныя общества, которыя не приходили бы въ соприкосновеніе со своими сосѣдями. Для каждаго такого общества существуетъ извѣстная историческая среда, неизбѣжно вліяющая на его развитіе. И для каждаго общества среда эта различна. Этимъ вносится элементъ разнообразія въ ходъ историческаго движенія. И этимъ въ значительной степени объясняется то, что нѣтъ и не можетъ быть двухъ обществъ, процессъ развитія которыхъ былъ бы совершенно одинаковъ. Воздѣйствіе одного общества на другое,—«взаимодѣйствіе» между ними,—не выдумка «туманныхъ метафизиковъ», а простой историческій фактъ. Для соціолога вопросъ заключается не въ томъ, существуетъ ли оно,—это стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія,—а въ томъ, по какимъ путямъ оно, прежде всего, направляется. Послѣдовательные идеалисты, считавшіе «мнѣніе» главной движущей силой общественнаго развитія, были по-своему совершенно правы, думая, что одно общество воздѣйствуетъ на другое, прежде всего, посредствомъ своихъ идей («просвѣщенія»). Послѣдовательные матеріалисты нисколько не отрицаютъ идейнаго взаимодѣйствія между народами. Но, по ихъ научному убѣжденію, путь для него подготовляется тѣми международными сношеніями, которыя обусловлива-

ются матеріальными нуждами народовъ. Матеріальныя нужды побуждаютъ ихъ ко взаимному обмѣну продуктовъ своей хозяйственной дѣятельности. Этнологія показываетъ, что такой обмѣнъ возникаетъ уже на очень низкихъ стадіяхъ хозяйственнаго развитія. Но, кромѣ о б м ѣ н а,—который самъ въ теченіе нѣкотораго времени весьма нерѣдко сливается съ р а з б о е м ъ,—матеріальныя нужды вызываютъ военныя столкновенія между обществами (племенами, городами, народами) [1]). Этими столкновеніями со временемъ порождается извѣстная военная организація. Ея характеръ зависитъ отъ степени экономическаго развитія, достигнутой даннымъ обществомъ. Разъ возникнувъ, она отвлекаетъ ту или другую долю общественнаго труда отъ его первоначальнаго назначенія: производства продуктовъ для непосредственнаго удовлетворенія потребностей членовъ общества, а также для производства средствъ производства. Если данное общество вступаетъ въ соприкосновеніе съ народами, стоящими на болѣе высокой ступени экономическаго развитія и потому обладающими болѣе совершенной военной техникой, то, подъ страхомъ окончательнаго пораженія и потери независимости, ему приходится усваивать себѣ эту болѣе совершенную военную технику. Возможность подобнаго усвоенія, а также болѣе или менѣе своеобразный ходъ и быстрота его процесса опредѣляются экономикой отсталаго общества и выросшими на ея основѣ соціально-политическими отношеніями. Но болѣе совершенная военная техника возникаетъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія. Поэтому, если усвоеніе имѣетъ мѣсто, то политическіе представители отсталой страны видятъ себя вынужденными позаботиться о насажденіи въ ней такихъ производствъ и о введеніи такихъ учрежденій, въ которыхъ она вовсе не имѣла бы нужды или имѣла бы значительно меньшую нужду при другой исторической обстановкѣ. Иначе сказать, экономическая политика отсталаго государства не получила бы такого вида, не будь у него сосѣдей, обладающихъ, вслѣдствіе болѣе высокаго экономическаго развитія, болѣе могучей военной техникой. Правители начинаютъ заводить фабрики, принимаютъ мѣры для развитія торговли и ремеслъ, словомъ, спо-

---

[1]) Воюете ли Вы со своими сосѣдями?—спросилъ однажды Стэнли представителей одного изъ племенъ экваторіальной Африки. — „Нѣтъ“, отвѣчали ему: „но иногда наши ребята идутъ на охоту въ сосѣдній лѣсъ. Иногда наши сосѣди заходятъ въ нашъ. И тогда мы деремся, пока не побѣдятъ они, или не побѣдимъ мы. (S t a n l e y. Dans les Ténèbres de l' Afrique. Paris 1890, t. 2, p. 91). „Всѣ африканскія войны преслѣдуютъ одну изъ двухъ цѣлей: похищеніе скота или захватъ плѣнниковъ“ (B u r t o n. Voyage aux grands lacs de l' Afrique Orientale. Paris 1862, p. 666). Плѣнники работаютъ на своихъ повелителей въ качествѣ рабовъ или продаются.

собствуютъ росту призводительныхъ силъ страны. Такимъ образомъ военная потребность даннаго общества, выросшая на данной экономической основѣ, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ оказываетъ значительно увеличенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе названной основы. Это хорошо видно уже на примѣрѣ нѣкоторыхъ западныхъ государствъ. Потерпѣвъ жестокія пораженія въ борьбѣ съ Франціей, которую обновила революціонная буря, правительство Пруссіи предприняло цѣлый рядъ реформъ, много содѣйствовавшихъ дальнѣйшему экономическому развитію этой страны. И то же самое, только въ гораздо бо̀льшей степени, видно на примѣрѣ Московской Руси [1]).

Въ подобныхъ случаяхъ правительство отсталой страны неизбѣжно играетъ болѣе или менѣе прогрессивную роль, и эта его роль обезпечиваетъ ему на извѣстное время сочувствіе передовыхъ умовъ его страны. Только прогрессивнымъ значеніемъ Петровской реформы объясняется восторженный взглядъ Бѣлинскаго на Петра, какъ на «божество», воззвавшее насъ къ жизни. Разладъ между передовыми умами отсталой страны и ея правительствомъ начинается лишь послѣ того,—и иногда довольно долго послѣ того,—какъ это послѣднее окончательно отказывается отъ прогрессивной роли. Цѣлый періодъ въ исторіи русской общественной мысли останется непонятнымъ для насъ, если мы не отдадимъ себѣ отчета въ этой діалектикѣ исторіи.

М. Н. Покровскій недоволенъ тѣмъ, что историки, указывавшіе на военно-финансовую необходимость, какъ на причину Петровской реформы, не обратили надлежащаго вниманія на состояніе народнаго хозяйства въ Москвѣ XVII вѣка. Этотъ упрекъ далеко не лишенъ основанія. Надо признать, что до сихъ поръ русскіе, да и не одни русскіе, историки недостаточно внимательно изучали развитіе экономическихъ отношеній. До сихъ поръ въ ихъ разсужденіяхъ слишкомъ часто обнаруживается достойный край-

---

[1]) „Петръ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Забота о пополненіи государственной казны постояннымъ бременемъ лежала на немъ и привела Петра къ той мысли, что поднять финансы страны возможно только путемъ коренныхъ улучшеній народнаго хозяйства. Путь къ такимъ улучшеніямъ Петръ видѣлъ въ развитіи національной промышленности и торговли. Къ развитію торговли и промышленности онъ и направлялъ всю свою экономическую политику". (Лекціи по русской исторіи С. Ѳ. Платонова, стр. 488). Кстати, М. Н. Покровскій приписываетъ историческимъ идеалистамъ то соображеніе, что „такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекаря, художники и техники всякаго рода" (*курсивъ мой*). Это „такъ какъ... то" меня удивляетъ. Историческимъ идеализмомъ выдвигается на первый планъ не техника, не медицина, не аптека, а „мнѣніе" людей, т.-е. ихъ общее міросозерцаніе. Аптека и техника очень сильно отдаютъ матеріализмомъ.

няго сожалѣнія недостатокъ точныхъ политико-экономическихъ знаній. М. Н. Покровскій безусловно правъ, полагая, что нельзя понять Петровскую реформу, не ознакомившись предварительно съ экономикой Московскаго государства XVII столѣтія. Но и самъ онъ врядъ ли вполнѣ точно характеризуетъ это состояніе. Вотъ примѣръ.

Онъ пишетъ: «Первые цари дома Романовыхъ монополизировали въ своихъ рукахъ, въ сущности, всѣ наиболѣе цѣнные предметы сбыта. «Царь—первый купецъ въ своемъ государствѣ», говоритъ долго прожившій въ Россіи Коллинсъ. Перечень царскихъ монополій даетъ намъ любопытную картину концентраціи русскаго вывоза, создавшій почву, на которой выросталъ туземный торговый капитализмъ» [1]). Картина эта, въ самомъ дѣлѣ, очень любопытна. Но она отнюдь не свидѣтельствуетъ о цвѣтущемъ состояніи московскаго «торговаго капитализма». То обстоятельство, что царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ, указываетъ на низкую ступень экономическаго развитія страны и на близость ея общественныхъ отношеній къ общественнымъ отношеніямъ восточныхъ деспотій [2]). Въ древнемъ Египтѣ первымъ купцомъ тоже являлся глава государства. Экономическая неразвитость Московской Руси XVII вѣка недостаточно оттѣнена М. Н. Покровскимъ [3]). Онъ правъ говоря, что «торговый капитализмъ XVII вѣка имѣлъ громадное вліяніе и на внѣшнюю и на внутреннюю политику Московскаго государства» [4]). Но онъ

---

[1]) Покровскій. Русская Исторія, т. III, стр. 91.

[2]) Экономическая отсталость Московскаго государства, ставившая русскихъ торговцевъ въ весьма невыгодное отношеніе къ иностраннымъ, обусловила собою, какъ мы это увидимъ ниже, упроченіе національстическаго оттѣнка во взглядахъ московскаго торговаго сословія.

[3]) Онъ самъ справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ еще ничего не доказываетъ приводимое г. Тугановымъ-Барановскимъ замѣчаніе Кильбургера о любви всѣхъ русскихъ, отъ высшихъ до низшихъ, къ торговлѣ. (Тамъ же, стр. 79). Онъ могъ бы прибавить, что, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, китайскіе горожане всегда очень любили торговлю. „Они — настоящіе, дѣйствительные, прирожденные торговцы", говоритъ о нихъ Эрчибальдъ Колькхоунъ: „во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,— даже въ такихъ, которыя меньше всего относятся къ торговлѣ — они, если можно такъ выразиться, думаютъ на деньги"... (цитировано у Элизэ и Онэзима Реклю: „L'Empire du Milieu", стр. 520 — 521). Извѣстно, однако, что страсть къ торговлѣ не помѣшала китайцамъ далеко отстать отъ Западной Европы по части „торговаго капитализма". Кильбургеръ утверждалъ, что московскія лавки были въ большинствѣ случаевъ такъ малы и узки, что продавцы съ трудомъ поворачивались въ нихъ. Таково же было до послѣдняго времени и большинство лавокъ въ страстно любящемъ торговлю Китаѣ. Какъ мало доказываетъ сама по себѣ „любовь къ торговлѣ", видно изъ того, что ею отличаются нѣкоторыя африканскіи племена, едва достигшія средней ступени варварства.

[4]) Покровскій. Тамъ же, III, стр. 101.

врядъ ли обратилъ достаточное вниманіе на тѣ соціально-политическія отношенія, при которыхъ имѣло мѣсто это вліяніе [1]). И только потому, что онъ не обратилъ на нихъ достаточнаго вниманія, онъ увидѣлъ нѣчто «метафизическое» въ извѣстномъ уже намъ указаніи на финансовую необходимость. На самомъ дѣлѣ совершенно понятно, что эта необходимость сыграла огромную роль въ дальнѣйшемъ развитіи той страны, въ которой государь былъ первымъ купцомъ. Царскія монополіи сами служили средствомъ удовлетворенія тѣхъ финансовыхъ потребностей московскаго государства, которыя, въ свою очередь, порождались его военными нуждами. Такимъ образомъ, «торговый капитализмъ» московскаго правительства находился въ тѣсной причинной зависимости отъ «военно-финансовой необходимости», и противопоставлять его ей нѣтъ основанія [2]).

VI.

Неоспоримо, что та же военно-финансовая необходимость опредѣлила собою тотъ родъ просвѣтительнаго вліянія, который взялъ верхъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ прежнее время русскіе книжники довольствовались сознаніемъ своей вѣрности православной церкви: «не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю». Однако, въ XVII вѣкѣ московскіе блюстители православія столкнулись съ вопросомъ о критеріи, съ помощью котораго можно было бы отличать людей, имѣющихъ въ себѣ «разумъ Христовъ». Они увидѣли, что обряды московской церкви во многомъ отличаются отъ греческихъ. На это не однажды съ укоромъ указывали представители греческой церкви. Незадолго до вступленія Ни-

---

[1]) Какъ велико было это вліяніе, видно изъ слѣдующаго. Когда голландецъ Андрей Виніусъ получилъ (въ 1632 г.) концессію на устройство заводовъ близъ Тулы, то для обезпеченія заводовъ рабочими къ нимъ приписана была цѣлая дворцовая волость. На Западѣ фабрично-заводская промышленность возникла при совершенно иныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Замѣчу кстати, что тульскіе заводы были основаны передъ самой войной съ Польшей, а ихъ основатель обязался поставлять московскому правительству по удешевленнымъ цѣнамъ пушки, ядра, ружья и, вообще, всякое желѣзо. Отсюда видно, какую цѣль преслѣдовало правительство, поддерживая предпріятіе Виніуса.

[2]) Царскія торговыя монополіи не только порождены были экономической отсталостью Московскаго государства, но и сами поддерживали эту отсталость. Псковскій лѣтописецъ жаловался на то, что въ 1636 г. у псковичей было отнято право торговли льномъ: „и гость московскій присланъ велѣно ему купить на государя по указной цѣнѣ московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги— корелки худыя, цѣна невольная, купля нелюбовная, во всемъ скорбь великая, вражда несказанная и всей землѣ связа, никто не смѣй ни купить, ни продать“. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. 2, стр. 1340.

кона на патріаршій престолъ монахи греческихъ монастырей на Аѳонѣ объявили ересью московское двуперстіе, сожгли московскія богослужебныя книги и въ избыткѣ религіознаго рвенія хотѣли даже сжечь того монаха,—серба Дамаскина,—у котораго нашлись эти книги. Мало того. Въ славянскомъ текстѣ молитвъ и богослужебныхъ книгъ обнаружились несходства съ греческимъ текстомъ. Чтобы рѣшить, допустимы ли эти отклоненія, и разобраться въ вопросѣ о церковныхъ обрядахъ, нужно было обратиться къ богословію, опиравшемуся, какъ на вспомогательныя науки, на «діалектику, риторику и философію». Словомъ, нужно было учиться [1]). Сознаніе нужды въ просвѣщеніи должно было подкрѣпляться дѣйствіемъ исторической обстановки того времени. Въ XVII вѣкѣ православное Московское государство приняло дѣятельное участіе въ борьбѣ юго-западной Руси съ католической Польшей. Если ратные люди боролись оружіемъ, то православному духовенству нельзя было избѣжать идейной борьбы съ католицизмомъ. Борьба эта давно уже началась въ Западной Руси, и хотя москвитяне мало интересовались тонкостями западно-русской православной аргументаціи, но въ половинѣ XVII вѣка имъ уже невозможно было сохранить полное равнодушіе къ нимъ. Наконецъ, если московскіе пастыри хотѣли предохранить свое духовное стадо отъ «ересей», носителями которыхъ являлись иностранцы, вызывавшіеся въ Москву правительствомъ, то и здѣсь имъ нельзя было обойтись безъ «діалектики, риторики и философіи». И вотъ мы видимъ, что одновременно съ западно-европейскими пушечными мастерами и «рудознатцами» Москва зоветъ къ себѣ ученыхъ грековъ и западноруссовъ, которымъ она отдаетъ въ науку своихъ молодыхъ людей. Уже въ 30-хъ годахъ XVII вѣка патріархъ Филаретъ устроилъ при Чудовомъ монастырѣ школу, получившую названіе патріаршей. Въ концѣ 40-хъ годовъ бояринъ Ртищевъ завелъ при Андреевскомъ монастырѣ училище, отданное имъ въ завѣдываніе западнорусскихъ ученыхъ иноковъ. Въ 1679 году учреждено училище, названное Еллино-греческимъ, потомъ переименованное въ Славяно-латинскую, а еще позже—въ Славяно-греко-латинскую академію. Въ этой академіи преподавали грамматику, піитику, риторику, діалектику, философію, богословіе, церковное и граждан-

[1]) Уже знакомый намъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ говорилъ, что наводненіе христоименитаго русскаго царства ересями,—т.-е. движеніе, извѣстное подъ именемъ раскола, — вызвано было отсутствіемъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Онъ прибавлялъ, что если бы его спросили: „какіе столпы церкви и государства?“, то онъ отвѣтилъ бы: „во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ-третьихъ, училища“. Крайнее невѣжество московскаго духовенства признано было еще на Стоглавомъ соборѣ.

ское право. Проектъ устава для нея написанъ былъ знаменитымъ въ лѣтописяхъ московскаго просвѣщенія западно-руссомъ Симеономъ Полоцкимъ.

Между греческими просвѣтителями, съ одной стороны, и западно-русскими—съ другой, тотчасъ возникли несогласія и соперничество. При устройствѣ школъ много спорили о томъ, къ какому типу онѣ должны приближаться: къ греческому или же къ западно-русскому.

Другими словами: въ дѣлѣ школьнаго образованія, направленномъ на удовлетвореніе нравственно-религіозныхъ цѣлей, тоже происходила борьба восточнаго (греческаго) вліянія съ западнымъ (кіевскимъ). Но эта борьба двухъ вліяній, совершавшаяся въ одной и той же области идей, имѣетъ ничтожное историческое значеніе въ сравненіи со взаимной борьбой двухъ вліяній, исходившихъ изъ двухъ, вполнѣ различныхъ по своей природѣ, отраслей знанія: технической—съ одной стороны, и литературно-богословской—съ другой. Хотя московскому духовенству до крайности нужно было пополнить запасъ своихъ свѣдѣній, но въ тогдашней исторической обстановкѣ даже посредственный пушечный мастеръ или рудознатецъ былъ несравненно важнѣе для Москвы, нежели самый ученый богословъ или самый пышный «витія» [1]). Москва, какъ видно, сама сознавала это «кіевскіе ученые,—говоритъ Ключевскій,—вознаграждались умѣреннѣе нѣмецкихъ наемныхъ офицеровъ [2]). Понятно, почему у насъ въ концѣ-концовъ одержало рѣшительную побѣду не греческое и не кіевское вліяніе, а вліяніе тѣхъ западныхъ странъ, христіанскихъ жителей которыхъ Москва въ своей простотѣ искренно считала «нехристями».

Соціологическая причина этой побѣды «еретическаго» вліянія надъ православнымъ прекрасно выяснена Соловьевымъ.

«Прежде всего нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усилиться,—разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ; нужно было море,—пробиться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; нужно было свести старые счеты, освободиться отъ татарской дани, которую

---

[1]) Въ одной изъ своихъ проповѣдей Епифаній Славинецкій восклицалъ, обращаясь къ православнымъ слушателямъ: «Раздеремъ жестокое сердецъ нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетазму, неплодную ума нашего истрясемъ землю, и злосмрадныхъ душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержемъ страсти, да отъ смерти духовной свободимся», и т. д. Это было, можетъ быть, превосходно въ смыслѣ тогдашней риторики, но съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей это, навѣрно, не стоило хорошей пищали.

[2]) Курсъ, ч. III, стр. 356.

платили въ Крымъ подъ именемъ поминковъ,—нужно было, слѣдовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости. Чтобы поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, — нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ» [1]).

По поводу этихъ строкъ мнѣ опять хочется сказать, что Соловьева нельзя относить безъ важныхъ оговорокъ къ числу историческихъ идеалистовъ и туманныхъ «метафизиковъ». Но довольно объ этомъ.

---

[1]) Соловьевъ. Тамъ же, кн. III, стр. 805.

Глава VIII.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

Кн. И. А. Хворостининъ.—В. А. Ординъ-Нащокинъ.

I. Кн. И. А. Хворостининъ.

1.

Если въ Московскомъ государствѣ побѣдило вліяніе «нехристей», то и въ этомъ послѣднемъ были свои важные оттѣнки: польское вліяніе сильно отличалось, по всему своему характеру, отъ «нѣмецкаго». При Петрѣ «нѣмецкое» вліяніе вытѣснило польское; но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Петровской реформѣ, польское вліяніе было въ Москвѣ довольно сильно. Въ 1671 году, въ письмѣ къ царю одинъ изъ западно-руссовъ (Л. Барановичъ) говорилъ, что «синклитъ царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги ляцкія въ сладость». Въ слѣдующемъ году была сдѣлана, правда, кончившаяся неудачей, попытка организовать въ Москвѣ продажу польскихъ книгъ [1]). Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ владѣлъ польскимъ языкомъ. Въ домахъ московской знати появилась польская утварь.

«Ляцкій» языкъ, «ляцкія» книги и «ляцкія» издѣлія прокладывали путь,—правда, весьма узкій: чуть замѣтную тропинку,—«ляцкимъ» идеямъ. Намъ извѣстно сообщеніе Маскѣвича о томъ, какъ упорно защищали москвичи въ разговорахъ съ нимъ особенности своего политическаго строя. Говоря вообще, польское вліяніе никогда не могло поколебать убѣжденіе московскихъ людей XVII вѣка въ преимуществахъ восточно-русскаго политическаго порядка и общественнаго быта. Но нѣтъ правила безъ исключеній. Близкія сношенія съ поляками вт. эпоху Смуты имѣли то послѣдствіе, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣльные москвичи стали

---

[1]) Милюковъ, назв. соч.

отрицательно относиться и къ названному быту, и къ названному порядку [1]). Къ числу этихъ рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе интересныхъ исключеній принадлежалъ кн. И. А. Хворостининъ изъ рода ярославскихъ князей.

Князь Иванъ Андреевичъ находился при дворѣ перваго Лжедимитрія въ должности кравчаго. Согласно нѣкоторымъ источникамъ, онъ состоялъ въ позорной связи съ самозванцемъ. Говорятъ также, что онъ уже въ то время показалъ себя надменнымъ. Не останавливаясь на этихъ обвиненіяхъ, отмѣтимъ, что польское вліяніе вызвало у него до извѣстной степени свободное отношеніе къ религіознымъ понятіямъ московскихъ людей. Указъ, «сказанный» ему впослѣдствіи отъ великихъ государей (царя Михаила и патріарха Филарета), упрекалъ его въ томъ, что онъ еще «при Разстригѣ заразился ересью. Невозможно рѣшить теперь, какъ далеко шло въ то время религіозное свободомысліе Хворостинина. Можетъ быть, между поляками, во множествѣ съѣхавшимися тогда въ столицу восточной Руси, просто нашлись люди, сумѣвшіе объяснить молодому и, по общему признанію, очень способному человѣку, что глубоко ошибались православные москвичи, принимая католиковъ за «нехристей». Ему достаточно было проникнуться такимъ убѣжденіемъ, чтобы прослыть между своими соотечественниками еретикомъ. «При Разстригѣ» подобная ересь была не только не опасна, а, пожалуй, даже выгодна въ смыслѣ придворной карьеры. Но при Шуйскомъ она навлекла на Хворостинина гоненіе: его сослали на покаяніе въ Іосифовъ монастырь. Неизвѣстно, какъ долго оставался онъ тамъ. Повидимому, его скоро возвратили въ Москву, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ очевидцемъ столкновенія патріарха Гермогена съ боярскимъ правительствомъ. Въ началѣ 1613 года онъ служилъ воеводою во Мценскѣ и въ этомъ своемъ званіи долженъ былъ «промышлять» надъ непріятелемъ. Въ слѣдующемъ году мы видимъ его воеводою сторожевого полка въ Новосилѣ. Во время нашествія на Москву

---

[1]) Московскіе люди ставили себя гораздо выше иностранцевъ. Но въ XVII вѣкѣ столкновенія съ Западомъ подорвали это самомнѣніе. Не одинъ Хворостининъ презрительно отзывался о своихъ соотечественникахъ. Въ 1634 г. Василія Измайлова, сына воеводы Измайлова, командовавшаго вмѣстѣ съ Шеинымъ московской ратью подъ Смоленскомъ, обвиняли въ томъ, что онъ, восхваляя литовскаго короля, говорилъ: «Какъ противъ такого великаго государя монарха нашему московскому плюгавству биться?» Въ томъ же былъ обвиненъ Гаврила Бакинъ, который, «будучи въ Можайскѣ, хвалилъ литовскаго короля и литовскихъ людей передъ русскими, называя послѣднихъ плюгавствомъ» (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1207—1208). Интересно, что москвичи задумались надъ своимъ „плюгавствомъ“ именно вслѣдствіе неудачъ въ войнѣ съ сосѣднимъ западнымъ государствомъ.

Владислава съ малороссійскимъ гетманомъ Сагайдачнымъ, онъ «отсидѣлся отъ черкасъ» въ Переяславлѣ, за что получилъ отъ царя серебряный кубокъ и шубу въ 160 рублей. Въ то время онъ былъ уже стольникомъ. Но въ немъ, какъ видно, продолжали дѣйствовать польскія дрожжи: онъ не позабылъ своей «ереси». Кромѣ того, онъ попрежнему производилъ на своихъ современниковъ впечатлѣніе рѣзкаго, «надменнаго», человѣка. Въ этомъ смыслѣ о немъ отзывается его дальній родственникъ, князь С. И. Шаховской. По словамъ Шаховского, Хворостининъ былъ «фарисейскою гордостью надменъ». Отъ того же современника мы узнаемъ о спорѣ, который онъ велъ съ Хворостининымъ. Предметомъ спора былъ шестой вселенскій соборъ, и Хворостининъ говорилъ тономъ, сильно обидѣвшимъ его собесѣдника. Кн. С. И. Шаховской писалъ ему: «Укорялъ меня еси вчерашняго дня въ дому своемъ, величаяся въ рабѣхъ своихъ и превозношася многимъ велерѣчіемъ и гордясь, реку, фарисейски, мняся превыше всѣхъ человѣкъ ученьемъ божественныхъ догматъ превзыти. Наше же убожество грубо и несмысленно нарековалъ еси и отнюдь чужа ученію священнаго и отцепреданнаго писанія, и за малое мое нѣкое реченіе препирахся еси гнѣвно и лютѣ свирѣпствова». По этому поводу Шаховской разсудительно замѣчаетъ, что «нѣсть полезно благовѣрну мужу тщеславіемъ побѣжденну быти или звѣрски яритися на друга». Къ этому онъ прибавляетъ, что Хворостининъ «измлада обыкохъ въ таковѣ велехвальнѣ обычаѣ быти». Интересно, что онъ называетъ «главнымъ потаковникомъ» дурныхъ склонностей Хворостинина нѣкоего Заблоцкаго, который только что перешелъ въ православіе и, по весьма вѣроятному предположенію проф. С. Ѳ. Платонова, былъ польскаго происхожденія [1]).

2.

Отъ вниманія московскаго правительства не ускользнула своеобычность Хворостинина. Оно стало преслѣдовать его, «вынимая» у него «латинскіе» образа и книги, т.-е. говоря по-нынѣшнему, дѣлая у него обыски. Но въ то время его «ересь» уже приняла, если вѣрить указу, довольно широкіе размѣры. Онъ не только самъ пересталъ ходить въ церковь, но «билъ и мучилъ» тѣхъ своихъ людей, которые ходили туда (вольнодумецъ сохранилъ въ себѣ боярское самодурство!). Онъ говорилъ теперь «хульныя» слова

[1]) Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. 232—237.

объ угодникахъ и отрицалъ воскресеніе мертвыхъ. Это какъ будто означаетъ, что Хворостининъ пришелъ къ отрицанію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части христіанскаго ученія. Но какъ долженъ былъ почувствовать себя, придя къ подобному отрицанію, человѣкъ, воспитанный въ такой средѣ, въ глазахъ которой значеніе нравственности опредѣлялось прежде всего той санкціей, которую она получаетъ отъ религіи? Когда религія служитъ опорой нравственности, тогда религіозныя сомнѣнія часто вызываютъ скептическое отношеніе къ нравственнымъ правиламъ. Нравственность, не научившаяся ходить на собственныхъ ногахъ, начинаетъ хромать, когда лишается религіозныхъ костылей. На основаніи указа, «сказаннаго» Хворостинину, можно заключить, что, переставъ чаять воскресенія мертвыхъ, онъ запилъ горькую. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ онъ и не сдѣлался такимъ пьяницей, какимъ выставляетъ его указъ. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что пьянство было противно нраву его. Но ничего психологически-невозможнаго не заключаетъ въ себѣ и то предположеніе, что, когда почва заколебалась у него подъ ногами, вольнодумный потомокъ ярославскихъ князей временно очень подружился съ бутылкой [1]). Это тѣмъ болѣе возможно, что при своихъ новыхъ взглядахъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Критическая работа его мысли не ограничилась областью религіи. Уже и прежде смотрѣвшій на своихъ соотечественниковъ сверху внизъ, онъ сталъ теперь отзываться о нихъ самымъ презрительнымъ образомъ. Упрекая ихъ въ неразумномъ отношеніи къ вопросамъ вѣры, онъ прибавлялъ, что они сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью, и писалъ по ихъ адресу «многія укоризненныя слова на виршъ», т.-е. стихами. Изъ этого видно, что хотя, можетъ быть, Хворостининъ по временамъ и злоупотре-

---

[1]) Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что само по себѣ пьянство не считалось „на Москвѣ“ большимъ порокомъ („вино есть веселіе Руси пити“). Авторы указа обвиняютъ Хворостинина не столько въ томъ, что онъ «безпрестанно пилъ», сколько въ томъ, что въ 1622 г. онъ «пилъ безъ просыпу» всю Страстную недѣлю и былъ пьянъ наканунѣ Свѣтлаго воскресенія. Этотъ грѣхъ они ставятъ рядомъ съ тѣмъ его грѣхомъ, что онъ не пошелъ къ заутренѣ и къ обѣднѣ и разговѣлся раньше, чѣмъ слѣдовало. Интересно, что противъ Никона выставлялись обвиненія, очень похожія на тѣ, которыя указъ великихъ государей выдвинулъ противъ Хворостинина. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича на бывшаго патріарха доносили, что онъ «по преставленіи царя Алексѣя во весь Великій постъ пилъ до-пьяна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно»... А вотъ обвиненіе, относящееся, повидимому, къ области половой нравственности: «Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для леченія, и Никонъ ее запоилъ до-пьяна, отчего она умерла» (Соловьевъ. Ист. Рос., кн. III, стр. 819). Что это? Одна изъ ходячихъ формъ доноса, или же нравственная неудовлетворительность, въ самомъ дѣлѣ, выражалась тогда, между прочимъ, въ поступкахъ, подобныхъ тѣмъ, на которые указывали такіе доносы?

блялъ крѣпкими напитками, но это не мѣшало ему предъявлять къ своимъ ближнимъ, а, вѣроятно, и къ самому себѣ серьезныя нравственныя требованія. Стало быть, если почва и колебалась у него подъ ногами, то не въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о важнѣйшихъ вопросахъ нравственности. Авторы указа выставляютъ противъ него еще тотъ упрекъ, что онъ называлъ московскаго царя деспотомъ русскимъ. Они видятъ въ этомъ умаленіе царскаго титула [1]). Но возможно, что тутъ было нѣчто болѣе серьезное, нежели желаніе «умалить титулъ». Если въ спорахъ съ Маскѣвичемъ жители Москвы обыкновенно высказывались за свой царизмъ, то, уже тогда не вполнѣ похожій на остальныхъ москвичей и склонявшійся къ польскимъ понятіямъ, князь Иванъ Андреевичъ могъ, наоборотъ, предпочитать шляхетскую свободу и, не позволяя себѣ почти ребяческой выходки умаленія царскаго титула, укоризненно называть деспотизмомъ московское самодержавіе. Въ такомъ отношеніи къ московской политической дѣйствительности авторы указа,—да, безъ сомнѣнія, и не только они,—видѣли «гордость и безмѣрство». Но, разъ начавшись въ головѣ московскаго человѣка, работа критической мысли неизбѣжно должна была дѣлать крайне затруднительнымъ для него «пріобщеніе» со своими, чуждыми «ереси» соотечественниками. А люди, чуждые «ереси», и составляли въ тогдашней Москвѣ общественную среду. Поэтому Хворостинину оставалось или томиться одиночествомъ, или покинуть предѣлы Московскаго государтва: о сомнительномъ утѣшеніи съ помощью бутылки я здѣсь не говорю. Указъ приписываетъ Хворостинину намѣреніе отъѣхать въ Литву. Если оно, дѣйствительно, было у него, то въ лицѣ кн. Хворостинина мы имѣемъ передъ собою перваго московскаго человѣка, которому пришло въ голову покинуть свою страну вслѣдствіе разлада съ окружавшей его общественной средою. Курбскій тоже бѣжалъ за предѣлы Московскаго государства. Но онъ бѣжалъ не потому, чтобы лишился нравственной возможности имѣть «пріобщеніе» съ близкими ему по общественному положенію москвичами. У него, навѣрно, было весьма тѣсное «пріобщеніе» съ очень многими изъ тогдашнихъ бояръ: Иванъ IV нисколько не обманывался на этотъ счетъ. Курбскій не могъ чувствовать себя нравственно одинокимъ «на Москвѣ», несмотря на свою принадлежность къ общественному слою, осужденному исторіей на политическую гибель. Не то съ

---

[1]) «Да въ твоемъ же письмѣ написано государево именованье не по достоинству: государь названъ деспотомъ русскимъ; но деспота слыветъ греческою рѣчью—владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ, а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, московскій природный человѣкъ, и тебѣ такъ про государское именованье писать было не пристойно». Соловьевъ, кн. II, стр. 1373.

Ив. Хворостининымъ. Хотя, находясь подъ вліяніемъ польскихъ понятій, онъ не одобрялъ московскаго деспотизма, но собирался,—если собирался,—отъѣхать въ Литву онъ врядъ ли потому, что боялся преслѣдованій за свое политическое вольномысліе. Какъ мы сейчасъ увидимъ, собственно политическіе вопросы очень мало привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ просто слишкомъ тяготился жизнью между людьми, сдѣлавшимися совершенно чуждыми ему по своему міросозерцанію. «Это былъ,—говоритъ о немъ Ключевскій,—своеобразный русскій вольнодумецъ на католической подкладкѣ, проникшійся глубокой антипатіей къ византійско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, ею пропитанной,—отдаленный духовный предокъ Чаадаева» [1]).

Ключевскій не совсѣмъ правъ. Но если бы онъ и былъ правъ, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что пессимизмъ Чаадаева является лишь однимъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ той безнадежности, которая овладѣвала нашими западниками, когда они чувствовали себя совершенно безсильными въ борьбѣ съ русскимъ застоемъ, и которая проникала подчасъ въ сердца даже самыхъ бодрыхъ и энергичныхъ между ними.

3.

Въ Литву Хворостининъ не уѣхалъ. Въ концѣ 1622 или въ началѣ 1623 года его опять сослали «подъ началъ»,—на этотъ разъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ жить подъ надзоромъ «добраго» старца. Патріархъ приказывалъ, «чтобъ у него безъ келейнаго правила не было ни одного дни и церковнаго бъ пѣнія николи не отбывалъ». Въ Кирилловѣ,—какъ прежде въ Іосифовѣ,—монастырѣ нашъ вольнодумецъ оставался недолго. Его освободили въ январѣ 1624 г., взявъ съ него подписку объ отреченіи отъ «ереси». Черезъ годъ съ небольшимъ, 28 февраля 1625 г., онъ умеръ. Но умеръ уже не Иваномъ, а Іосифомъ, такъ какъ незадолго до смерти сдѣлался монахомъ Троице-Сергіева монастыря, въ которомъ его и похоронили. Послѣ него остались сочиненія, въ своемъ родѣ весьма интересныя. Одно изъ нихъ представляетъ собою сказаніе о Смутномъ времени и озаглавлено такъ: «Словеса дней и царей и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи. Списано вкратцѣ, предложеніе историческо, написано бѣ ко исправленію и ко прочитанію благочестіе любящихъ, составлено Иваномъ дуксомъ. Сіе

---

[1]) Курсъ, т. III, стр. 312.

князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина» [1]). То обстоятельство, что «Словеса» предназначались для читателей, любящихъ благочестіе, вызываетъ вопросъ, какого же рода благочестіе имѣлъ въ виду авторъ, смущавшій современниковъ своей «ересью». Оказывается, что въ этомъ сочиненіи мы имѣемъ дѣло съ самымъ заурядным благочестіемъ тогдашнихъ московскихъ людей. Хворостининъ радуется тому, что русская земля, въ язычествѣ бывшая самой нечестивой изо всѣхъ, стала, наоборотъ, самой благочестивой послѣ принятія христіанства. Онъ говоритъ: «И во инѣхъ бо странахъ аще и мнози быша благочестиви же и праведни, но мнози бѣяху и нечестиви и невѣрни, съ ними живуще и еретическая мудрствующе,—въ Рустѣй же земли не токмо веси и села мнози свѣдоми, но и грады мнози суть единаго пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудрствующе и вси славяще святую Троицу» [2]). «Словеса» заключаютъ въ себѣ весьма почтительные отзывы о московскихъ святыняхъ и восторженныя похвалы по адресу патріарха Гермогена, отъ котораго авторъ пострадалъ, по его словамъ, очень сильно. Если къ этому прибавить, что въ «Словесахъ» Филаретъ называется не патріархомъ, а ростовскимъ митрополитомъ, то представится вполнѣ достовѣрной та догадка проф. Платонова, согласно которой они написаны до поставленія Филарета на патріаршество. Но такъ какъ Хворостининъ упоминаетъ въ нихъ о своей службѣ рязанскимъ воеводой, относящейся къ 1618 г. и къ началу слѣдующаго, то опять приходится предположить, вмѣстѣ съ проф. Платоновымъ, что «Словеса» писаны въ первой половинѣ 1619 г. и имѣли цѣлью самооправданіе Хворостинина. «Въ этомъ году возвратился изъ Польши Филаретъ Никитичъ и сталъ патріархомъ,—говоритъ только что названный изслѣдователь.—О «владѣтельномъ» и о «пальчивомъ» его характерѣ въ Москвѣ, конечно, знали, и Хворостининъ могъ опасаться отъ него гоненій за свое прошлое. Явиться въ глазахъ Филарета православнымъ человѣкомъ и патріотомъ было для него весьма важно. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Хворостининъ избралъ для этого литературный путь» [3]). Если это такъ, то заурядное благочестіе, пропитывающее собою «Словеса», должно быть признано весьма цѣлесообразнымъ. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: былъ ли искрененъ Хворостининъ, выдавая себя въ своемъ сочиненіи за православнаго человѣка и патріота? При рѣшеніи этого вопроса

---

1) Оно напечатано въ часто цитированномъ мною выше XIII т. Русской Исторической Библіотеки, изд. археографической комиссіей, стр. 525—557.

2) Истор. библ., XIII, стр. 530.

3) Платоновъ, назв. соч., стр. 256—257.

необходимо помнить, что въ другомъ своемъ литературномъ трудѣ, съ которымъ мы сейчасъ ознакомимся, Хворостининъ называлъ лишенными всякаго основанія обвиненія его въ «ереси». Это его утвержденіе не можетъ быть принято въ буквальномъ смыслѣ, поскольку оно относится къ тому періоду его жизни, который начался послѣ написанія «Словесъ», и въ теченіе котораго онъ, по выраженію проф. Платонова, не скрывалъ своихъ «еретическихъ» взглядовъ. Но и въ теченіе этого періода (1621—1622 гг.) его отступленія отъ православной вѣры, можетъ быть, не достигали такихъ большихъ размѣровъ, какіе они приняли въ глазахъ современниковъ. Что же касается вольнодумства, обнаруженнаго Хворостининымъ «при Разстригѣ», то, какъ сказано выше, оно могло ограничиваться простымъ отрицаніемъ стараго московскаго взгляда на католиковъ, какъ на нехристей, и соотвѣтствующимъ такому отрицанію уважительнымъ отношеніемъ къ католическимъ образамъ и къ католическому богослуженію. Если мы допустимъ все это,—а на такое допущеніе мы, повидимому, имѣемъ полное право,—то выйдетъ, что хотя, конечно, Хворостининъ сильно подчеркнулъ и даже преувеличилъ въ «Словесахъ» свое благочестивое настроеніе, но все-таки онъ былъ въ нихъ далекъ отъ того лицемѣрія, въ которомъ его можно заподозрѣть при недостаточно критическомъ отношеніи къ дѣлу. Какъ бы тамъ ни было, «Словеса» содержатъ въ себѣ много если не прямыхъ, то косвенныхъ данныхъ для характеристики образа мыслей этого выдающагося человѣка.

4.

Выше я замѣтилъ, что сказанія московскихъ людей XVII вѣка о Смутномъ времени свидѣтельствуютъ объ очень низкомъ уровнѣ политическаго развитія ихъ авторовъ. Это замѣчаніе надо распространить также и на «Словеса» Хворостинина. Хотя, подчинившись польскому вліянію, онъ не могъ оставаться сторонникомъ московскаго политическаго порядка, но его повѣсть о Смутномъ времени не носитъ на себѣ слѣдовъ серьезныхъ размышленій о политикѣ. Повѣствованіе о вступленіи Шуйскаго на престолъ давало ему, казалось бы, самый подходящій поводъ выразить,—если не ясно, то хотя бы съ помощью намека,—свой взглядъ на вопросъ объ ограниченіи царской власти. Онъ не воспользовался этимъ поводомъ. Присяга, принесенная Шуйскимъ, вызываетъ у него такое восклицаніе: «И тако всему міру клятва потребу творити всѣмъ въ царствіи его живущимъ! О бѣда! о скорбь! единаго ради малаго времени житія сего свѣтомъ льстится царь и клятву возводитъ на

главу свою, никто не отъ человѣкъ того отъ него требуя, но самоволнѣ клятвѣ издався. О, властолюбецъ сый, а не боголюбецъ!» [1]). Это восклицаніе перестанетъ быть для насъ непонятнымъ только при томъ предположеніи, что увлекавшійся западными обычаями Хворостининъ разбирался въ политикѣ не многимъ лучше защитниковъ стараго образа жизни. Вѣдь и послѣ него на Руси было немало западниковъ, оставшихся дѣтьми въ политическихъ вопросахъ.

Не слѣдуетъ думать, что, претерпѣвъ отъ Шуйскаго гоненія, онъ склоненъ былъ осуждать его во что бы то ни стало. Вѣдь хвалилъ же онъ Гермогена, котораго считалъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій. Можно возразить, пожалуй, что въ царствованіе Михаила и при патріархѣ Филаретѣ нападки на Шуйскаго не грозили Хворостинину никакой опасностью, тогда какъ напасть на Гермогена значило не достигнуть той цѣли, ради которой и написаны были «Словеса», т.-е. самооправданія. Но я уже сказалъ, что, признавая апологетическій характеръ этого сочиненія, я отказываюсь признать его автора лицемѣромъ.

Интересная подробность. Родовитый потомокъ ярославскихъ князей рѣзко осуждаетъ поведеніе бояръ во время междуцарствія [2]).

Наконецъ, запомнимъ еще вотъ что. Уже въ «Словесахъ»,— т.-е., согласно предположенію проф. Платонова, въ первой половинѣ 1619 года,—Хворостининъ къ числу дурныхъ сторонъ царствованія Бориса Годунова относитъ то, что онъ своей политикой «ненавидѣніе и лесть въ рабѣхъ сотвори, и возведе работныхъ на свободныя» [3]).

Этотъ отзывъ потому заслуживаетъ вниманія, что въ другомъ сочиненіи («Изложение на іретикі»), которое Хворостининъ написалъ по старой памяти «на виршъ», вѣроятно, уже послѣ поступленія своего въ монахи, онъ говоритъ, что пострадалъ вслѣдствіе холопскихъ доносовъ.

Но и рабы мои быша мнѣ сопостаты,
Разрушили души моей полаты,
Крѣпость і огражденіе отъяша
І оклеветаніе на мя совѣщаша.
Злы бо ихъ зѣло беззаконныя злобы,
Творили на мя смертныя гробы.
Зла бо быша ихъ порода,
Аки аспидскаго рода.

[1]) Русская Истор. Библ., т. XIII, стр. 542.
[2]) Тамъ же, стр. 553.
[3]) Тамъ же, стр. 532.

Пущали на мя свои яды,
Творили измѣнныя ряды,
Вопчѣ на мя приносили
И злочестемъ меня обносили [1]).

Дайте вѣру этой жалобѣ, и передъ вами встанетъ слѣдующее бытовое явленіе. Довольно знатный московскій служилый человѣкъ, склонившись къ западнымъ обычаямъ, высказываетъ,—и, по свидѣтельству князя Шаховского, высказываетъ рѣзко, раздражительно,—смѣлые по тому времени религіозные взгляды. Сообразно этимъ своимъ смѣлымъ взглядамъ, онъ не ходитъ въ церковь и вообще отвергаетъ византійскую обрядность, составлявшую въ глазахъ московскихъ людей самую сущность благочестія. И не только самъ не ходитъ въ церковь, не только самъ отвергаетъ обрядность: онъ хочетъ, чтобы и «рабы» его п рестали отождествлять религію съ обрядностью. А такъ какъ нашъ западникъ остается рабовладѣльцемъ, то холопамъ своимъ онъ внушаетъ религіозное вольномысліе посредствомъ приказаній и даже побоевъ. Съ своей стороны, холопы слѣдуютъ обычаю, установившемуся въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, со временъ Годунова: они спѣшатъ донести на своего господина, котораго ссылаютъ за ересь въ монастырь, гдѣ старательно «истязаютъ въ вѣрѣ». Частью вслѣдствіе «истязаній», а частью вслѣдствіе того, что вліяніе Запада не очень глубоко проникло въ его душу, господинъ возвращается въ лоно православія и даже поступаетъ въ монахи. Но несмотря на овладѣвшее имъ теперь православно-благочестивое настроеніе, онъ, простившій, можетъ быть, всѣ прегрѣшенія всѣмъ своимъ ближнимъ свободнаго состоянія, не можетъ забыть измѣну своихъ «рабовъ». Рожденный полемистомъ, онъ не устаетъ язвить ихъ «двоестрочнымъ согласіемъ». Разсказавъ о томъ, какъ они «обносили» его своимъ «злочестіемъ», онъ восклицаетъ:

Владыка Господи! Ты имъ суди
І съ ними мя разсуди,
Ты вѣси мое чювство,
Ты зриши ихъ буйство.
Хлѣбы мои же вскормиша,
І благость моя на зло ихъ обратиша.
Слава быша въ руцѣ Господня [2])
Краше сладчайшаго крина [3]).

---

[1]) См. «Вновь открытыя полемич. сочиненія XVII в. противъ еретиковъ». Спб. 1907, стр. 79—80. Сочиненія эти открыты проф. В. И. Саввою и напечатаны подъ его редакціей и съ его предисловіемъ.

[2]) Кажется, слѣдуетъ читать: Господина.—Г. П.

[3]) Тамъ же, стр. 80.

5.

Больше всего печалитъ князя-инока то, что онъ считаетъ неблагодарностью «рабовъ»: онъ ихъ вскормилъ своимъ хлѣбомъ и былъ добръ съ ними, а они на него донесли. Былое свободомыслiе Хворостинина не открыло передъ нимъ той истины, что не владѣльцы «кормятъ» своихъ «рабовъ», а, наоборотъ, «рабы»—своихъ владѣльцевъ. Но до сознанiя этой истины далеко не доходили и польскiе шляхтичи, своимъ вліяніемъ расположившiе его къ свободомыслiю. Вѣроятно, въ своемъ иночествѣ Хворостининъ вспоминалъ, какъ онъ пытался привить своимъ «рабамъ» просвѣщенный взглядъ на религiю, и какъ его попытки,—надо надѣяться, не всегда имѣвшiя боевой характеръ,—кончились неудачей. Онъ пришелъ къ тому твердому убѣжденiю, что и дѣлать не слѣдовало такихъ попытокъ.

Не сыпте злата предъ свиніями,
Да не осквернятъ своими ногами.

А потомъ онъ снова и снова возвращается къ измѣнѣ «рабовъ» и опять хулитъ ихъ «на виршѣ»:

Отъ рабъ пріахъ многи налоги,
Сотворили на мя злыя прiлоги.
Не помянули Христова слова,
І не избѣгнулъ азъ отъ нихъ злаго лова.

Чтобы объяснить дурное поведенiе «рабовъ», нашъ дуксъ Иванъ пишетъ цѣлый психологическiй очеркъ. И подъ его перомъ «рабская» психологiя пріобрѣтаетъ непривлекательный видъ.

Они не боятся небеснаго Бога,
Иже всѣмъ даетъ добра многа.
Словеса ихъ вѣрна, аки паучина,
И злоба ихъ—злая паучина.
Азъ быхъ единъ надъ ними,
Надъ измѣнники своими,
Господиномъ имъ поставленъ
И отъ Бога паче ихъ прославленъ.
Но быша ми зѣлныя врази
И осквернили клятвою душевныя прази
Ради часовыя своей воли,
Хотяше отбѣгнути господскiя неволи.

Надо думать, что «рабы» подтвердили свое обвиненiе Хворостинина въ ереси присягою. Убѣжденный съ своей стороны въ томъ, что это обвиненiе было несправедливо, Хворостининъ есте-

ственно считалъ ихъ присягу клятвопреступленіемъ. Поэтому онъ и говоритъ, что они осквернили свои души, и что словеса ихъ вѣрны, «аки паучина». Но почему же они рѣшились осквернить свои души? По словамъ Хворостинина, они были недовольны тѣмъ, что онъ былъ поставленъ надъ ними господиномъ, т.-е. тяготились своей холопской зависимостью. Донося на него, они надѣялись «отбѣгнути господьскія неволи», т.-е. получить отъ правительства свободу. Нельзя не признать, что это—весьма вѣроятное объясненіе. Въ соціально-политической обстановкѣ, созданной экономической отсталостью Московскаго государства, недовольство трудящагося класса своимъ положеніемъ должно было нерѣдко выражаться въ отталкивающихъ дѣйствіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя клеймилъ двоестрочнымъ согласіемъ кн. Хворостининъ. Кто понимаетъ психологію демократическихъ элементовъ нынѣшней нашей «черной сотни», тотъ знаетъ, что эти элементы тоже ведутъ классовую борьбу, но, по своей крайней неразвитости, ведутъ ее дикимъ, совсѣмъ нецѣлесообразнымъ и отвратительнымъ способомъ. Мы видимъ теперь, въ какихъ историческихъ условіяхъ коренится указанная психологія [1]).

Возраженія Хворостинина противъ «іретиковъ» сами по себѣ мало интересны. Но изложены они, согласно темпераменту автора, рѣзко, и порой въ нихъ блещетъ остроуміе. Такъ, напримѣръ, упрекнувъ римскую церковь въ томъ, что она за деньги продаетъ спасеніе, онъ иронически спрашиваетъ, почему она не продастъ отпущенія грѣховъ самому бѣсу.

Къ римскому папѣ онъ обращается съ такимъ увѣщаніемъ:

О прегордый папо! откинь свои блуды,
Ниже являй тѣ свои всему міру студы.
Гдѣ же Петръ повелѣ паствы раззыряти
І зъ благочестивыми злочестивыхъ породняти?
Почтожъ отъ блудницъ дани збираешъ
І имъ блудитися явно повелѣваешь?
Чего ради празднуешъ праздники съ жидами,
Христоубійцами, Божіими врагами?
Клятва апостоловъ тебе погубитъ
І святыми ихъ заповѣдми будешъ убитъ.
І еуангельскаго реченія чего ради не прочитаешь? [2])

Это—довольно прѣсно. И еще болѣе прѣснымъ становится

[1]) Въ другомъ мѣстѣ я уже говорилъ, что старинный московскій терминъ «черная сотня» получилъ у насъ теперь неудачное примѣненіе. Но при общеупотребительности этого термина къ нему вынуждены прибѣгать даже тѣ, которые его не одобряютъ.

[2]) Тамъ же, стр. 60—69.

бѣдный «дуксъ», когда, вопреки своему темпераменту, беретъ на себя роль благочестиваго проповѣдника православія. Напримѣръ:

Кто православныя вѣры отступаетъ,
Паки со святымъ жребіи не вступаетъ.
Таковаго бываетъ душа мѣртва,
И самъ есть гнусная грѣховная жертва.

Гордое сознаніе своего превосходства надъ окружающей его средой и горькое сожалѣніе объ ея темнотѣ не покинули Хворостинина до конца дней. Они пробиваются наружу даже чрезъ его прѣсно-благочестивыя разглагольствованія объ истинной вѣрѣ, такъ что невольно спрашиваешь себя: не было ли для него постриженіе своего рода замѣной неудавшагося отъѣзда за границу; средствомъ удалиться отъ общественной среды, состоявшей изъ людей, которые землю сѣяли рожью, а жили ложью? И не попалъ ли онъ изъ огня да въ полымя?

II. В. А. Ординъ-Нащокинъ.

Князь И. А. Хворостининъ только мечталъ о томъ, чтобы покинутъ Московское государство, а В. А. Нащокинъ въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ за границу.

Это случилось уже при Алексѣѣ Михайловичѣ,—въ февралѣ 1660 года. Сынъ знаменитаго московскаго дипломата Аѳанасія Лаврентьевича, Воинъ Ординъ-Нащокинъ былъ посланъ къ своему отцу съ важнымъ порученіемъ и воспользовался этимъ для «измѣны». Это было такъ неожиданно и такъ не согласовалось съ общественнымъ положеніемъ молодого бѣглеца, что благочестивые москвичи могли объяснить себѣ этотъ казусъ только происками исконнаго врага человѣческаго рода. Алексѣй Михайловичъ положительно утверждалъ въ письмѣ къ Ордину-Нащокину-отцу, что дѣло приключилось, благодаря вмѣшательству «самого сатаны и даже всѣхъ силъ бѣсовскихъ», отторгнувшихъ отъ отца «сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ». Однако, историки объясняютъ дѣло проще. Вотъ что̀ говоритъ о немъ С. М. Соловьевъ.

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками,

что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными поляками, и эти учители постарались съ своей стороны усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламеняли его разсказами о польской «волѣ». Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію» [1]).

Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ порицалъ московскіе порядки и говорилъ, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Онъ уже зналъ цѣну западной цивилизаціи. Но онъ полагалъ, что, дѣлая заимствованія у Запада, московскіе люди могутъ и должны сохранить въ его существенныхъ чертахъ свой старый образъ жизни. А Воинъ Нащокинъ уже до крайности тяготился старымъ московскимъ бытомъ. Онъ задыхался въ Москвѣ, испытывалъ въ ней «окончательную» тошноту. С. М. Соловьевъ какъ будто винитъ въ этомъ польскихъ учителей, которые якобы постарались усилить въ своемъ ученикѣ страсть къ чужеземцамъ и воспламенить его разсказами о польской свободѣ. Но польскимъ учителямъ молодого Нащокина не было надобности сознательно внушать ему отвращеніе «къ своему» быту. Тогдашніе московскіе порядки и обычаи говорили сами за себя. Отзывчивому и пылкому молодому человѣку достаточно было увлечься нарисованной передъ нимъ картиной западно-европейской цивилизаціи, чтобы почувствовать жестокіе приступы «тошноты». И тогда желаніе уѣхать за границу становилось вполнѣ естественнымъ.

Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ настойчиво добиваться выдачи бѣглеца. Онъ наказывалъ старику Нащокину всячески промышлять о своемъ сынѣ, «чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать пять, шесть и десять тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳанасію надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Лицу, съ которымъ былъ отправленъ этотъ наказъ А. Л. Нащокину, тишайшій царь совѣтовалъ «о небытіи его (молодого Нащокина.—Г. П.) на свѣтѣ говорить (съ его отцомъ.—Г. П.) не прежде, какъ выслушавъ отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ» [2]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи», кн. III, стр. 67.

[2]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 69.

Я не знаю, какъ, именно, переданы были огорченному А. Л. Ордину-Нащокину «тишайшіе» царскіе совѣты, и согласился ли онъ способствовать,—если представится казенная «надобность»,—небытію на свѣтѣ своего сына. Думаю, что не всякій отецъ пошелъ бы на это даже въ тогдашней Москвѣ.

Людей, подобныхъ кн. Ив. Хворостинину и Воину Нащокину, «тошнило» въ Москвѣ и тянуло за рубежъ. Но имъ трудно было приспособиться и къ западно-европейской жизни. Ихъ бѣда, большая, неизбывная бѣда, заключалась въ томъ, что они были иностранцами по обѣ стороны московскаго рубежа. Къ тому же и денежныя дѣла русскихъ бѣглецовъ должны были приходить въ разстройство вслѣдствіе разрыва старыхъ связей: не всякій получалъ помѣстья въ Литвѣ. Вынужденное бездѣлье и томительная неопредѣленность положенія заставляли ихъ поклониться тому, что прежде сжигалось ими. Молодой Ординъ-Нащокинъ раскаялся въ своей «измѣнѣ» и былъ прощенъ. Въ концѣ августа 1665 года ему послана была грамота, въ которой отъ имени царя говорилось: «Челобитье твое принявъ, милостиво прощаемъ и обнадеживаемъ цѣлу и безъ навѣту нашимъ высокимъ милосердіемъ... свободну быти». Однако, жить онъ долженъ былъ въ отцовскихъ деревняхъ. Да и тамъ его скоро потревожили. Въ сентябрѣ 1666 года онъ былъ сосланъ «подъ крѣпкій началъ» въ тотъ же Кирилловъ монастырь, который за сорокъ лѣтъ до того видѣлъ въ своихъ стѣнахъ «дукса Ивана». Монастырскія власти обязаны были слѣдить, чтобы онъ каждый день посѣщалъ церковь. Неизвѣстно, «истязали» ли его въ вѣрѣ, какъ истязали Хворостинина, но въ январѣ слѣдующаго года Алексѣй Михайловичъ указалъ Воина Нащокина изъ-подъ начала освободить и отпустить къ Москвѣ. Это было сдѣлано имъ въ виду заслугъ Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина по заключенію Андрусовскаго перемирія съ Польшей. Однако, когда заслуженный «посольскихъ дѣлъ оберегатель» попытался снова открыть для своего сына дипломатическую карьеру, это ему не удалось: Воина вернули въ деревню, впрочемъ, опять, не навсегда. Въ концѣ-концовъ бывшій эмигрантъ попалъ на должность воеводы въ одномъ изъ провинціальныхъ захолустій [1]).

Къ сожалѣнію, мы никогда не узнаемъ, что передумалъ и перечувствовалъ онъ, прося помилованія и переселяясь—по своей волѣ и по приказанію начальства—изъ-за границы въ Москву, изъ Москвы въ отцовскую деревню, изъ деревни въ монастырь, изъ мона-

---

[1]) См. замѣтку г. Виталія Эйнгорна: «Страница изъ біографіи Воина Ордина Нащокина» въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1897 г., стр. 883—887.

А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

стыря сначала опять въ деревню, а потомъ на воеводство. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ, по тому времени на рѣдкость образованный, человѣкъ пережилъ длинную и мучительную душевную драму. На него можно смотрѣть, какъ на одну изъ самыхъ первыхъ жертвъ поворота Москвы отъ Востока къ Западу. «Тошнота», испытанная имъ въ Москвѣ и побудившая его бѣжать за границу, есть то тяжелое настроеніе, пережить которое пришлось впослѣдствіи многимъ и многимъ русскимъ западникамъ. Можно сказать, что въ XIX столѣтіи даровитый профессоръ В. С. Печеринъ бѣжалъ изъ Москвы по дорогѣ, впервые проложенной въ XVII вѣкѣ В. А. Ординымъ-Нащокинымъ [1]. Только В. С. Печеринъ и умеръ за границей...

---

[1]) Пусть читатель извинитъ меня въ томъ, что я забѣгаю впередъ, но мнѣ сами собой приходятъ на память слѣдующія строки изъ письма В. С. Печерина отъ 23 марта 1837 г. къ гр. Строганову, бывшему тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа: «...Вы призвали меня въ Москву... ахъ, графъ! Сколько зла Вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту грубо-животную жизнь, эти униженныя существа... этихъ людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатка ихъ Создателя; когда я увидѣлъ все это, я погибъ!.. Я говорилъ себѣ: ...ты будешь вынужденъ спуститься къ уровню этихъ людей, которыхъ ты теперь презираешь; ты будешь валяться въ грязи ихъ общества, и ты станешь, какъ они, благонамѣреннымъ старымъ профессоромъ, насыщеннымъ деньгами, крестиками и всякою мерзостью! Тогда моимъ сердцемъ овладѣло глубокое отчаяніе, неизлечимая тоска. Мысль о самоубійствѣ, какъ черное облако, носилась надъ моимъ умомъ...» Какъ видите, Печерина въ Москвѣ тоже «окончательно стошнило».

Глава IX.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Продолженіе).

Г. К. Котошихинъ.—Ю. Крижаничъ.

I. Г. К. Котошихинъ.

1.

Нѣсколько лѣтъ послѣ В. А. Нащокина,—въ концѣ 1664 г.,—бѣжалъ за границу дьякъ посольскаго приказа Григорій Карповичъ Котошихинъ, на котораго мнѣ приходилось ссылаться выше, говоря о «записи», взятой съ Михаила при его избраніи на престолъ, и о нѣкоторой заботливости Московскаго правительства по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Было бы натяжкой относить побѣгъ Котошихина всецѣло на счетъ идеальныхъ побужденій. Уже въ іюлѣ 1663 г. нѣкто Эберсъ, пріѣхавшій въ Москву по порученію шведскаго правительства, получилъ отъ Котошихина нѣкоторыя дипломатическія свѣдѣнія, хранившіяся въ тайнѣ. За эту услугу онъ вознаградилъ его деньгами (40 руб.). Такимъ образомъ передъ нами неоспоримый фактъ государственной измѣны. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ московскіе славянофилы жестоко порицали Котошихина за его поступокъ. И само собою разумѣется, что западники тоже никакъ не могли одобрить его измѣну. Однако, не говоря уже о томъ, что, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ изслѣдователей, московское приказное сословіе вообще отличалось сомнительной нравственностью и охотно продавало свои услуги, не слѣдуетъ забывать, что Эберсъ въ донесеніи шведскому королю характеризовалъ Котошихина какъ человѣка, бывшаго, несмотря на русское происхожденіе, добрымъ шведомъ по своимъ симпатіямъ. Это похоже на то, что Эберсъ не смотрѣлъ на него просто, какъ на шпіона, руководившагося одними корыстными расчетами. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что еще раньше Котошихинъ былъ знакомъ съ ивангородскимъ (нарвскимъ) купцомъ Кузьмой Овчинниковымъ, состоявшимъ въ шведскомъ подданствѣ. Впослѣдствіи, уже бѣжавъ за границу, Григорій Кар-

повичъ, по его собственнымъ словамъ, увидѣлъ, что Овчинниковъ былъ «своимъ мужественнымъ духомъ преклоненъ къ службѣ его королевскаго величества». Нѣтъ основанія думать, что «преклоненіе» Овчинникова къ шведской службѣ возникло уже послѣ побѣга Котошихина. Вѣроятно, оно было налицо уже во время первой встрѣчи шведско-подданнаго россіянина съ московскимъ подьячимъ. А такъ какъ у Овчинникова не было никакой надобности скрывать свои шведскія симпатіи, то, можетъ быть, его-то вліяніе и способствовало тому, что у самого Котошихина явилось «преклоненіе» оказывать услуги шведамъ. Возможно, разумѣется, что Котошихинъ «преклонился» и подъ непосредственнымъ вліяніемъ шведскихъ дипломатовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло уже начиная съ 1659 года. Наконецъ, вспомнимъ, что какъ разъ во время дипломатическихъ сношеній его со шведами съ нимъ случилась непріятность, осязательная даже для толстой московской кожи того времени. За невинную описку въ государевомъ титулѣ его наказали батогами. Въ то время, когда уже начался хотя бы и робкій, медленный поворотъ къ Западу, батоги могли способствовать пробужденію въ нѣкоторыхъ московскихъ головахъ критической мысли. Какъ нарочно, въ томъ же самомъ 1660 году, когда бѣдный подьячій отвѣдалъ московскихъ батоговъ, его два раза посылали съ дипломатическими бумагами въ Ревель, къ шведскому посольству. Наблюдая сравнительно мягкіе нравы шведовъ, Котошихинъ, спина котораго, навѣрно, еще хорошо помнила тогда твердость московскихъ батоговъ, могъ дрійти къ заключеніямъ, не выгоднымъ для своей родины. Въ половинѣ слѣдующаго года онъ опять сносился со шведами, принимая участіе въ заключеніи Кардисскаго мира. По возвращеніи въ Москву, онъ испыталъ новую непріятность. Въ его отсутствіе у него отняли домъ со всѣми пожитками. «Все это сдѣлано,—говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ [1]),—за вину моего отца, который былъ казначеемъ въ одномъ московскомъ монастырѣ и терпѣлъ гоненія отъ думнаго дворянина Прокофья Елизарова, ложно обнесшаго отца моего въ томъ, что будто онъ расточилъ ввѣренную ему казну монастырскую, что, впрочемъ, не подтвердилось, ибо по учиненіи розыска оказалось въ недочетѣ на отцѣ моемъ только пять алтынъ... несмотря на то, мнѣ, когда я вернулся изъ Кардиса, не возвратили моего имущества, сколько я ни просилъ и ни заботился о томъ». Подобныя происшествія тоже способны были навести на размышленія, не весьма лестныя для московскихъ порядковъ. Вскорѣ послѣ

[1]) «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича». Изд. III. Спб. 1884. Стр. XVIII—XIX.

этого Котошихина опять отправили гонцомъ, и опять къ шведамъ. Тѣ приняли его очень хорошо и подарили ему два серебряныхъ бокала цѣною въ 304 далера. Не Богъ знаетъ, какіе цѣнные подарки! Но извѣстно, что лучше маленькій домъ, нежели большая болѣзнь. Въ Швеціи Котошихина награждали серебряными бокалами, хотя и не чрезвычайно цѣнными, а въ Москвѣ били батогами и разоряли. Впослѣдствіи самъ онъ утверждалъ, что желаніе поступить на шведскую службу возникло у него во время этого путешествія въ Стокгольмъ. Разъ явилось у него это желаніе, то выдача имъ государственныхъ тайнъ Эберсу могла быть въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ искреннихъ симпатій его къ Швеціи. Повторяю, измѣна остается измѣной; но указываемыя мною обстоятельства проливаютъ свѣтъ на условія, вызвавшія склонность къ ней.

Обстоятельство, непосредственно предшествовавшее побѣгу Котошихина изъ Россіи, тоже заслуживаетъ большого вниманія. Въ то время (1664 г.) Россія вела, какъ извѣстно, войну съ Польшей. Котошихинъ долженъ былъ состоять при войскѣ подъ начальствомъ царскихъ воеводъ. По доброму старому московскому обычаю, воеводы жестоко ссорились между собою и писали другъ на друга доносы въ Москву. Князь Юрій Долгорукій «улещивалъ» Котошихина, чтобы тотъ поддержалъ доносъ его на князя Якова Черкасскаго. По той или по другой причинѣ Котошихинъ отказался сдѣлать это, чѣмъ, конечно, навлекъ на себя неудовольствіе князя Юрія. Тогда у него и сложилось окончательно намѣреніе покинуть родину. Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ.

«Бывъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, сожалѣя о томъ, что не возвратился въ Москву съ княземъ Яковомъ, а еще болѣе горюя о худой удачѣ мнѣ на службѣ царской, въ которой за вѣрность и усердіе награжденъ былъ при безвинномъ поруганіи моего отца, лишеніемъ дома и всего моего благосостоянія, и принимая во вниманіе, что если бы я вернулся къ Долгорукову въ армію, то меня, по всей вѣроятности, ожидали бы тамъ его злоба, истязанія и пытки, за неисполненіе мною его желанія повредить князю Якову, я рѣшился покинуть мое отечество, гдѣ не оставалось для меня никакой надежды» [1]).

Черезъ Польшу Котошихинъ достигъ Швеціи, гдѣ былъ принятъ на государственную службу. Шведы сумѣли оцѣнить его вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. XX—XXI. Замѣтьте, что о батогахъ онъ не упоминаетъ. Должно быть, ему стыдно было признаться шведамъ въ томъ, что на его долю выпало такое наказаніе.

дающіяся способности. Но не повезло ему и въ Швеціи. Въ августѣ 1667 г. онъ имѣлъ несчастіе подраться со своимъ пьянымъ домохозяиномъ, ревновавшимъ его къ своей женѣ. Котошихинъ смертельно ранилъ кинжаломъ своего противника, за что и былъ казненъ. Шведскій его біографъ, Баркгузенъ, категорически говоритъ, что его преступленіе было непреднамѣренное. Онъ называетъ Котошихина мужемъ несравненнаго ума (ingenio incomparabli) [1]).

Въ своемъ презрительномъ отношеніи къ измѣннику славянофилы забывали спросить себя: почему же этотъ «мужъ несравненнаго ума» не ужился въ Москвѣ? Почему Москва не нашла приложенія для его богатыхъ способностей?

2.

Написанное Котошихинымъ сочиненіе о Россіи содержитъ въ себѣ много важнѣйшихъ данныхъ для характеристики Московскаго государства XVII вѣка. Съ точки зрѣнія исторіи русской общественной мысли, оно очень важно, какъ человѣческій документъ, свидѣтельствующій о томъ впечатлѣніи, которое производила допетровская Москва на способнаго русскаго человѣка, имѣвшаго нѣкоторое понятіе о западно-европейской общественной жизни и не стоявшаго на высокихъ ступеняхъ общественной іерархіи.

Князь Ив. Хворостининъ упрекалъ московскихъ людей въ недостаткѣ правдивости. Котошихинъ осуждаетъ грубость ихъ «натуры», при чемъ объясняетъ ее отсутствіемъ въ нихъ «богобоязливости». Сообщивъ о томъ, что въ день погребенія московскихъ царей правительство освобождало изъ тюремъ преступниковъ, онъ восклицаетъ:

«Горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество Московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ; а Московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска пола и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщетца того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человѣкъ» [2]).

Живописенъ знаменитый отзывъ Котошихина о тѣхъ боярахъ, которые получали свое высокое званіе «не по разуму ихъ, но по

[1]) О Россіи и т. д., предисловіе, стр. XXV.

[2]) О Россіи и т. д., стр. 23.

великой породѣ». Засѣдая въ государевой Думѣ, такіе бояре молчали, «брады свои уставя», потому что ничего не понимали въ дѣлахъ и часто были «грамотѣ не ученые и не студерованные» [1]).

Котошихину трудно было помириться съ тѣмъ, что московскіе люди не учатся. Онъ хотѣлъ бы, чтобы учились не только мужчины, но и женщины. Разсказывая о пріемѣ въ Москвѣ пословъ польскаго короля Яна-Казимира, онъ отмѣчаетъ, что они не были допущены къ царицѣ подъ предлогомъ ея болѣзни, хотя она была въ то время здорова. По этому случаю онъ ставитъ вопросъ: для чего такъ творятъ? Отвѣтъ гласитъ:

«Московскаго государства женской полъ грамотѣ не ученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы» [2]). Несмышленость и неумѣстная «стыдливость» московскаго женскаго пола заставляютъ нашего автора задуматься о томъ, откуда берутся эти непривлекательныя свойства. Онъ объясняетъ ихъ затворничествомъ московскихъ женщинъ высшаго круга: «Понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ—и потому мочно дознатца, отчегобъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ. Такъ же какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потомужъ люди видаютъ мало». Неудивительно, значитъ, что царицѣ не совсѣмъ удобно было принимать польскихъ пословъ: «и толко бъ царь въ то время учинилъ такъ, что Полскимъ посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посолствѣ, а она бъ выслушавъ посолство собою ствѣта не учинила бъ никакого, и оттого пришло бъ самому царю въ стыдъ» [3]).

Въ предисловіи къ первому изданію книги Котошихина только что приведенное соображеніе его отмѣчено, какъ п о г р ѣ ш н о с т ь. «Не недостатокъ образованія, а освященный древностію обычай былъ,—сказано тамъ,—причиною, что царственныя лица женскаго пола уклонялись отъ придворныхъ и другихъ публичныхъ обрядовъ, до временъ Петра Великаго». Въ доказательство авторъ предисловія ссылается на царевну Софью Алексѣевну, «объ умѣ которой не только Русскіе, но и иностранцы отзывались съ особенной похвалой» [4]). Но, во-первыхъ, у Котошихина рѣчь идетъ не столько объ у м ѣ московскихъ женщинъ, сколько объ ихъ о б р а з о в а н і и. Во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что царевна Софья

---

[1]) Тамъ же, стр. 26—27.

[2]) Тамъ же, стр. 63.

[3]) Тамъ же, та же стр.

[4]) Стр. XXV.

была рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Да и это исключеніе явилось лишь послѣ отъѣзда Котошихина за границу.

Принимая участіе въ посольствахъ, даровитый подьячій, должно быть, не разъ испытывалъ смущеніе и досаду при видѣ того, какъ дурно вели себя московскіе послы. Онъ пишетъ, что на съѣздахъ съ представителями иностранныхъ государствъ они говорили по наказамъ, какіе давались имъ изъ Москвы. Эти ихъ рѣчи записывались подьячими. Но къ тому, что было говорено на самомъ дѣлѣ, прибавлялось много другого, выставлявшаго посольскій «разумъ на обманство» съ цѣлью достать у царя честь и жалованье. И опять Котошихинъ ставитъ вопросъ: «для чего такъ творятъ?» И опять у него выходитъ, что творятъ главнымъ образомъ по своему необразованію.

«Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого доброго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли; а что они какихъ словъ говоря запираются, и тое вину возлагаютъ на переводчиковъ, будто измѣною толмачатъ» [1]).

Котошихинъ писалъ свою книгу для освѣдомленія о Россіи иностранцевъ. И временами у него возникала боязнь, что его сообщенія о недостаткахъ московской жизни будутъ недовѣрчиво встрѣчены западными читателями. Тогда онъ начиналъ увѣрять ихъ въ своей правдивости. Вотъ, напримѣръ, сказавъ о необразованности московскихъ пословъ, онъ оговаривается:

«Благоразумный читателю! чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ыные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бъ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичемъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [2]).

3.

Молодые люди, посланные Борисомъ Годуновымъ для науки за границу, остались тамъ навсегда. Котошихинъ, навѣрно, слышалъ объ этомъ. Кромѣ того, онъ и по собственному опыту зналъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 58.

[2]) Тамъ же, та же стр.

какъ трудно выносить московскіе батоги, получивъ нѣкоторое понятіе о западной «волности». Уже Курбскій упрекалъ московскаго царя въ томъ, что онъ лишилъ своихъ подданныхъ права свободнаго выѣзда за границу. Не нравится отсутствіе такого права и Котошихину. Онъ пишетъ:

«И о поѣздѣ Московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли в-ыные государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собираютъ поручные записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и зъ животами в-ыныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла в-ыное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было в-ызмѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остался сродственники, и ихъ бы пытали, не вѣдали ль они мысль сродственника своего; или бъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потомужъ пытали бъ, для чего онъ послалъ в-ыное государство, не напроваживаючи ль какихъ воинскихъ людей на Московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровского умышленія по чьему наученію» [1]).

Измѣна измѣной, а фактъ тотъ, что Котошихинъ далъ вполнѣ вѣрную,—хотя, конечно, безотрадную,—картину московскаго быта. Я думаю, что славянофилы хорошо сознавали это, и что въ особенности поэтому они такъ раздражительно отзывались о Котошихинѣ. Въ столь любезномъ славянофиламъ Московскомъ государствѣ не было даже намека на «волность». Надо полагать, что если бы Котошихинъ написалъ программу нужныхъ Московскому государству реформъ, то на одномъ изъ самыхъ первыхъ ея мѣстъ онъ поставилъ бы болѣе или менѣе полную свободу передвиженія. Это требованіе было бы, пожалуй, крайнимъ предѣломъ его политическаго свободомыслія. Собственно въ политической области его критическая мысль,—какъ и мысль Хворостинина,—работала вяло, почти цѣликомъ сохраняя свою московскую неповоротливость. Разумѣется, онъ не одобрялъ жестокостей Ивана IV, котораго онъ называетъ не Грознымъ, а Гордымъ. По его словамъ, Иванъ Гордый правилъ своимъ государствомъ «въ ярости и во

[1]) Тамъ же, стр. 58—59.

злобѣ силнѣ тиранскимъ обычаемъ» [1]). Но «гордаго» царя Ивана осуждали за его тиранство очень многіе изъ тѣхъ московскихъ людей, которые ровно ничего не имѣли противъ восточной,—«вотчинной»,—монархіи. Строки, посвященныя Котошихинымъ судьбѣ «записи», взятой съ Михаила, отнюдь не свидѣтельствуютъ объ ясности его политическаго мышленія. Онъ довольствуется тѣмъ сообщеніемъ, что при восшествіи Алексѣя ограничительная запись не была возобновлена въ виду его «тихаго» нрава. Онъ не спрашиваетъ себя, даетъ ли тихій нравъ неограниченнаго правителя достаточную гарантію управляемымъ. Кромѣ того, онъ не находитъ нужнымъ выяснить, что̀ значитъ,—съ точки зрѣнія взаимныхъ политическихъ обязательствъ главы государства и его подданныхъ,—«обрать» царя на царство. Онъ цѣнилъ «вольность благую». Но онъ еще не понималъ, что она должна быть обезпечена опредѣленными политическими учрежденіями.

Наконецъ, вотъ еще одно проявленіе неповоротливости его политическаго мышленія. Желая объяснить, почему царь Алексѣй называется самодержцемъ, онъ указываетъ на то, что съ него не было взято ограничительной записи. Между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ, что царь Михаилъ, давшій «запись», тоже писался самодержцемъ. Казалось бы, ему нетрудно было замѣтить, что если это такъ, то «писмо» не имѣло никакого отношенія къ происхожденію указаннаго титула. Но Котошихинъ мало интересовался вопросами этого рода.

Если онъ плохо понималъ значеніе опредѣленныхъ политическихъ нормъ, то онъ очень хорошо видѣлъ, что московская неволя страшно мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ страны: тутъ онъ былъ настоящимъ западникомъ. «А въ Московскомъ государствѣ,—пишетъ онъ,—золота и серебра не родится, хотя въ Кроникахъ пишутъ, что русская земля на золото и на серебро урожайная, однако, сыскати не могутъ, а когда и сыщутъ, и то малое, и къ такому дѣлу Московскіе люди не промышлены; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, сыскали бъ, а не хотятъ къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, и потомъ ихъ ни во что промыслъ и заводъ поставятъ и отъ дѣла отлучатъ» [2]).

Такъ вѣдь оно и было. Когда московское правительство признавало за благо «отписать на царя» имущество того или другого обывателя, этотъ послѣдній лишенъ былъ всякой законной воз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 111.

можности отстоять его. И, конечно, это не могло способствовать ни развитію предпріимчивости въ московскомъ населеніи, ни привлеченію въ страну чужеземныхъ капиталовъ.

А. Н. Пыпинъ справедливо замѣтилъ, что ошибочно изображать Котошихина какимъ-то единичнымъ и злонамѣреннымъ отрицателемъ благоустроеннаго московскаго порядка. По части отрицательнаго отношенія къ этому порядку у даровитаго подьячаго были свои предшественники. Въ предыдущей главѣ читатель познакомился съ двумя предшественниками Котошихина.

II. Юрій Крижаничъ.

1.

Хворостининъ, Ординъ-Нащокинъ и Котошихинъ являются представителями западнаго,—въ тогдашней Москвѣ еще только зарождавшагося,—направленія русской общественной мысли. Въ лицѣ Юрія Крижанича мы имѣемъ дѣло съ не менѣе новымъ тогда славянофильскимъ, точнѣе,—панславистскимъ, направленіемъ. Не слѣдуетъ однако, думать, что панславизмъ Крижанича имѣетъ много общаго съ нашимъ позднѣйшимъ панславизмомъ или славянофильствомъ.

Крижаничъ не былъ природнымъ жителемъ московскаго государства [1]). Онъ пришелъ,—по его выраженію,—жить подъ крыломъ милости русскаго царя, руководимый своей горячей любовью къ славянскому племени. Ему хотѣлось поселиться среди того народа, который одинъ изо всѣхъ отраслей великаго славянскаго племени былъ не «подверженъ» чужеземцамъ: «ляховъ» онъ считалъ уже совершенно подчинившимися иностранному вліянію. Въ Москвѣ онъ собирался составить грамматику и лексиконъ славянскаго языка, а также написать русскую исторію. Наконецъ, онъ надѣялся, какъ видно, попасть ко двору и, благодаря своимъ обширнымъ и разнообразнымъ знаніямъ, сдѣлаться царскимъ совѣтникомъ. Онъ много писалъ; но для насъ здѣсь важно его незаконченное сочиненіе, посвященное политикѣ (Политичныя Думы) [2]).

---

[1]) Онъ родился (въ 1617 г.) въ Хорватіи; учился въ католической духовной семинаріи въ Вѣнѣ; въ 1646—50 гг. жилъ въ Московскомъ государствѣ, въ 1660 г. опять пріѣхалъ туда, а въ слѣдующемъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ до 1676 г., умеръ послѣ 1680 г.

[2]) Оно было открыто и, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, издано П. Безсоновымъ въ приложеніи къ нѣсколькимъ номерамъ «Русской Бесѣды» за 1859 годъ.

Трудно сказать, въ какомъ видѣ представлялась Крижаничу русская жизнь до его пріѣзда въ Москву. Но мы ясно видимъ, что его московскія впечатлѣнія были не изъ пріятныхъ.

Неутомимый защитникъ славянства и непримиримый противникъ «нѣмцевъ», онъ горько упрекалъ иностранныхъ путешественниковъ въ томъ, что они писали о московскомъ народѣ «срамотныя солганныя повѣсти». Но при этомъ онъ самъ былъ вынужденъ признать, что не все ложь въ «срамотныхъ повѣстяхъ». Вотъ печальный примѣръ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не устарѣвшій. «Да бы ты, Борисе, весь широкій свѣтъ кругомъ обшелъ, нигдѣ не бы нашелъ тако мерзкого, гнюсного и страшного пьянства, яко здѣсь на Руси» [1]). Непріятно поразили Крижанича москвичи также своею «неумѣтельностью», «обманливостью» и вытекающей изъ нея недовѣрчивостью [2]). Вообще, весьма много «несподобій» замѣтилъ онъ въ людяхъ московскаго государства. Но нашъ панславистъ утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что замѣченные имъ крупные недостатки московскаго народа происходятъ не отъ «уроженія» и не отъ вѣры,—какъ это утверждаютъ, по его словамъ, инородцы,—а отъ «злого законоставія». О «русакахъ» говорятъ, что они не дѣлаютъ ничего хорошаго иначе, какъ изъ-подъ палки; «нѣмцы» объясняютъ это скотской природой «русаковъ» [3]). Крижаничъ съ жаромъ восклицаетъ по этому поводу, что «то есть сама (т.-е. одна.—Г. П.) ложь». Если многіе «русаки» поступаютъ хорошо не изъ любви къ добру, а изъ страха наказанія, то причина этого лежитъ въ московскомъ «крутомъ владаніи», вслѣдствіе котораго сама жизнь становится имъ «мерзкой». Попади въ такія условія нѣмецкій или любой другой

---

[1]) Въ указанномъ сочиненіи Крижаничъ мѣстами излагаетъ свои мысли въ формѣ діалога между Борисомъ,—жителемъ Московскаго государства, мало свѣдущимъ въ наукахъ,—и Хервоемъ, славяниномъ, отличающимся значительнымъ образованіемъ и выражающимъ взгляды автора.

[2]) «Разумы наши тупы и руки неумѣтельны». Впрочемъ, это послѣднее замѣчаніе относится у него ко всему славянству. Русскіе, поляки и весь «словенскій» народъ не ведутъ «далекаго торгованія» ни на сушѣ, ни на морѣ. «Самыя аритметики... не учятся наши торговцы. Зато инородны торговцы лехко насъ прехитряютъ и обмамляютъ (обманываютъ) нещадно во всяко время». (Крижаничъ пишетъ на самодѣльномъ нарѣчіи, представляющемъ собою странную, порой малопонятную смѣсь изъ словъ и формъ разныхъ славянскихъ языковъ).

[3]) Безъ сомнѣнія, Крижаничъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующія слова Олеарія: «Подобно тому, какъ русскіе по природѣ жестокосерды и какъ бы рождены для рабства, ихъ и приходится держать постоянно подъ жестокимъ и суровымъ ярмомъ и принужденіемъ и постоянно понуждать къ работѣ, прибѣгая къ побоямъ и бичамъ». («Описаніе», стр. 194—195).

народъ,—у него возникнутъ подобные же или еще худшіе недостатки. Главнымъ источникомъ золъ въ Московскомъ государствѣ служитъ, по мнѣнію Крижанича, именно «крутое владаніе». При умѣренномъ «владаніи» государство это было бы вдвое болѣе населеннымъ. «Крутое владаніе» больше препятствуетъ умноженію населенія, нежели стихійныя бѣдствія [1]). Эти мысли Крижанича о послѣдствіяхъ «крутого владанія» напоминаютъ извѣстный афоризмъ Монтескье: «Les pays sont cultivés non en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté». Крижаничъ, по всей вѣроятности, вполнѣ согласился бы въ этомъ случаѣ съ авторомъ «Esprit des lois»; хотя, какъ это понятно само собою, онъ не могъ бы сойтись съ нимъ въ опредѣленіи понятія свободы.

Непріятно поразило Крижанича отсутствіе правосудія въ Московскомъ государствѣ. Онъ объяснялъ его тѣмъ, что служба приказныхъ очень плохо оплачивалась. Но, понимая причину зла, онъ все же не могъ помириться съ нимъ. По его словамъ, положеніе было таково, что каждый представитель учрежденій, на обязанности которыхъ лежала охрана собственности, какъ будто говорилъ ворамъ: «воруйте, братцы, слободно, разбіяйте, крадите, и мнѣ дѣлъ (долю) приносите: и все вамъ будетъ просто (прощено)». Въ виду этого Крижаничъ удивлялся не тому, что въ Москвѣ было много воровъ и разбойниковъ, а тому, что тамъ еще могли жить «люди праведны».

Убѣдившись въ томъ, что самая главная бѣда «русаковъ» заключается въ свойственномъ ихъ государству «крутомъ владаніи» и «зломъ законоставіи», Крижаничъ намѣтилъ цѣлую программу реформъ.

Ключевскій сказалъ, что, читая выработанный имъ проектъ преобразованій, невольно воскликнешь: «Да это программа Петра Великаго, даже съ ея недостатками и противорѣчіями» [2]). Это и такъ, и очень не такъ. Программа Крижанича, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ программу Петра. Подобно Петру, онъ придавалъ огромное значеніе развитію производительныхъ силъ страны. Онъ твердилъ, что въ бѣдной странѣ бѣденъ и государь. Мало того, онъ хотѣлъ, чтобы правительство было внимательно къ низшему слою населенія: «гдѣ бо суть черняки многи и богаты, тамо и краль и властели да боляры есуть (т.-е. суть) богаты и сильны». Это замѣчаніе ученаго хорвата напоминаетъ слова основателя физіократической школы въ политиче-

---

[1]) «Моръ, гладъ, и война, не чинятъ долгія пустоши: но по претеченію мала годовъ, опять ся земля наполнитъ жителевъ».

[2]) Курсъ, ч. III, стр. 325—326.

ской экономіи Франсуа Кенэ: «pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi». Такую же мысль мы встрѣтимъ въ книгѣ современника Петра, крестьянина Посошкова «О скудости и богатствѣ». Наличность этой мысли въ книгѣ Посошкова дала нѣкоторымъ нашимъ писателямъ мнимое основаніе хвастливо утверждать, что въ Россіи предвосхищено было одно изъ величайшихъ открытій западно-европейской экономической науки. Говорить такіе пустяки можно было только при полномъ незнаніи исторіи политической экономіи и экономической политики западно-европейскихъ государствъ. То «открытіе», что государь бѣденъ тамъ, гдѣ бѣдно трудящееся населеніе страны, сдѣлано было «инородными» гораздо раньше, нежели его усвоили себѣ славянскіе писатели. И не подлежитъ сомнѣнію, что у «инородныхъ» оно стало извѣстно теоретикамъ уже послѣ того, какъ къ нему пришли л ю д и п р а к т и к и: именно тѣ, обязанностью и интересомъ которыхъ было наполненіе казеннаго ящика. Самъ Крижаничъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ, почему правительство должно заботиться о благосостояніи трудящейся массы: «краль [1]), властели и боляры, тако имаютъ справлять черняковъ, да будутъ могли всегда что отъ нихъ взять». Тутъ ясно, что и для него дѣло не столько въ «чернякахъ», сколько въ возможности «взять» [2]). Впослѣдствіи теорема: «бѣдность трудящейся массы обусловливаетъ собой бѣдность страны» перестала соотвѣтствовать экономической дѣйствительности. Соціалисты справедливо говорили, что матеріальное положеніе трудящейся массы хуже всего какъ разъ въ богатыхъ странахъ. И мы увидимъ, что самому Крижаничу пришлось отмѣтить въ своей книгѣ это мнимо парадоксальное явленіе. Но въ его время развитіе капитализма только еще начинало опровергать, самимъ ходомъ своимъ, указанную теорему. Поэтому ее признавали и повторяли въ Западной Европѣ очень многіе теоретики и практики. У нихъ заимствовалъ ее и «сербенинъ Юрій Иванычъ», какъ называли Крижанича московскіе люди. Но какъ бы

---

[1]) Государя Крижаничъ вездѣ называетъ к р а л е м ъ, считая это названіе гораздо болѣе почетнымъ, нежели—ц а р ь.

[2]) Осенью 1726 г. Меньшиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ, въ отвѣтъ на вопросы, поставленные членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, подали записку, гдѣ, между другими мнѣніями, мы находимъ слѣдующее: „Если армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата“ (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 887). Отсюда какъ нельзя болѣе ясно видно, п о ч е м у заботились бюрократы, — к о г д а в ъ с а м о м ъ д ѣ л ѣ з а б о т и л и с ь,—о „чернякахъ“.

тамъ ни было, онъ настоятельно совѣтовалъ развивать производительныя силы московской земли и въ этомъ отношеніи дѣйствительно сходился съ Петромъ. На вопросъ, какое государство можно назвать богатымъ, онъ отвѣчалъ, что богато то, въ которомъ много золота, серебра и иныхъ рудъ; еще богаче то, которое изобилуетъ матеріалами для одежды и «вещми къ ѣденію и къ питію пригожими»; всѣхъ же богаче и сильнѣе то, гдѣ развито «всяко рукодѣліе», гдѣ процвѣтаетъ морская торговля. Это мы видимъ въ Англичанской и въ Брабанской землѣ (т.-е. въ Нидерландахъ.—Г. П.). Тутъ съ нимъ вполнѣ сошелся бы Петръ, ѣздившій учиться въ Голландію.

2.

Но дальше начинается важное различіе. Между тѣмъ какъ Петръ любилъ «инородныхъ» и привлекалъ ихъ въ свое государство, Крижаничъ ихъ терпѣть не могъ: онъ проповѣдывалъ «гостогонство»,—иначе «ксенеласію»,—и «запертіе рубежевъ». Онъ утверждалъ, что нашему народу выгоденъ и нуженъ «предобрый законъ», воспрещающій подданнымъ московскаго государя скитаться по чужимъ землямъ, а «всякимъ инородникомъ прехажать и разглядать нашихъ державъ». Онъ до такой степени дорожилъ «запертіемъ», что относилъ его къ числу «основательныхъ столповъ и подпоръ» Московской Руси, на ряду съ православной вѣрой, самодержавіемъ, нераздѣльностью государства и народной независимостью. Въ этомъ отношеніи Крижаничъ сильно отставалъ не только отъ Котошихина, но и отъ Курбскаго, который, какъ помнитъ читатель, ставилъ въ вину Ивану IV, между прочимъ, это самое «запертіе рубежевъ». Склонность Крижанича къ «запертію» находится въ прямомъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ его заботами о развитіи производительныхъ силъ страны, ради котораго онъ совѣтовалъ вызывать въ Россію изъ-за границы, хотя бы и за большую плату, хорошихъ ремесленниковъ для обученія русскихъ людей. Точно такъ же взглядъ Крижанича на крупную торговлю, какъ на одно изъ необходимыхъ условій развитія народнаго богатства, довольно плохо уживался съ другимъ его взглядомъ, согласно которому торговцы являются «бездѣльниками и хлѣбогубцами», вслѣдствіе чего правительство имѣетъ право меньше церемониться съ ними, нежели съ какимъ бы то ни было другимъ классомъ населенія. Подобныя противорѣчія, очень странныя въ такомъ образованномъ человѣкѣ, отчасти объясняются, пожалуй, тѣмъ, что его главное сочиненіе дошло до насъ не вполнѣ

обработаннымъ. Занимаясь окончательной его отдѣлкой, Крижаничъ, можетъ быть, сумѣлъ бы изложить свои взгляды въ такомъ видѣ, что они перестали бы казаться намъ несогласимыми или, по крайней мѣрѣ, очень трудно согласимыми между собой [1]). Но если это и такъ, то, во всякомъ случаѣ, «запертіе» и крайне рѣзкіе отзывы о торговцахъ дѣлаютъ сомнительнымъ полное тождество программы Крижанича съ программой Петра. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду,—и это, конечно, самое главное,—что Крижаничъ совсѣмъ не такъ, какъ Петръ, относился къ важнѣйшимъ особенностямъ московскаго общественнаго быта.

Онъ писалъ, что краль есть Божій намѣстникъ и «живое законоставіе»; что его власть не ограничена, а дѣйствія не подлежатъ суду человѣческому; наконецъ, что краль имѣетъ право собственности на все находящееся въ его государствѣ. Встрѣчаясь у него съ такими взглядами, начинаешь думать, что противъ его политическаго ученія ничего не возразилъ бы самъ Иванъ Грозный. Но очень скоро убѣждаешься, что самодержавіе Грознаго представлялось Крижаничу злѣйшей тираніей, а этотъ убѣжденный сторонникъ самодержавія былъ непримиримымъ врагомъ тираніи. На вопросъ москвитянина Бориса: «что̀ есть тиранъ?» западный славянинъ Хервой со страстью отвѣчаетъ въ одномъ изъ его діалоговъ: «тиранъ есть разбойникъ народный, не боячься суда, ни муки. Есть катъ безъ судца и закона. Есть человѣкъ, кій есть заверголъ (отвергъ) человѣчество. Есть чертъ въ тѣло видно облеченъ. Могелъ бо бы едною своею рѣчію неконечно добро учинить... а не хочетъ. А нашимъ языкомъ тиранъ слыветъ людодерецъ». Тиранъ—волкъ, а краль долженъ быть пастыремъ. Честь краля выше всѣхъ видовъ чести «подъ небомъ», а тиранство есть самая большая «кралевская срамота». Крижаничъ указывалъ на Грознаго, какъ на самаго жестокаго «людодерца», дѣйствія котораго взывали къ небу о «помщеніи» [2]). Нашъ «сербенинъ» былъ увѣренъ, что пресѣченіе династіи Рюрика явилось Божіимъ наказаніемъ за «людодерство» царя Ивана Васильевича. Конечно, такое рѣшительное порицаніе жестокостей Ивана IV само по себѣ еще

---

[1]) Я допускаю также возможность разрѣшить указанныя противорѣчія Крижанича тѣмъ предположеніемъ, что его термины не всегда точно соотвѣтствовали его мыслямъ. Такъ, «запертіе рубежевъ» могло, въ концѣ-концовъ, означать у него лишь крайне неудачно выраженное убѣжденіе въ необходимости покровительственнаго тарифа для развитія національной промышленности. Это послѣднее убѣжденіе у него дѣйствительно было. Для примѣра укажу на раздѣлъ 2: «Объ реместву», въ приложеніи къ № 1 «Русской Бесѣды» 1859 г., стр. 34, гдѣ Крижаничъ разсуждаетъ, какъ разсуждалъ впослѣдствіи Фридрихъ Листъ.

2) Онъ «есть былъ зачальникъ сему крутому владанію».

не представляло бы чего-нибудь оригинальнаго. Мы видѣли, что всѣ московскія попытки брать съ государей записи вызваны были желаніемъ предупредить повтореніе такихъ жестокостей. Но Крижаничъ не ограничивался ненавистью къ «людодерству». Его понятіе о неограниченной власти государя существенно отличалось отъ ходячаго взгляда на нее жителей Московскаго государства. Недаромъ онъ говорилъ, что царская доброта «при злыхъ законехъ не корыстна». Въ высшей степени замѣчательно, что этотъ рѣшительный защитникъ самодержавія, утверждавшій, что даже ненавистное ему «людодерство» лучше охлократіи [1]), считалъ нужнымъ положить извѣстные предѣлы для «кралеской» власти. Онъ говорилъ, что «всеконечная область» (т.-е. безпредѣльная власть) супротивна божьему и уроженному законоставію, т.-е. законамъ бога и природы. Богъ даетъ власть на созиданіе, а не на разореніе. А природа «повѣдаетъ» намъ, что «не кралества зарадъ кралевъ, но крали зарадъ кралестовъ есуть поставлены».—«И сія рѣчи не груститъ ми ся множе кратъ повторять: а бо бы ю морали крали (т.-е. ее должны были бы короли) много кратъ въ мысли обращать».

Согласно ученію сербенина Юрія, кралевская власть имѣетъ троякое происхожденіе. Она можетъ быть получена по наслѣдству, завоевана или вручена данному лицу народомъ [2]). Такъ какъ очевидно, что завоеватель властвуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока завоеванные не станутъ сильнѣе его, то, въ сущности, остается только два законныхъ источника власти. Но по наслѣдству никто не можетъ передать больше того, чѣмъ самъ имѣетъ. Вслѣдствіе этого кралевская власть не можетъ законно выходить за предѣлы, которые ставятъ ей «избиральники». Эти же послѣдніе не могли дать кралю право по своему произволу дѣлать добро или зло: «продать, отчужить, спустошить, разорить». И хотя разъ выбранный государь не подлежитъ человѣческому суду, но онъ все-таки грѣшитъ противъ Бога и природы, когда нарушаетъ естественныя права своихъ подданныхъ. Это напоминаетъ то,—думаю, уже вполнѣ хорошо извѣстное читателямъ—различеніе, которое дѣлалъ Бодэнъ между «вотчинной монархіей» и монархіей европейской.

Правда, каждый по-своему истолковываетъ волю Бога и природы; поэтому ссылка на нее всегда оставляетъ неопредѣленнымъ

---

1) Т.-е. что тиранія одного лица все-таки лучше тираніи народа.

2) Лѣтописный разсказъ о призваніи князей представляется Крижаничу глупой «басней». Онъ разсуждаетъ такъ: князей призвали будто бы потому, что страдали отъ междоусобій. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же призвали не одного князя, а цѣлыхъ трехъ? Славяне не могли сдѣлать такую глупость.

какъ разъ то, что̀ требуется опредѣлить. Но мысль Крижанича удачно дополняется ходомъ его разсужденій.

Онъ приводитъ, передавая ихъ своимъ самодѣльнымъ славянскимъ языкомъ, слова, сказанныя израильтянамъ пророкомъ Самуиломъ: «Ваніе сыны хочетъ краль емать: и творить себѣ коньниковъ, и предотечь, и войводъ: ваніе нивы, и виногради хочетъ емать: и давать слугамъ своимъ: ваніе рабы и рабыни и скотъ емать: и поставлять въ дѣло сво . Ваніе сѣтвы и стада обдесятинить [1]): и давать слугамъ своимъ. И вы будете ему рабы». Слова эти легко могутъ быть истолкованы, какъ доводъ отъ Писанія въ пользу деспотизма. Но у нашего автора они пріобрѣтаютъ совсѣмъ другое значеніе.

«Израильцы,—говоритъ онъ,—тогда бяху запросили краля отъ Бога, недовольны будучь Самуиломъ судцемъ и пророкомъ, мужемъ святымъ, коего имъ Богъ бяше наставилъ. За то разсержень Господь есть заповѣдалъ произъявить имъ тяготы, которыя имаше чинить краль». Нѣкоторыя изъ дѣйствій, перечисленныхъ Самуиломъ, какъ возможныя дѣйствія будущаго короля, кажутся Крижаничу явно неправильными, напр., отнятіе у подданныхъ принадлежащихъ имъ нивъ, виноградниковъ и скота. Онъ ссылается на Ахава, который, по разсказу Библіи, тщетно пытался купить у Навота его виноградникъ. Если бы израильскій краль имѣлъ право отнимать у подданныхъ ихъ имущество, то онъ силой отобралъ бы понравившійся ему виноградникъ, послѣ того, какъ Навотъ отказался добровольно уступить его. Но Ахавъ этого не сдѣлалъ, «або тоя области (власти) не имаше»: по совѣту жены онъ сталъ судиться съ Навотомъ, выставивъ противъ него лжесвидѣтелей.

Разсказавъ о поступкѣ Ахава, Крижаничъ дипломатично прибавляетъ, что ему неизвѣстно, какъ поступили бы въ подобномъ случаѣ нынѣшніе крали. Конечно, онъ не могъ не знать, что московскіе государи не вели судебныхъ споровъ со своими «холопями» и сиротами, а безцеремонно отписывали на себя ихъ имущество, если только находили это почему-либо полезнымъ или просто пріятнымъ. Но онъ счелъ благоразумнымъ умолчать объ этомъ. Зато съ турецкимъ султаномъ и съ персидскимъ шахомъ,—короче, съ в о с т о ч н ы м и деспотами,—онъ не находилъ нужнымъ стѣсняться. О нихъ у него прямо сказано, что они грабятъ своихъ подданныхъ. И не только грабятъ подданныхъ: они и дѣтей своихъ убиваютъ «будто по закону», приказывая считать это праведнымъ. Мы не должны подражать имъ, утверждаетъ сербенинъ.

[1]) Т.-е. взимать съ нихъ подать, извѣстную подъ именемъ десятины.

Все это было написано ad usum delphini и все это значитъ, что нашему автору хотѣлось бы европеизовать Московское государство, заставивъ его отказаться отъ обычаевъ и,—что гораздо важнѣе,—отъ учрежденій, свойственныхъ восточнымъ деспотіямъ.

3.

Безъ всякаго сомнѣнія, идеаломъ для Крижанича служило французское королевство. Онъ прямо говоритъ, что самымъ славнымъ и счастливымъ изъ всѣхъ является то государство, въ которомъ не только развиты ремесла и торговля, но «и добры суть законы: якоже видимъ быть во Франскомъ кралеству» [1]). Вслѣдствіе этого своего пристрастія къ французскому политическому строю онъ истолковывалъ законы Бога и природы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ прежде него истолковывалъ ихъ Бодэнъ. Петръ Великій не призналъ бы такого толкованія. Онъ всѣми силами души стоялъ за «вотчинную монархію», или,—чтобы употребить здѣсь выраженіе Крижанича,—за «крутое владаніе» [2]).

Программа реформъ Крижанича изложена имъ въ воображаемомъ обращеніи московскаго царя къ жителямъ своей страны. Прежде всего царь заявляетъ, что въ его землѣ до сихъ поръ не было «добрыхъ законовъ», и что онъ желаетъ восполнить этотъ недостатокъ. «Хочемъ,—говоритъ онъ,—всякому стану и ряду людей дать сподобныя слободины: тако да всѣ будутъ своимъ жребіемъ и станомъ задовольны».

По словамъ царя, онъ пересмотрѣлъ «законоставіе» разныхъ государствъ,—греческаго, французскаго, испанскаго, нѣмецкаго, польскаго,—и, выбравъ оттуда годные законы, рѣшилъ «щедро подаровать» ихъ своимъ подданнымъ. Прежде, чѣмъ говорить о содержаніи этихъ годныхъ законовъ, обратимъ вниманіе на формальную сторону законодательной утопіи Крижанича.

---

[1]) Приложеніе къ № 1 «Рус. Б.» за указ. годъ, стр. 7. Курсивъ нашъ.

[2]) «Въ основѣ теоріи Іоанна Грознаго, если отрѣшить ее отъ личныхъ и временныхъ вліяній, лежали давнія преданія русской исторіи. Политическая жизнь сѣверо-восточной Россіи уже до Іоанна сложилась подъ вліяніемъ многихъ условій, создавшихся гораздо ранѣе, не потерявшихъ всей своей силы и послѣ реформы Петра, не исчезнувшихъ совершенно и въ наше время». («В. Н. Татищевъ и его время» В. Н. Попова. Москва. Стр. 67). Въ 1861 году, когда появилось сочиненіе Н. Попова, слова эти требовали оговорки развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что до Грознаго политическая жизнь сѣверо-восточной Руси еще только стремилась принять тотъ видъ, который послѣ него безъ всякихъ серьезныхъ перемѣнъ существовалъ до «нашего времени» включительно.

Извѣстно, что въ началѣ 1649 года закончилось составленіе Уложенія, при выработкѣ котораго московское правительство пересматривало «законоставіе» разныхъ государствъ. Кромѣ московскаго царскаго Судебника, оно обращалось, между прочимъ, ко второй части Кормчей книги, заключающей въ себѣ кодексы и законы греческихъ царей, и къ Литовскому Статуту 1588 года. Изъ этого видно, что въ своей утопіи Крижаничъ заставляетъ царя поступать приблизительно такъ, какъ поступало московское правительство въ своей кодификаціонной работѣ. Крижаничъ не забылъ даже греческаго «законоставія». Но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду не греческій и ужъ въ особенности не польскій и не германскій политическій порядокъ. Какъ сказано мною выше, Крижанича больше всего привлекала къ себѣ французская монархія. Неудивительно поэтому, что царь преимущественно ссылается у него на французовъ да еще, пожалуй, на испанцевъ, у которыхъ высшее сословіе имѣетъ «пристойныя слободины» [1]).

Составленный нашимъ авторомъ проектъ «слободинъ» касается, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ.

Духовенство будетъ изъято изъ вѣдѣнія приказовъ и мірскихъ судовъ. Кромѣ того, оно освобождается «отъ работъ и отъ поборовъ всякихъ». Служилое сословіе будетъ раздѣлено на три ряда или стана. Именитые люди перваго стана будутъ называться к н я з ь я м и. Каждый изъ нихъ получитъ въ свою власть одинъ укрѣпленный городъ и одинъ острогъ. Царю «видится», что достаточно будетъ двѣнадцати князей. Служилые люди второго стана названы будутъ б о я р а м и, а люди третьяго,—«непристойно» называвшіеся до тѣхъ поръ боярскими дѣтьми,—п л е м я н а м и. Всѣ эти три стана вмѣстѣ будутъ именоваться вѣрными слугами, дворянами и племенитыми людьми, но не холопами [2]). Принадлежащіе къ нимъ служилые люди «да ся не зовутъ уменьшальными именми, Борко, Владко; но цѣлыми именми, Борисъ, Владимиръ». Царь запрещаетъ имъ бить челомъ, т.-е. кланяться до земли: «таковъ поклонъ да ся чинитъ единому Богу и святымъ Иконамъ: а людемъ да ся не чинитъ». Переставъ быть холопами своего государя, служилые люди навѣки увольня-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ своимъ подданнымъ, на этотъ разъ по-латыни „Quas autem et quales uobis dabimus Libertates? Nempe liberalissimas. Dabimus enim uobis omnes pene illas libertates, quibus gaudent quicunque Europae populi: quantum eas non rescire potuimus, et quantum expedit saluti, ac felici statui huius regni et totius populi“.

[2]) Какъ читатель помнитъ, еще Бодэнъ говорилъ, что въ «вотчинныхъ монархіяхъ» служилые люди являются х о л о п а м и своихъ государей, а въ европейскихъ монархіяхъ этого нѣтъ.

ются «отъ Кнутья, отъ Батожья, и отъ Остуднаго кажненія (позорящаго наказанія), яково есть, Пятнаніе; носа, ушесъ, рукъ Отрѣзаніе». Ихъ наказаніемъ будетъ: тюрьма, отставленіе отъ должности, ссылка и т. п. Царь обѣщаетъ освободить ихъ отъ всякихъ холопскихъ работъ и повинностей.

По мнѣнію Крижанича, всѣ эти «слободины» не только не повредятъ королевской власти, но пойдутъ ей на пользу. Въ благоустроенныхъ западныхъ государствахъ не позволяютъ себѣ никакого «нечестія» ни народъ, ни войско. Въ этихъ государствахъ верховная власть прочнѣе, нежели въ Турціи, гдѣ, при отсутствіи свободъ, государь подчиненъ «простыхъ пѣшихъ стрѣльцевъ глуподерзію». Въ то время, когда Крижаничъ писалъ свой проектъ реформъ, у всѣхъ московскихъ людей еще живы были въ памяти впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ «бунташнаго времени». Поэтому онъ изображаетъ проектируемыя имъ «слободины» отчасти, какъ гарантію противъ народныхъ возстаній.

Слѣдуя примѣру западныхъ государствъ, царь установляетъ недѣлимость имѣній своихъ князей и властителей: «да ся и вашія отчины и помѣстія не дѣлятъ» [1]).

Города получаютъ въ проектѣ Крижанича извѣстное самоуправленіе; ремесленники организуются въ цехи и избавляются отъ принудительныхъ работъ на государство [2]). Но,—слѣдуетъ замѣтить это,—права, даруемыя торгово-промышленному классу, значительно меньше, нежели «слободины», достающіяся на долю служилыхъ людей. Нашъ авторъ находитъ, что не слѣдуетъ давать торговцамъ вольности навсегда (in perpetuum), «но подъ именемъ Временного жалованія, коё ся всегда можетъ отнять». Считая торговцевъ «хлѣбогубцами и бездѣльниками», Крижаничъ, естественно, не видѣлъ надобности церемониться съ ними. Царь говоритъ у него: «Межу иными пакъ народными и земскими пожитки еденъ есть, Добытокъ изъ торговства. Сію адда Корысть (будучь она велика и изрядна) мы есмо объявили и объявляемъ быть нашу» [3]). Это какъ будто рѣзко противорѣчитъ сужденію Крижанича о поступкѣ Ахава съ Навотомъ. Но, объявляя торговую «Корысть» «нашей», краль хочетъ сказать лишь то, что за нимъ остается право дѣлать своей монополіей выгоднѣйшія отрасли торговли. Какъ мы уже слышали отъ М. Н. Покровскаго,

---

[1]) Впрочемъ, и въ Московскомъ государствѣ помѣстья могли дѣлиться лишь съ согласія правительства.

[2]) «Реместниковъ никто не смѣетъ изобижать, никто на понужныя (принудительныя) работы приганять». Крижаничъ совѣтуетъ давать свободу тѣмъ дѣтямъ холоповъ, которыя научатся какому-нибудь «мудрому реместву».

[3]) Тамъ же, стр. 65.

въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка царь широко пользовался такимъ правомъ. Вполнѣ одобряя это, Крижаничъ говоритъ, что торговля есть дѣло хорошее, почетное и даже «прямо кралевское», когда ведется не для личной выгоды, а для общей народной пользы. Такимъ образомъ, царскія торговыя монополіи являются въ его глазахъ средствомъ удовлетворенія народной,—т.-е., собственно, государственной,—потребности. Но необходимость прибѣгать къ этому средству удовлетворенія государственныхъ потребностей поставлена у него въ причинную связь съ экономической неразвитостью Московскаго государства. Не занимаются торговлей, по его словамъ, тѣ государи, подданные которыхъ достаточно сильны для того, чтобы собственными средствами вести обширныя торговыя предпріятія. Но и эти короли очень заботятся объ интересахъ торговли: «при всемъ томъ Фряжескій (французскій) краль неустойно (постоянно) держитъ великаго посла въ Цареграду, а Англичанскій краль посланника, для ради единого торговства своихъ поддановниковъ. А Хиспанскій и Портогальскій крали, для ради своего и своихъ поддановниковъ торговства, высылаютъ на море всѣ свои ратныя силы, на спроважаніе Индѣйскихъ плутовъ (флотовъ)» [1]).

4.

Эти ссылки на заботливую охрану французскимъ, англійскимъ, испанскимъ и португальскимъ королями торговыхъ интересовъ своихъ подданныхъ показываютъ, что вышеприведенный рѣзкій отзывъ Крижанича о купцахъ («бездѣльники и хлѣбогубцы») не мѣшалъ ему понимать важное значеніе торговли въ экономической жизни цивилизованныхъ государствъ. При всемъ томъ неоспоримо, что онъ надѣлялъ ихъ въ своемъ проектѣ значительно меньшими «слободинами», нежели служилыхъ людей. Еще меньше правъ сулилъ его проектъ крестьянамъ (кметамъ, тежакамъ, чернякамъ). Крижаничъ заявляетъ: «Черняки да си не привлащаютъ слободъ (не присваиваютъ свободъ)». Они должны быть готовы «гъ данемъ и къ инымъ тяготамъ, на всяку кралеву заповѣдь, за всякую кралества потребу». Это, какъ видитъ читатель, не очень завидная участь. Но Крижаничъ утверждаетъ, что таково положеніе низшаго класса во всѣхъ европейскихъ странахъ. Заговоривъ объ этомъ положеніи, онъ дѣлаетъ чрезвычайно важное для исторіи теоріи замѣчаніе, идущее

[1]) Тамъ же, I, стр. 10—11.

вразрѣзъ съ его, уже знакомымъ читателю, правиломъ: гдѣ бы суть черняки многи и богаты, тамо и краль и властели да боляры есуть богаты и сильны». Теперь мы узнаемъ отъ него, что, хотя зажиточные люди живутъ лучше и обильнѣе въ богатыхъ странахъ, но положеніе земледѣльцевъ и бѣдныхъ горожанъ, занимающихся ремеслами («кои ся ручнымъ дѣломъ животятъ»), много лучше въ бѣдномъ Московскомъ государствѣ. Крижаничъ объясняетъ это тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, каменистая почва гораздо хуже вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, а также тѣмъ, что въ богатыхъ странахъ значительная часть населенія не сѣетъ для себя хлѣба, вслѣдствіе чего «круто нужно (очень бѣдно) живетъ». За границей, по его словамъ, есть мѣстности, гдѣ люди питаются хлѣбомъ, болѣе похожимъ на землю, чѣмъ на настоящій хлѣбъ. На Руси же самые бѣдные жители ѣдятъ хорошій хлѣбъ, рыбу и мясо и пьютъ если не пиво, то, по крайней мѣрѣ, квасъ. Этотъ благопріятный для Московской Руси отзывъ могъ быть подсказанъ желаніемъ порадовать ея правителей, для которыхъ, собственно, и предназначалось сочиненіе Крижанича. И нельзя не признать, что «сербенинъ Юрій Иванычъ» въ слишкомъ отрадномъ видѣ изобразилъ экономическое положеніе великорусскаго народа. Но была и правда въ нарисованной имъ картинѣ. Въ такихъ странахъ, гдѣ преобладаетъ натуральное хозяйство, предметы первой необходимости, въ родѣ хлѣба и мяса, гораздо доступнѣе для населенія, нежели въ странахъ, отличающихся значительнымъ развитіемъ товарнаго обмѣна [1]). Мы знаемъ теперь, что раздѣленіе общественнаго труда въ западной Европѣ сопровождалось обѣднѣніемъ трудящейся массы. Такимъ образомъ была, повторяю, неоспоримая истина въ указанномъ противопоставленіи Московской Руси Западу. Крижаничъ былъ первымъ, по времени, писателемъ, сдѣлавшимъ такое противопоставленіе въ книгѣ, предназначавшейся хотя бы и для неболь-

---

[1]) Авраамій Палицынъ сообщаетъ, что въ Смутное время «обрѣтеся безчислено расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы не истощены, и поля скирдъ стояху, гумны же пренаполнены одоней и копонъ и зародовъ до четырехнадесять лѣтъ отъ смятенія во всей Русской землѣ, и питахуся вси отполъ старыми труды; а ранѣе бо и сѣятва и жатва мятяшеся, мечю бо на выи у всѣхъ всегда надлежащу». (Русская Истор. Библ., т. XIII, стр. 481). Само собою разумѣется, что въ передовыхъ странахъ Запада дѣло обстояло уже совсѣмъ не такъ. Правда, и въ Московскомъ государствѣ товарный обмѣнъ сдѣлалъ въ теченіе XVII в. довольно значительные успѣхи. Но все относительно. По сравненію съ Западомъ Московская Русь, безспорно, и тогда оставалась страной натуральнаго хозяйства.

шого числа русскихъ людей. Это противопоставленіе создавало достаточное логическое основаніе для постановки вопроса о томъ, не грѣшатъ ли противъ народа тѣ, которые заботятся о развитіи производительныхъ силъ страны? У самого Крижанича такой вопросъ не возникалъ, да и не могъ возникнуть ни по общимъ условіямъ той эпохи, ни по особенностямъ его личнаго настроенія: горячій панславистъ и убѣжденный противникъ деспотизма, Юрій Иванычъ не отличался очень большимъ народолюбіемъ. Но русской интеллигенціи XIX вѣка, сильно дорожившей интересами трудящейся массы, пришлось затратить едва ли не наибольшую часть своихъ умственныхъ силъ на рѣшеніе этого «проклятаго вопроса».

Крижаничъ говоритъ еще, что «въ нѣкоихъ окольныхъ державахъ» боярскіе и военные люди могутъ безнаказанно обижать крестьянъ. Это, повидимому, намекъ на Рѣчь Посполитую. Но какъ ни справедливъ этотъ намекъ самъ по себѣ, невозможно допустить, чтобы Крижаничъ не зналъ, какъ сильно страдали «тежаки» Московскаго государства отъ всевозможныхъ насилій со стороны высшихъ сословій. Стало быть, тутъ онъ опять писалъ ad usum delphini.

Награжденные «слободинами» подданные московскаго царя присягаютъ ему на вѣрность. Крижаничъ предусмотрительно составилъ для нихъ длиннѣйшую формулу присяги. Въ свою очередь, краль клянется соблюдать права своихъ подданныхъ: «да мы и наши наступники будемъ должны (предъ кралевскимъ нашимъ вѣнчаніемъ) присягою себѣ обвязать: еже хочемъ вамъ, нашимъ вѣрнымъ подданникомъ, неподвижно обдержавать сія всія слободины, коя мы вамъ сада даемъ и даруемъ» [1].

Это второе обязательство было совсѣмъ не въ духѣ московской вотчинной монархіи. Когда, въ январѣ 1654 года, Богданъ Хмельницкій, принеся присягу на подданство московскому царю, попросилъ царскаго посла, боярина Бутурлина, присягнуть за государя въ томъ, что не будутъ нарушены вольности малороссійскаго народа, то получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ присягали ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексѣю Михайловичу клянутся служить и прямить и всякаго добра хо-

[1] Курсивъ въ подлинникѣ. «Русское государство въ половинѣ XVII в»., приложеніе къ кн. IV «Русской Бесѣды» за 1859 г., стр. 36.

тѣть; а того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впредь не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ не пристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю».

5.

П. Безсоновъ упрекалъ Крижанича въ томъ, что онъ «въ самой стойкости основныхъ народныхъ началъ готовъ видѣть косность, препятствіе къ развитію, и хотѣлъ бы переломить ихъ упорство, и самыя начала пустить въ ходъ переработки» [1]). Дѣйствительно «хотѣлъ бы»! Читатель видѣлъ, что выработанный Крижаничемъ планъ реформъ направленъ былъ на превращеніе Московскаго государства изъ восточной—въ неограниченную монархію западно-европейскаго (французскаго) склада. Теперь пора отмѣтить, что, отстаивая православіе (vera fides), Крижаничъ имѣлъ въ виду римскій католицизмъ, а не греко-россійское вѣроисповѣданіе, являвшееся въ его глазахъ не болѣе какъ «схизмой». Точно такъ же и представленіе Крижанича о русской народности далеко не покрывается представленіемъ о ней московскихъ, — «офиціальныхъ» и неофиціальныхъ, — славянофиловъ XIX столѣтія. Говоря о народности, эти славянофилы имѣли въ виду собственно великорусское племя съ тѣми особенностями его быта и его общественно-политическихъ воззрѣній, которыя развились и упрочились, преимущественно, въ теченіе московскаго періода русской исторіи. А Крижаничъ сплошь и рядомъ смотрѣлъ на эти особенности, какъ на «несподобія», унижающія русскій народъ и въ корнѣ подрывающія его благосостояніе. Людямъ Московскаго государства онъ охотно указывалъ, какъ на примѣры, достойные подражанія, на малороссовъ и на бѣлоруссовъ. Это показываетъ, что его взглядъ на русскую народность былъ значительно шире взгляда нашихъ позднѣйшихъ славянофиловъ и нашихъ нынѣшнихъ украйнофиловъ.

Позднѣйшіе славянофилы могли только рукоплескать Крижаничу, встрѣчая у него такія строки: «nihil potest esse perniciosius alicui genti et regno, quam cum homines fastidiunt aut deserunt suos bonos mores, leges, instituta, et linguam; et assumunt alienos

---

1) Предисловіе къ сочиненію Крижанича, стр. XXVI приложенія къ «Русской Бесѣдѣ», № 1 за указ. годъ.

mores, et linguas; et conantur se transformare in aliam gentem[1])». Должна была нравиться имъ и его склонность къ «гостогонству» («ксенеласіи» тожъ). Но совершенно ясно, что если бы Московская Русь осуществила преобразовательную программу такъ долго занимавшаго насъ хорватскаго панслависта XVII вѣка, то у нея очень мало осталось бы отъ тѣхъ основныхъ «началъ», которыя приводили въ умиленіе московскихъ славянофиловъ XIX столѣтія. Въ своемъ отношеніи къ соціально-политическому строю Московскаго государства («крутому владанію») Крижаничъ былъ западникомъ, между тѣмъ какъ Петръ I, реформу котораго такъ превозносили наши западники и такъ порицали наши славянофилы, самъ являлся чистокровнымъ славянофиломъ въ томъ смыслѣ, какой это слово пріобрѣло у насъ въ XIX вѣкѣ.

Съ Петромъ Крижанича сближаетъ,—кромѣ отмѣченной выше заботы о развитіи производительныхъ силъ,—еще ненависть къ «бездѣльникамъ». До такой степени сближаетъ, что, вопреки своему настойчивому желанію передѣлать политическій строй Московскаго государства на французскій ладъ, Крижаничъ сохранилъ въ своемъ проектѣ тягловой характеръ этого государства. Высшій классъ несетъ, въ его проектѣ реформъ, обязательную государственную службу. Исключеніемъ изъ этого общаго правила является лишь даваемое князьямъ позволеніе выходить въ отставку, прослуживъ всего нѣсколько лѣтъ. Этимъ отчасти предвосхищается въ проектѣ Крижанича та «слободина», которой постепенно добилось для себя все русское дворянство въ слѣдующемъ вѣкѣ.

«Сочиненіе Котошихина,—говоритъ Ключевскій,—не было никѣмъ прочитано въ Россіи до четвертаго десятилѣтія минувшаго (т.-е. XIX.—*Г. П.*) вѣка, когда его нашелъ въ библіотекѣ Упсальскаго университета одинъ русскій профессоръ. Книга Крижанича была «на верху», во дворцѣ, у царей Алексѣя и Ѳедора; списки ея находились у вліятельныхъ приверженцевъ царевны Софьи, Медвѣдева и кн. В. Голицына; кажется, при царѣ Ѳедорѣ ее собирались даже напечатать» [2]). Однако, только—собирались; книга осталась ненапечатанной. Подобными фактами опредѣляются размѣры вліянія, какое могли имѣть въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ люди, несомнѣнно, представляющіе собою родо-

---

[1]) «Ничего не можетъ быть гибельнѣе для извѣстнаго народа и государства, какъ если люди оставляютъ въ пренебреженіи или совсѣмъ покидаютъ добрые нравы, законы, учрежденія, языкъ своей родины и воспринимаютъ нравы чуждые, рѣчь чуждую, стараясь преобразить себя въ народъ чуждый». (Переводъ П. Безсонова).

[2]) Курсъ III, стр. 328—329.

начальниковъ русской «интеллигенціи». Размѣры эти были до послѣдней степени узки [1]). О непосредственномъ воздѣйствіи на общественную жизнь родоначальникамъ русской «интеллигенціи» нельзя было и думать: у нихъ не было аудиторіи, составляющей необходимое условіе воздѣйствія этого рода; оставалось заботиться о посредственномъ,—т.-е., косвенномъ,—воздѣйствіи. Наиболѣе производительнымъ его видомъ должно было представляться воздѣйствіе черезъ посредство верховной власти. Неограниченный монархъ легко можетъ, если захочетъ, перестроить жизнь своего народа согласно указаніямъ разума. Такъ разсуждали люди, не имѣвшіе понятія о дѣйствительныхъ причинахъ общественнаго развитія. Поэтому для нихъ вопросъ долженъ былъ сводиться лишь къ тому, захочетъ ли данный неограниченный монархъ выступить въ роли преобразователя. Первымъ московскимъ западникамъ это представлялось до такой степени невѣроятнымъ, что они, испытывая непреодолимую «тошноту» у себя дома, бѣжали или только собирались бѣжать за границу, а не то—искали спасенія отъ безобразной дѣйствительности за монастырскими стѣнами. Но Крижаничъ вѣрилъ въ возможность коренной реформы сверху, и потому смѣло обращался къ московскому государю. «О Царю,—восклицалъ онъ,—ты въ рукахъ держишь Чудотворный Моисеевъ Прутъ (жезлъ): и можешь нимъ творить дивна во владанію чудеса». Съ помощью Моисеева прута московскій государь можетъ «лехко поправить всякую сказу и поблудокъ (порчу и ошибку), аще бы ся въ немъ нашло кое нерядіе въ народныхъ справахъ (дѣлахъ)».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что надежда на «Моисеевъ Прутъ» временами исчезала въ русской интеллигенціи, а временами воскресала съ новой силой. Мы не безъ удивленія встрѣтимся съ ней въ нѣкоторыхъ заграничныхъ произведеніяхъ А. И. Герцена и въ нѣкоторыхъ легальныхъ статьяхъ Н. К. Михайловскаго.

Выше было сказано, что Крижаничъ прожилъ довольно долгое время въ сибирской ссылкѣ. Читатель, любящій историческія сближенія, отмѣтитъ, пожалуй, что съ этой стороны судьба «сербенина Юрія Иваныча», питавшаго такую твердую вѣру въ «Мои-

---

[1]) Въ 1648 г. сборникъ „Книга о вѣрѣ“, составленный игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Наѳанаиломъ и изданный въ Москвѣ „тщательствомъ“ царскаго духовника Стефана Вонифатьева, разошелся въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ въ 800 экземплярахъ (В. А. Келтуяла, назв. соч., ч. I, кн. 2-я, стр. 844). Значитъ, Москва не отказывалась читать то, что было ей по плечу.

сеевъ Прутъ», преобразуютъ собою судьбу большого числа русскихъ «интеллигентовъ».

Но это мимоходомъ. Я предпочитаю сдѣлать сближеніе другого рода.

Бѣлинскій писалъ въ статьѣ «Мысли и замѣтки о русской литературѣ», что литература эта «положила начало внутреннему сближенію сословій, образовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго средняго сословія отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ» [1]).

«Особенный классъ въ обществѣ», созданный, по словамъ Бѣлинскаго, литературой, и есть та русская интеллигенція, родоначальниками которой выступаютъ передъ нами въ XVII в. люди, въ родѣ И. А. Хворостинина, В. А. Ордина-Нащокина, Г. К. Котошихина и даже Юрія Крижанича, хотя этотъ послѣдній и не былъ природнымъ россіяниномъ. На самомъ дѣлѣ, цѣлаго общественнаго класса интеллигенція у насъ никогда не составляла, да и нигдѣ не можетъ составлять. Это былъ лишь тонкій общественный слой; но этотъ тонкій слой сыгралъ важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Бѣлинскій былъ правъ, говоря, что къ этому слою принадлежали люди всѣхъ сословій, сближавшіеся между собою черезъ образованіе. Но вѣрная мысль изложена имъ въ неправильной перспективѣ: по его словамъ, «классъ», созданный въ Россіи литературой, состоитъ не только изъ купечества и мѣщанства, но—и т. д. Выходитъ, какъ будто купечество и мѣщанство составляютъ ядро этого «класса». Однако, въ XVII вѣкѣ мы совсѣмъ не видимъ между родоначальниками русской интеллигенціи людей купеческаго и мѣщанскаго происхожденія. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій купечество и мѣщанство давали своихъ представителей въ ряды интеллигенціи, но вплоть до 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда выступили разночинцы, они оставались тамъ въ меньшинствѣ [2]). Этимъ русская интеллигенція отличалась, напр., отъ французской, гдѣ издавна преобладали люди того сословія, которое у Бѣлинскаго названо среднимъ, а во Франціи носило названіе третьяго (tier état). И это понятно. Мы уже знаемъ, что во Франціи

---

[1]) Сочиненія, ч. XII. Москва, 1882. Стр. 243.

[2]) Представители собственно купечества и до сихъ поръ, какъ извѣстно, весьма немногочисленны.

монархическая власть, въ своей борьбѣ съ феодалами, опиралась, преимущественно, на третье сословіе. Этимъ относительнымъ различіемъ двухъ историческихъ процессовъ объясняется и только что указанное мною различіе въ составѣ интеллигенціи Россіи, съ одной стороны, и Франціи—съ другой. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ относительное своеобразіе соціальнаго состава русскій интеллигенціи, обусловленное относительнымъ своеобразіемъ русскаго историческаго процесса, отразилась на дальнѣйшемъ ходѣ развитія русской общественной мысли.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ОБЩЕСТВО
„Друзей Книги"
при Месткоме
Ком. Академии.